

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ

БРЕСТЧИНА СКВОЗЬ ВЕКА К СОВРЕМЕННОСТИ

Коллективная монография
Ч. 1.

БРЕСТ 2023

УДК 908(476.7)
ББК 26.89(4Бей-4Бре)
Б87

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории белорусской литературы
А. И. Бельский

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских учений БНТУ
В.П. Старжинский

Под редакцией

заведующей научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, доктора педагогических наук, профессора кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»

М. П. Жигаловой

Б87 **Брестчина сквозь века к современности** : коллективная монография. Ч.1 / под ред. М. П. Жигаловой. – Брест : БрГТУ, 2023. – 228 с.

ISBN 978-985-493-586-7.

Авторы данной коллективной монографии, многоаспектно исследовав жизнь пограничья, и Брестчины в частности, рассмотрели актуальные вопросы истории и философии взаимоотношений, некоторые вопросы краеведения, микроистории и истории повседневности в приграничных регионах, показали Брестчину как пространство для диалога и взаимодействия различных языков, литератур и культур, отметив при этом социокультурные, эстетические, психологические и педагогические особенности, влияющие на формирование личности, способной к консолидации поликультурного социума.

Статьи публикуются в авторской редакции и адресуются специалистам-литературоведам, педагогам, психологам, а также аспирантам, магистрантам, студентам и учащимся.

УДК 908(476.7)
ББК 26.89(4Бей-4Бре)

ISBN 978-985-493-586-7

© Издательство БрГТУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Жигалова М.П. Когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся	5
ГЛ. 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ, ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОСЕДНИХ НАРОДОВ	7
1. Бензярук Р. М. Аб чым пяюць сонечныя званы? Аб жыцці Уладзіміра Кітаеўскага – першага, па сутнасці, паэта нашага краю (Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	7
2. Буднік, В.А., Буцанец, А. В. Памяць як культурна-гістарычны феномен у працах замежных даследчыкаў XX стагоддзя (г.Брэст, Беларусь)	11
3. Буднік О. А., Чжан Пэйюань. Китайско-советские образовательные обмены с 1967 г. до распада Советского Союза (г. Брест, Республика Беларусь; г. Красноярск, Россия)	18
4. Вабішчэвіч А. М. Фонды дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці як крыніцы аб дзейнасці органаў сельскага самакіравання брэсцкага павета ў 1919–1939 гг. (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	23
5. Гарипова Г. Т. Транскультурацыя художественного пограничья в современной литературе: феномен явлений двойных фактов (г. Москва, Владимир, Российская Федерация)	32
6. Горуца Т. А. Особенности социальной основы экономической безопасности Брестского региона: междисциплинарный подход (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	42
7. Демидович Т. А. Развитие литературного процесса на Брестчине в начале XXI века (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	47
8. Жигалова М.П. Региональная литература как особое средство связи поколений в пространстве и времени (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)	54
9. Заіка З. М., Ветрава Л.У. Ствараць шчасце: старонкі жыцця і творчасці скульптара Аляксандра Іванавіча Лышчыка (Брэст, Рэспубліка Беларусь)	64
10. Здановіч У. В. Дакументальнае асвятленне гісторыі Брэстчыны перыяду Вялікай айчыннай вайны ў 1990-я–2000-я гг. (г.Брэст, Беларусь).....	67
11. Ковалёва Н. Н. Политические и административные инструменты регулирования межкультурных коммуникаций на Брестчине: историческая ретроспектива (г.Брэст, Беларусь).....	75
12. Лаўрэнка Л. В. Прамысловасць Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг (в. Скокі, Рэспубліка Беларусь).....	81
13. Леванюк А. Я. Філасофія жыцця і яе адлюстраванне ў афарыстычнай творчасці пісьменнікаў Брэстчыны (г.Брэст, Беларусь).....	90
14. Левчук З.С. Сохранение исторической памяти как условие гражданско-патриотического воспитания молодежи (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	99
15. Морозов Д.А., Шипилова М. Ю. Жизнь человека и её отражение в творчестве Виктора Крупника (на примере стихотворения «Летят года») (Москва, Российская Федерация)	108

16. Парчук Н. М. Пакораны прыгажосцю Палесся: пісьменнік-берасцеец Вен'ямін Бычкоўскі (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	112
17. Синельникова Л. Н. Фронтірная среда как территории пограничья (г. Луганск, Российская Федерация).....	117
18. Чижевский Ф. Rodzina jako najwyższa wartość aksjologiczna w życiu XIX-wiecznego ziemiaństwa pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego (na przykładzie Silva rerum Kajetana Kraszewskiego (Люблин, Польша)	126

**ГЛ. 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ,
РЕЛИГИОЗНЫЕ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ
И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАРОДОВ
НА ПОГРАНИЧЬЕ 129**

1. Акушэвіч А. А. Прэзентацыя творчасці Францыска скарыны вучням праз тэксты Алеся Разанава (г. Минск, Республика Беларусь)	129
2. Борсук Н. М. Сучасная берасцейская паэзія як самабытная з’ява літаратурнага працэсу(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	136
3. Захарчук А. М. Формирование профессиональной культуры педагога-музыканта в учреждении среднего специального образования (на примере учреждения образования «Брестский государственный музыкальный колледж имени Григория Ширмы» (г.Брэст, Беларусь)	143
4. Игнатюк Т. Н. Тематические группы личных номинаций и их оценочный потенциал (на примере сборника российских пословиц и поговорок И.И.Иллюстрова) (Брэст, Рэспубліка Беларусь)	151
5. Малыхина Л. Ю. Житие преподобномученика Макария Каневского (Каменецкого) как феномен агеографических и краеведческих исследований культуры пограничья (г.Брэст, Беларусь).....	158
6. Медведская Е. И. Деформация мышления взрослых активных интернет-пользователей: проявления и типы (г.Брэст, Беларусь)	168
7. Наумчик В. Н. Русский язык как память народа (г. Минск, Республика Беларусь).....	177
8. Рачевский Ст. Г. Истоки духовности и нравственности в образовании Брестчины (Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	180
9. Самуйлік Я. Р. Роля мовазнаўчых прац Лаўрэнція Зізання ў развіцці і станаўленні адукацыі на ўсходнеславянскіх землях (Брэст, Рэспубліка Беларусь).....	188
10. Статкевич Е. В. Технология педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся (г. Пинск, Республика Беларусь)	195
11. Чагайда Ю. Н. Особенности динамики развития образа персонажа художественного произведения (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)	204
12. Шафаростава Я.И. Бяльчук Л.М. Значэнне і магчымасці стрыт-арт-тэхналогіі ў эстэтызацыі вуліц Брэста	208
13. Швед И. А. «Кажды по собі? – не!»: О родственных связях, доме, пространственном мире в современных семейных рассказах жительниц Брестчины (г.Брэст, Беларусь)	212

Жигалова Мария Петровна (M. P. Zhigalova)¹, доктор педагогических наук, действительный член АПСН Российской Федерации, Заслуженный учитель Беларуси, зав. научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья, профессор кафедры БиРЯ Брестского государственного технического университета (Брест, Беларусь); zhigalova@mail.ru

КОГДА НАРОДЫ, РАСПРИ ПОЗАБЫВ, В ЕДИНУЮ СЕМЬЮ СОЕДИНЯТСЯ

Давно известно, что люди, населяющие нашу планету, образуют множество разнообразных общностей и знать их историю жизни, характеры, быт, культуру – значит, учиться грамотно и перспективно выстраивать доброжелательные взаимоотношения, тем самым строить мирное будущее планеты.

Особое место в этом процессе, как по значимости в культуре, так и по устойчивости в истории, занимают общности, именуемые в повседневном русском языке народами, а в научной литературе – этносами, судьбы которых всегда складываются по-разному. Тематика нашей коллективной монографии тоже подтверждает это.

Нужно признать, что сегодня современный мир переживает период этнического взрыва, эпоху своеобразного – этнического – хаоса и возрождения одновременно. Его конкретными проявлениями выступают, с одной стороны, активная миграция и смешение этносов, а, с другой стороны, рост значимости этнической идентичности; повышение интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории, которая в разные исторические периоды всегда проявляла себя по-разному.

В ситуации же сегодняшних серьезных социальных трансформаций, которую мы переживаем в настоящее время, имеет место всплеск этничности на разных уровнях, который является сейчас, пожалуй, не менее очевидным, чем нарастание глобализационных процессов.

¹ORCID ID: [0000-0002-9406-8369](https://orcid.org/0000-0002-9406-8369) * Corresponding author

Мы видим, что там, где сфера общения этносов ограничена, местные традиции и ценности неизбежно укрепляются. А там, где идёт интенсивное общение с другими этносами, если оно не носит конфликтного характера, то снимает эту ограниченность, позволяет лучше понять, как свою собственную, так и чужую культуру. Культурные же контакты, не отменяя необходимости определенной этнической самоидентификации, облегчают преодоление чувства этнической исключительности и способствуют сближению народов.

Так сама жизнь опровергла господствовавшее с начала XX столетия в мировом общественном мнении убеждение, что вследствие процессов модернизации, индустриализации, демократизации, развития гражданского общества фактор этничности будет постепенно терять свое значение в жизни людей. Однако историческая практика показала, что этничность, а также связанные с ней различные формы этноцентризма и даже национализма не только не утратили, но и значительно усилили свою роль в современной социальной, политической и культурной жизни.

Авторы статей (Беларусь, Иран, Луганская Народная Республика, Россия, Румыния, Татарстан) двух частей данной коллективной монографии, многоаспектно исследовав жизнь и творчество писателей и современного социума, показали, как этносы, нации, люди и судьбы представлены в истории и философии взаимоотношений в приграничных регионах; представили их как пространство для диалога и взаимодействия различных языков, литератур и культур, отметив при этом социокультурные, эстетические, психологические и педагогические особенности, влияющие на формирование личности, способной к консолидации поликультурного социума.

Несмотря на то, что существует много критериев, отличающих одни этносы или этнические группы от других (совместное проживание на одной или нескольких территориях разных этносов; типы этнической общности, черты характера и психологии общения; общие особенности быта и культуры; общая историческая судьба, языковое родство и др.), всё же авторы монографии – представители разных государств и этносов – постарались увидеть в творчестве художников слова и характерах героев этнические и общечеловеческие качества, раскрыть их значимость в современном социуме.

Авторам статей удалось показать и те вечные морально-нравственные ценности, которые объединяют, а не разъединяют представителей разных национальностей, потому что все люди всегда были и будут близки в одном – желании быть счастливыми.

ГЛ.1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ, ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОСЕДНИХ НАРОДОВ

1. Бензярук Р. М. , пісьменнік
Брэсцкага абласнога аддзялення
Саюза пісьменнікаў Беларусі
(Брэст, Рэспубліка Беларусь)

АБ ЧЫМ ПЯЮЦЬ СОНЕЧНЫЯ ЗВАНЫ? ² АБ ЖЫЦЦІ УЛАДЗІМІРА КІТАЕЎСКАГА – ПЕРШАГА, ПА СУТНАСЦІ, ПАЭТА НАШАГА КРАЮ

Анатацыя. У артыкуле аўтар вядзе размову пра жабінкоўскага паэта Уладзіміра Кітаеўскага. Па яго творах, якія дайшлі да нас, можна вывучаць жыццё ў гэтым краі ў 20-30-я гады мінулага стагоддзя.

Ключавыя словы: Уладзімір Кітаеўскі, Тэўлі, Жабінка, паэт, радзіма.

R. Benzeruk, writer of the Brest
regional branch of the Union
of Writers of Belarus
(Brest, Republic of Belarus)

WHAT ARE THE SOLAR BELLS SINGING ABOUT? ABOUT THE LIFE OF VLADIMIR KITAEVSKY-THE FIRST, IN FACT, POET OF OUR REGION

Annotation. In the article, the author talks about the Zhabinkovsky poet Vladimir Kitaevsky. According to his works that have come down to us, you can study life in this region in the 20-30s of the last century.

Key words: Vladimir Kitaevsky, Tegli, Zhabinka, poet, Motherland.

² Пераможца конкурсу "Берасцейскія пісьменнікі - летапісцы роднага краю", 2023. У якасці заснавальнікаў краязнаўчага конкурсу "Берасцейскія пісьменнікі – летапісцы роднага краю" выступілі Брэсцкае абласное аддзяленне Саюза пісьменнікаў Беларусі і УК "Брэсцкі абласны краязнаўчы музей". Урачыстае падвядзенне вынікаў краязнаўчага конкурсу і ўганараванне яго пераможцаў адбылося 18 красавіка 2023 года ў Міжнародны дзень помнікаў і гістарычных мясцін у "Музеі выратаваных каштоўнасцяў".

Кожны раз, вяртаючыся з Мінска, я для сябе як бы адзначаў пункт падзелу. Вось электрычка пакінула станцыю Тэўлі, на хвілінку спынілася ў Стаўпах, каб я мог сказаць: “Жабінкаўская зямля. Значыць, дома!”

Я ведаў, што гэтыя мясціны звязаны з імем Уладзіміра Кітаеўскага –першага, па сутнасці, паэта нашага краю.

3 (15) чэрвеня 1896 года на хутары каля вёскі Стаўпы ў сям’і унтэр-афіцэра царскай арміі Ігната Кітаеўскага нарадзіўся хлопчык, якога ў Вежкаўскай царкве нараклі Уладзімірам [6, с. 213]. Пазней у гэтым жа храме ён возьме шлюб з Юліяй Мендзяльчук. Яму будзе наканавана ўславіць родную зямлю, свае Стаўпы.

Быць першым заўсёды не проста і нялёгка. У той час, як Кітаеўскі пачынаў пісаць, на Жабінкаўшчыне беларускае слова яшчэ рэдка гучала, і малады паэт браў мову суседзяў – украінскую ці рускую, нават спрабаваў складаць па-польску. Найбольшых поспехаў ён дабіўся ў вершах, напісаных украінскай моваю. Пры жыцці іх друкаваў львоўскі часопіс “Вікна”, так што пэўны час яго нават лічылі ўкраінскім паэтам [4, с. 18–19]. Былі і рускамоўныя творы, якіх у Кітаеўскага набярэцца нямала!

Пачалася Першая сусветная вайна. Жыхароў Стаўпоў і навакольных паселішчаў сагналі з населеных месцаў, і яны паехалі ў глыб Расіі. Уладзімір, прызваны ў войска, ваяваў у 17-м Фінляндскім палку і даслужыўся да афіцэрскага чыну. [3, с. 118]. Пасля разгарэлася грамадзянская вайна. Двойчы быў паранены. Такім чынам, у гадзіну ваеннага ліхалецця Уладзімір Ігнатавіч здабываў долю працоўнаму народу, з якім быў паяднаны.

Калі ж бежанцам дазволілі вярнуцца дадому, маці з Уладзімірам (бацькі ўжо ў жывых не было) паехалі на радзіму. У той час заходнебеларускія землі па Рыжскім дагаворы адышлі да Польшчы. Дома чакалі поўнае запусценне, аб чым ён пісаў у вершы “Бацькаўшчына”, плуг і кася [5, с. 205].

Пра долю паэта (а значыць, і сваю) Уладзімір Кітаеўскі раскажа ў вершы. Ходзячы за плугам, ён мог запыніць каня ў баразне, на кавалачку паперы алоўкам запісаць радкі, што нарадзіліся ў галаве, і далей араць. Аднойчы, як сказана ў вершы “Доля паэта”:

Коли сонце зайшло, повертав я домів.
Було темно, сабаки брехали.
Поліцаі прийшли, мої вірші знайшли
І мене теж з собою забрали. [4, с. 81].

Падобны лёс чакаў і іншых творчых людзей. Хаця журналіст (верш “Ой ты, дружа”) прынёс дакладныя весткі аб жыцці народа, яго нядолі, але тут жа атрымаў вымову ад рэдактара:

– Хочеш нам газету з’істи!
Не потрібні такі вісті.
Знай, іще отак нашрайбіш –
Більше місця в нас не знайдеш [4, с. 103].

Пазней дачка Галіна ўспамінала, што “бацька пісаў без перапынку, быццам вершы самі прыходзілі да яго аднекуль. Я не бачыла амаль ніякіх правак у яго сшытках...” [4, с. 17].

Не, навуку, як кажуць, не носяць за плячыма – яна сама чалавеку памагае. Адукаваны для свайго часу, Уладзімір Ігнатавіч (да рэвалюцыі вучыўся ў Брэст-Літоўску ў мужчынскай гімназіі) згадзіўся і польскай уладзе: быў войтам у гміне ў Тэўлях, дзе з 1938 года жыла сям’я, і савецкай: яго абралі старшынёй Тэвельскага сельсавета .

Пісалі многія, а яго творы засталіся, не загінулі ў полымі гістарычных падзей таму, што любоўна, з ашчаднасцю ў родзе Кітаеўскіх адносіліся да памяці аб продках, перадавалі вершы з пакалення ў пакаленне. Яшчэ бацька, калі Уладзімір толькі-толькі пачынаў пісаць, гаварыў, што сын “мае дар славеснасці па загадзе Божым, а не па адукацыі”.

Пазней зборам і захаваннем рукапісаў займалася жонка Юлія, якой муж-паэт прысвяціў больш за дзясятка твораў. У гэтых вершах Кітаеўскі выступае, як казачны рыцар, які гатовы пастаяць за сваю каханую. Блізкія расказвалі, што Уладзіміру Ігнатавічу выпала перажыць нямала, перш чым Юлія стала яго жонкай. У “Акrostіхах”, шмат якіх захавалася ў альбомах, часта першыя літары складалі тры словы: “Для Юлі. Володя”.

У час вайны Юлія, як бы прадчуваючы бяду, сабрала напісанае мужам у металічнае ядро і закапала ў зямлю. Дом, і праўда, у сорак чацвёртым згарэў, а вершы засталіся. Пазней, калі сям’ю Кітаеўскіх шукалі вучоныя з Кіева, дачка Галіна, сабраўшы бацькаву спадчыну, завезла вершы ў Цэнтральны дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва Украіны. Калі ж Галіны Уладзіміраўны не стала, абавязкі па захаванні дзедавай спадчыны ўзяла на сябе яе дачка Аліна Мідушэўская.

Помніцца, як у 2010 годзе яна адшукала мяне ў Жабінцы і мы доўга гаварылі аб выданні кнігі дзедавых вершаў – рускіх і ўкраінскіх. Тады ж у “Сельскай праўдзе” з’явіўся мой нарыс “Напісанае застаецца” [1], а ў “Народнай трыбуне” – “Нечаканая госця”, дзе героямі сталі паэт Уладзімір Кітаеўскі і любячая ўнучка Аліна. У 2015 годзе ў выдавецтве “ААТ “Брэсцкая друкарня” выйшла кніга “Стаўпы”.

Хаця ў зборніку не знойдзеце верша з такой назваю, Кітаеўскі, аднак, часта напрыканцы ставіў дату, а побач дадаваў: хутар Стаўпы. У прадмове чытаем: “Паэт з натхненнем і любоўю піша “вобразы мілыя роднага краю”, вершы пра каханне, працу чалавека, яго пачуцці, адданасць радзіме. У творах адчуваецца шчырае спачуванне людзям працы”.

Чаму сённяшняму чытачу варта ведаць спадчыну земляка? Ён быў адным з першых паэтаў, каго нарадзіла жабінкаўская зямля і сваё нядоўгае жыццё пражыў на ёй. Кітаеўскі пісаў пра клопаты мясцовага люду, услаўляў прыгажосць роднага краю ў любую пару года, хаця найбольш паэтычных радкоў прысвяціў вясне.

Мне асабліва спадабаўся верш “Сонечныя званы”, першы з твораў Кітаеўскага перакладзены на беларускую мову. Паэт пастаянна жыў у вёсцы і не раз назіраў прыход вясны. Зімы тады былі доўгімі і марознымі. Намятала гурбы снегу вышэй агароджы. Нарэшце сонца пачынала хадзіць вышэй і кідаць уніз цёплыя промні. З сялянскіх стрэх са званам падалі ў зляжалы снег капяжы.

“Мілы канцэрт” вясенніх кропель нарадзіў у душы паэта вобраз сонечных званаў, якія абвясчалі прыход вясны-чараўніцы, а з ёю ўсялялі надзею на лепшае жыццё народа:

Пад гімн вясновы і лагодны
Лёгка на сэрцы,
І слухаў бы голас чароўны
Мілых канцэртаў.
Навокал пустыя вязніцы,
Зніклі праклёны...
Нас будзіць вясна-чараўніца
Сонечным звонам. [2, с. 129–130].

Дадамо, “Сонечныя званы” былі напісаны ў той час, як Кітаеўскі ствараў вершы “Кухарка”, “Чорныя рукі”, “Паглядзім на сябе”, “Селянін” і іншыя пра гаротную долю людзей “усходніх крэсаў” Польшчы. Як у жыцці, так і ў творах Уладзімір Кітаеўскі смела ішоў у абарону простага люду.

У вершы “Працуй, Іване” расказваецца пра беззямельнага мужыка, які наняўся араць панскую зямлю. Нягледзячы на тое, што Іван стаміўся, пан не дазваляе адпачываць і падбадзёрвае аратага, гаворачы: Бог, маўляў, працаваў шэсць дзён без перапынку.

За падаткі так абабралі селяніна, што ўжо ў маі ён з непрыкрытым сарказмам лічыць, нібыта жыве ў раі, бо нічога не возьмеш у яго з двара (верш “З Новым годам”). Бласлаўляючы чорныя рукі і дарагія працоўныя мазалі, аўтар бачыць, колькі яны робяць на зямлі добра, і верыць:

Руки мозолисті та грубі
Кігтям грабіжним вчиняць суд!
Підіймутъ сміло та врочисто,
Прапор свободы вознесутъ! [4, с. 107].

Паэт марыў пра яднанне з братамі ўсходнімі, калі не будзе патрэбы змагацца за роднае слова, прыйдзе нарэшце шчасце. І апошні ўкраінскі верш “З біжучоі хвилі” (“З бягучай хвіліны”), як мне здаецца, створаны быў пасля ўжо далучэння заходнебеларускіх зямель да Беларусі: настрой больш радасны, пачала збывацца яго штодзённая мара абудзіць родны край праз адукацыю людзей:

Бо тількі в освіті для нас перемога,
В цій нашій завзятой життєвій борні.
В науці і праці до щастя дорога,
До скарбів великих, культуры Землі. [4, с. 120].

Пасля работы ў Тэвельскім сельсавеце Уладзімір Ігнатавіч прайшоў месячныя настаўніцкія курсы і ў Свішчоўскай школе Жабінкаўскага раёна вучыў дзетак грамаце [7, с. 206]. Памёр 31 снежня 1940 года і пахаваны ў Тэўлях [4, с. 16].

Па творах Уладзіміра Кітаеўскага, якія дайшлі да нас, можна вывучаць жыццё ў нашым краі ў 20-30-я гады мінулага стагоддзя: ён быў як бы першаадкрывальнікам гэтай зямлі. За ім прыйшлі новыя пакаленні, якім наканавана было ажывіць літаратурнае жыццё на Жабінкаўшчыне, і яны аказаліся дастойнымі прадаўжальнікамі.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Бензярук, Р. Напісанае застаецца : Нарыс / Р. Бензярук. – Сельская праўда. – 2010. – № 27. – 7 крас.
2. Бензярук, Р. М. Вішнёвая квецень : кніга паэзіі / Расціслаў Бензярук. – Брэст : Альтэрнатыва, 2019. – С. 129–130.
3. Бензярук, Р. М. Сорак дарог / Расціслаў і Анатоль Бензерукі. – Брэст : Альтэрнатыва, 2007. – 152 с.
4. Кітаеўкі, У. І. Стаўпы : зборнік вершаў / Уладзімір Кітаеўскі. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2015. – 136 с.
5. Літаратурная карта Берасцейшчыны / укл. А. Крэйдзіч. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2008. – С. 204–205.
6. Ляшук, В. Я. Літаратурная Берасцейшчына : краязнаўчыя нарысы, партрэты, артыкулы / В. Я. Ляшук, Г. М. Снітко. – Мінск : Літаратура і Искусство, 2008. – С. 213–214.
7. Снітко, Г. М. Вяртанне праз гады // Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Жабінк. р-на / Рэд.-укл. Р. Я. Смірнова. – Мннск Ураджай, 1999. – С. 205–206.

2. Буднік, В.А., к.філ.н., дацэнт
кафедры БіРМ УО “БрДЗТУ”;
Буцанец, А. В., студэнт ЭФ, гр. Л-20,
УО “БрДЗТУ”
(г.Брэст, Беларусь)

УДК 930.85 (092)

ПАМЯЦЬ ЯК КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНЫ ФЕНОМЕН У ПРАЦАХ ЗАМЕЖНЫХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ XX СТАГОДДЗЯ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца працы замежных даследчыкаў XX стагоддзя праз прызму іх успрымання паняцця памяць. Высветляецца паняцце гістарычнай памяці ў навуковай дзейнасці Ю. Лотмана, аналізуюцца думкі сацыёлага

М.Хальбвакса, у прыватнасці калектыўнай памяці сям’і, назіранні П. Хатана, філасофска-сусветаглядная сутнасць часу ў працы “Час чалавечага быцця” расійскага даследчыка М.Трубнікава.

Ключавыя словы: памяць, гістарычны феномен, навуковая дзейнасць, калектыўная памяць.

Budnik, V. A., Ph.D., Associate Professor
of the Department of Burm
UO "BrDZTU" (Brest, Belarus);
Butsentsets, A.V., student of Ef, gr. L-20,
UO "BrDZTU" (Brest, Belarus)

MEMORY AS A CULTURAL-HISTORICAL PHENOMENON IN THE WORKS OF FOREIGN RESEARCHERS OF THE 20TH CENTURY

Abstract: The article examines the works of foreign researchers of the 20th century through the prism of their perception of the concept of memory. The concept of historical memory in the scientific activity of Y. Lotman is clarified, the thoughts of the sociologist M. Halbwaks, in particular the collective memory of the family, the observations of P. Hutana, the philosophical and worldview essence of time in the work «The Time of Human Being» by the russian researcher N. Trubnikov are analyzed.

Key words: memory, historical phenomenon, scientific activity, collective memory.

Мінулы 2022 год быў аб’яўлены ў нашай дзяржаве годам гістарычнай памяці. Зроблена гэта было з мэтай падтрымаць сувязь часоў і пакаленняў, непарыўнасць лёсу незалежнай Беларусі з гераічнымі старонкамі гісторыі беларускага народа. Адбывалася шмат мерапрыемстваў, напрыклад святкаванне 17 верасня Дня народнага Адзінства, класічнае святкаванне Дня працы 1 траўня, Дня перамогі 9 траўня. Таксама праводзілася шмат мерапрыемстваў па захаванні гістарычнай праўды і памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа, ушанаванні памяці ахвяр генацыду беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны, захаванне і ўвекавечанне памяці аб выдатных асобах, якія ўнеслі неацэнны ўклад у развіццё Айчыны. Усе намаганні былі накіраваны на тое, каб не забываць тыя падзеі, якія заўсёды павінны заставацца ў нашай памяці, бо, як гаворыў расійскі навуковец Міхаіл Ламаносаў: “Народ, які не ведае сваёй гісторыі, не мае будучыні”. Таксама мінулы год вучыў нас шанаваць нашых продкаў, якія будавалі краіну, якую мы прыемем ў спадчыну ад іх, і якую павінны любіць і ахоўваць. Такім чынам, нягледзячы на тое, што год быў у цэлым цяжкім для нашага света, але таксама ён быў і вельмі прадуктыўным, асабліва ў сферы захавання памяці. Але таксама трэба і глядзець за мяжу нашай краіны, каб даведацца, як успрымаюць і што ўкладаюць у гэтае гучнае слова замежныя даследчыкі.

Культурна-гістарычны феномен памяці трэба пачынаць з выразнага ўсталявання тэрміну памяць. Медыцынскі тэрмін «памяць» вызначае яе як уласцівасць мозгу, у аснове якога ляжаць працэсы, якія забяспечваюць запамінанне, захаванне, прайграванне, пазнаванне і забыванне інфармацыі. Але з філасофскага падходу памяць, асабліва культурна-гістарычная – гэта нешта большае.

Тэрмін гістарычная памяць упершыню з'яўляецца ў працах расійскага філалага і семіётыка Юрыя Лотмана, які піша пра памяць наступнае: “памяць – інструмент мыслення ў сучаснасці, хоць яе зместам з'яўляецца мінулае. І інакш: змест памяці складае мінулае, але без яе немагчыма мысленне “цяпер” і “тут”, гэта – глыбінная аснова актуальнага працэсу свядомасці” [1, с. 348]. Падумаўшы над гэтымі словамі і ў цэлым над зместам працы дадзенага аўтара, можна прыйсці да высновы: памяць можна прадставіць у родзе некаторай прылады, якая здольна ў выніку некаторых імпульсаў уключаць генераванне мажлівай рэальнасці, пераноснай свядомасцю ў мінулае. Узаемаадносінны памяці і культуры будуюцца па прыкладу дыялога, і пры змяненні сучаснасці, мінулае здольна мяняцца пад яго ўплывам. Прыкладам гэтаму можа паслужыць сітуацыя ў Германіі ў канцы 40-х мінулага стагоддзя. Тады, апасля Другой Сусветнай вайны, нямецкі народ не мог зразумець, чаму сусветная супольнасць так жорстка абыходзіцца з іх радзімай, якая па мірнай дамове дзялілася на чатыры акупацыйныя зоны. Гэтая сітуацыя склалася з-за недахопу ведаў і адсутнасці ўспамінаў, аб тым горы, якое пацярпелі славянскія народы і габрэі ад гітлераўскага рэжыму. Але праз час, апасля шматлікіх тлумачэнняў і фарміравання народнай памяці атрымалася стварыць у нямецкім грамадстве памяць аб тых злачынствах, якія рабілі нацысцкія карнікі. Таму зараз нават існуе тэрмін – нямецкая віна, які абазначае пачуццё калектыўнай віны і сораму за ўчыненыя ў перыяд нацысцкай Германіі злачынства.

Таксама Ю. Лотман даследаваў і найбольш старажытныя формы захавання памяці. У гэтым напрамку ён вылучае традыцыі і абрады як адзін з самых эфектыўных спосабаў захавання гістарычнай памяці. Таксама ён адзначае накіраванасць гэтых формаў захавання памяці ў будучыню, бо калі пісьмовая культура арыентавана на мінулае, то вусная культура – на будучыню, урочышчы і свяцілішчы – не толькі месца здзяйснення рытуалаў, якія захоўваюць памяць аб законах і звычаях, але і месцы варожб і прадказанняў.

Асаблівае месца ў навуковай дзейнасці Ю. Лотмана займала даследванне пісьмовай спадчыны. “Пісьменнасць – форма памяці. Падобна да таго, як індывідуальная свядомасць валодае сваімі механізмамі памяці, калектыўная свядомасць, выяўляючы патрэбу фіксаваць нешта агульнае для ўсяго калектыву, стварае механізмы калектыўнай памяці. Да іх трэба аднесці і пісьменнасць” [1, с. 346]. Звыклае нам стаўленне да памяці мае на ўвазе, што запамінанню падлягаюць як правіла выключныя падзеі. Аўтар выдатна дае паняцце, што пісьмовая цывілізацыя акцэнтуюе ўвагу менавіта на кур’ёзах і прэцэдэнтах. Наша культура ўвесь час імкнецца пабольшыць колькасць тэкстаў, растлумачыць прычынна-выніковыя сувязі. Можна сказаць, што гісторыя – адзін з пабочных вынікаў узнікнення пісьменства, бо пісьмовасць – найлепшы сродак захаваць тое, што ніколі нельга забыць.

Бачыцца неабходным таксама разгледзець думкі французска сацыёлага Морыса Хальбвакса. У сваёй працы “Сацыяльныя рамкі памяці” выкладае: “У дзіцяці і дарослага мысленне накіравана ў супрацьлеглыя бакі, з большага тлумачыцца, як мы бачылі, іх фізічнай і пачуццёвай прыродай. Але, акрамя таго, і вонкавыя сацыяльныя умовы, у якіх яны знаходзяцца, занадта розныя, каб дарослы мог па жаданні зноў здабыць дзіцячую душу” [4, с. 132]. Гэты аўтар выразна адрознівае памяць розных сацыяльных груп і ліча, што іх ўспрымальныя

і размеркавальныя здольнасці маюць шмат сур'ёзных адрозненняў. Адным з найважнейшых паняццяў у працы М. Хальбвакса з'яўляюцца сацыяльныя ўмовы. Ён дакладна тлумачыць свой погляд на тое, як у працэсе развіцця чалавечай асобы змяняецца яго погляд на ўспаміны, ад прыметыўных форм дзіцячай памяці на аб'екты і дзіўныя незразумелыя здарэнні, да цяжкай і глыбокай каштоўнасці накіраванай памяці дарослага, якая імкнецца захаваць у асноўным самае галоўнае – памяць аб сваяках, сваім родным краі, працы і адносінах у грамадстве.

Таксама памяць дарослага чалавека М. Хальбвакс характарызуе з таго пункту погляду, што мы падпарадкоўваемся суровасцям мінулага і прабачаем іх, паколькі пры ўспаміне нам здаецца, што яно не падвяргала ім нас у мінулым. Мы больш ахвотна паважаем успамін і трывалей да яго прывязаны, калі знаходзім яго ідэалізаваны вобраз у былых, цяпер зніклых, звычаях і жыццёвых укладах, нягледзячы на тое, што яно гэтак груба трымае людзей у сваёй уладзе, і што ў іх можа ўзнікнуць спакуса адрачыся і адвярнуцца ад яго.

Шмат тэксту М. Хальбвакс надаў тэме калектыўнай памяці сям'і. Сямейныя ўспаміны ён зводзіць да чарады зменлівых карцін, якія адлюстроўваюць перш за ўсё перайначванні пачуццяў і думак людзей, якія ўтвараюць хатнюю групу. Гэтых успамінаў немагчыма пазбегчы, бо памяць у сям'і будзе пачуццё сваяцтва, якое можа зарадзіцца толькі ў сям'і і тлумачыцца толькі ёю. У Грэцыі ці Рыме дзяўчына, уступаючы ў новую сям'ю, павінна была прыняць яе культ і традыцыі. Гэтыя рэчы адны з асноўных сродкаў усталявання памяці сям'і. Але вядома, і ўнутры сям'і пачуцці не заўсёды рэгулююцца адносінамі сваяцтва. У чалавека бываюць і сябры за межамі сям'і, якія таксама моцна ўплываюць на чалавечыя ўспаміны і будуць чалавечую індэнтнасць. “Але пры гэтым адно з трох: альбо сям'і атрымоўваецца ўключыць гэтыя адносіны і сувязі ў сваю структуру, бо сям'я не жадае іх ведаць, як быццам такога роду эфектыўнасць, альбо, нарэшце, яна прызнае, што адзін з яе чальцоў аддзяліўся ад яе і перайшоў у іншую групу” [4, с. 188].

Рэлігійная памяць таксама не засталася ў баку. М. Хальбвакс пачынае разглядаць рэлігійную памяць з самага пачатку яе ўзнікнення, з далёкай антычнасці, і характэрызуе гэты час як “сталасць успамінаў, злучаных з падставай полісаў (гарадоў-дзяржаў), і факт ушанавання іх заснавальнікаў, часцей за ўсё міфічных, мясцовых племянных богаў, збудаваных у годнасць заступнікаў горада” [4, с. 221]. Таксама разглядаюцца прыклады старажытнагрэчаскіх легенд аб Геракле, як аб прыкладзе шанавання вялікіх і магутных продкаў. Шлюб паміж багамі – гэта сімвал прымірэння і кампрамісу паміж калтамі і цывілізацыямі, сяброўства паміж народамі і роўнасць людзей. Хрысціянства аўтар разглядае як прыклад самааданасці і гераізму продкаў, якія былі гатовыя на самаахвяру, але каб толькі жыццё нашчадкаў працягвалася. “Ахвярапрынашэнне, якім ён дараваў нам сваё цела і кроў, мела месца не аднойчы – яно цалкам паўтараецца кожны раз, калі вернікі збіраюцца, каб прыняць эўхарыстыю” [4, с. 231]. Асаблівай рысай памяці рэлігійнай групы з'яўляецца зафіксаванасць раз і назаўжды і, альбо прымушэнне іншых прыстасоўвацца да панавання яе ўяўленняў, альбо ігнараванне іх. Такім чынам рэлігійная памяць у працах М. Хальбвакса з'яўляецца наймацнейшай духоўнай скрэпай, якая трымае нас усіх разам.

Цікавымі з'яўляюцца таксама назіранні Патрыка Хатана. У сваёй працы “Гісторыя як мастацтва памяці” ён разглядаў памяць у гістарыяграфіі Француз-

скай рэвалюцыі. “Рэвалюцыя была не проста адной з падзей канца васемнацатага стагоддзя. Памяць аб ёй натхняла рэвалюцыйную традыцыю, якая аказвала прамое ўздзеянне на палітыку Францыі аж да Парыжскай камуны 1871 года” [2, с. 305]. Для французскага народа падзеі Вялікай французскай рэвалюцыі і Парыжскай камуны адбіліся вялікім штампам на сэрцы. Як мы святкуем сёмае кастрычніка, так і французы святкуюць свае чатырнаццатае ліпеня. Як мы памятаем узвясчэнне ССРБ і Дзмітрыя Жылуновіча, так і яны памятаюць Першую Рэспубліку і Максіміліяна Рабесп’ера, бо яны, як і мы адчулі тую боль, якую нясуць перамены, памятаюць, колькі каштавала свабода. Непасрэдна народ у гэтых падзеях з’яўляецца паэтычнай катэгорыяй эпічнага маштабу. Таму народ і імкнецца захаваць памяць аб сваіх героях, якія загінулі ў імя свабоды, не шкадавалі сябе дзеля шчасця наступных пакаленняў.

“Нават калі спасылкі на рэвалюцыю паступова зніклі з палітычнага дыскурсу, яе галоўныя падзеі і персаналіі заставаліся аб’ектамі пакланення, мнеманічнымі месцамі на ландшафце глыбіннай канцэптэуальнай структуры, з дапамогай якой тэрміны французскай палітыкі вызначаліся ў сваім змесце і працягвалі ўспрымацца без абмеркаванняў” [2, с. 306]. Аўтар шырока абдумаў рух французскай рэвалюцыйнай традыцыі, акцэнтаваўшы ўвагу на калектыўнай памяці, шматступенчатым руху культуры, веры ў пазітыўнае веданне. Таксама П. Хатан акцэнтаваў увагу на народнасці рэвалюцыі. Памяць, якую народ імкнецца захаваць – гэта памяць менавіта аб народнай рэвалюцыі, якая выявіла сябе ў паўстаннях 1789 г. і дасягнула кульмінацыі ў так званай “другой Французскай рэвалюцыі” – у паўстанні парыжан у жніўні 1792 г. з мэтай заснаваць Французскую рэспубліку. Але з падзеннем якабінскіх правадыроў, якія надалі максімум палітычных і сацыяльна-эканамічных свабод, у 1794 годзе народны энтузіязм пачаў згасаць і, як следства, творчая фаза рэвалюцыі скончылася.

Філасофскай сутнасці часу прысвечана праца “Час чалавечага быцця” расійскага даследчыка Мікалая Трубнікава. У гэтай працы разглядаецца час з пазіцыі матэрыялістычнай дыялектыкі, як аднаго з асноўных напрамкаў аналізу ў савецкія часы. Але нягледзячы на тое, твор мае шмат асаблівасцяў, менавіта таму што быў створаны ў гадзіны “перабудовы” і “галаснасці”, калі быў атрыман дазвол на рэвізію старых крыніц і магчымасць пераасэнсаваць іх па новаму. У творы закрануты даследванні вучоных ад самых старажытных гадзін да часу стварэння працы. Аўтар закранае такія тэмы, як ідэя аб непаўторнасці свету, святломасці непазбежнасці сусветнага патоку і незваротнасці быцця. Незваротнасць часу і непаўторнасць падзей свету разглядаюцца як па-рознаму выяўленыя паняцці аб адным і тым жа. Гэтая незваротнасць і непаўторнасць, ёсць тое, што складае саму сутнасць ідэі часу, саму сутнасць часу ў яго агульнафіласофскім вызначэнні, найбольш глыбокім і поўным і адначасова найбольш непасрэдным і значным для чалавека. Думка аб незваротнасці быцця, аднаразовасці і непаўторнасці сусветных падзей, аб свеце як непаўторнай падзеі пакладзена ў аснову гуманістычных адносінаў да чалавека і свету. Аўтар разважае на тэму дваістасці часовага патоку і рознага ўспрымання адных і тых жа падзей рознымі людзьмі.

Рэальная сувязь часу для аўтара складаецца ў дыялектычным і дыялектычна супярэчлівым пераходзе з мінулага ў будучыню, дзе мінулае ёсць як “мінулае” з сучаснасці ў мінулае, так і “мінулае” з сучаснасці ў будучыню. Дадзеныя словы можна спрасціць да эксперыменту з нескладанай прыладай, якая спалучае ў сваёй канструкцыі адначасова пясочны і вадзяны гадзіннік. Працякаючы з верхняй пасудзіны ў ніжнюю, цяжэйшыя часціцы аднаго рэчыва будуць выцясняць з ніжняй пасудзіны ў верхні лягчэйшыя часціцы іншага рэчыва. Такім чынам, час можна прадставіць бягучым адначасова ў два кірункі. Адпаведна, сучаснасць – гэта тое, што падзяляе для нас мінулае і будучыню і не толькі звязана з мінулым, але выцякае з яго [3, с. 198 - 202].

М. Трубнікаў у сваёй працы закрануў таксама праблему вызначэння часу. Лагічнае і рэальнае вызначэнне часу адрозніваецца з пункту гледжання аўтара. Адрозненнем тоеснага і атаясамлівання рознага займаецца філасофія ў яе агульнай тэарэтыка-пазнавальнай функцыі, адпаведна філасофскае мысленне адрозніваецца ад мыслення прыродазнаўчага. Праца філасофіі пачынаецца там, дзе заканчваецца праца здаровага сэнсу. Натуральнавуковаму мысленню даводзіцца апераваць сістэмай умоўных паняццяў, а менавіта дапушчэннямі некаторай тэорыі абумоўленых азначэнняў. Яно набывае навуковую строгасць за кошт адмовы ад пазатэарэтычнай безумоўнасці сваіх азначэнняў. У гэтым выпадку гаворка ідзе аб сведчаннях прыбораў пры вызначэнні той ці іншай часовай велічыні, некаторага “моманту” у той ці іншай сістэме каардынат. Філасофіі даводзіцца ж апераваць не толькі ў “прасторы ведання”, у адначасовасці чалавечага мыслення аб свеце, але і ў “часе” гэтага мыслення, даследаваць не толькі яго дасягнуты вынік, але і яго працэс. “Філасофію цікавіць зусім не само па сабе вызначэнне той ці іншай велічыні, і нават не столькі лагічнае вызначэнне паняцця як такога, у якую б развітую навуковую сістэму яно не было ўключана, але перш за ўсё рэальнае вызначэнне прадмета гэтага паняцця [3, с. 224 - 231].

Папярэднія думкі наштурхнулі на сур’ёзнае пытанне, якое павінна ўзнікнуць пры праглядзе прац на сумежныя тэмы: а як жа захаваць памяць, калі хаатычны паток часу і пераменная рэчаіснасць знішчае магчымасць памятаць? Канешне слова “знішчае” прыведзена ў якасці гіпербалы, але між тым, перад чалавецтвам у наш час паўстае сур’ёзная праблема захавання памяці і самаідэнтычнасці. У апошнія годы, нягледзячы на актыўную падтрымку дзяржавай культурных праграм па захаванню памяці, нельга сказаць што моладзь пачала больш памятаць або шанаваць гісторыю. Як прыклад можна прывесці апрос за 2019 год, які паказаў, што менш за ўсё спатрэбіліся рэспандэнтам астраномія (0,3%), літаратура і сусветная гісторыя (1,5%) [5]. Ці можна тады лічыць сучасны курс эфектыўным?

Несумненна, у нашым грамадстве шырока шануецца памяць аб гісторыі і ўсе мы святкуем дзвятае мая і памінаем продкаў на Радуніцу. Але як праяўляецца гэтая памяць ў штодзённым жыцці? Рэдка калі запытаўшыся, які сёння дзень, мы можам дакладна адказаць на гэтае пытанне. Найчасцей нам трэбы падказкі і толькі тады чалавек успамінае тое, што нельга забываць ніколі. І гэта вельмі лёгка растлумачыць – чалавечае існаванне наскрозь працята бытам, які выядае ў

чалавека высокае і канцэнтруе яго ўвагу на сучасных праблемах, якія не маюць адбітка ў мінулым. Памяць аб далёкім, па версіі абывацеля, ніяк не зможа дапамагчы выплаціць крэдыт, здаць экзамен, ускапаць агарод, таму яе пастаяннае захаванне ў галаве і не патрабуецца. А між тым абывацель не разумее, дзякуючы каму ён зараз можа хадзіць по зямлі, дыхаць частым паветрам і існаваць у цэлым.

На нашу думку такая сітуацыя патрабуе далейшых даследаванняў і падрабязнага аналізу, які дазволіць пашырыць нашы веды наконт таго, як на самой справе “памятаюць” нашы суграмадзяне. Часткова ў агульную праблематыку артыкула можна ўключыць і сучасную сітуацыю пераходу ад постмадэрну да метамадэрну. Сам постмадэрн з яго іроніяй, чорным гумарам, фрагментарнасцю апавядання і абстрактнасцю не моцна вабіць свядомага і проста разумнага чалавека, але тым не менш, чалавецтва жыве пад уплывам гэтай эпохі ўжо амаль паўстагоддзя. Новы жа этап чалавечай гісторыі, які ўжо пачаўся на захадзе і катком прасоўваецца на ўсход, можа паўстаць променем новай надзеі для чалавецтва, бо метамадэрн не прапануе нам гатовую ідэю або канцэпцыю, а прапануе знайсці яе самастойна, і тым самым адчыняе людзям паўнату культуры. Адзінае, што мажна казаць на сённяшні час: мы памятаем, але не можам успомніць.

Культурна-гістарычная памяць захоўваецца ва ўсіх народах і ва ўсе часы. Найбольш зручнымі сродкамі захавання гістарычную памяць на думку замежных даследчыкаў з’яўляюцца рэлігія, сям’я, традыцыя і гісторыя. Гістарычная памяць для замежцаў, як і для нас, з’яўляецца вельмі важнай часткай жыцця, бо яна надае асэнсованасці існаванню, дапамагае народу трымацца разам і пераадольваць цяжкасці сучаснасці. Таксама памяць разглядаецца ў якасці сродка сувязі паміж пакаленнямі і паміж сваякамі. Несумненна, ёсць некаторыя тэндэнцыі ў сучаснай культуры, якія спрыялі з’яўленню адчування разрыву сувязяў з мінулым і абудзілі спадарожны яму страх перад культурнай амнезіяй. Аднак багацце рэсурсаў традыцыі дазваляе нам не адрывацца ад памяці. Змест памяці складае мінулае, але без яго немагчыма мысленне ў сучаснасці, мінулае – гэта глыбінная аснова актуальнага працэсу свядомасці. Нарэшце, памяць – гэта тое, што дазваляе нам існаваць ў сучаснасці, і ісці далей па сцежцы жыцця.

Спіс выкарыстаных літаратуры:

1. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – 1996. – 447 с.
2. Патрик, Х. Хаттон История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2004. – 424 с.
3. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. – М.: Мысль, 1987. – 255с.
4. Хальбвакс М. Х17 Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Інтэрнет-крыніцы:

5. Какой школьный предмет вам больше пригодился в жизни: 2019: [Інтэрнет спасылка]: URL: <https://adukar.com/by/news/abiturientu/kakoj-shkolnyj-predmet-vam-bolshe-prigodilsya-v-zhizni-rezultaty-oprosa> (Дата выкарыстання 04.04.2023)

З. Будник О. А., к. фил. н.,
доцент кафедры БиРЯ БрГТУ
(г. Брест, Республика Беларусь);

Чжан Пэйюань,
аспирант кафедры истории России,
мировых и региональных цивилиза-
ций,
УО «Сибирский федеральный универ-
ситет,
Гуманитарный институт»
(г. Красноярск, Россия)

УДК 378.1(47+57:510) (091)

КИТАЙСКО-СОВЕТСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБМЕНИ С 1967 Г. ДО РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Аннотация: Статья анализирует китайско-советские образовательные отношения в период с 1967 года и до распада СССР. Анализируется такая важная часть обмена между Китаем и Советским Союзом, как преподавание русского языка в Китае. Рассматриваются две крупные школы китайского языка, начавшие свое существование в СССР – в Москве и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: образовательные отношения, китайско-русское сотрудничество, преподавание в Китае и СССР, составление учебников, школы китайского языка в СССР.

Budnik, O. A., Ph.D., Associate Professor
of the Department of Burm UO "BrGTU"
(Brest, Belarus);

Zhan Peiyuan, Post-graduate Student
of the Department of History of Russia,
World and Regional Civilizations, Siberian Federal University,
Humanitarian Institute" (Krasnoyarsk, Russia)

CHINO-SOVIET EDUCATIONAL EXCHANGES FROM 1967 TO THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

Abstract: The article analyzes the Chino-Soviet educational relations from 1967 to the collapse of the USSR. Such an important part of the exchange between China and the Soviet Union as the teaching of the Russian language in China is analyzed. Two major schools of the Chinese language are considered, which began their existence in the USSR – in Moscow and St. Petersburg.

Key words: educational relations, Chino-Russian cooperation, teaching in China and the USSR, writing textbooks, Chinese language schools in the USSR.

В течение 17 лет с 1949 по 1966 год после образования Китайской Народной Республики процветали китайско-советские образовательные обмены.

Китай направлял большое количество иностранных студентов на учебу в Россию. По возвращении на родину они стали у истоков социалистического строительства. Большое количество советских специалистов приехало в Китай для преподавания или чтения лекций, что обеспечило становление системы образования Китайской Народной Республики. Внутреннее преподавание русского языка находилось на подъеме, во многих местах были созданы русские языковые колледжи.

После 1966 года из-за ухудшения китайско-советских отношений и начала «культурной революции» Китай прекратил отправку студентов за границу, в том числе и в Советский Союз.

И лишь в 1983 году Китай возобновил отправку студентов в Советский Союз, но в том же году было отправлено всего 10 студентов.

В 1984 году между двумя странами было подписано «Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования КНР и Министерством высшего образования Союза Советских Социалистических Республик и Министерством профессионального образования Китая на 1984-1985 гг.», согласно которому в 1984-1985 учебном году на учёбу было направлено 70 студентов.

В 1985 году обе стороны увеличили количество студентов по обмену до 200 каждая. С тех пор количество студентов, обмениваемых между двумя странами, увеличивается из года в год. Так, в 1988 году Советский Союз принял уже 443 китайских студента. С 1983 по 1991 год 2475 китайских студентов отправились учиться в Советский Союз, а с 1983 по 1992 год количество советских студентов, приехавших в Китай на учебу, составило 2373 человека.

В 1986 г. была создана Китайско-советская группа по сотрудничеству в области образования во главе с двумя заместителями Министра образования, создание которой стало гарантией последующих китайско-советских (российских) образовательных обменов [5].

Другой важной частью обмена между Китаем и Советским Союзом является преподавание русского языка в Китае, которое на этом этапе, очевидно, находится в периоде отлива по сравнению с 1949-1966 годами. Во время «культурной революции» русскоговорящие часто ассоциировались с так называемыми «советскими ревизионистами» и подвергались нападкам и критике. Тем не менее, преподавание русского языка в Китае не прекращалось, хоть и имело сложный путь.

В 1964 году Министерство образования сформулировало план семилетнего обучения иностранным языкам, в соответствии с которым доля дисциплины английского и русского языков в средних школах составляет 1:1, а после 1970 года она была скорректирована до 2:1.

В Концепции семилетнего плана обучения иностранным языкам также предлагается построить и расширить ряд учебных заведений с преподаванием иностранных языков. В течение этого периода Пекинский институт иностранных языков, колледж иностранных языков Циньхуандао (позже переименованный в колледж иностранных языков Хэбэй, в июне 1974 года официально переименованный в Тяньцзиньский институт иностранных языков), Гуанчжоуский университет иностранных языков и Институт международных отношений создали в своих учебных заведениях специальность «русский язык». В конце 1970-х годов российские специальности во многих колледжах и университетах начали возобновлять работу, но число студентов все еще было очень мало [10, с. 35].

Что касается составления учебников, то в 1980 году был создан Комитет по составлению и проверке учебников по специальности «иностраный язык», и с тех пор был опубликован ряд унифицированных учебных материалов для русских специальностей, среди них: «Основы русского языка», «Аудиовизуальный курс по русскому языку», «Русское чтение», «Письменная речь русского языка», «Современная Российская общая теория», «Русская риторика», «История российско-советской литературы», «Российско-советское литературное произведение», «Обзор Советского Союза», «Пособие по переводу с китайского языка на русский» и т. д. Публикация таких масштабных и высококачественных вспомогательных учебных материалов является первым случаем в истории преподавания русского языка в Китае.

Что касается преподавания китайского языка в России, то оно началось в XVIII веке. В XIX веке китайское учение пережило период развития, и появилось много китаеведов. В начале XX века русский древний китайский и современный китайский язык сформировали свою собственную систему [10, с. 45].

В 1960-х годах курсы китайского языка начали появляться в вузах Москвы, Ленинграда, Читы, Владивостока и других городов. Изменения в отношениях между Китаем и Советским Союзом в 1960-х годах повлияли на преподавание китайского языка. В середине 1980-х годов китайско-советские отношения улучшились, спрос на китайский язык возрастал, а выпускники, изучавшие китайский язык, были направлены в другие вузах в качестве преподавателей китайского языка.

В Советском Союзе были две крупные школы китайского языка: Москва и Санкт-Петербург. Что касается преподавания китайского языка, главным центром изучения китайского языка являлся Институт стран Азии и Африки МГУ, а вторым центром – восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, основанный в 1855 году, является самым первым в этом направлении в России. Русский учёный В.П. Васильев является одним из основателей русской синологии. В советское время известный филолог-китаист В.М. Алексеев также занимался преподаванием китайского языка и основал вторую синологическую школу в России, впоследствии самую известную синологическую школу в истории Российской синологии – на восточном факультете Санкт-Петербургского университета с 1967 г.

по 1991 г. Также синологией занимались О.Л. Фишман, В.В. Петров, Е.А. Серебряков, В.А. Вельгус, И.Э. Циперович, С.Е. Яхонтов, А.Г. Шпринцин и другие. Во время преподавания в Санкт-Петербургском университете они провели исследования в области китайской литературы, истории и письма и дали плодотворные результаты, занимались переводом с китайского языка.

Кафедра китайской филологии была создана в 1956 г. одновременно с созданием Института восточных языков при МГУ (впоследствии реорганизованного в ИСАА при МГУ) на основе соответствующих кафедр филологического и исторического факультетов. Таким образом, преподавание китайского языка и исследования по китайской филологии опираются на длительную традицию востоковедения в стенах Московского университета.

Первым заведующим кафедрой (по 1959 г.) была проф. Л.Д. Позднеева, которая еще в 1949 г. возглавила кафедру китайской филологии филологического факультета МГУ. С 1959 по 1963 г. кафедру возглавлял профессор А.П. Рогачев, литературовед, переводчик произведений китайской литературы. С 1963 по 1993 г. кафедрой заведовал профессор М.К. Румянцев, основатель «Лаборатории экспериментальной фонетики», специалист в области фонологии и теоретической грамматики. С 1993 по 2003 г. кафедрой заведовал профессор А.М. Карапетьянц. С 2003 по 2008 кафедру возглавлял профессор М.В. Софронов. С 2007 г. кафедрой заведует доцент, кандидат исторических наук Ульянов М.Ю.

Кафедра китайской филологии ИСАА МГУ имени М.В.Ломоносова – специализированное научно-методическое подразделение в системе Московского университета, являющееся одновременно центром обучения китайскому языку на уровне современных методик преподавания иностранных языков и центром комплексной подготовки специалистов по филологии (лингвистике и литературоведению) самой населенной в мире страны, обладающей уникальной по длительности и преемственности историей культурного развития.

Коллектив кафедры состоит из высококвалифицированных специалистов – ученых-филологов и преподавателей-методистов разных поколений, авторов многих современных учебных пособий и словарей, рекомендованных УМО для преподавания в ВУЗах страны. Силами профессорско-преподавательского коллектива кафедры обеспечивается преподавание китайского языка и филологических дисциплин в ИСАА МГУ. Все преподаватели творчески подходят к учебному процессу; постоянно обновляя учебно-методический материал, учитывают новые тенденции в преподавании, новые языковые и культурные реалии.

Научные интересы коллектива кафедры охватывают основные вопросы китайской филологии.

Большое значение базовому обучению китайскому языку придает Институт стран Азии и Африки МГУ. На первом курсе используется «Основной учебник китайского языка», на втором курсе – «Избранная литература по китайскому языку», а на третьем и четвертом курсах используется «Учебник современного китайского языка», «Учебник разговорного китайского языка». «Сборник газет и периодических изданий» используются в качестве учебных материалов и оснащен аудиосистемой ленты. К синологам относятся Л.Д. Позднеева, А.П. Рогачёв, В.И. Семанов, ДХ.Боспецэнский, М.К.Румянцев, А.Ф.Котова, М.Б.Кофронов и другие.

К китаеведческим достижениям московских синологов этого периода относятся: «Грамматика тунгутского языка» Софронов М. В (1968), Софронов М. В и М.Б. Крюков, Н.Н. Чебоксалов, Б.Б. Малявин совместно завершены работы

«Древние китайцы: проблемы этногенеза» (1978 г.), «Китайский этнос на пороге средних веков» (1979 г.), «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени» (1987 г.) и др.; Л. Д. Позднеева «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая VI-IV вв. до н. э.» (1967), Л.Е. Померанцева «Хуайнань-цзы», «Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» – II в. до н.э.)» и другие книги [11, с. 123].

В советский период существовали также ДВФУ и Ташкентский государственный университет, в которых существовал определенный масштаб преподавания китайского языка. Среди них несколько сильнее преподается китайский язык в Ташкентском университете. Кафедра китайского языка была создана здесь в 1954 году и расширена в 1977 году. С 1984 года Ташкентский университет ежегодно нанимает китайских специалистов для преподавания китайского языка и отправляет студентов на учебу в Китай. С 1984 по 1988 год было направлено более 30 студентов.

В этот период преподавание русского языка в Китае и китайского языка в Советском Союзе находилось на относительно низком уровне по сравнению с бурным развитием в течение 17 лет после образования КНР с конца 1960-х до середины 1970-х гг. Однако в этот период преподавание русского и китайского языков в двух странах не исчезло полностью, а продвигалось вперед с трудом, в частности, в китаеведческом кружке Советского Союза было много мастеров, и их труды были плодотворными.

Таким образом, все это заложило основу для возрождения русского и китайского образования в двух странах после ослабления и нормализации китайско-советских отношений.

Список использованной литературы:

1. Ащеулова, Н. А. Китайская аспирантура : особенности национальной системы подготовки интеллектуальной элиты / Н. А. Ащеулова, С. А. Душина // Вестник МГИМО университета. – 2012. - № 2 (23). С. – 245-250.
2. Все об образовании в Китае : как учиться в КНР // [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL : <https://redplanetchina.com/blog/obrazovanie-v-kitae/> / (дата обращения 31.07.2022).
3. Куликов А. М. Китаеведческая и дипломатическая деятельность архимандрита Палладия (Кафарова) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. кан. ист. наук : специальность 07.00.15 / Куликов Андрей Михайлович : [Ин-т востоковедения РАН]. – Москва, 2016. – 17 с.
4. Лю Лимин. Преподавание русского языка в Китае: наследование и развитие / Русский язык в Китае. – 2017. – Т. 36 (1) // [электронный ресурс] – Режим доступа. URL : <https://max.book118.com/html/2017/0529/110183116.shtm> / (дата обращения 31.07.2022).
5. Нин Ци. 70-летний обзор и перспективы преподавания русского языка в Китае / Журнал Шанхайского университета Цзяотон : издание по философии и социальным наукам. – 2019. – Т. 27 (октябрь) // [электронный ресурс] – Режим доступа. URL : <https://xuewen.cnki.net/CJFD/> / (дата обращения 31.07.2022).
6. Официальный сайт народного правительства КНР // [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL : <http://www.gov.cn/xinwen/> / (дата обращения 31.07.2022).
7. Российские вузы и Госсовет по стипендиям КНР подписали соглашения / РИА Новости // [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL :

<https://ria.ru/20210910/soglasheniya-1749484890.html> / (дата обращения 31.07.2022).

8. Система высшего образования в Китае // [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.ustudy.ru/china/vysshee-obrazovanie-v-kitae.html>

9. Сяо Юцю. История китайско-российских культурных обменов : [Тяньцзинь Чубаньшэ]. – Тяньцзинь, 2016. С. – 188-189.

10. Ю Фуцзэн. История международного обмена и сотрудничества в области образования / Ю Фуцзэн, Цзян Бо, Чжу Сяоюй : [Хайнань чубаньшэ]. – Хайнань, 2002. – 74 с.

11. Юй Цзися. Китай и Россия (Советский Союз) развитие образовательных обменов / Юй Цзися [и др.] : [Шандон цзяоюй чубаньшэ]. – Цзинань, 2010. – 288 с.

12. 杨思琦. 马晓程. 越来越多俄罗斯学生到中国留学[DB/OL] // [электронный ресурс] – Режим доступа. URL : <http://www.gqb.gov.cn/ne-ws/2019/0417/46-081.shtml> / (дата обращения 03.07.2022).

4. Вабішчэвіч А. М.,

доктар гістарычных навук, прафесар,
прафесар кафедры гісторыі
славянскіх народаў УА “Брэсцкі
дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна”
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 94(476)

ФОНДЫ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ ЯК КРЫНІЦЫ АБ ДЗЕЙНАСЦІ ОРГАНАЎ СЕЛЬСКАГА САМАКІРАВАННЯ БРЭСЦКАГА ПАВЕТА Ў 1919–1939 ГГ.

Анотацыя. Аўтар ажыццявіў характарыстыку дакументаў гмінных праўленняў Брэсцкага павета (1919–1939 гг.) Палескага ваяводства, што захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці. Выдзелена відавая разнастайнасць, змястоўнасць дакументальных матэрыялаў праўленняў сельскіх гмін. Прызнаецца карысным выкарыстанне гэтых архіўных дакументаў для

правядзення гістарычных, краязнаўчых, крыніцазнаўчых і генеалагічных даследаванняў, для вывучэння мікрагісторыі і гісторыі паўсядзённасці беларуска-польска-ўкраінскага памежжа, для развіцця краязнаўства ў навучальных установах Беларусі.

Ключавыя словы: Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці, архіўныя фонды, Брэсцкі павет, сельскае самакіраванне, гміна, праўленне гміны.

A.Vabishchevich, Doctor
of the Department of History of
Slavic Peoples of the Brest State
University named after A. S. Pushkin
(Brest, Republic of Belarus)

FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF THE BREST REGION AS SOURCES ON THE ACTIVITIES OF THE RURAL SELF-GOVERNMENT OF THE BREST COUNTRY IN 1919–1939

Annotation. The author carried out a description of the documents of the commune boards of the Brest District (1919–1939) of the Polesie Voivodeship, which are kept in the State Archives of the Brest Region. The species diversity and content of documentary materials of the boards of rural communes are highlighted. It is considered useful to use these archival documents for conducting historical, local history, source and genealogical research, for studying the micro-history and everyday history of the Belarusian-Polish-Ukrainian border, for the development of local history in educational institutions of Belarus.

Key words: State archive of the Brest region, archival funds, Brest country, rural self-government, commune, commune board.

Паводле Рыжскага мірнага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. заходнебеларускія землі былі ўключаны ў склад Польшчы. Уся тэрыторыя была падзелена на ваяводства, якія складаліся з паветаў, паветы – з гмінаў, гміны з грамадаў (абшчынаў). У складзе Палескага ваяводства быў і Брэсцкі павет. Мясцовае самакіраванне ў Заходняй Беларусі пачало стварацца з 1919 г., г. зн. адразу пасля яе заняцця польскімі войскамі ў час савецка-польскай вайны [1, с. 13–14]. Органы сельскага самакіравання ствараліся паводле распараджэння Генеральнага камісара ўсходніх зямель аб гмінным самакіраванні ад 26 верасня 1919 г. Нізавой адзінкай сельскага самакіравання з’яўлялася грамада (абшчына), якая ўключала асобную вёску, памесце, фальварак ці іх усе разам. Кіруючымі асобамі і органамі ў грамадзе з’яўляліся солтыс, рада, сход. Солтыс выбіраўся сходам з прадстаўнікоў грамады на 1 год, зацвярджаўся павятовым старастам. З 1933 г. агульны нагляд за дзейнасцю грамады ажыццяўляў павятовы стараста. Цяпер солтыс і яго намеснік выбіраліся на 3 гады, яны павінны былі быць не маладзейшыя за 30 гадоў, жыць у грамадзе больш за 1 год, абавязкова валодаць польскай мовай. Солтыс падпарадкоўваўся войту, які ўзначальваў гміну. Пры ўступленні на пасаду солтыса адбывалася яго прысяга Польскай дзяржаве [2, с. 184–185]. У 1933 г. у Брэсцкім павеце перавагай пры прызначэнні на пасаду

солтыса карысталіся кандыдаты, якія мелі палітычную лаяльнасць да рэжыма “санацыі” Ю. Пілсудскага, з’яўляліся палякамі ці беларусамі-католікамі, служылі ў польскім войску.

Органам самакіравання грамады з’яўлялася яе рада, пры яе адсутнасці – сход грамады. Рада грамады выбіралася на 5 гадоў. У яе склад уваходзілі солтыс, яго намеснік, радныя. Рада ці сход грамады прымалі яе бюджэт, размяркоўвалі прыбыткі, кантралявалі дзейнасць солтыса, стваралі розныя камісіі (рэвізійную, гаспадарчую, дарожную, санітарную) і інш. У цэлым, органы самакіравання грамады наладжвалі паўсядзённае жыццё заходнебеларускіх сялян: павышалі ўзровень культуры, сачылі за санітарна-эпідэміялагічным становішчам, займаліся будаўніцтвам, рамонтам і ўтрыманнем пабудовы грамады (адміністрацыйных будынкаў, грамадскіх школ, бібліятэк, хат-чытальняў), дарожным будаўніцтвам, ветэрынарным наглядам, утрымлівалі пажарныя дружыны, клапаціліся пра могілкі, будавалі лазні, аказвалі дапамогу беднякам, супрацоўнічалі з грамадскімі арганізацыямі і г.д. [2, с. 185–186]. Асабліва іх падтрымка была запатрабаванай пры пасляваенным аднаўленні ў першай палове 1920-х гг., а таксама для пераадолення цяжкіх наступстваў сусветнага эканамічнага крызісу ў першай палове 1930-х гг. Пры гэтым трэба адзначыць, што польскія адміністрацыйныя ўлады пастаянна ўмешваліся ў дзейнасць органаў самакіравання грамады. Акрамя таго, асноўны цяжар выдаткаў лёг усё-такі на плечы заходнебеларускага сялянства.

Тэрытарыяльнай адзінкай мясцовага самакіравання з’яўлялася гміна, якая складалася з вёсак, малых сядзібаў, фальваркаў і іншых сельскіх населеных пунктаў. Гміна займалася матэрыяльным забеспячэннем, асветай, аховай здароўя, санітарным станам і іншымі надзённымі пытаннямі мясцовага насельніцтва. Распарадчым і кантралюючым органам у гміне была рада (гмінная рада). Гмінная рада мела даволі шырокія паўнамоцтвы, але абмяжоўвалася войтам гміны, які поўнаасцю залежыў ад павятовага старасты. Пасяджэннямі рады гміны кіраваў войт ці яго намеснік, удзельнічалі ў пасяджэнні радныя ці іх намеснікі (спачатку іх выбіралі на 3 гады). Аднак дзейнасць органаў гміннага самакіравання ўсяляк абмяжоўвалася і кантралявалася польскімі адміністрацыйнымі і паліцэйскімі ўладамі. З 1933 г. выбары ў гмінныя рады былі пастаўлены пад непасрэдны кантроль павятовага старасты. Большасць у складзе гмінных рад складалі палякі, католікі. Выканаўчым органам сельскай гміны з’яўлялася яе праўленне (гміннае праўленне), у склад якога ўваходзілі войт, яго намеснік, лаўнікі. Войт з’яўляўся кіраўніком адміністрацыі гміны. Спачатку войт і яго намеснік выбіраліся на 3 гады з радных. Яны павінны былі абавязкова валодаць польскай мовай, прыносілі прысягу Польскай дзяржаве [2, с. 186–188]. Як правіла, войтамі ў гмінах былі палякі і католікі. Войты кантралявалі грамадска-палітычную сітуацыю ў гміне, знаходзіліся ў поўнай залежнасці ад польскіх адміністрацыйных уладаў. Войт і гмінны сакратар фактычна прадстаўлялі польскую ўладу на месцах.

У пачатку 1920-х гг. у склад Брэсцкага павета ўваходзілі 22 сельскія гміны: Велікарыта, Войская, Воўчын, Высока-Літоўск, Вярховічы, Дамачава, Дворцы, Дзмітравічы, Жыцін, Камяніца Жыравецкая, Камянец Літоўскі, Косічы, Лышчыцы, Маларыта, Матыкалы, Медна, Олтуш, Полаўцы, Прыбарарава,

Радванічы, Ратайчыцы, Турна. У 1928 г. у ходзе ўзбуйнення гмінаў былі скасаваны гміны Войская, Дворцы, Жыцін, Лышчыцы, Полаўцы, Прыбарава, Радванічы. Цяпер тэрыторыя былых сельскіх гмінаў Брэсцкага павета ўваходзіць у склад Брэсцкага, Камянецкага і Маларыцкага раёнаў Брэсцкай вобласці Рэспублікі Беларусь, а таксама часткова ў памежныя мясцовасці Рэспублікі Польшча.

Асобныя дакументальныя крыніцы аб дзейнасці органаў сельскага самакіравання Брэсцкага павета ў міжваенны час ужо ўведзены ў навуковы ўжытак. У прыватнасці, некаторыя з іх прыведзены ў адпаведных раздзелах кніг “Памяць” [3, с. 92–127; 4, с. 156–176; 5, с. 125–152], а таксама раскіданы ў іншых шматлікіх навуковых і навукова-папулярных выданнях. Грунтоўным даследаваннем з’яўляецца калектыўная манаграфія па гісторыі і культуры Маларыцкага раёна пад рэдакцыяй А. Гарбацкага. Аўтарства велізарнага па аб’ёму раздзела пра Маларытчыну ў складзе Польшчы належыць А. Свірыду [6, с. 265–387].

У папярэдніх публікацыях [7; 8, с. 51–238; 9] намі ўжо адзначалася, што ў Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці (ДАБр) захоўваюцца ўнікальныя дакументальныя матэрыялы, прысвечаныя гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Цяпер жа спынімся на характарыстыцы фондаў ДАБр, якія ўтрымліваюць у абсалютнай большасці польскамоўныя дакументы, звязаныя з дзейнасцю органаў сельскага самакіравання Брэсцкага павета ў 1919–1939 гг. Найперш адзначым 16 фондаў гмінных праўленняў – аб’яднаны архіўны фонд “Гмінныя праўленні Брэсцкага павета” (ф. 26), а таксама праўленняў гмін Велікарыты (ф. 23), Вярховічы (ф. 14), Воўчын (ф. 11), Высока-Літоўск (ф. 12), Дзмітравічы (ф. 21), Дамачава (ф. 13), Камянец Літоўскі (ф. 16), Камяніца Жыравецкая (ф. 17), Косічы (ф. 19), Маларыта (ф. 10), Медна (ф. 18), Матыкалы (ф. 24), Олтуш (ф. 15), Ратайчыцы (ф. 20), Турна (ф. 22) [10, с. 31].

Стан дакументаў пералічаных фондаў з’яўляецца здавальняючым. На працягу 1944–1952 гг. у ДАБр адбылася сістэматызацыя, навукова-тэхнічная апрацоўка дакументаў фондаў гмінных праўленняў. У наступныя дзесяцігоддзі праводзілася экспертыза навуковай і практычнай каштоўнасці дакументаў. У другой палове 1950-х, канцы 1980-х – 1990-я гг. у выніку мэтавага рассакрэчвання асобныя справы былі перададзены на адкрытае захоўванне. З канца 1980-х гг. праведзена перапрацоўка дакументаў фондаў, іх удасканаленне, распрацаваны навукова-даведачны апарат.

Аб’яднаны фонд гмінных праўленняў Брэсцкага павета (ф. 26) быў створаны ў 1993 г. з дакументаў 8 гмінных праўленняў Брэсцкага павета (г. Брэст, Войская, Дворцы, Жыцін, Лышчыцы, Полаўцы, Прыбарава, Радванічы) з невялікай колькасцю спраў, складзены 1 вопіс (48 адзінак захавання). Фонды гмінных праўленняў Брэсцкага павета з вялікай колькасцю спраў засталіся самастойнымі фондамі. Сярод дакументаў гэтага фонда ўтрымліваюцца пратаколы пасяджэнняў гмінных праўленняў, гмінных рад, выбарчых камісій, сялянскіх сходаў, бюджэты гмінных праўленняў і справаздачы аб іх выкананні, пасведчанні аб матэрыяльным становішчы жыхароў гмін, кнігі па ўліку насельніцтва, анкеты выхаванцаў Брэсцкага прытулку (1925 г.), статыстычныя звесткі аб колькасці ўстаноў, прадпрыемстваў, плошчы лясоў, зямель. Ёсць

таксама асабовыя справы служачых праўленняў гмін, спісы членаў гмінных праўленняў, гмінных рад, солтысаў, жыхароў гмін [8, с. 95–96].

У фондзе праўлення Велікарыцкай гміны (ф. 23) ёсць пратаколы пасяджэнняў гміннай рады, сялянскіх сходаў, выбарчых камісій па выбарах солтысаў, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, даведкі і пасведчанні аб сямейным, матэрыяльным становішчы жыхароў гміны, звесткі аб стане лясоў, правядзенні камасацыі зямель, аб узвядзенні будынкаў, дарог, мастоў, школ, аб выплаце дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, аб дзейнасці грамадскіх арганізацый, статыстычныя звесткі аб колькасці насельніцтва, памерах пасяўных плошчаў, наяўнасці хатняй жывёлы, праграма правядзення грамадска-асветніцкіх мерапрыемстваў у гміне ў 1937–1938 гг. і інш. Там можна знайсці і асабовыя справы служачых гміннага праўлення, асабовыя карткі радных, спісы членаў праўлення, солтысаў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў. Цяпер фонд налічвае 69 адзінак захавання [8, с. 91].

Дакументы праўлення гміны Вярховічы знаходзяцца ў фондзе 14 (153 адзінкі захавання). Там захоўваюцца распараджэнні, цыркуляры Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення і рады гміны, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, дагаворы і заявы грамадзян аб прыёме на працу, звесткі аб эканамічным становішчы гміны (1934 г.), аб стане сельскагаспадарчай вытворчасці, рыбалоўства і пчалярства, развіцці саматужнага рамяства на тэрыторыі гміны, аб падаткаабкладанні насельніцтва, аб будаўніцтве і рамонце школ, аб рамонце дарог, мастоў, аб правядзенні меліярацыйных і землеўпарадкавальных работ, аб дзейнасці гуртка супрацьпаветранай і супрацьхімічнай абароны, рэзалюцыя мітынгу пратэсту супраць мілітарызцкіх планаў Германіі па захопу Памор'я (1933 г.), аб барацьбе з беспрацоўем, аб выдачы пашпартоў і інш. Таксама ёсць спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, асабовыя справы работнікаў гміннага праўлення, спісы землеўладальнікаў з указаннем зямельных надзелаў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 91–92].

Праўленне гміны Воўчын (ф. 11) прадстаўлена 95 адзінкамі захавання: пастановамі і распараджэннямі Брэсцкага павятовага староства, пратаколамі пасяджэнняў гміннага праўлення, выбарчых камісій, бюджэтамі гміны і справаздачамі аб іх выкананні, пратаколамі сходаў сялян, звесткамі аб эканамічным становішчы гміны, аб будаўніцтве і рамонце школ, дарог, помнікаў, статыстычнымі звесткамі аб колькасці насельніцтва, сялянскіх гаспадарак, памерах пасяўных плошчаў, школ, звесткамі аб гаспадарчых і грамадскіх арганізацыях на тэрыторыі гміны, аб паступленні падаткаў, аб правядзенні парцэляцыі зямель, аб будаўніцтве школ, рамонце дарог, пра дапамогу беспрацоўным і інш. Таксама ёсць спісы солтысаў гмін і іх намеснікаў, уладальнікаў маёнткаў, беспрацоўных, прызыўнікоў, асабовыя справы работнікаў гміннага праўлення, спісы вайсковых асаднікаў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 92].

У фондзе 12 у 2-х вопісах налічваецца 83 адзінкі захавання аб дзейнасці Высока-Літоўскай гміны: цыркуляры, распараджэнні і інструкцыі Міністэрстваў унутраных спраў і фінансаў Польшчы, Палескага ваяводскага ўпраўлення, Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення гміны,

выбарчай камісіі, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, звесткі аб правядзенні выбараў у Сейм і Сенат Польшчы, статыстычныя звесткі аб колькасці насельніцтва, эканамічным становішчы гміны, справаздачы аб паступленні падаткаў ад насельніцтва, пасведчанні аб матэрыяльным становішчы грамадзян, справаздачы аб дзейнасці гміннай пазыка-ашчаднай касы, звесткі аб рэгістрацыі беспрацоўных і выдачы ім дапамогі, аб грамадскіх арганізацыях на тэрыторыі гміны, аб стане дарог, аб будаўніцтве дамоў і інш. Таксама ёсць спісы жыхароў гміны, прызыўнікоў, спісы і анкетныя членаў праўлення гміны, гміннай рады, спісы населеных пунктаў, індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 93].

Праўленне гміны Дзмітравічы (ф. 21) у 52-х адзінках захавання налічвае распараджэнні Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення і рады гміны, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, перапіску з Брэсцкім павятовым староствам па адміністрацыйна-гаспадарчых пытаннях, даведкі аб матэрыяльным становішчы грамадзян, заявы грамадзян аб аказанні ім матэрыяльнай дапамогі, выдачы будаўнічых матэрыялаў, звесткі аб эканамічным становішчы гміны, аб падаткаабкладанні насельніцтва, аб дзейнасці пазыка-ашчаднай касы гміны, аб меліярацыі зямель, аб будаўніцтве і рамонце школ, а таксама асабовыя карткі членаў гміннага праўлення, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, солтысаў і іх намеснікаў, пчалароў, індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 77–78].

155 адзінак захавання праўлення Дамачаўскай гміны ўтрымлівае ў 2-х вопісах фонд 13. Гэта распараджэнні і рашэнні Палескага ваяводскага ўпраўлення, Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення, рады і рэвізійнай камісіі гміны, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, статыстычныя звесткі аб колькасці насельніцтва, эканамічным становішчы гміны, паступленні падаткаў ад насельніцтва, кнігі рэгістрацыі замежнікаў, якія пражывалі на тэрыторыі гміны, заявы грамадзян аб выдачы ім дапамогі, звесткі аб стане грамадскіх арганізацый на тэрыторыі гміны. звесткі аб дзейнасці пазыка-ашчаднай касы гміны, аб выдачы дапамогі грамадзянам, якія жывуць у нястачы, аб будаўніцтве і рамонце дарог. Там знаходзяцца і асабовыя справы выхаванцаў прытулка мястэчка Дамачава, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, выбаршчыкаў, членаў праўлення гміны, прызыўнікоў, план маёнтка Дамачава, спісы радных і іх намеснікаў, індывідуальныя карткі прызыўнікоў, праекты дарожных работ [8, с. 79].

Праўленне гміны ў Камянцы Літоўскім (ф. 16) прадстаўлена 59 адзінкамі захавання: пратаколамі яго пасяджэнняў, рады гміны, выбарчых камісій па выбарах солтысаў, бюджэтамі гміны і справаздачамі аб іх выкананні, звесткамі аб эканамічным становішчы гміны, аб стане маёнткаў, статыстыкай аб пасяўных плошчах, наяўнасці цяглавай сілы, спагнанні падаткаў з насельніцтва, аб будаўніцтве і рамонце школ, статутам павятовай бальніцы ў Камянцы Літоўскім, аб выплаце дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, пасведчаннямі аб сямейным, матэрыяльным становішчы жыхароў гміны, спісамі нерухомай маёмасці грамадзян, знішчанай у ходзе ваенных дзеянняў у 1914–1920 гг. Маюцца спісы дзяцей-сірот, землеўладальнікаў, членаў гміннага праўлення, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў, план гміны [8, с. 80].

Фонд 17 ахоплівае дакументы праўлення гміны Камяніца Жыравецкая (64 адзінкі захавання): распараджэнні Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення і рады гміны, выбарчых камісій па выбарах солтысаў, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, статыстычныя звесткі аб колькасці насельніцтва, асаднікаў, беспрацоўных, звесткі аб эканамічным становішчы гміны, даведкі і пасведчанні аб сямейным, матэрыяльным становішчы жыхароў гміны, звесткі аб будаўніцтве і рамонце школ, дарог, аб выплаце дапамогі сем'ям ваеннаслужачых. Сярод іх можна знайсці і асабовыя справы, анкеты работнікаў праўлення гміны, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, выбаршчыкаў, членаў праўлення гміны, землеўладальнікаў, пчалароў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 79–80].

69 адзінак захавання налічвае праўленне гміны Косічы (ф. 19). Гэта пратаколы пасяджэнняў рады гміны, пратаколы выбарчых камісій па выбарах солтысаў, бюджэты гміннага праўлення і справаздачы аб іх выкананні, даведкі і пасведчанні аб сямейным, матэрыяльным становішчы жыхароў гміны, звесткі пра беспрацоўных, аб выплаце дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, аб шкодзе ад ваенных дзеянняў 1914–1920 гг., аб правядзенні землеўпарадкавальных работ, аб надзяленні зямлёй асаднікаў, аб падаткаабкладанні насельніцтва, аб стане маёнткаў на тэрыторыі гміны. Ёсць асабовыя справы служачых праўлення гміны, уліковыя карткі на членаў гміннага праўлення, спісы жыхароў гміны, выбаршчыкаў, уладальнікаў маёнткаў, пчальнікоў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 80–81].

Больш аб'ёмным (603 адзінкі захавання) з'яўляецца фонд 10, што ўтрымлівае дакументы праўлення Маларыцкай гміны. Сярод іх сустракаюцца цыркуляры і распараджэнні МУС Польшчы, Палескага ваяводскага ўпраўлення, Брэсцкага староства, пратаколы пасяджэння праўлення, рады гміны, бюджэты і справаздачы аб іх выкананні, агульных сходаў вёсак, аб выкананні дарожнай павіннасці, дакументальныя матэрыялы аб правядзенні выбараў у Сейм і Сенат Польшчы, аб арганізацыі дзяржаўных святаў (Дня незалежнасці Польшчы, 3 Мая, 10-годдзя выбарнага прэзідэнта І. Масціцкага (1936 г.), Дня мора і інш.), характарыстыка стану эканамічнага жыцця Маларыцкай гміны (1932 г.), статыстычныя звесткі аб населеных пунктах, нацыянальным складзе і руху насельніцтва, колькасці прамысловых прадпрыемстваў і гандлёвых устаноў, хатняй жывёлы, пасяўных плошчаў, пчальнікоў, могілак, матэрыялы аб арганізацыі палявых работ, насаджэнні фруктовых дрэў, экспарце прадукцыі птушкагадоўлі, звесткі аб будаўніцтве, аб спагнанні з насельніцтва падаткаў і штрафаў, пра рамонт і матэрыяльнае забеспячэнне школ і дзіцячых садоў на тэрыторыі Маларыцкай гміны, аб дзейнасці гміннага камітэта біржы працы, добраахвотных пажарных дружын, сельскагаспадарчых кааператываў, аб санітарным стане жылых і грамадскіх памяшканняў. Там жа знаходзяцца асабовыя справы, анкеты работнікаў гміннага праўлення, спісы населеных пунктаў, маёнткаў, жыхароў, выбаршчыкаў Маларыцкай гміны, падаткаплацельшчыкаў, прызыўнікоў, рамеснікаў, планы зямельных участкаў [8, с. 83–84].

Фонд 18 утрымлівае матэрыялы праўлення гміны Медна (56 адзінак захавання). Гэта распараджэнні Брэсцкага павятовага староства, пратаколы

пасяджэнняў праўлення і рады гміны, бюджэты і справаздачы аб іх выкананні, перапіска з Брэсцкім павятовым староствам па адміністрацыйна-гаспадарчых пытаннях, анкеты прамысловых прадпрыемстваў, грамадскіх арганізацый, пасведчанні аб нараджэнні, месцы пражывання грамадзян, звесткі аб падаткаабкладанні насельніцтва, куплі-продажы зямлі, правядзенні сельскагаспадарчых экскурсій, захаванні мер супрацьпажарнай аховы, правілаў палявання, статыстычныя звесткі аб колькасці бібліятэк, заявы грамадзян аб аказанні ім матэрыяльнай дапамогі. У фондзе знаходзяцца асабовыя справы служачых праўлення гміны, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, выбаршчыкаў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 84].

Праўленне гміны Матыкалы (ф. 24, 71 адзінка захавання) прадстаўлена пратаколамі пасяджэнняў праўлення і рады гміны, сялянскіх сходаў, бюджэтамі гміны і справаздачамі аб іх выкананні, перапіскай па адміністрацыйна-гаспадарчых пытаннях з павятовым аддзелам Брэсцкага сейміка, даведкамі і пасведчанямі аб сямейным, матэрыяльным становішчы жыхароў гміны, звесткамі аб выплаце дапамогі сем'ям ваеннаслужачых, звесткамі аб стане сельскай гаспадаркі, гандлю, будаўніцтва ў гміне, аб правядзенні меліярацыйных работ, камасацыі зямель, статыстыкай аб памерах пасяўных плошчаў, ураджайнасці сельскагаспадарчых культур, анкетамі грамадскіх і гаспадарчых арганізацый. Сярод дакументаў ёсць асабовыя справы служачых праўлення гміны, уліковыя карткі на членаў гміннага праўлення, радных, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 84–85].

Фонд 15 налічвае 54 адзінкі захавання аб дзейнасці праўлення гміны Олтуш: рашэнні Брэсцкага павятовага староства, пратаколы пасяджэнняў праўлення і рады гміны, выбарчых камісій па выбарах войтаў гміны, бюджэты гміны і справаздачы аб іх выкананні, звесткі аб спагнанні падаткаў з насельніцтва, звесткі аб населеных пунктах, установах гміны, будаўніцтве і рамонце дарог, мастоў, выдачы дазvolaў на будаўніцтва дамоў, арэндзе зямлі, заявы грамадзян аб аказанні ім матэрыяльнай дапамогі. Там таксама можна знайсці асабовыя справы работнікаў гміннага праўлення, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, членаў гміннага праўлення і рады, солтысаў і іх намеснікаў, землеўладальнікаў з указаннем зямельных надзелаў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў, тапаграфічны план гміны [8, с. 85–86].

Сярод дакументаў праўлення гміны Ратайчыцы (ф. 20, 61 адзінка захавання) ёсць пратаколы пасяджэнняў рады гміны, сялянскіх сходаў, бюджэты гміннага праўлення і справаздачы аб іх выкананні, звесткі аб будаўніцтве і рамонце дарог, дамоў, падаткаабкладанні насельніцтва, стане сацыяльнага забеспячэння жыхароў гміны, анкеты гаспадарчых, грамадскіх і спартыўных арганізацый. Да іх трэба дадаць асабовыя справы, спісы служачых праўлення гміны, спісы населеных пунктаў, жыхароў гміны, выбаршчыкаў, пчаляроў, спісы і індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 88–89].

У фондзе 22 знаходзяцца матэрыялы праўлення Турнаўскай гміны (54 адзінкі захавання), аднак толькі за 1927–1939 гг. Гэта пратаколы пасяджэнняў праўлення і рады гміны, бюджэты гміннага праўлення і справаздачы аб іх выкананні, дакументальныя матэрыялы аб правядзенні выбараў гміннай рады, даведкі аб матэрыяльным становішчы грамадзян, заявы грамадзян аб выдачы ім грашовых

пазык на пабудову жылых дамоў, звесткі аб спагнанні падаткаў з жыхароў гміны, аб дарожным будаўніцтве, аб правядзенні камасацыі зямель, анкеты гаспадарчых, грамадскіх арганізацый. Ёсць і асабовыя справы служачых праўлення гміны, спісы населеных пунктаў, вернікаў рымска-каталіцкага веравызнання, індывідуальныя карткі прызыўнікоў [8, с. 84].

Акрамя архіўных фондаў, дзе фондаўтваральнікамі былі менавіта гмінныя праўленні, у ДАБр маецца цэлы шэраг іншых фондаў, які ўтрымліваюць дакументы пра дзейнасць органаў сельскага самакіравання Брэсцкага павета ў 1919–1939 гг. Сярод іх вылучаюцца фонды 1 (Палескае ваяводскае ўпраўленне) і 2 (Брэсцкае павятовае староства). Нямаю адпаведнай змястоўнай інфармацыі можна знайсці ў фондах судоў, пракуратуры, паліцыі, устаноў і арганізацый сельскай і лясной гаспадаркі, адукацыі і інш.

У цэлым, прыведзеная характарыстыка дакументальных матэрыялаў гмінных праўленняў Брэсцкага павета ў вызначаны храналагічны перыяд, што захоўваюцца ў ДАБр, дае ўяўленне аб відавай разнастайнасці, змястоўнасці і запатрабаванасці гэтых крыніц для правядзення гісторыка-краязнаўчых, крыніцазнаўчых і генеалагічных даследаванняў. Яны могуць выкарыстоўвацца для падрыхтоўкі навуковых прац па мікрагісторыі і гісторыі паўсядзённасці беларуска-польска-ўкраінскага памежжа, для развіцця краязнаўства ў школах, сярэдніх спецыяльных навучальных установах, ВНУ не толькі Брэстчыны, але і іншых рэгіёнаў Беларусі.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост. : А. Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – 306 с.
2. Вабищевич, А.Н. Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси / А. Н. Вабищевич // Органы местного управления и самоуправления на территории Беларуси (IX век – 30-е годы XX века): пособие / Э. М. Савицкий [и др.]; под общ. ред. С. Н. Ходина. – Минск : БГУ, 2019. – 205 с.
3. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Брэсцкага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – 574 с.
4. Памяць : Камянец. р-н : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. – Мінск : Ураджай, 1997. – 526 с.
5. Памяць : Маларыцкі р-н : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. – Мінск : Ураджай, 1998. – 535 с.
6. Города и районы Брестчины: история и современность. Малоритский район / А. А. Горбацкий, О. Н. Иванчина, Р. В. Чуль и др.; под общей ред. А. А. Горбацкого, М.П.Жигаловой. – Брест : ОАО «Брестская типография», 2020. – 890 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1NU-pq8r0m7o4GKEJR20qEbAOkCOKsfEIB/view>. – Дата доступа: 14.04.2023.
7. Вабищевич, А. Документы Государственного архива Брестской области как источники по истории Польши периода между Первой и Второй мировыми войнами / А. Вабищевич // Wrocławskie studia wschodnie. – Nr 17. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2013. – S. 265–273.
8. Polska-Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939. – Т. 1: Archiwum Państwowe Obwodu Brzeskiego, Archiwum Państwowe Obwodu Grodzieńskiego / oprac. i red. naukowa: А.

Wabiszczewicz [i in.]. – Warszawa : AMALKER, 2013. – 361 s.

9. Wabiszczewicz, A. Stan zachowania i charakterystyka materiałów dokumentalnych II Rzeczypospolitej w Archiwum Państwowym Obwodu Brzeskiego / A. Wabiszczewicz // Archeion. – Т. CXVI. – Warszawa, 2015. – S. 370–384.

10. Государственный архив Брестской области : путеводитель по фондам 1919–1939 / сост. : А. В. Теребунь [и др.]; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.

5. Гарипова Г. Т., д. фил. н., профессор,
профессор кафедры русской литературы
Московского городского педагогического университета;
профессор кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)
(г. Москва, Владимир, Российская Федерация)

УДК: 821.161.1

ТРАНСКУЛЬТУРАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОГРАНИЧЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ФЕНОМЕН ЯВЛЕНИЙ ДВОЙНЫХ ФАКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных процессов транскulturации в творчестве писателей, выражающих на русском языке ино-этнокультурное самосознание, и на уровне синтетической эстетики проектирующих транскультурную модель бытия. Транскультурный подход в изучении любой национальной литературы в системе парадигмы «русская литература и литературы народов России» позволяет снять большинство противоречий в идентификации «национальности» литературного этоса, писателя и собственно отдельного произведения. Понимание транскультурной литературы как историко-культурного феномена дает возможность находить ее проявления в совершенно неожиданных авторских художественных моделях. В статье рассматриваются различные примеры транскulturации на материале произведений Саны Валиулиной, Киора Янева, Салавата Юзеева, Петра Алешковского.

Ключевые слова: транскультурная литература, иноэтнокультурный контекст, пограничье, явления двойных фактов.

G.T. Garipova, Doctor of Philology,
Professor, Department of Russian Literature
Moscow City Pedagogical University;
departments of Russian and Foreign Philology
Vladimir State University named
after A.G. and N.G. Stoletov (VISU)
(Moscow, Vladimir, Russian Federation)

TRANSCULTURATION OF THE ARTISTIC FRONTIER IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY PROCESS: THE PHENOMENON OF PHENOMENA OF DOUBLE FACTS

Annotation. The article examines the features of modern transculturation processes in the works of writers expressing in Russian a foreign ethno-cultural identity, and at the level of synthetic aesthetics designing a transcultural model of being. The transcultural approach to the study of any national literature in the paradigm system “Russian literature and the literature of the peoples of Russia” makes it possible to remove most of the contradictions in the identification of the “nationality” of the literary ethos, the writer and the actual individual work. Understanding transcultural literature as a historical and cultural phenomenon makes it possible to find its manifestations in completely unexpected author's artistic models. The article discusses various examples of transculturation based on the works of Sana Valiullina, Kior Yanev, Salavat Yuzeev, Shamshad Abdullayev, Pyotr Aleshkovsky.

Key words: transcultural literature, foreign ethno-cultural context, borderland, phenomena of double facts.

В российском современном литературном процессе появление новой многоуровневой транскультурной парадигмы определено многими факторами. Один из важнейших – глобальные процессы миграции людей, наций, культур, которым был охвачен весь XX век. Поэтому, как справедливо отмечает Жигалова М.П., «возрастание роли международной коммуникации, обусловленное интенсивными процессами глобализации, выводит сегодня на первое место проблему этновитальности культур и литератур, то есть их жизнестойкости, в мировом мультикультурном пространстве, а в литературоведении – проблему антропоцентризма, изучения личности, этноса, народоведческого потенциала литературы, главных этнокультурных цивилизационных составляющих Европы, – литературы Востока и Запада» [1, с. 3].

На наш взгляд, русский писатель, пишущий на русском языке, вне зависимости от своей генетической этнической принадлежности также может являть пример историко-культурной транскультурации в силу особой мульти(интер)культурной проблематики и художественной модели мира, в которой представлены процессы пограничной литературной трансмиссии языков, стран-этносов, героев. Такой феномен – одновременная принадлежность (по мировоззренческим

и/или эстетическим константам) писателя двум и/или более разным этносам и культурам – может быть обозначен как «явление двойного факта».

Феномен транскультурной литературы проявляется в полифоничной системе художественного выражения транс(этнической)национальной модели мира. Ключевыми концептами для идентификации художественной транскультурации помимо транслингвизма и иноэтнокультурной проблематики, несомненно, является особая авторская картина мира, структурированная по принципу маргинализации имагологической и онтологической ментальности национальной инаковости. Важно отметить, что транскультурную литературу не следует путать с иноэтнокультурным текстом [2]. Исследователи отмечают, что «растущий интерес литературоведения к транскультурному опыту, который отражен в художественном творчестве, связан с появлением огромного количества поэтов и прозаиков с мировым признанием, чья писательская идентичность определяется как пребывающая на границе нескольких культур. Литература, реализующая себя в межкультурном диалоге, обладает множеством специфических особенностей, отражает не только сам факт активного взаимодействия нескольких литератур, но и свидетельствует о качественно новом образовании – результате гибридизации этих литератур. <...> “Культурный синтез” в произведениях искусства представляется как одновременное действие различных культурных языков “в одной точке” – в одном произведении и в создающем его творческом сознании. <...> Одной из остро актуальных и новых проблем мирового литературоведения является осмысление феномена культурной “гибридности” в его литературном проявлении, изменчивость репрезентации национальной, культурной и иных форм идентичности» [3].

Транскультурация «миграционного бытия»

Современный исследователь И.С. Юхнова пишет: «Одним из интереснейших явлений современной литературы стало творчество писателей, выросших на так называемых национальных окраинах – в бывших союзных республиках. Называют ее по-разному – “литературой окраин”, “литературой фронта”, в последнее время, после появления книги Александра Эткинда “Внутренняя колонизация”, стали использовать определение “постколониальная литература”, которое вызывает ожесточенные споры, так как включает в себе оценочность и идеологичность, но не раскрывает сути самого явления» [4, с. 82].

В этом плане можно отметить удивительный роман русского писателя Петра Алешковского «Рыба. История одной миграции», репрезентирующий национальную, ментальную, языковую транскультурацию как принцип построения художественной модели «миграционного» бытия. Писатель выстраивает судьбу особого типа героя – «культурного метиса» (В. Вельш [5]) – Веры как фрактальную проекцию внешней миграции русского человека (в локусах «Таджикистан» – «Россия») во внутреннюю эмиграцию (в системе экзистенциалов «свой» – «другой (чужой)»), синтез которых и есть способ иеротопической сакрализации героя и мира распавшейся советской империи. Писателя можно отнести к транскультурной литературной традиции в силу наличия в ряде произведений, в частности представленного романа, ярко выраженного транснационального мышления, проявляющегося в гибридной системе смысловых образов-парадигм (А.М. Лидов) из разных этнических культурных систем.

Алешковский представляет транскультурную эстетику, созданную на русском языке русским писателем, сформировавшимся в условиях поликультурной трансграничной традиции советской межкультурной общности эпохи распада полинационального советского социума. Художественная модель мира характеризуется симбиотическими образами, структурированными на основе поликультурных кодов русской, таджикской (шире – восточной) и даже эстонской (старик Юка и его колокол) традиций, в том числе и религиозно-философских. В эстетике романа подобная миромоделирующая транскulturация проявлена на уровне «гибридного языка» (основу составляет русская лингвокультура с элементами тюркской (среднеазиатской) лексики, экзотизмов), «гибридной метафорики» (мультикультурные архетипы, интернациональные метафоры, полисемантические образы).

Исследователь транскulturности У.М. Бахтикерева подчеркивает, что «национальная культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой) стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру... Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется “специальная сфера иначе организованная”, чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся “ядром духовно-культурной экзистенции народа”, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой действительности» [6, с. 223].

(Э)миграционные процессы не просто усиливают встраивание одной культуры в другую, но и интерферируют культуру коренного населения и эмигрантов второго и последующих поколений (уже родившихся в «чужой» стране, но воспринимающих ее как «свою родную») в некое новое образование. Например, появляется такое понятие как «эритажный язык». Произведения, созданные на этом языке, будут нести в себе концептуально принцип художественной транскulturации. Ученые считают, что «в этом случае можно говорить о несколько вынужденном контакте разных культур в рамках определённого географического пространства, который может вести как к позитивному и конструктивному диалогу между культурами, так и к неприятию друг друга, и, как следствие, конфликтам» [7].

В романе «Рыба. История одной миграции» писатель показывает не только судьбу одной русской семьи, оказавшейся в советский период в Таджикистане, прожившей там целую жизнь и родившей детей, которая в 1992 году вынуждено реэмигрировала на историческую родину предков Россию, но и судьбу целых народов, вдруг в одночасье превратившихся в поколение мигрантов исчезнувшей страны. Уже задолго до распада страны, до начала внешнего реэмиграционного исхода, начинается экзистенциальный исход героини в онейросферу подсознательного в попытках обрести свою личностную и национальную самоидентификацию. Именно из этого «внутреннего бытия» Вера «пишет» реальную автобиографию свою и своего народа, вспоминает о нежелании принимать чужую традицию, равно как и местное население не особо радостно принимало «иных».

Транскультурная эго-интеграция

Мы также придерживаемся точки зрения о том, что рассматривать транскультурные проблемы в развитии литературного процесса необходимо в системе социокультурного полилога. Достаточно часто социальная трансмиссия детерминирует культурное полиязычие и мышление, определяющие особую экзистенциальную мультикультурную картину мира, локализованную в художественной транскультурной миромодели. На наш взгляд, такой подход чрезвычайно важен при анализе транскультурной литературы периода колониального и постколониального функционирования особой советской межлитературной общности (Д. Дюришин), а потом российской литературы, так или иначе (в плане синхронии или нелинейной диахронии) связанной с процессами социальной трансмиссии (переселение народов, смешение наций, внутренняя миграция, полиэтнические эмиграция и иммиграция), обусловленными политическими реалиями в том числе. Транскультурные писатели репрезентируют очень разные, порой диаметрально противоположные модели структурирования такого транссоциального, транснационального, транскультурного мира, вскрывая разные форматы возможного межнационального и личностного экзистенциального полилога. Например, если татарский транскультурный писатель Салават Юзеев в романе «Не перебивай мертвых» рисует полиэтнический мир, в котором национальное самосознание двух соживущих наций (русских и татар) находятся в состоянии разрушения границ и трансгрессии национальных сознаний, то Сана Валиулина в романе «Не боюсь Синеи Бороды» изображает мир полиэтнического антагонизма (русских и эстонцев), когда агоническая борьба приобретает черты национального противостояния. Роман есть своего рода художественная эго-интеграция всех внутренних «других» в сознание героини, объединяющая в целостность внутренние нацсознания и этноментальности, которые проявлены на уровне или языка, или картины мира, или составляющих коллективного бессознательного. Важно, что для транскультурного автора выбор языка сегодня не равен выбору самоидентификации и национальной идентичности. В любом случае феномен транскультурности, реализованный в художественном явлении (транскультурная литература в целом, писатель, отдельное произведение в частности) не есть код расщепленного, распавшегося сознания. Скорее всего, это способ преодоления этого. Все эти явления, на наш взгляд, определяют своего рода диалектику эго-интеграции через художественную трансляцию и диалог иноэтнокультур, репрезентируемых через транслингвизм и транскультурные образы (чаще всего имагологические). Такая транскультурация всегда содержит историсофский элемент. Ученые заявляют, что «через культуру, которая обеспечивает глубокое погружение в мир психологии людей и народов, можно показать действие механизмов истории, сокровенные тайны человеческого бытия. <...> Тут могут родиться откровения не только из области культурологии, но и истории» [8, с. 46].

Родилась Сана Валиулина в татарской семье в г. Таллин Эстонской ССР. Детство и юность прошли среди эстонцев, она закончила русскую школу, но говорила на нескольких языках – русском, эстонском и татарском. Уже когда поступила в МГУ на филологический факультет, она выучила еще английский и норвежский, а впоследствии и голландский, переехав жить в Амстердам. Творческое

языковое поле Саны Валиулиной в основном определяется голландским (автобиографический роман «Крест» (2000), сборник повестей «Ниоткуда с любовью», романы «Дидар и Фарук» (2006) и «Сто лет уюта» (2009), сборник эссе «Зимние ливни» (2016)), но именно роман «Не боюсь Синей Бороды» (2015) написан на русском языке. В 2018 году роман был номинирован сразу на три премии – Большая книга, Ясная Поляна (в номинации «Современная русская проза») и НОС (Премия Новая словесность).

Несомненно, что такое нахождение внутри транскультурного «этнического поля» (понимаемого Л.Н. Гумилевым как феномен этноса как таковой) формирует и особую художественную культурно-этническую синергетику, самым ярким образцом которой является роман «Не боюсь Синей Бороды». Героиня романа является не просто alter-ego писательницы, а еще и нарратором историософского неомифа о Синей Бороде. Нарративная стратегия романа динамично соотносится со смысловой целостностью четырех частей-книг романа. Посвящая роман родителям, писательница подчеркивает, что «все события и герои этой книги вымышлены, любые совпадения с реальностью – случайны» [8, с. 6]. Тем не менее, на наш взгляд, определенная соотнесенность внутреннего пространства романа с биографическими событиями жизни автора симптоматична, как и для большей части транскультурной литературы, и обусловлена своего рода диссоциированными³ задачами структурирования художественной модели мира «другого», фиксирующего авторский культурный опыт самоидентификации. Культурная идентичность главной героини (самоощущение внутри данной конкретной культуры), от имени которой (девочка без имени в первой книге, Маня Рахимова во второй книге) ведется повествование, обусловлена в романе маргинальным пространством мира, в котором она живет. Следуя типологии персонификаций американского социолога Г. Амбрамсона, систематизирующего четыре формы культурной идентификации (традиционалист, пришелец-неофит, изгнанник, евнух), героиня романа вполне соотносима с типом пришельца-неофита, описанным П.С. Гуревичем на основе теории Амбрамсона: «Сюда относятся люди, которые включены в структурную систему этнических связей, но не имеют наследственных корней в соответствующей этнической культуре – она не составляет их внутреннего духовного достояния, не интериоризована ими. Ранняя идентификация “пришельца” протекала за пределами культурной общности, к которой он примкнул. Он ощущает себя на пороге совершенно нового культурного опыта. Отсюда чувство неуверенности и маргинальности, более острое, нежели маргинальность «традиционалиста», который одиночество среди иноплеменников компенсирует взаимопониманием с соплеменниками. Врастая в чужую структуру, человек предварительно или одновременно вживается в ее культурные ценности и символы» [10, с. 40].

Такие личности наиболее остро проживают движение сознания внутри спектра «Я – Другой – Иной – Чужой», поскольку границы между «материнской»,

³ Диссоциация означает особые психические процессы, связанные с механизмами психологической защиты, когда человек начинает воспринимать происходящее с ним так, будто оно происходит не с ним, а с кем-то иным. Диссоциированная позиция призвана защищать человека от непереносимых, избыточных эмоций.

«вторичной родной», «заимствованной» культурами стираются в процессе самоидентификации во внутреннем экзистенциальном поле, но акцентируются внешним миром в процессе социальной идентификации.

Постепенное концептуирование личности героини через идентичность русского и эстонского миров в романе определяет динамику сюжета и композиционную архитектонику. Четыре книги представляют четыре истории, связанные, в первую очередь, с историософией «дома всех народов» и внутреннего вращивания в «иной» мир. В каждой книге появляются новые герои, но действие всегда локализуется в Эстонии (за исключением «притчевой» четвертой книги). Для творческого сознания Саны Валиулиной характерно размыкание границ языковых и художественно-национальных картин мира [См. подробнее: 11; 12; 13; 14].

Апофатика национальной историософии

Писатель Салават Юзеев практически во всех своих текстах, написанных на русском языке, проектирует национальную миромодель татарского этноса на основе народного мифологического этоса. Мифопоэтика гетерогенна только в системе «блуждающих сюжетов» и «вечных тем». Во всех случаях присутствие двух языков, русского и татарского, прослеживается на уровне включения татарских лексем в структуру русского лингвотекста. В. Кабакчи для описания подобных ситуаций с доминированием определенного языка вводит понятие «вторичной культурной ориентации» и говорит о необходимости его использования «в качестве вторичного средства описания родной культуры» [15, с.70].

Творчество Салавата Юзеева очень показательно в плане особой формы мультикультурализма, в основе которого, по мнению М. Тлостановой, лежит желание того или иного этноса сохранить свои традиции и особенности в рамках одной культуры [16]. В романе «Не перебивай мертвых» [17] писатель выстраивает апофатическую поэтику миромоделирования национального татарского мира через отрицание его закрытости, через признание его пограничности с русским миром в едином историософском пространстве, в первую очередь в контексте новых форматов общей государственности XX века.

Салават Юзеев выстраивает судьбы своих героев в постоянном нелинейном движении от рождения к смерти, фиксируя точки самосознания в пограничье до-рождения и/или после-смертия. Большинство героев романа проходят два пути «рождение-смерть» и «смерть-рождение» с разными уровнями осознанности мира. Писатель словно создает интегральную карту национального сознания героя-татарина, в которой до смерти он вписан в общую полиэтническую историософию, но именно после смерти в нем начинает проявляться генетический национальный родовой ген: «Мое рождение потрясло меня. Я был оглушен, ничего не понимал, и прошло немало времени, лет, наверно, пять, прежде чем мне удалось хоть немного опомниться. «Лишь сейчас я окончательно пришел в себя, – так я думал, когда мне было двадцать пять лет. Так же я думал, когда мне было сорок лет. Так я думаю и сейчас, когда мне восемьдесят два. Дело в том, что в любом возрасте кажется, что ты в большей мере являешься собой. Хотя, быть может, я уже давно далеко от себя и приду в себя – или окончательно уйду – после второго потрясения, вы знаете какого, если учесть, что человек испытывает два самых важных потрясения, остальные не в счет» [17, с. 5].

Апофатика Юзеева заключена в том, что через смерть, через танатологическое проживание реальности и истории он утверждает национальную аксиологию жизни. Все герои проходят испытание потрясением рождения и смерти в разных своих проявлениях, апофатически связанных основными танатологическими мифообразами (Поляна мертвых, отряд бессмертных мстителей, система «вечных» образов-стихий и т. д.). Смерть познается через отрицание жизни, жизнь – через отрицание смерти. Апофатический горизонт находится на онтологических границах жизненного (деревня Луна) и танатологического (Поляна мертвых) пространств. Организованный по принципу фрактального сюжетостроения «текст в тексте» позволяет выделить важнейший ряд героев, находящихся все время в состоянии трансгрессии между этими пространствами.

Апофатика в романе связана со всеми онтологическими и экзистенциальными феноменами. Экзистенциальная апофатика представлена в системе бимодального утверждения ценностных героев как носителей национального аксиологического сознания через отрицание антигероев, воплощающих внеациональные абсолюты зла, в большей степени обусловленных эпохальной историей предательств.

Часто писатель, давно не живущий в стране своего творческого языка, испытывает эстетическую потребность художественного изображения внутреннего этоса культуры, жизни, истории страны этого языка как экзистенциального способа внутренней колонизации (А. Эткинд) или деколонизации (М. Тлостанова)⁴, в зависимости от соотношения своей личной мифологии (термин Стенли Криппнер) с историей своей «другой», «чужой», но родной (хотя бы по принципу языкового сознания и самоосознания) нации. Такие писатели всегда будут оставаться в системе координат «многоликого героя» (Д. Кэмпбелл) и определяться психологией «инаковости».

Примером одновременного транскультурализма, мультикультурности и транскультурности является писатель Киор (Александр) Янев. Свою автобиографию писатель изложил в нескольких строчках, которые определили его полидомную трансэтничность: «Родился во времена развитого социализма в Средней Азии. Детство провел во Фрунзе и Алма-Ате, юность в Москве, молодость в Германии. Учился в Щуке в Москве и в Людвиг-Максимилиане в Мюнхене, занимался филологией и режиссурой. Живу в Германии и вне ее» [18].

Важнейшими проблемами творчества Киора Янева закономерно являются разломы времени, пространства как фракталов истории. В современном литературном процессе именно в системе подобных хронотопических разломов бытия и эволюционирует историсофская концепция писателей, судьбы которых определило время миграции между различными границами – стран, эпох, наций, языков. Существовая в пограничье, они обретают дар фиксировать в своем экзистенциальном и творческом сознании особую историсофию «травматического времени», фиксирующего имперскую ментальность. Критик Наталья Иванова отмечает, что главная тенденция последних лет – направленность в прошлое, к памяти, к истории. «Будущее русской литературы – это наше коллективное прошлое» [19].

Попытка разгадать феномен подобной имперской ментальности представлена в романе Киора Янева «Южная Мангазея», который был опубликован сначала на русском языке (2020), затем на немецком (2022). Писатель создает особую знаковую систему для художественной репрезентации русского мира как

⁴ Мы переводим эти понятия, связанные с внешними процессами колонизации, в сферу внутреннего личностного понимания.

среза «советской империи», разрушающей условную чистоту этого мира. Исследователь Э.Ф. Шафранская обозначает возможность рассматривать историю русской литературы XX века как эволюционную систему историософских парадигм «травматического времени» (насильственного покорения, переселения народов [20]), фиксирующего не только процесс разрушения национального самосознания, но и общей имперской ментальности.

Семиотика личной мифологии писателя восходит к общему коллективному бессознательному, которое связано с авторским транскультурным опытом – трансмиссией разных национальных миров. Концепция Ролана Барта о мифе как высказывании позволяет рассматривать текст Киора Янева именно как личный миф, выстраивающий авторскую интерпретацию «империи на костях» [21, с. 7] – на основе «эзопова языка». Этот язык шифрует общую мифологию «имперского мира» в личных символических знаках-образах – подобная метафорика языка становится авторским почерком: «Побагровевшее вещество времени так сдавило пространственную арматуру, что сверху и снизу образовались проталины, вроде станции столетней однопутейки, где Ян, как вкопанный в помпейский городок, курился мозговым теплом, обкуривал платоновские образы, паровозной золой облетавшие на его нижнюю, мясную марионетку. <...> На гребне заката, всплеснувшего рельсы, Ян, наконец, нагнал прошлое, расходившееся кругами от когда-то канувшего дня» [21, с. 8].

Киор Янев пытается объяснить кризисные сломы в истории XX века. Он создает мыслящий мир «за пределами мозга» (так называется одна из глав романа), социальное тело которого разлагается на границах истории, а это дает возможность читателю «“анатомировать” сознание ущербного и опасного, но (вот где корни жалости, гуманизма) социально мотивированного типа» [22].

Таким образом, по мнению М. Эпштейна, транскультура, мыслимая как состояние виртуальной принадлежности индивида многим культурам, размывает семантические границы между ними за счет интерференции (своего рода «рассеивания») символических значений одной культуры в полях других культур [23, с. 97]. Геополитическая разомкнутость современного мира, активизация процессов миграции создают интенцию для художественного позиционирования транссемиотики таких образов, которые имеют и конкретную национальную символическую специфику. Как утверждает Жигалова М.П., «...если принять во внимание, что традиционная картина мира чаще всего выступает как формирующее начало человеческой деятельности, то, видимо, следует в первую очередь её проанализировать. Это позволит понять, чем отличаются национальные культуры, и как они дополняют друг друга, образуя целое на уровне мировой культуры. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы постичь сам процесс взаимодействия культур, а это предполагает знание кода каждой из них или того неповторимого ядра, которое делает культуру национальной» [24, с. 6]. Это мы и попытались сделать в своей статье.

Список использованной литературы:

1. Жигалова, М.П. Этновитабельность и мультикультурность в литературе: интерпретация и анализ. Монография. – Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 305с.

2. Шафранская Э.Ф. Современная русская литература: иноэтнокультурная проблематика: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 194 с.

3. Женис Н., Киынова Ж. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. – 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Юхнова И.С. Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2015. – № 2(10). – С. 81–89.
5. Welsch W. Transkulturalitat // Migration und Kultureller Wandel. Institut fur Auslandsbeziehungen, 45. Jg. 1995/1 Vj. – Stuttgart, 1995. – P. 1015–1020.
6. Бахтикереева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения) / У.М. Бахтикереева. – Астана: ЦБОиМИ, 2009. – 259 с.
7. Дарзаманова Р.З. Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лёчера: монография. – Казань: КНИТУ, 2016. URL: <https://bstudv.net/807813/iskusstvo/inter-multi-transkulturalnost-osnovnoe-trebovanie-sovremennosti-obekt-issledovaniya-poslednih-desyat> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 192 с.
9. Валиулина С. Не боюсь Синеи Бороды: роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 603 с.
10. Гуревич П.С. Идентичность – привилегия человека // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2011. – № 2. – С. 36–47.
11. Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития: Коллективная монография / Н.Д. Котовчихина, Н.А. Белова, Е.А. Николаева [и др.]. – Ташкент: Geo fan poligraf, 2013. – 200 с.
12. Гарипова Г.Т. Художественная рецепция восточных идеалистических концепций «возможных миров» в русской литературе XX века // Вопросы филологии. – 2020. – № 3(71). – С. 66–72.
13. Гарипова Г.Т. Философская референция как способ художественного миромоделирования в прозе «поколения сорокалетних» (на материале произведений А. Битова, А. Кима) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 258–263.
14. Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 5. – С. 467–474.
15. Кабакчи В.В. Литератор между двух языков и двух культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2(50). – С. 74–79.
16. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 400 с.
17. Юзеев С. Не перебивай мертвых: Сборник. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. – 226 с.
18. Арабески. Проза Киора Янева // Textura: международный литературный портал. – 2022. – 19 августа. URL: <https://textura.club/arabeski/> (дата обращения: 16.01.2023).
19. Иванова Н.Б. Литературный парк с фигурами и беседкой: Избирательный взгляд на русскую прозу XXI века. – М.: Рутения, 2019. – С. 34–36.
20. Шафранская Э.Ф. Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 2–2. – С. 340–344.
21. Янев К. Южная Мангазея: Романы. – СПб.: Jaromír Hladík press, 2020. – 320 с.

22. Шафранская Э.Ф. «Маленький человек» в контексте русской литературы конца XIX – начала XX в. (Гоголь-Достоевский-Сологуб) // Русская словесность. – 2001. – № 7. – С. 23–26.

23. Эпштейн М. На границах культур: российское – американское – советское. – Нью-Йорк: Слово/ Word, 1995. – 430 с.

24. Жигалова, М.П. Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика: монография. – Berlin, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 305с.

6. ГОРУПА Т. А., к. юридических наук,
доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых
дисциплин УО “БрГУ имени А.С.Пушкина”
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК [316:338:006.015.8]:330.101.8(476.7)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД⁵

Аннотация. В статье рассматриваются социальные проблемы, которые влияют на экономическую безопасность региона с точки зрения междисциплинарного подхода. Автор рассматривает демографические проблемы Брестского региона, а также криминологические проблемы, связанные с незаконным перемещением через Государственную границу мигрантов, контрабандой наркотиков.

Ключевые слова. Экономическая безопасность, социальные проблемы, демография, распределение выпускников, незаконная миграция, контрабанда наркотиков.

T. HARUPA, Candidate of
Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of

⁵ Исследование выполнено в рамках проекта БРФФИ «Теоретико-методологические и прикладные основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности государства в условиях региональной интеграции».

Civil Law Disciplines of
the Higher Educational Institution
“BrSU named after A.S.Pushkin”
(Brest, Republic of Belarus)

FEATURES OF THE SOCIAL BASIS OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE BREST REGION: INTERDISCIPLINARY APPROACH

Annotation. The article deals with social problems that affect the economic security of the region from the point of view of an interdisciplinary approach. The author examines the demographic problem of the Brest region, as well as criminological problems associated with the illegal movement of migrants across the State Border, drug smuggling.

Key words: Economic security, social problems, demography, distribution of graduates, illegal migration, drug smuggling.

Социально-экономическое развитие приграничных регионов имеет некоторые особенности относительно центральных регионов любой страны. Наличие границ, разделяющих соседние родственные народы, условно проводит разделение ментально близких друг другу людей по культуре, религии, языку. И одновременно границы фактически и юридически разделяют людей, которые проживают в отдельных суверенных государствах и принадлежат к разным правовым системам. Однако соседние государства и их правовые системы подвержены конвергенции в виду развития двусторонней торговли, туризма, образования, налаживания добрососедских отношений между людьми. И в приграничных регионах обеих стран формируются весьма уникальные социальные отношения, когда все стороны стремятся получить выгоду от такого места положения вещей.

В Брестском регионе мы можем наблюдать в настоящее время как минусы, так и плюсы своего близкого расположения к украинской и польской границам.

С одной стороны, украинский военный кризис, миграционные и санкционные проблемы на польской границе создают глобальные угрозы национальной безопасности, требующие их оперативного решения и укрепления белорусской границы.

С другой стороны, приграничный регион, в который приезжают грузоперевозчики в командировки, студенты на каникулы и работники в отпуск из европейских стран, из которого выезжают брестчане в соседние страны за покупками, формируется особая среда толерантности к соседям, которая, несомненно, может быть основой в будущем для переагрузки и налаживания партнерских взаимоотношений.

Противоречивость современной проблематики диктует и проведение научных исследований социальных вопросов с помощью инструментария различных общественных наук, так как «интеграция возможностей различных наук способствует обеспечению целостности знания и позволяет разработать принципиально новые, инновационные способы решения научных и прикладных проблем общества» [1, с. 72].

Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 года, опреде-

ляет национальную безопасность через ее составляющие политическую, экономическую, научно-технологическую, социальную, демографическую, информационную, военную и экологическую безопасность. Структура национальной безопасности является предметом жестких научных дискуссий. Так, Фотина К.В. заявляет о самостоятельности транспортной безопасности [2], Полтораднева Н.Л. и Завьялова Д.А. предлагают разграничивать экономическую и финансовую безопасность [3], а Семикаше В.В. и Саенко В.В. отстаивают самостоятельность и важность энергетической безопасности [4]. Не вдаваясь в научные дискуссии выделения отдельных видов национальной безопасности, используя научную методологию экономической и правовой науки, исследуем социальную основу экономической безопасности региона на примере Брестчины.

Республика Беларусь – это небольшое унитарное государство и вопросы регионального развития для него не столь актуальны как для федеративного государства. Однако диспропорции социально-экономического развития видны в сравнении Минска и Минской области с уровнем развития любого другого региона, в том числе и Брестского. Так, к примеру, активных предприятий, осуществляющих коммерческую деятельность в Брестской области в 2021 году, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, насчитывалось 10 259, в Минской области – 18 704, соответственно в Минске – 43 168. Таким образом, учитывая, что всего в Республике Беларусь по данным комитета действует 105 854 предприятий [5, с. 4], в Минске и Минской области действует почти 60 процентов предприятий страны, а в Брестской области всего лишь 10 процентов.

Развитие хозяйственного сектора преимущественно в Минской области и городе Минске, а также наличие в них современной городской и сельской инфраструктуры, большинства вузов и ссузов страны объясняет и отток населения из регионов в город Минск и Минскую область. В результате на периферии под угрозой исчезновения уже не деревни и села, а малые города. По официальным данным с 1996 по 2019 год население Ганцевичского района уменьшилось более чем на 11 тысяч человек. В 1996 году там проживало 37 900, а в 2019 году уже 26 954. В Брестской области за эти же годы уменьшилось количество населения с 1 494 300 до 1 380 391 человека [6]. Причем работающих граждан, или как говорят статистические справочники, занятого населения в Брестской области 580,2 человек [7, с. 12].

Таким образом, 800 191 человек является незанятыми, из них 29,3 безработных, остальные пенсионеры, несовершеннолетние. При возрастающей тенденции среди молодежи получения образования за рубежом, отсутствия официальной статистики после 2019 года, думается, что современные цифры выглядят еще более удручающими.

Соответственно самой острой социальной проблемой для экономической безопасности Брестского региона является демографическая. Необходимо создать условия для естественного прироста населения через более эффективную работу системы здравоохранения, образования, а самое главное – через создание новых рабочих мест.

И поиск новых правовых средств для решения такой важной проблемы может быть вполне приемлемым. Представляется, что институт распределения выпускников высших и средне-специальных учебных заведений, которые обучались за

счет бюджетных средств на дневной форме получения образования, должен быть более гибким в части определения условий и срока обязательной отработки.

В настоящее время ст. 72 Кодекса об образовании Республики Беларусь от 13 января 2011 г. № 243-З определяет срок обязательной работы по распределению 2 года (п. 4 статьи) либо 1 год (п. 5 статьи) и определяет ряд оснований, когда распределение не предоставляется. Но в виду имеющейся острой демографической проблемы вполне допустимо, на наш взгляд, увеличение срока работы по распределению до 7 лет, но с предоставлением другой возможности – молодой человек может по своему желанию найти место работы на территории Республики Беларусь, причем независимо от полученной специальности. В данном предложении существенным является изменение подхода к распределению – это предоставление диспозитивности выбора выпускником типа распределения. Молодой человек может либо быть распределенным на 2 года по специальности обучения и месту нахождения рабочего места, либо выбрать самостоятельное трудоустройство на территории Республики Беларусь сроком на семь лет по любой специальности. В конечном итоге, оставшись на территории Республики Беларусь, выпускник может создать семью и строить перспективы проживания и работы в своей стране. Бесспорно, данная мера требует углубленного исследования возможностей ее реализации в отдельных отраслях экономики, учета всех положительных и негативных последствий. Но ее обсуждение ведется уже не первый год. Глава государства в 2021 году озвучивал возможность распределения выпускников-медиков сроком на 10 лет [8].

В любом случае, при функционировании большого количества Институтов переквалификации при каждом высшем учебном заведении страны мы видим достаточное количество людей, которые меняют профессии. Проблема обеспеченности профессиональными кадрами является острой, но не более чем демографическая. Куда важнее, чтобы молодой человек остался на территории страны, чем проблема смены рода деятельности.

Статья 8 Закона «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 года №130-З позволяет нормотворческому органу (должностному лицу) принимать нормативный правовой акт в порядке эксперимента, ограничивая его действие во времени и определенной территорией и (или) по кругу лиц. Представляется, что такой акт в порядке эксперимента по вопросам возможности обязательного трудоустройства выпускников высших учебных заведений в Республике Беларусь, вполне мог бы быть принят, и его действие может быть ограничено Брестской областью, где находится три классических и один технический университет, которые могли бы участвовать в таком эксперименте. В случае положительного результата данный эксперимент можно было бы распространить впоследствии на выпускников средних специальных учебных заведений, которые обучались за счет средств бюджета и за счет средств «семейного капитала». Данные меры будут способствовать экономической безопасности Брестского региона.

Следующей угрозой социального характера для приграничных областей, как отмечают ряд отечественных авторов, являются проблемы нелегальной целевой и транзитной миграции и увеличение контрабанды наркотиков [с. 77-78]. Трансграничные преступные группы налаживают устойчивые каналы незаконной ми-

грации и контрабанды. Так, в 1 квартале 2023 года таможенными органами Республики Беларусь пресечено 75 фактов незаконного перемещения через таможенную границу наркотических средств и психотропных веществ, а также совершения иных противоправных действий в сфере незаконного оборота наркотиков.

По этим фактам возбуждено 69 уголовных дел. Также выявлено 6 фактов незаконного оборота сильнодействующих веществ [9].

По данной причине возрастают риски криминализации общественных отношений в Брестском регионе. Под угрозой находятся молодые люди, в особенности подростки, которые совершают преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотиков, не давая себе отчет о противоправных действиях и их последствиях. Поэтому основными средствами борьбы с такими явлениями является их профилактика и проведение просветительской работы среди жителей приграничных регионов.

Таким образом, ряд социальных факторов существенно влияют на экономическую безопасность Брестского региона. Используемая научная методология исследования позволяет нам выделить демографические проблемы, связанные с эмиграцией молодых людей из ряда малых городов и сельских районов Брестчины, и криминологические проблемы, связанные с незаконным перемещением через Государственную границу мигрантов, контрабанду наркотиков. И данные угрозы требуют применения как традиционных, так и новых правовых средств. Более того, представляется, что «регионализация» всей государственной политики является актуальной для Республики Беларусь. Любые последствия значимых государственных решений в экономической и социальных сферах должны быть спрогнозированы в части их воздействия на регионы.

Список использованной литературы:

1. Барышникова, Н. А. Междисциплинарные экономико-правовые исследования как новая форма организации знания: проблемы и перспективы / Н. А. Барышникова // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 25–26 января 2019 года / Под редакцией В.С. Слобожниковой, И.В. Сулова. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 69-72.

2. Фотина, К. В. Транспортная безопасность в структуре национальной безопасности Российской Федерации / К. В. Фотина // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2022. – № 6(95). – С. 44-48.

3. Полтораднева, Н. Л. Современная структура национальной финансовой системы в контексте финансовой безопасности страны / Н. Л. Полтораднева, Д. А. Завьялова // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25, № 3(783). – С. 580-595. – DOI 10.24891/fc.25.3.580.

4. Семикашев, В. В. Совершенствование системы анализа энергетической безопасности России в контексте утверждения новой доктрины энергетической безопасности 2019 г / В. В. Семикашев, В. В. Саенко, А. Ю. Колпаков // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 135-156.

5. Статистический бюллетень «Бизнес-демография в Республике Беларусь» <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/8a9/ubo48e7vfl57ab1afjd9811e1aed4os9.pdf>

6. Демографическая и социальная статистика. Население и миграция// Режим доступа: <https://www.brest.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/demograficheskaya-i-sotsialnaya-statistika/naselenie-i-migratsiya/naselenie/godovye-dannye/chislennost-naseleniya-po-gorodam-i-rayonam/> .- Дата доступа: 16.04.2023

7. Регионы Республики Беларусь. Статистический сборник Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/104/47cb7opp7nnw4og2ad9nz0cq00enlc4m.pdf/> .- Дата доступа: 16.04.2023

8. Александр Лукашенко предложил 10 лет отработки для выпускников медицинских вузов // Режим доступа: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/4505509/> .- Дата доступа: 16.04.2023

9. Таможенные органы Республики Беларусь. Правоохранительная деятельность за I квартал 2023 года// Режим доступа: <https://www.gtk.gov.by/pravo-okhranitel'naya-deyatelnost/pravookhranitel'naya-deyatelnost-za-2021-god/> Дата доступа: 16.04.2023

10. Винников А. А., Бутранец М. В. Анализ вызовов и угроз пограничной безопасности Республики Беларусь в пограничном пространстве на современном этапе // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы О-13 Республики Беларусь: теория и практика : материалы XI Респ. науч.-практ. конф., Минск, 16 марта 2022 г. : в 3 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: И. К. Таперкин [и др.]. – Минск : ИПС РБ, 2022. – Ч. 1. – с. 76-80.

7. Демидович Т. А., председатель
Брестского областного отделения
Союза писателей Беларуси
(г. Брест, Республика Беларусь)

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА НА БРЕСТЧИНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье показаны пути развития литературы Брестчины и писательской элиты Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Ключевые слова: писатели, Брестское областное отделение Союза писателей Беларуси, творчество, мероприятия, развитие.

T. A. Demidovich, Chairman
Brest Regional Branch Union of
Writers of Belarus
(Brest, Republic of Belarus)

THE DEVELOPMENT OF THE LITERARY PROCESS IN THE BREST REGION AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Annotation. The article shows the ways of development of the literature of the Brest region and the writers' elite of the Brest regional branch of the Union of Writers of Belarus.

Key words: writers, Brest regional branch of the Union of Writers of Belarus, creativity, events, development.

В первом десятилетии XXI века в общемировой литературе, как и в русской литературе, произошло своеобразное переустройство литературного процесса, связанное с научно-техническим прогрессом. Наступило время высоких скоростей, а значит, «лёгкого чтения». Если в прошлом веке читатель сам стремился найти источники информации, был вдумчив, рассудителен, требователен к писателю, то в начале XXI века информационное море поглотило самого читателя и тем самым усложнило его доступ к высокохудожественным произведениям. И только к середине 20-ых годов XXI читатель начал ориентироваться в тенденциях синкретичного современного литературного процесса, живо воспринимая литературные приобретения от классики до постмодерна.

Белорусская литература не попала в информационный шторм, сохраняя свою аутентичность и укрепляя духовные и моральные основы, заложенные предшественниками.

Чистым родником, к которому, возможно, не всегда легко подобраться, перешагивая через информационные моря и океаны, можно назвать и литературу Брестчины.

Малотиражные книги, проза и стихи берестейских литераторов не всегда в свободном доступе в Интернете, но читатели, однажды прочувствовав духовную чистоту лирических героев, уникальность белорусских мотивов и образов, глубокое уважение к своей истории и судьбам своих предков, с благодарностью возвращаются к литературному «роднику» вместе с детьми и внуками.

Заложенный В. Колесником фундамент стал залогом долгой и продуктивной литературной жизни региона.

Одним из важных событий в начале XXI века стало создание Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси. Это произошло 15 декабря 2005 года на учредительном собрании, в котором приняли участие 14 поэтов и прозаиков: Анатолий Крейдич, Нина Дьякова, Николай Антоновский, Николай Еленевский, Николай Панасюк, Василий Жушма, Любовь Красевская, Юрий Солоневич, Светлана Курылёва, Валерий Гришковец [4], Андрей Мазько, Вячеслав Бурдыко, Василий Литвинчук, Георгий Томашевич.

Первым председателем тогда стал известный писатель Анатолий Крейдич. В декабре 2006-го было открыто представительство областного отделения Союза

писателей Беларуси на базе редакции газеты «Заря», а с 19 декабря 2016 года Татьяна Демидович [5] была избрана председателем отделения. Сегодня в областном отделении Союза писателей Беларуси – 52 литератора. Это поэты, прозаики, детские писатели, публицисты, краеведы, переводчики. Старейший член организации – публицист, прозаик Федор Константинович Саевич, который в 2023 году отмечает 91-летие, живёт и работает в Беловежской пуще.

С первых дней своего существования Брестское областное отделение Союза писателей Беларуси широко заявило о себе. Ежегодно литературное пространство Брестчины пополняется новыми добрыми делами и яркими событиями.

В мае 2006 г. впервые в Беларуси была организована поездка исследователей, учёных-краеведов, по литературным местам Брестчины, по результатам которой впервые вышло в свет уникальное энциклопедическое издание «Литературная карта Брестчины» [6], в котором собраны полные сведения о литературе и писателях Брестчины, начиная со Средневековья, от Афанасия Филиповича и до наших дней.

С 2006 года в Бресте собирает друзей Республиканский фестиваль русской поэзии «Созвучье слов живых» [7], в рамках которого проводится конкурс юных литераторов «Мы рождены для вдохновения», собравший юных поэтов из всех областей Беларуси (см. фото ниже).

Конкурс молодых поэтов в Бресте, 2019

А с 2007 года лучшим авторам присуждается литературная премия Брестского облисполкома имени Владимира Колесника, учрежденная по инициативе отделения. В 2012 году зародилась добрая традиция – Брестское областное отделение Союза писателей Беларуси награждает редакции газет, радио, телевидения и отдельных журналистов за вклад в развитие литературного процесса Брестской области, популяризацию творчества писателей Брестчины.

Члены Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси проводят большую культурно-массовую, организационную, воспитательную, редакционную и консультативную работу.

Среди ярких событий – проведение областного литературного конкурса «Духоўная веліч», республиканского литературного юмористического конкурса «Папяровы бусел» и соревнований юных чтецов «Зорны спеў», Всемирный день поэзии (чтение стихов на разных языках) и другие праздники.

Писатели из глубинки приглашаются на встречу с читателями в рамках литературного проекта «Фарбы Берасцейшчыны».

С 2017 года работает литературный салон «Живопись. Музыка. Литература», а для маленьких читателей – «Литературная беседа».

Создаются литературные объединения при школах, вузах, библиотеках, организуются международные, республиканские, городские и районные тематические конкурсы, конференции, литературные чтения. Работают творческие мастерские для начинающих и юных писателей.

Писатели Брестского областного отделения ежегодно издают более 20 книг, активно публикуются в республиканской и зарубежной печати, участвуют в международных форумах, фестивалях, научных и краеведческих программах и конференциях, выступают в школах, библиотеках, трудовых коллективах, воинских частях, музеях, книжных магазинах.

При отделении издаются альманахи «Астрамечаўскі рукапіс» и “Берасцейская скарбніца”, информационный бюллетень «Літагляд».

Вот что писала местная пресса в год 1000-летия Бреста: «Брэст адзначаў сваё 1000-годзе. Бадай, усе мерапрыемствы, у тым ліку літаратурныя, так ці іначай прысвечаны гэтай цудоўнай падзеі.

Брэсцкі святочны настрой мы імкнуліся ствараць і падчас нашых выездных мерапрыемстваў. Тым больш, была магчымасць прэзентаваць шэраг мастацкіх выданняў, прысвечаных гэтай важнай падзеі. Незабыўным прызнаннем у любові слынаму Брэсту стаў творчы праект брэсцкіх мастакоў і паэта Тацяны Шульгі “Акварельны Брэст”.

На старонках каляровага літаратурна-мастацкага выдання “Анёл над Брэстам” прадстаўлены вянок санетаў і паэтычныя прысвечэнні роднаму гораду Георгія Тамашэвіча, а кніга “Брэст. Храналагічны даведнік” пісьменніцы Зінаіды Дудзюк расказвае пра галоўныя гістарычныя падзеі, выкладзеныя ў храналагічным парадку, якія ад старажытнасці да цяперашняга часу ўплывалі на існаванне старажытнага горада і жыццё ягоных жыхароў.

Разам з героямі “Трылогіі прыгод тысячагоддзя” Анатоля Брытуна [2] чытач перанясецца ў той час, калі яцвягі і ліцвіны мужна змагаліся за незалежнасць, адстойвалі сваю зямлю і свой гонар.

З нагоды 75-й гадавіны вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў бібліятэчка Брэсцкага абласнога аддзялення папоўнілася кнігай “Пісьма войны” Аляксандра Валковіча.

У самыя апошнія дні зыходзячага года ў выдавецтве “Альтэрнатыва” пабачыў свет другі выпуск альманаха “Берасцейская скарбніца”, у якім першы раздзел прысвечаны нашаму славутаму і гераічнаму Брэсту» [11].

Современная литература Брестчины отличается жанровым и тематическим разнообразием. Более сорока лет верен жанру сатиры и юмора ивацевичский поэт, автор восьми юмористических сборников Виктор Речиц.

В жанре научной фантастики работает писатель Сергей Белаяр. Он является победителем ряда международных литературных конкурсов, сотрудничает с белорусскими и российскими издательствами.

Свыше ста книг нон-фикшн написал и издал литератор из Берёзы Анатолий Бернацкий [1]. Его книги пользуются популярностью как в Беларуси, так и в странах СНГ.

От афоризмов до драматургии и романов ширится творчество лауреата Национальной литературной премии Зинаиды Дудюк.

В последнее время брестские писатели активно участвуют в детских книжных фестивалях, работают на интеллектуально-краеведческих игровых площадках, книжных форумах.

При Союзе писателей Беларуси ведёт свою работу «Школа литературного мастерства». Наши воспитанники дебютируют в республиканских журналах «Малодосць», «Полымя», «Нёман», «Немига литературная», газете «Літаратура і мастацтва». Раскрыть свои таланты помогают и многочисленные конкурсы, которые проводит наше отделение. Это и конкурсы юных критиков, переводчиков, поэтов, декламаторов. Историю родного края изучают и популяризируют краеведы Татьяна Конопацкая, Анатолий Бритун [2], Ростислав и Анатолий Бензеруки. Брестское областное отделение Союза писателей Беларуси активно занимается популяризацией своего творчества и на международной арене. За прошедшие пять лет творчество литераторов Брестчины переводилось на английский, сербский, польский, украинский языки и соответственно публиковалось в зарубежных изданиях.

Во время недавней поездки в Минск на Международную книжную ярмарку брестская делегация посетила Дом литератора, где прошёл «круглый стол» с российскими писателями и были презентованы два тома переводов произведений известных российских писателей с русского языка на белорусский “Сучасная руская паэзія” и “Сучасная руская проза”.

В переводческом проекте были активно задействованы и писатели нашего отделения. Во время встречи обсуждалась тема литературной жизни и перспективы развития литературного процесса в России и Беларуси.

За 2021-2023 годы мы провели телемосты с литераторами Ульяновска, Красноярска, Барнаула [3], Самары, Волгограда. Большая литературно-краеведческая работа ведётся на месте.

В 2022 году Анатолий Бензерук провёл экскурсию для представителей немецкой общественной организации «Память ради будущего», которая приехала в Брест по приглашению председателя Брестского горисполкома, а также провёл ряд литературно-краеведческих экскурсий для россиян.

Тесно сотрудничают с литераторами из России поэт, организатор республиканского фестиваля «Созвучье слов живых» Любовь Красевская [8], а также поэт, научный сотрудник Лопатинской сельской библиотеки-музея имени А. Блока Валерий Гришковец [9, с. 92-106].

Среди гостей Брестского областного отделения Союза писателей Беларуси в прошлом году была и заместитель председателя Товарищества выходцев из Лунина – Кожан-городка в Израиле Илана Сэла.

Брестские писатели [10] традиционно принимают участие в фестивалях «Вытоки» Столинского района, в Молодечно, Завоссе Барановичского района, путешествуют по местам Якуба Коласа, Максима Богдановича Янки Купалы.

Развитие литературного процесса отдельного региона в современном мире невозможно без влияния достижений других литератур, внимания к ним. Безусловно, есть интерес к творчеству наших писателей и со стороны зарубежных литераторов и читателей.

Несмотря на жанрово-стилистические и поэтические новшества, в литературе по-прежнему сохраняются национальные мотивы, а главными темами творчества брестских писателей остаются – возвращение к истокам, духовным ценностям, осмысление наследия прошлого, художественно-эстетический поиск.

Список использованной литературы:

1. Бернадский А. Неизвестная жизнь писателей, художников, композиторов. – Расія : Изд-во “Вече” . – 2021. – 400с.
2. Брытун Анатолий. Трылогія прыгод тысячагоддзя. – Брест : Альтернатива, 2021.
3. Брэст-Барнаул : калектыўны зборнік. – Брест : Альтернатива, 2021.
4. Грышкавец Валерый. Остаюсь навсегда: избранное. – Минск : РУП “Выдавцтва “Беларуская Энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі”, 2020.
5. Дземідовіч, Т. А. Калейдаскоп пісьменніцкай душы / Таццяна Дземідовіч // Літаратура і мастацтва. – 2022. – 4 лістапада (№ 44). – С. 8.

6. Літаратурная карта Берасцейшчыны / укл. А. Крэйдзіч. – Брэст : ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2008. – 508с.

7. Созвучье слов живых, 2011: альманах / сост. Любовь Красевская. – Брест : Альтернатива, 2012. – 248с.

8. Красевская Л.Н. На два голоса : стихи и поэма/ Любовь Красевская. – Брест : Альтернатива, 2009. – 112с.

9. Жигалова, М.П. Этновитабельность и мультикультурность в литературе: интерпретация и анализ : монография. – Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 305с.

10. Творчы партрэт пісьменніцкай суполкі : біябібліяграфічны даведнік Брэсцкага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі / [складальнік Н. М. Парчук ; пад рэдакцыяй Т. А. Дзямідовіч]. – Брэст : Альтернатива, 2018. - 175 с.

11. Пісьменніцкі след у тысячагоддзі. Режим доступа:

<http://www.oo-spb.by/index.php?id=1782&ysclid=lh0yj9mdil373323089>

8. Жигалова М.П., д. пед. наук,
профессор кафедры БиРЯ
УО «Брестский государственный
технический университет»
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 821.161.3.09(092)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ОСОБОЕ СРЕДСТВО СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Аннотация. В данной статье представлены отдельные страницы обзора полиэтнической литературы Малоритчины, в которых отражено многообразие культур. На примере фрагментов анализа творчества Л.Филатова и М.Купреева, стихотворений И.Замотаева, В.Данилюка, Г.Мищука показаны способы освоения современным читателем полиэтнической литературы как средства связи поколений.

Ключевые слова: полиэтническая литература, Малоритчина, анализ, связь поколений.

Zhigalova M.P., PhD, Professor of the BIRYA
Department Brest State Technical University
(Brest, Republic of Belarus);

REGIONAL LITERATURE AS A SPECIAL MEANS OF CONNECTING GENERATIONS IN SPACE AND TIME

Annotation. This article presents separate pages of the review of the polyethnic literature of the Maloritchina, which reflect the diversity of cultures. Using the example of fragments of the analysis of the works of L.Filatov and M.Kupreev, poems by I.Zamotaev, V.Danilyuk, G.Mishchuk, the ways of mastering polyethnic literature as a means of communication between generations by a modern reader are shown.

Key words: polyethnic literature, Maloritchina, analysis, communication of generations

Следует сказать, что проблема теоретического осмысления литературы как особого средства связи поколений в пространстве и времени, а значит, и проблема взаимосвязи культур, языков, мышления разных наций, проживающих в одном регионе, не нова. Она изучалась учёными, начиная с античности. Так, например, ещё Гиппократ выдвинул общее положение, согласно которому все различия между народами – в том числе их поведение и нравы – связаны с природой и климатом страны. Французские просветители ввели понятие "дух народа" и пытались решить проблему его обусловленности географическими факторами. Согласно Гердеру, язык и культура – это особые средства связи поколений в пространстве и времени, оказывающие безусловное и первоочередное влияние на формирование образа жизни и мировосприятие. Немецкие ученые-этнопсихологи М. Лацарус (1824-1903) и Г. Штейнталь (1823-1893) полагали, что все индивиды одного народа обладают одним и тем же "народным духом", под которым они понимали психическое сходство и самосознание людей, принадлежащих к определенному этносу. В наиболее явном виде связь "личность – язык – культура" обнаруживается в трудах немецкого учёного В. фон Гумбольдта. По Гумбольдту, "язык – хранилище народного духа, культуры, объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках". Язык всегда воплощает своеобразие народа, национальной культуры и, в свою очередь, формирует это своеобразие в виде определенной "картины мира". Российский учёный А. А. Потебня (1835-1891) разработал концепцию языка, основанную на исследовании его психологической природы. Именно язык обуславливает приемы умственной деятельности, и разные народы, имеющие разные языки, формируют мысль своим, отличным от других, способом. Этнолингвисты Ю. С. Степанов, И. Ю. Марковина, Г. А. Антипов подробно исследуют природу лингвокультурологической составляющей, проявляющейся в процессе межкультурного общения, при столкновении локальных культур.

Однако для малоритского социума сегодня более всего близка мысль современной шведской исследовательницы У. Ханнерц, которая говорит о «креолизации» культур, то есть о «культурном многообразии, базирующемся не на автономии культур, а на их связях», о том, что в креолизации [8, с. 185] имеет место

и постоянство некоторых культурных форм, и возникновение новых форм идентичности... Л.В. Арутюнова считает, что речь здесь идёт не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [1, с.22].

В данной статье мы проанализируем отдельные страницы полиэтнической литературы Малоритчины, в которых отражено многообразие культур во всех смыслах, и покажем, как оно осваивается современным читателем.

Сегодня Малоритская полиэтническая литература, созданная и опубликованная на разных славянских языках, функционирующих в малоритском приграничном регионе, доносит каждому читателю, желающему её постичь, проверенную годами философию жизни, которую можно свести к нескольким правилам. Правило первое: хочешь быть понятым сам – научись понимать других. Правило второе: нет плохих народов – есть злые люди у каждой нации и народности. Правило третье: помни, что все души говорят на одном языке.

Эти правила успешно реализуются в тематике и проблематике литературы региона, в мероприятиях, проводимых учебными заведениями, районной библиотекой и Домом культуры по пропаганде поэзии и прозы малоритских поэтов, отражающей проблемы истории и современности.

Проанализируем только отдельные страницы русскоязычной лирики малоритских поэтов и покажем, как отражена в них этновитальность (жизнестойкость) и мультикультурность, способствующая усвоению значимых концептов, которые основаны на понимании того, что человеческая личность – главная фигура Мироздания, а духовность есть солнечный гений любой культуры для всех времён и народов. И научить читателя учитывать соотношение норм и традиций в разных культурах и литературах – это ещё один шаг к тому, чтобы обратить их внимание на извечную истину: «Гении принадлежат не только этносу, но и миру», это шаг к тому, чтобы обратиться к диалогу и полилогу культур, который всегда консолидирует любое общество.

Наши концептуальные суждения о процессе развития литературы на Малоритчине условно можно свести к трём урокам, которые малоритские поэты преподносят своему читателю. Эти уроки можно сформулировать так: урок первый: самое трудное – это осознать общеизвестное и увидеть очевидное; урок второй: общение правит миром и определяет наше будущее; урок третий: нельзя оставаться равнодушным к народам, другим этносам, культуры которых составляют неделимое целое, единую среду обитания человеческой цивилизации.

Заметим, что эта среда постоянно подпитывается рассказами о судьбах творческих людей Малоритчины, которые и сегодня составляют гордость края. Творческие вечера, встречи с ними доносят читателю историю развития литературы, побуждают молодое поколение вписывать и свои страницы.

В 2014 году был проведён вечер-встреча «Людзьмі і памяццю жыве мой край», посвящённый 75-летию жизни и творчества Алексея (Леонида) Георгиевича Филатова [5, с. 397-400], который обязан своей малой родине и жизнью, и воспитанием, и становлением таланта (фото ниже).

Первые произведения А.Филатова были напечатаны на страницах малоритской районной газеты «Сельскае жыццё» ещё в 1958 году. Это рассказы «Зышліся» и обработанные народные легенды «Рыта» и «Лукава». Позже книга А.Филатова «Ляхавецкая торба» (1992) сделала ляховчан похожими на всемирно

известных габровцев (жители города Габрово в Болгарии). В ней автор описывает своих земляков такими же юмористами, живущими по пословице: “Пусть лучше живот лопнет, чем добро пропадёт”.

Его земляки – весёлые, непосредственные люди, с которыми хочется общаться, которым хочется верить. Очередная книга А.Филатова «Дарога» (1997) явилась своего рода благодарностью настоящим учителям, которые встретились А.Филатову на его жизненном пути. Три произведения, которые вошли в этот сборник, объединены одной сюжетной линией и сложными судьбами героев, которые прошли через войну и сталинские репрессии.

Сборник «Адарваць ад сэрца» (2000) справедливо отмечен премией “Берасцейская зорка – 2000”. Он проникнут искренними воспоминаниями о матери, которой писатель многим обязан.

Выступае А. Филатов

Эпиграф М.Купреева “Ты не кліч мяне, мама, не кліч. Я знаю, што была ты і была вайна...” отражает всю сложность жизненных обстоятельств, которые не требуют оправданий... В прологе “Азірніся, сыноч” наиболее ярко проявилась благодарность сына за бесконечную доброту и нежность материнской любви.

Книга А.Филатова «Жывая зямля» (2001) состоит из лирических миниатюр «Сляза на рамонку», “Ода скарынцы” и весёлых рассказов из жизни земляков-ляховчан.

Наблюдательность за жизнью и людскими характерами, их повседневными поступками и специфической культурой общения характеризует это произведение.

В 2007 году выходит сборник миниатюр, рассказов, юморесок «Страла жыцця», который был отмечен литературно-медовой премией «Паўпуду мёду», вручаемой по инициативе управления культуры Брестского облисполкома и пчеляром Николаем Попеком.

Книга состоит из миниатюр, рассказов, юморесок («У “Ляхавецкую торбу»»), повести “Ад напасці-бяды” и стихотворений, которые размещены в разделе “Іскрыстыя жарынкi”. Особый интерес вызывает раздел “Не забуду вас, хлопцы”, так как содержит рассказы о друзьях-писателях, многие из которых уже ушли из жизни.

Документальность в художественной прозе А. Филатова – основная черта его творческой манеры. Герои его произведений – и малоритчане. Например, Капшук с “Ляхавецкай торбы” имеет реального прототипа, который и говорит на “трасянке”, то есть языке, в котором сочетаются слова белорусского языка с полесскими “гаворками”, чисто польские, русские, украинские слова. Это делает произведения ещё более близкими малоритскому читателю.

Новая книга автора “Жывому – жыць”(споведзь качагара), изданная в 2013 году, является продолжением предыдущих. Она о родине, матери, языке, любимой, о сложной судьбе, о вере в жизнь. Главная идея произведения – это поиск чистоты и доброты в человеке и человечестве, а занчит, и в обществе.

Сегодня А.Филатов ведёт активную литературную работу в областном отделении Союза белорусских писателей, в который был принят в 2002 году. Он пишет статьи о творчестве писателей Брестчины, переводит с русского и украинского языков на белорусский. Награждён литературными премиями и дипломом имени В.Колесника (2007).

Уроки малоритских поэтов жизненны. Действительно, малоритский край, в котором живут давно люди разных национальностей и судеб, богат событиями, подтверждающими мысль, что «если мы едины – мы непобедимы». В актуальности таких выводов сегодня уже не приходится сомневаться, ибо очевидно, что современное общество значительно меняется: как мы уже отмечали, в условиях глобализации существенно возрастает миграция населения, а значит, расширяется диалог и полилог культур, который требует постоянного динамичного усиления взаимопонимания между народами. Конечно, сегодня очевидно и другое: необходимо искать оптимальное соотношение формирования более тесных связей между народами, с одной стороны, и сохранения национальных особенностей, культурных традиций, особых взглядов на мир, то есть, заботится об этновитальности культур, ментальности и мировосприятия, – с другой. Сегодня одинаково опасно, если мы будем искусственно замыкаться в национальных рамках, и если мы допустим, чтобы глобализация приобрела характер всеобщего распространения массовой культуры. И вполне понятно, что в контексте этих процессов важную роль играет и региональная литература как важный атрибут нации, как часть её культуры, как важнейшее средство жизнедеятельности.

В этой связи мы позволим себе предположить, что постижение и осмысление читателем полиэтнической литературы регионов, является одним из средств налаживания межкультурного диалога, способом достижения взаимопонимания в обществе, средством, помогающим профилактике противоречий и конфликтов, которые время от времени всё-таки могут возникать в мультикультурном пространстве.

Следует отметить, что в популяризации творчества малоритских поэтов продолжает играть главную роль районная библиотека и пресса. Только за послед-

нее время отдел библиографического маркетинга (Кучина Г. В.) издал ещё 3 поэтических сборника местных поэтов: Николая Губея «На пороге вечности», Василия Стасюка «Дорога до дому» (стихи написаны на диалекте д. Луково Малоритского района), Геннадия Мищука «Ля клёнаў і бяроз».

В районной библиотеке постоянно проводятся мастер-классы и семинары «Библиотека – центр мультикультурного сообщества», на которых с лекциями «Полиэтническая литература в мультикультурном пространстве» выступают учёные университета, а библиотекари района обмениваются опытом работы, подводят итоги различных конкурсов, например, «Лето читательских рекордов» (2014) и др.

Семинар в 2015 году для библиотекарей района в Малоритской районной библиотеке проводит профессор Брестского университета имени А.С.Пушкина М.П.Жигалова (в центре)

Так библиотека занимается популяризацией творчества поэтов Малоритчины, изучением истории развития литературы на Малоритчине, приобщая молодое поколение к её истокам. В стихотворении И.Замотаева «Малоритский вокзал» [6, с.17] автор с любовью говорит о двух родинах, которые стали неразрывным целым. Заметим, что Иван Замотаев, россиянин, волею судьбы оказавшийся в глубинке приграничного Полесья, связал с ним всю свою жизнь. Может быть, поэтому так дорог поэту вокзал, с которым связано воспоминание о своей этнической родине, которая, нет-нет, да и напомнит о себе. Об этом его стихотворение «Малоритский вокзал», в котором он опозитизировал образ вокзала, персонифицировал его [3, с. 197-216] : Место в городе есть, всех/ прекрасней оно./ На тюльпанах росиночки тают./ В мир распахнуты двери и/ настезь окно./ Провожают здесь всех и встречают./ Малоритский вокзал –/ моей жизни причал./ За вагонами рельсы, как руки./ Это ты, наш уютный и /скромный вокзал, – /Дом родной после долгой разлуки./Ты рубином сверкаешь зимой на снегу,/ Летом розой под солнцем пылаешь,/Без тебя я и дня здесь прожить не могу/ О любви моей ты только знаешь./ Ты, конечно, не Минский красавец-вокзал./И не Брестский дворец на границе./Ты – осколок от солнца, что/ наземь

упал./ Ты – снегирь – красногрудая птица./ Лунный свет убаюкал/ притихший вокзал,/ На перроне влюблённые пары./ Спи спокойно, вокзал, ты/ ведь тоже устал./ Охраняет твой сон плач гитары.

Любовь рязанского парня, поэта Малоритчины Ивана Замотаева к небольшому белорусскому городу, ставшему для него второй родиной и самым дорогим местом на земле, опоэтизирована в его стихах. Видимо, поэтому его стихи такие мелодичные и душевные. Неудивительно, что на стихи И.Замотаева написано около десятка песен, в том числе, и «Малоритский вальс».

Вишнице, Польша, 2015г.

Многие стихотворения малоритских поэтов положены на музыку и исполняются не только малоритчанами, но и, благодаря творческому коллективу «Рыцкі куфэрак» (Э. Борисюк, Н.Свищёва, А.Борисюк, В. Свищёв) (фото ниже), который стал участником международного научного семинара «Piesni ludowe Pogranicza Polski i Bialorusi», проводившегося в Польше в рамках Европейского проекта “Gdzie bije zrodlo...” [9], зазвучали в ближнем и дальнем зарубежье на русском, белорусском, украинском и польском языках.

Лирический герой Г.Мищука [4, с. 121] обеспокоен той переоценкой нравственных ценностей, которая происходит в обществе, больше отдающем предпочтение меркантильным интересам и постепенно утрачивающим такие важные и значимые качества, как: сочувствие, доброта, чистота отношений, без которых человек не сможет быть по-настоящему счастливым. Вот как об этом Г.Мищук говорит в стихотворении “Не хапае сёння дабраты”:

Не хапае сёння дабраты,/ Не хапае ветлівай спагады,/ Сталі ад сардэчнай глухаты/ Мы сяброўскім зносінам не рады./ Не хапае сёння чысціні,/ Не хапае волі і цяплення,/ Божа Міласэрны, барані/ Рэшту чалавечага сумлення./ Не хапае сёння шчырых слоў,/ Дружбы, што цанілася спрадвеку,/ Што было асноваю асноў,/ Для таго, каб звацца чалавекам.

Рассуждая о веке XX, который подошёл к концу, В. Данилюк [4, с. 100-101] отмечает его “плюсы” и “минусы”, понимая, что всякий век, отслужив своё, уходит в небытие, уступая место новому, неизвестному. Стихотворение В.Данилюка «Тревожно тикают часы...» [2, с. 54] об этом:

Тревожно тикают часы, / Я век двадцатый провожаю, / Плюсы и минусы считаю, / Я, «за» и «против» – на весы! / Среди веков он одинокий, / Его с другими не сравнить, / Он – век кровавый, век жестокий, / И будет в вечность уходить. / Он – век террора, век накала, / Различных стрессов и страстей, / И в то же время – век металла/ И век высоких скоростей. / Да, время нас опережает /И в мире каждый человек / Всё, взвесив, так же провожает, /Наверное, двадцатый век.

Таким образом, мы видим, что стихи малоритских поэтов входят в духовную биографию читателя, становятся их постоянным собеседником, помогая своим творчеством каждому находить ответы на сложные вопросы бытия.

Даже эти, обозначенные нами выше, небольшие фрагменты анализа подтверждают мысль о том, что полиэтническая региональная литература выступает особым средством связи поколений в пространстве и времени.

О значимости произведений и писателей Малоритского района свидетельствует тот факт, что их стихи, рассказы, басни печатаются на страницах областных газет «Заря» и «Народная трибуна», в выпусках литературного альманаха «Жырандоля» Брестского областного отделения Союза белорусских писателей, республиканской газеты «Звезда», журнала «Маладосць» и др.

Это подтверждают и встречи с поэтами, мероприятия в учебных заведениях района: вечера, интеллектуальные игры, где учащиеся имеют возможность не только узнать об истории развития литературы на Малоритчине, но и выступить с подготовленным сообщением, рассказать о подготовке учебно-исследовательской работы.

В начале XXI века наблюдается повышенный интерес к выполнению учебно-исследовательских работ учащимися школ и районной гимназии.

Творчество Н.Купреева, например, вызвало особый интерес у учащихся гимназии. Прочитав монографию «Полиэтническая литература Малоритчины» [2], опираясь на публикации в областной, республиканской прессе, на интернет-источники и архивные материалы, несколько гимназистов заинтересовались темой «Николай Купреев и Малоритчина» (фото см. ниже) и в 2016/2017 уч. году подготовили учебно-исследовательскую работу, с которой успешно выступили на районной конференции.

Уч-ся районной гимназии при подготовке исследовательской работы по творчеству М. Купреева (малоритские страницы)

Вот что отмечает учитель-методист Малоритской районной гимназии Н.Наумчик: «...Не так даўно юнакі і дзяўчаты зацікавіліся асобай Міколы Купрэева (25 мая 1937г. – 19 верасня 2004г.), вядомага пісьменніка Берасцейшчыны, члена Саюза беларускіх пісьменнікаў (1994г), лаўрэата прэміі Саюза пісьменнікаў імя Аркадзя Куляшова. Здавалася б, якое дачыненне мае Мікола Сямёнавіч, які нарадзіўся ў вёсцы Ямнае, цяпер гэта Рагачоўскі раён Гомельскай вобласці, да Маларытчыны... Пагутарыўшы з настаўніцай Радзежскай школы Лідзіей Дацк, з бібліятэкарам Радзежскай бібліятэкі-філіяла Наталляй Самасюк, гурткоўцы раённай гімназіі знайшлі цікавы матэрыял...» [7].

Приведем лишь отдельные фрагменты опроса гимназистов по вопросам, с которыми они столкнулись, выполняя исследовательскую работу:

– У даведачнай літаратуры і ў інтэрнэце мы прачыталі, – гаворыць Кацярына Дацк, вучаніца 10 класа, – што Мікола Купрэў пісаць пачаў яшчэ ў школьныя гады. Аднак друкавацца стаў падчас вучобы ў інстытуце (1957—1962). Яго першыя абразкі былі апублікаваныя ў 1958г. у “Советской Отчизне” (цяпер часопіс “Нёман”). Першая кніга паэзіі “Непазбежнасць” убачыла свет у 1967г. (творцу тады было 30 год), а ў 1995г. выйшаў другі зборнік паэзіі “Правінцыйныя фантазіі”...

– У кнізе М.Жыгалавай [4, с. 20] я знайшла матэрыял аб тым, што “16 жніўня 1965г. Мікола Купрэў быў залічаны ў штат Маларыцкай раённай газеты “Сельскае жыццё”. Ён стаў працаваць загадчыкам аддзела пісем і масавай работы. Аднак 26 кастрычніка 1965г. звольніўся з гэтай пасады. За невялікі прамежак часу раённая газета надрукавала напісаныя Міколам Сямёнавічам наступныя вершы: “Элегія”, “Парусы”, “А мы ўсё пытаемся”, “Яблынькі”, “Па вуліцы плыў тапаліны пух”, “Трывожная, ваенная і ўсё ж – вясна” (другая назва верша “Вайна і вясна”), а таксама замалёўку “Схадзіце ў асенні лес”, фельетон “Свіная гісторыя”, артыкулы “У надзеі на лепшыя ўмовы” і “Калі педагог зліваецца з класам. Нататкі з урока”. Тры з гэтых вершаў (“Элегія”, “А мы ўсё пытаемся”, “Трывожная, ваенная і ўсё ж – вясна”) увайшлі ў першы зборнік паэта “Непазбежнасць”.

– У гэтай жа кнізе [2, с. 20] я прачытаў аб тым, што “...Амаль праз 2 гады лёс зноў закінуў Міколу Купрэева на Маларытчыну. 22 жніўня 1967г. ён прыняты настаўнікам беларускай мовы і літаратуры ў Арэхаўскую СШ, а праз некалькі дзён (з 5 верасня) пераведзены на сталую працу ў Радзежскую СШ настаўнікам беларускай мовы і літаратуры. Працаваў Мікола Сямёнавіч у гэтай навучальнай установе да 12 лістапада 1968г.

– “На старонках раённай газеты ў 1967г. было надрукавана толькі 3 вершы паэта: “Спатканні ў сярэдзіне ХХ стагоддзя”, і “На базары”, “Залатое руно” (пераклады са зборнікаў вершаў “Музыка высокага вецця” ўкраінскага паэта Віктара Лазарука), а ў 1968г. – толькі адзін артыкул, які называўся “Помнік у Радзежы” (5 сакавіка)» [2, с. 20].

Стали традиционными на Малоритчине встречи с писателями и поэтами, презентации книг не только поэтов Малоритчины, но и книг учёных-земляков, в которых отражены страницы истории развития литературы, написанной людьми разных национальностей, проживающих на Малоритчине.

Вот как освещалась в районной прессе одна из таких встреч журналистом районной газеты: «Раённая бібліятэка правяла чарговую сустрэчу з пісьменнікамі Маларытчыны. На гэты раз яна прайшла з вучнямі СШ №1. У госці

завіталі майстры слова: Мікалай Пацяюк, Уладзімір Кучмінскі, Уладзімір Данілюк. Падчас сустрэчы размова ішла аб паэзіі. Мясцовыя мастакі слова расказалі пра сябе, сваю творчасць і прачыталі новыя вершы. Паэт Мікалай Пацяюк парадаваў новымі вершамі прыхільнікаў сваёй творчасці [7].

Гимназисты на встрече с поэтами в районной библиотеке, 2014

Таким образом, мы можем сделать вывод, что знакомство читателя с региональной литературой подтверждает нашу мысль о том, что такое изучение материалов приобщает читателей разных возрастов, в том числе, и молодого поколения, к литературе региона, его проблемам, учит понимать жизнь и людей, исследовать характеры и судьбы, а значит, улавливать и связь поколений.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова, Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире: автореф дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук/ Л.В.Арутюнова. – Москва, 2009. – С. 22
2. Данілюк, У. Сярод людзей: зборнік вершаў. 2-е выданне / У. Данілюк . – Маларыта, 2013. – 64с.
3. Жигалова, М.П. Этновитабельность и мультикультурность в литературе: интерпретация и анализ. Монография. – Saarbrusken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 305с.
4. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений: монография. – Брест: Издательство БрГТУ, 2017. – 240с.
5. Літаратурная карта Берасцейшчыны – Брэст: ААТ “Брэсцкая друкарня”, 2008. – С. 397-400.
6. Лядинский, А.С. Здесь жили мой отец, и дет, и прадед. Тема Родины и родного края в творчестве малоритских поэтов / А. С. Лядинский. – Малорита, 2011. – С. 17.
7. Навумчык М. На паэтычнай хвалі / Голас часу ад 20.11. 2013
8. Словарь иностранных слов для школьников – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Литера», 2000 – С.185: креол (фр.-исп.) – в Лат. Америке – потомок от брака колонизаторов – испанцев с представителями цветных рас; на Аляске – потомок от брака русских с алеутами, индейцами, эскимосами.
9. Gdzie bije zrodlo...: Piesni ludowe pogranicza Polski i Bialorusi/ redakcja: Feliks Czyzewski, Agnieszka Dudek-Szumigaj, Marija Zygalova; Transkrypcja: Anna Michalec, Lidija A.Zacharczuk. – Lublin – Wisznice, 2015. – 288s.

9. Заіка З. М., к.філ.н.,
дацэнт кафедры БіРМ БрДзТУ
(Брэст, Рэспубліка Беларусь)

Ветрава Л.У. выкладчык кафедры БіРМ
БрДзТУ (Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 73:929(476)

СТВАРАЦЬ ШЧАСЦЕ: СТАРОНКІ ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ СКУЛЬПТАРА АЛЯКСАНДРА ІВАНАВІЧА ЛЫШЧЫКА

Анацыя. У артыкуле апавядаецца пра Аляксандра Іванавіча Лышчыка, таленавітага беларускага скульптара, які нарадзіўся ў г. Камянец Брэсцкай вобласці. У тэксце аналізуецца некаторыя яго старонкі жыцця і працы, прысвечаныя родным мясцінам такія, як: “Жураўлі”, “Помнік на Беларускай магіле ў Тураўскім лесе Камянеччыны” і інш.

Ключавыя словы: Скульптар, Аляксандр Іванавіч Лышчык, Саюз мастакоў, манументальныя панарамы, дробныя пластычныя кампазіцыі, “Жураўлі”, работы эксклюзіўныя, бліскучае майстэрства, таленавіты чалавек

Zaika Z. M., Ph.D., Associate Professor
of the Department of BIRM BrSTU
(Brest, Republic of Belarus);

Vetrova L. V., Lecturer of the
Department of BIRM BrGTU
(Brest, Republic of Belarus)

CREATE HAPPINESS: PAGES OF THE LIFE AND WORK OF THE SCULPTOR ALEXANDER IVANOVICH LYSCHYK

Annotation. The article tells about Alexander Ivanovich Lischik, a talented Belarusian sculptor who was born in Kamenets, Brest region. The text analyzes the uncategorised pages of his life and works dedicated to his native places such as: “Cranes”, “monument on the Belarusian grave in the Turov forest of the Kamenetsky district”, etc.

Key words: sculptor, Alexander Ivanovich Lischik, Union of Artists, monumental panoramas, small plastic compositions, "Lahu", exclusive works, brilliant craftsmanship, talented person

Таленавіты скульптар, член Саюза мастакоў Рэспублікі Беларусь Аляксандр Іванавіч Лышчык – неардынарная асоба, нарадзіўся ў 1951 г. у г. Камянцы. З маленства лепшым сябрам хлопчыка быў пластылін, ляпіў сапраўдныя, манументальныя панарамы. Рамантычную натуру вабіў навакольны свет: пушчанскія жывёлы, птушкі, асабліва жураўлі як сімвалы шчасця, светлай дабрыні. Іх шмат у Белавежскай пушчы, менавіта таму, калі яму задавалі пытанне, адкуль ён родам, звычайна адказваў: “З Белавежскай пушчы”.

Пасля школы паступіў на архітэктурнае аддзяленне Брэсцкага інженерна-будаўнічага інстытута. А ў думках ён імкнуўся сваімі рукамі ствараць шчасце. Правучыўшыся два гады, даведаўся, што ў тэатральна-мастацкім інстытуце ў Мінску існуе аддзяленне скульптуры. Ён і не ўяўляў, што дзесьці вучаць на скульптара. Было прынята рашэнне пакінуць архітэктурны факультэт. Як і мае быць, два гады адслужыў у арміі. Пасля школы паступіў на архітэктурнае аддзяленне Брэсцкага інженерна-будаўнічага інстытута.

А ў думках ён імкнуўся сваімі рукамі ствараць шчасце. Правучыўшыся два гады, даведаўся, што ў тэатральна-мастацкім інстытуце ў Мінску існуе аддзяленне скульптуры. Ён і не ўяўляў, што дзесьці вучаць на скульптара. Было прынята рашэнне пакінуць архітэктурны факультэт. Як і мае быць, два гады адслужыў у арміі.

Упарта некалькі гадоў рабіў спробы паступіць у Беларускае тэатральна-мастацкае інстытут на скульптурнае аддзяленне. І, нарэшце, праз чатыры гады мара споўнілася – ён студэнт скульптурнага аддзялення.

Яму папшчасціла на выдатных педагогаў такіх, як Анатоля Анікейчык, Міхаіл Шкробат, Генадзь Мураўцоў, якія ўбачылі ў сціплым, сарамлівым студэнце талент ад Бога.

Дыплом “на выдатна” Лышчыка Аляксандра – манументальная экспазіцыя – “Помнік градарубу Алексе”, які быў устаноўлены ў 1988-м годзе ў яго родным Камянцы.

Асноўным гонарам свайго жыцця Аляксандр Лішчык лічыў увекавечанне былой сівізны роднага краю і знакамітую сучаснасць ў камні або бронзе. На жаль, не ўсе планы на конт Камянеччыны паспелі збыцца. Аднак жыхары яго горада ганарацца яшчэ адной манументальнай кампазіцыяй (таксама студэнцкая работа): “Помнік на брацкай магіле ў Прускаўскім лесе Камянеччыны”.

Аляксандру Лышчыку належыць аўтарства шматлікіх помнікаў воінам, загінуўшым у гады Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі.

У гэты ж час (у 1983) годзе Аляксандр Іванавіч заснаваў у Мінску сваю творчую майстэрню і адначасова займаўся выкладчыцкай дзейнасцю на кафедры скульптуры Акадэміі мастацтваў Рэспублікі Беларусь.

Кампазіцыйныя скульптурныя працы маюць многа кірункаў, толькі мастацкіх, напрыклад, майстар сам выбірае матэрыял, а потым асвойвае адпаведную тэхналогію яго апрацоўкі. Няспынна ўдасканальваў сваю працу ў галіне мастацкай і станковай скульптуры, займаючыся інкрустацыяй, чаканкай па метале, разьбой па дрэве, вырабляючы помнікі яшчэ да паступлення ў Беларускае тэатральна-мастацкае інстытут. Аляксандр Іванавіч часта звяртаўся да гістарычных персанажаў сваёй Радзімы. У гэты час у яго сфарміравалася дакладная творчая манера, выпрацаваўся свой індывідуальны стыль. Перш чым прыступіць да новай працы, ён шмат чытае, вывучае гісторыю эпохі, касцюмы. Такім чынам, ён-аўтар шэрагу твораў малых архітэктурных форм: “Заснавальнікі горада. Князь Уладзімір Васількевіч і Княгіня Вольга” (Кобрын, 2009), фантан “Купалле” (Кобрын, 2009), “Боцман” (Кобрын, 2009), гэта толькі ў Кобрыне, а яшчэ шмат якіх у іншых рэгіёнах Беларусі. Няспынна з’яўляючыся ў творчым пошуку Аляксандр Іванавіч спыніўся на матэрыяле, які “на душу кладзецца” – бронзе. Як, лічыў майстар, гэта вельмі працаёмкі матэрыял у тэхнічным плане і трэба быць вялікім знаўцам усіх тонкасцяў ліцця, сплаваў, каб атрымалася якасная кампазіцыя з дробнай пластыкай. У пошуках сваёй “Кветкі шчасця” і “Птушкі ў небе” мастацкі шлях Аляксандра Іванавіча можна абазначыць як імкненне дастаць зорку з неба. Апошнія гады свайго жыцця творчы інтарэс быў скіраваны на дробныя пластычныя кампазіцыі. І тут ён вынайшоў сваю песню жураўліную. На выстаўцы (2004 г.) у Палацы Мастацтваў “Беларусь” – трэцяму тысячагоддзю, “Жураўлі” Аляксандра Лышчыка – адна з самых цікавых скульптурных кампазіцый. Нават толькі за першыя пяць гадоў творчай майстэрняй члена Саюза мастакоў Беларусі было выканана мноства работ з бронзы, чыгуна, іншых матэрыялаў – яны знаходзяцца ў розных краінах свету: Германіі, Францыі, ЗША, Англіі, Бельгіі, Італіі. Выкананы ў майстэрні працы ёсць у Пуціна, у Шэйха Аб’яднаных Арабскіх Эміратаў. Фантаны, свяцільні з каменя, прыналежнасці, паркавыя скульптуры.

Аляксей Іванавіч стварыў сваіх жаўрукоў. Але ж ўсё сваё жыццё яны цягнулі яго да нябёс, да зорак. У гэтым годзе яму споўнілася б 70 год. Працы А. Лышчыка ёсць у Пуціна, у шэйха Аб'яднаных Арабскіх Эміратаў... Паркавая скульптура, фантаны, свяцільні, падсвечнікі, камінныя прыналежнасці...

У Аляксандра Іванавіча заўсёды было шмат заказаў. Усе работы былі эксклюзіўнымі, усе шлі пад асабістымі нумарамі. Тым і адзначаны яго бліскучае майстэрства, і грунтоўныя веды зваршчыка, ліцейшчыка і скульптара. За набыццё навыкаў Аляксандр Лышчык вельмі ўдзячны скульптару Сяргею Бандарэнку, які добра ведае ўвесь ліцейны працэс. У Сяргея Бандарэнка і Аляксандра Лышчыка спрабавалі вучыцца не мала скульптараў. Сяргей Бандарэнка – знакаміты скульптар, таленавіты чалавек, які вырабляе скульптуры коней.

Беларусь багатая на таленавітых людзей. Але такія таленты, як Аляксандр Лышчык і Сяргей Бандарэнка мабыць, не народзяцца ў Беларусі ў бліжэйшыя 300-400 гадоў...

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Лыщик, А. Главное не споткнуться / А. Лыщик: беседовала Т. Черная // Минский курьер 2003, 14 марта
2. Падаляк, Т. Жураўлі Аляксандра Лышчыка / Таццяна Падаляк // Звязда 2001. 24 сакавіка. С.2.
3. Табольчык, Л. Яму было што сказаць...: [пра скульптара А. Лышчыка] / Ларыса Табольчык // Навіны Камянеччыны. 2016 13 жніўня (№ 33). С. 3.

10. Здановіч У. В., д. гіст. н,
прафесар кафедры дзяржаўна-прававых
дyscyплін УО «БрГУ імя А.С.Пушкіна»
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 94 "1941/45" (476) (08)

ДАКУМЕНТАЛЬНАЕ АСВЯТЛЕННЕ ГІСТОРЫІ БРЭСТЧЫНЫ ПЕРЫЯДУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў 1990-Я–2000-Я ГГ.

Анатацыя. У артыкуле аналізуюцца дакументальныя зборнікі па гісторыі Брэстчыны перыяду Вялікай Айчыннай вайны, выдадзеныя ў Рэспубліцы Беларусь. Адзначаецца, што на працягу 1990-х – пачатку 2000-х гг. у дакументальным асвятленні ваеннай гісторыі рэгіёна дасягнуты пэўныя поспехі.

Павелічэнне колькасці выдаваемых дакументальных крыніц суправаджалася павышэннем ўзроўню іх археаграфічнай апрацоўкі. Істотным дапаўненнем зместу апублікаваных дакументаў з'яўляецца навукова-даведачны апарат, у які ўключаны элементы, якія маюць значэнне для раскрыцця тэмы.

Ключавыя словы: дакументальныя зборнікі, Вялікая Айчынная вайна, акупацыя, генацыд, баявыя дзеянні.

Vladimir Zdanovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of State and Legal
Disciplines of the Higher Educational Institution
"BrSU named after A. S. Pushkin"
(Brest, Republic of Belarus)

DOCUMENTARY COVERAGE OF THE HISTORY OF THE BREST REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 1990S-2000S.

Annotation. The article analyzes documentary collections on the history of Brest during the Great Patriotic War, published in the Republic of Belarus. It is noted that during the 1990s - early 2000s. certain successes have been achieved in the documentary coverage of the military history of the region. The increase in the number of published documentary sources was accompanied by an increase in the level of their archeographic processing. A significant addition to the content of published documents is the scientific reference apparatus, which includes elements that are important for revealing the topic.

Key words: documentary collections, Great Patriotic War, occupation, genocide, fighting

Апублікаваныя ў розных зборніках і перыядычным друку дакументы і матэрыялы займаюць важнае месца сярод гістарыяграфічных крыніц. Яны не толькі характарызуюць стан спраў на кожным этапе крыніцавай базы даследавання, але і даюць магчымасць вызначыць канцэпцыі публікатараў, накіраванасць і ўзровень даследавання тэмы ў розных перыяды. Пасля набыцця Рэспублікай Беларусь статуса незалежнай і суверэннай дзяржавы ў 1991 г. пачаўся новы перыяд у дакументальным асветленні гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны, у тым ліку і гісторыі асобных рэгіёнаў.

Публікацыя дакументальных крыніц у беларускі перыяд мае свае асаблівасці. Выдазеныя дакументальныя крыніцы ўмоўна можна падзяліць на некалькі груп. Да першай групы адносяцца зборнікі дакументаў, у якіх разглядаюцца падзеі, якія адбываліся на тэрыторыі ўсёй вобласці. У 2020 г. да 75-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне архівістамі і вучонымі з Расіі быў запушчаны праект “Без тэрміну даўнасці” аб злачынствах нацыстаў і іх памагатых над мірным насельніцтвам на акупаваных тэрыторыях РСФСР. Кожная кніга была прысвечана асобнай вобласці (у сучасных межах), якая была акупавана нацыстамі.

З аналагічнай прапановай аб падрыхтоўцы падобных зборнікаў у НАРБ у чэрвені 2020 г. звярнуліся нашы шматгадовыя партнёры з Расіі – фонд “Гістарычная памяць” і Асацыяцыя гісторыкаў саюзнай дзяржавы “Саюзная ініцыятыва памяці і згоды”, якія ўзялі на сябе фінансавую падтрымку праекта.

Галаўной арганізацыяй, якая вяла і вядзе гэты праект, стаў Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь і аддзел публікацый. Акрамя гэтага, у праекце задзейнічаны Дэпартамент па архівах і справаходстве рэспублікі Беларусь, дзяржаўныя, абласныя і занальныя архіўныя ўстановы нашай рэспублікі. Было прынята рашэнне зрабіць 6 кніг – па кожнай з абласцей Беларусі ў яе сучасных межах. Цяпер апублікаваны ўсе кнігі, у тым ліку і “Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область” [1].

Зборнік дакументаў расказвае аб злачынствах, учыненых нацыстамі ў гады Вялікай Айчыннай вайны на акупаванай тэрыторыі Брэсцкай вобласці ў яе сучасных межах. У яго ўключана 212 дакументаў (з улікам дадатку), у тым ліку 133 з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, 40 з Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, 4 з архіва упраўлення Камітэта дзяржаўнай бяспекі па Брэсцкай вобласці, 4 з Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Баранавічы. Публікуюцца таксама дакументы з архіваў Расіі.

Дакументы размеркаваны па двух раздзелах.

У першым раздзеле публікуюцца дакументы аб злачынствах, учыненых нацыстамі на акупаванай тэрыторыі Брэсцкай вобласці, і яны размешчаны па храналагічнай прыкмеце.

У другім раздзел уключаны дакументы аб устанаўленні і расследаванні фактаў учыненых злачынстваў. Пры іх сістэматызацыі выкарыстаны наступныя прынцыпы: адміністрацыйна-тэрытарыяльны, алфавітны, тэматычны і храналагічны.

У другім раздзеле выдзелены падраздзелы ў адпаведнасці з сучаснымі адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем Брэсцкай вобласці.

Складальнікамі падрыхтаваны чатыры дадаткі:

1. Спіс месцаў прымусовага ўтрымання цывільнага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Брэсцкай вобласці.

2. Спіс месцаў масавага знішчэння яўрэяў на акупаванай тэрыторыі Брэсцкай вобласці.

3. Спіс найбольш буйных нямецкіх карных аперацый у Брэсцкай вобласці ў 1941–1944 гг.

4. Спіс вёсак Брэсцкай вобласці, знішчаных нацыстамі ў 1941–1944 гг.

Першы спіс падрыхтаваны на падставе даведніка аб месцах прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва, выдадзенага ў 2001 г. Спіс месцаў прымусовага ўтрымання складзены ў алфавітным парадку назваў населеных пунктаў вобласці. У ім змяшчаюцца наступныя графы: месцазнаходжанне, катэгорыя, кароткая характарыстыка і крыніцы, адкуль запазычана інфармацыя аб ім.

Звесткі аб месцах прымусовага ўтрымання даюцца ў адпаведнасці з сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем Брэсцкай вобласці.

Другі дадатак змяшчае інфармацыю аб месцах масавага знішчэння яўрэйскага насельніцтва ў Брэсцкай вобласці. Яна размеркавана па яе раёнах у адпаведнасці з сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем.

У спіс не ўключаны месцы, дзе нацысты знішчылі менш за 20 чалавек, лагеры савецкіх ваеннапалонных, бо немагчыма вылучыць колькасць загінуўшых яўрэяў з агульнай колькасці знішчаных ваеннапалонных.

У трэцім дадатку даецца інфармацыя аб часе і месцах правядзення найбольш буйных карных аперацый нямецкімі акупантамі ў вобласці. Яны адсістэматызаваны па храналагічным прынцеце. Раёны правядзення карных аперацый даюцца па сучасным адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленні, адначасова ўказаны ліквідаваныя раёны, дзе дзейнічалі гітлераўцы.

Некаторыя аперацыі праводзіліся на тэрыторыі некалькіх абласцей ці рэспублік. У гэтых выпадках указана ўся тэрыторыя, ахопленая ёй.

Чацвёрты дадатак падрыхтавана на аснове інфармацыі, якая змяшчаецца ў электроннай базе “Беларускія вёскі, спаленыя ў гады Вялікай Айчыннай вайны”, размешчанай на сайце НАРБ. У электроннай базе змяшчаецца інфармацыя аб беларускіх сельскіх населеных пунктах (вёсках, пасёлках, хутарах і інш.), знішчаных разам з насельніцтвам або без яго, і ў якіх было спалена не менш як 25 працэнтаў жылога фонду або 20 і больш дамоў, незалежна ад іх агульнага колькасці.

У спіс уключаны наступныя звесткі з базы:

- 1) назву населенага пункта;
- 2) ваенная савецкая адміністрацыйная падпарадкаванасць (раён, вобласць);
- 3) колькасць напярэдадні вайны:
двароў, насельніцтва;
- 4) колькасць знішчаных двароў, насельніцтва;
- 5) дата знішчэння;
- 6) пошукавыя дадзеныя крыніц, адкуль запазычана інфармацыя (архіўныя дакументы, літаратура і інш.)

У спісе населеныя пункты адсістэматызаваны па сучасных раёнах вобласці, унутры раёнаў – па алфавітным прынцеце. Назвы перайменаваных населеных пунктаў даюцца па іх сучасным напісанні, у дужках указваецца ранейшае.

У другую групу дакументальных крыніц уваходзяць дакументы і матэрыялы, прысвечаныя жыццю насельніцтва канкрэтнага населенага пункта ў перыяд нацысцэкай акупацыі. 4 мая 2017 г. у Брэсцкай абласной бібліятэцы імя А.С. Пушкіна адбылася прэзентацыя зборніка дакументаў “Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы”, падрыхтаванага аўтарскім калектывам у складзе дацэнта кафедры ўсеагульнай гісторыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Пушкіна Я.С. Разенבלата і супрацоўнікаў Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці А.Г. Карапузавай і Г.Д. Калуставай [2].

Размешчаныя ў храналагічным парадку дакументы ўключаны ў 6 раздзелаў. Абсалютная большасць дакументаў і матэрыялаў публікуюцца ўпершыню.

Самым значнам па аб’ёме і змесце з’яўляецца раздзел 6 “Положение населения города в период оккупации”, у 4 падраздзелах якога раскрываюцца разнастайныя аспекты жыцця акупацыйнага горада. З самага пачатку акупацыі эканоміка горада і яго людскія рэсурсы былі пастаўлены на службу інтарэсам захопнікаў. Дэфіцыт рабочай сілы ў Германіі вымусіў А. Гітлера пайсці на шырокае выкарыстанне прымусовай працы грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных з захопленых нацыстамі краін. Прымусовы, эксплуатацыйны і нават рабскі характар мела эканамічная палітыка Германіі і на тэрыторыі Брэста. Аб гэтым сведчаць факты пададзеныя аўтарамі ў раздзеле 6.1 “Принудительный труд, угон населения в Германию”. Так, 24 лістапада 1941 г. гарадскі камісар

выдаў распараджэнне, якім забаранялася па сваёй ахвоце пакідаць месца працы. Невыкананне разглядалася як сабатаж, а “тыя, хто не будзе выконваць дадзенае распараджэнне, могуць быць па прадстаўленні аддзела працы пакараны камісарам горада – штрафам у неабмежаваным памеры; накіраваннем у лагер прымусовых работ; у больш цяжкіх выпадках нават турмой ці катаржнай турмой” [2, с. 214]. 13 снежня 1941 г. быў выдадзены загад Брэсцкага акружнага камісара, пацверджаны 28 чэрвеня 1942 г. аб працоўнай павіннасці, і па якім праводзілася агульная рэгістрацыя асоб мужчынскага і жаночага полу ва ўзросце ад 14 да 65 гадоў. За ухіл ад рэгістрацыі прадугледжваліся грашовы штраф ці турэмнае зняволенне ў залежнасці ад прычыны не з’яўлення на рэгістрацыю [2, с. 217, 218]. Акупацыйныя ўлады выкарыстоўвалі і больш жорсткія меры пакарання, чым штраф ці турэмнае зняволенне. Так, згодна загаду каменданта крэпасці генерал-лейтэнанта Шэллера ад 6 красавіка 1944 г. «... Асобы, якія ўхіляюцца ад рэгістрацыі і не з’яўляюцца своечасова на указаная месца працы, па сваёй ахвоце адлучаюцца з працы ці сабатаюць працу, будуць накіраваны ў лагер прымусовых прац, а пры цяжкіх парушэннях будзе прымяняцца **СМЯРОТНАЯ КАРА** (выдзелена ў дакуменце). Сем’і тых, хто ўхіляецца ад працы будуць эвакуіраваны з Брэста, калі яны сваім удзелам у сабатажы не заслужылі больш цяжкую кару» [2, с. 221]. Як бачна пакаранне распаўсюджвалася не толькі на парушальніка загаду, але і на членаў яго сям’і.

Істотным дапаўненнем дакументальнай часткі зборніка “Брест в 1919–1939 гг. Документы и материалы” з’яўляюцца дадаткі у дзвух частках. У першай сабраны 11 успамінаў удзельнікаў Брэсцкага гарадскога падполля.

У другой частцы ўтрымліваюцца копіі разнастаўных дакументаў акупацыйных уладаў на рускай, украінскай і нямецкай мовах, грашовых знакаў, якія мелі хаджэнне ў горадзе, а таксама разнастайныя фотаздымкі, ілюструючыя жыццё акупаванага Брэста.

Важнай складовай часткай зборніка з’яўляецца падрыхтаваны аўтарамі навукова-даведачны апарат, які ўключае прадмову, заўвагі па тэксту і зместу дакументаў, імяны паказальнік, спіс скарачэнняў, пералік выкарыстаных фондаў і публікуемых крыніц. Высокай ацэнкі заслугоўваюць навуковыя каментары, у аснову якіх пакладзены навуковыя прынцыпы выкарыстання крыніц.

Большая частка дакументаў публікуецца ў поўным аб’ёме. Размешчаныя ў храналагічным парадку, у асноўным па часе падзей, дакументы ўтрымліваюць рэдакцыйны загаловак, у якім указваецца яго разнавіднасць, аўтар, адрасат, кароткі змест і дата напісання. Кожны дакумент мае легенду, якая змешчана пад тэкстам дакумента і ўключае пошукавыя дадзеныя дакумента (назву архіва, нумары фонда, справы і аркушаў на нямецкай мове). У форме канцавых спасылак даюцца тэкставыя заўвагі і каментары.

Дакументы ўключаныя ў зборнік, захоўваюцца ў архіве на чатырох мовах: нямецкай, польскай, украінскай і рускай, што ў значнай ступені выклікана нацыянальнай палітыкай акупантаў. Тэкставыя крыніцы на рускай мове друкуюцца на мове арыгіналу, на нямецкай, украінскай, польскай – у перакладзе на рускую мову. Зборнік адпавядае неабходным патрабаванням, якія прад’яўляюцца да дакументальных выданняў і з’яўляецца сведчаннем высокага прафесійнага ўзроўню яго складальнікаў.

Уведзеныя ў навуковы ўжытак новыя дакументальныя факты і архіўныя крыніцы дазваляюць па-новаму разгледзець праблему штодзённасці ў гады нацысцкай акупацыі, больш глыбока раскрыць розныя аспекты жыццядзейнасці горада і акупацыйных улад, асвятліць працэс стварэння органаў улады і іх структуру. Значны факталагічны матэрыял дазволіў аўтарам паказаць асноўныя накірункі нямецкай акупацыйнай палітыкі ў горадзе, які спачатку знаходзіўся ў падпарадкаванні ваеннай адміністрацыі (з 22 чэрвеня па 1 верасня 1941 г.), затым – ў складзе рэйхскамісарыята “Украіна”, акругі Валынь – Падолія (да лютага 1944 г.), рэйхскамісарыята “Остланд“, састаўной часткай якога была Генеральная акруга Беларусь. Неабходна заўважыць, што характэрнай рысай савецкай і постсавецкай беларускай гістарыяграфіі з’яўляецца тое, што пераважна даследаваліся працэсы, якія адбываліся на тэрыторыі Генеральнай акругі Беларусь. Як сведчаць дакументы, аснову акупацыйнай стратэгіі складала палітыка генацыду, накіраваная на фізічнае знішчэнне савецкіх людзей, эксплуатацыю прамысловасці і сельскай гаспадаркі, працоўных рэсурсаў Беларусі, а таксама вываз беларускага насельніцтва ў Германію. Дадзенае выданне з’яўляецца значным укладам у вывучэнне маладаследаванага аспекта гісторыі Вялікай Айчыннай вайны – гісторыі паўсядзённасці жыхароў беларускіх гарадоў, рабочых прамысловых прадпрыемстваў, служачых, а таксама жанчын, ваеннапалонных, вязняў гета, дзяцей на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Матэрыялы зборніка ствараюць новыя магчымасці для далейшага вывучэння штодзённага жыцця розных катэгорый насельніцтва Беларусі ў жорсткіх і складаных умовах акупацыі, іх узаемаадносінаў з германскімі адміністрацыйнымі органамі і ўстановамі, дазваляюць больш глыбока ацаніць глабальныя працэсы і іх трансфармацыю на лакальным узроўні.

У гэты перыяд папоўнілася і дакументальная база абароны Брэсцкай крэпасці. Неабходна адзначыць, што адным з першых спробу дакументальнага асвятлення абароны Брэсцкай крэпасці распачаў расійскі даследчык Р. Аліеў. У 2010 г. ім апублікаваны ў зборніку «Брэсцкая крэпасць. Успаміны і дакументы» 146 малавядомых нямецкіх дакументаў і ўспамінаў непасрэдных абаронцаў крэпасці [3]. Падбор дакументаў, іх археаграфічная апрацоўка выклікалі неадназначную адзнаку даследнікаў. Так, беларускі гісторык С.Я. Новікаў, нягледзячы на асобныя нязначныя заўвагі, звязаныя ў асноўным са зробленымі да дакументаў каментарамі, даведкамі, у цэлым станоўча ацэньваючы выданне, адзначае, што «аналіз новай камбінаванай працы дае падставы для высокай ацэнкі зробленага калектыўнымі намаганнямі зборніка дакументаў і ўспамінаў... уведзеныя ў навуковы абарот новыя матэрыялы кардынальна мяняюць асобныя палажэнні, устаноўленыя ў беларускай гістарыяграфіі аб абароне Брэсцкай крэпасці» [4, с. 33].

У той жа час, нямецкі даследчык К. Ганцэр у артыкуле “Спекуляцыі замест сур’эзнага даследавання”, апублікаваным у часопісе “Архе”, піша: “Крыніцы выбраны па прынцыпе выпадковасці (тое, што напісана ад рукі Р. Аліеў не публікуе). Яны былі транскрыбаваны непрафесійна (відавочна часткова з дапамогай праграмы для распазнання тэксту), таму ў іх ёсць памылкі... Крытыка крыніц адсутнічае амаль цалкам, як і ўказанні крыніц у каментары. Праца такога роду, без публікацыі паказчыка асоб і населеных пунктаў сведчыць аб выключным непрафесіяналізме» [5, с. 172].

У 2016 г. гісторыкі-выкладчыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна А.С. Разенблат, А.І. Пашковіч, С.У. Струнец, Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта І.Э. Яленская і дактарант Лейпцыгскага ўніверсітэта К. Ганцэр (кіраўнік аўтарскага калектыву) падрыхтавалі зборнік “Брест. Лето 1941 года. Документы. Материалы. Фотографии” [6]. Баявыя дзеянні ў Брэсце і крэпасці ў першыя тыдні вайны раскрываюцца ў першым раздзеле зборніка, асноўную частку якога складаюць 105 нямецкіх дакументаў: дакументы вермахта (данясенні, загады, якія ствараліся для забеспячэння функцыянавання паўсядзённага жыцця войскаў, таксама часопісы баявых дзеянняў, справаздачы аб баявых дзеяннях розных падраздзяленняў, складаліся як правіла пасля падзей з перспекывай іх вывучэння ў далейшым, што выклікае пэўныя цяжкасці з вызначэннем канкрэтнага часу з’яўлення таго ці іншага запісу), эга-дакументы, прадстаўленыя фрагментамі пяці дзённікаў (двух салдат і трох афіцэраў), лістамі нямецкіх салдат і афіцэраў.

«Апублікаваныя матэрыялы, – адзначаюць аўтары зборніка, – за некаторым выключэннем, ахопліваюць першы месяц ваенных дзеянняў, з моманту нападу да 18 ліпеня 1941 калі горад Брэст і крэпасць у ваенных адносінах былі перададзены ў падпарадкаванне камандуючаму войскамі ў Генерал-губернатарстве. Акрамя таго, пэўнай знакавай мяжой з’яўляецца дата 23 ліпеня 1941 г. – палон маёра Пятра Гаўрылава, які лічыцца апошнім абаронцам Брэсцкай крэпасці» [6, с. 8].

Асобным відам дакументаў, якія знаходзяцца ў зборніку, з’яўляюцца фатаграфіі, аўтарам большасці з якіх з’яўляецца былы ваеннаслужачы 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі Хайнц Мозер. Важкім дадаткам альбома Х. Мозера з’яўляецца калекцыя былога вайскоўца 45-й нямецкай дывізіі Міхаэля Вехтлера, якая знаходзіцца ў Дзяржаўным архіве Аўстрыі.

Асобную групу дакументальных крыніц складаюць дакументы і матэрыялы, уключаныя ў склад манаграфічных выданняў. Напярэдадні 70-годдзя Вялікай Перамогі ўбачыла свет манаграфія С.Я. Новікава “Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў” [7], у другім раздзеле якой змешчаны новыя перакладзеныя з нямецкай мовы дакументы, у тым ліку і “Данясенне камандзіра 45-й пяхотнай дывізіі генерал-маёра Ф. Шліпера аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска”

Аднак, не адмаўляючы навуковай каштоўнасці уведзеных у навуковы ўжытак новых дакументаў, падкрэслім, што яны не з’яўляюцца ісцінай у апошняй інстанцыі і патрабуюць верыфікацыі. У поўнай меры дадзена заўвага мае дачыненне і ў адносінах да нямецкіх крыніц. Так, згодна з данясеннем Ф. Шліпера да канца чэрвеня 1941 г. трапілі ў палон 101 афіцэр і 7 122 малодшых камандзіра і радавых абаронцаў горада і крэпасці [7, с. 155–162]. Аналіз данясення дае зусім іншую лічбу – 2739 чырвонаармейцаў, без уліку жанчын і дзяцей (23 чэрвеня – 1900 чалавек, 26 чэрвеня – 450 і 29 чэрвеня – 389.) Маёр К.Х. Верзінг у данясенні ва ўпраўленне тыла АОК 4 аб трафях, захопленых у Брэст-Літоўску павялічвае лічбу на 1250 салдат і афіцэраў, якія трапілі ў палон 24 чэрвеня 1941 г. Адначасова ён адзначае, што 28 чэрвеня на тэрыторыі крэпасці немцамі выяўлены амаль 2000 забітых рускіх [3, с. 371].

Кіраўнік аўтарскага калектыву ўжо згаданага зборніка “Брест. Лето 1941 года. Документы. Материалы. Фотографии” К. Ганцар у рэдакцыйным артыкуле “Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости”, піша: “На самой справе, у перыяд з 22 па 30 чэрвеня каля 6800 абаронцаў крэпасці трапілі ў палон – гэта прыблізна 75 % працэнтаў ваенаслужачых Чырвонай Арміі, якія 22 чэрвеня 1941 г. знаходзіліся ў крэпасці, Гэтыя лічбы заснаваны не толькі на дадзеных Справаздачы аб баявых дзеянняў па захопу Брэст-Літовска генерала Ф. Шліпера, але і на звестках з 40 іншых нямецкіх дакументаў, датуемых 1941 годам” [6, с. 22, 23].

Такім чынам, дакументальныя зборнікі, прысвечаныя гісторыі Брэстчыны ў гады Вялікай Айчыннай вайны, якія з’явіліся ў 1990-я – 2000-я гг. у пераважнай большасці мелі тэматычны характар. Адной з асаблівасцей дадзенага перыяду з’явілася падрыхтоўка дакументальных зборнікаў сумеснымі намаганнямі даследчыкаў розных краін. Выданні адрозніваюцца шырокім выкарыстаннем новых дакументаў, у тым ліку замежных архіваў. Агульная колькасць выданняў сведчыць аб растучым узроўні археаграфічнай працы ў архіўных установах. У цэлым паспяхова былі вырашаны пытанні перадачы тэкста і археаграфічнага афармлення дакументаў.

Уведзеныя ў навуковы ўжытак новыя дакументальныя факты і архіўныя крыніцы дазваляюць унесці пэўныя ўдакладненні ў храналогію абароны Брэсцкай крэпасці, пацвярджаюць выснову савецкай гістарыяграфіі пра тое, што штурм стаў першым шокам для нямецкіх салдат і бессмяротным подзвігам пагранічнікаў і чырвонаармейцаў, а з другога боку паказваюць трагедыю палону чырвонаармейцаў.

Факталагічны матэрыял, які ўтрымліваецца ў выдадзеных дакументальных зборніках з’яўляецца яшчэ адным доказам сутнасці акупацыйнага рэжыму, састаўнай часткай якога было рабаванне народнай гаспадаркі, зняволенне і фізічнае знішчэнне насельніцтва акупаваных тэрыторый.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область: сборник архивных документов и материалов; сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменов (рук.) [и др.]. Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2022. – 484 с.

2. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация. Документы и материалы / Учрежд. «Государственный архив Брестской области»; сост. Г.Д. Калустова [и др.]. – Брест Альтернатива, 2016. – 316 с.

3. Алиев, Р. Брестская крепость. Воспоминания и документы / Р. Алиев. – М.: Вече, 2010. – 488 с.

4. Новікаў, С. Я. Брэсцкая крэпасць у дакументах і ўспамінах / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс, – 2011. – № 6. – С. 27 – 33.

5. Ганцэр, К Спекуляцыі замест сур’ёнага даследавання / К. Ганцэр // Архе, – 2011. – № 11. – С. 162 – 172.

6. Брест : Лето 1941г. Документы. Материалы. Фотографии; авт.-сост. К. Ганцар (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.

7. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С.Я. Новікаў. – Мінск: МДЛУ, 2014. – 300.

11. Ковалёва Н. Н., к. ист. наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук БрГТУ
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 101.9 (091) (476)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
НА БРЕСТЧИНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА**

Аннотация. В статье анализируются инструменты проведения культурной политики, избираемые и используемые государством в конкретном регионе (на Брестчине) с учетом его особенностей, связанных с особой структурой национального состава, столкновением интересов различных политических сил, в разные периоды истории и оказавшие влияние на характер динамики культур в регионе.

Ключевые слова: культурная политика, национальный состав, конфессиональный состав, динамика культур, диалог культур, межкультурные коммуникации.

N. N. Kovaleva, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Humanities of
Brest State Technical University
(Brest, Republic of Belarus)

**POLITICAL AND ADMINISTRATIVE INSTRUMENTS FOR REGULATING
INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE BREST REGION:
A HISTORICAL RETROSPECTIVE**

Annotation. The article analyzes the instruments of cultural policy, chosen and used by the state in a particular region (in the Brest region), taking into account its features associated with the special structure of the national composition, the clash of interests of various political forces, in different periods of history and influenced the nature of the dynamics of cultures in the region.

Key words: cultural policy, national composition, confessional composition, culture dynamics, dialogue of cultures, intercultural communications.

Характер межкультурных коммуникаций в полиэтническом приграничном регионе всегда сложен и подвержен изменениям в силу действия объективных, а чаще субъективных факторов.

В данной статье речь пойдёт о роли субъективных факторов, являющихся проявлением правительственной политики и инструментах её реализации, а также результатах влияния этих факторов на культурную самоидентификацию участников процесса межкультурной коммуникации.

«Культурная идентификация» отражает, прежде всего, процесс отождествления индивида или группы индивидов с определенной, уже сложившейся и закрепившейся в социоисторической памяти системой культурных ценностей, что, в свою очередь, даёт возможность для данного индивида или группы почувствовать сопричастность к этим ценностям [1, с. 30].

Этнонациональная идентичность населения Брестчины представляется невыраженной и размытой. И это результат не только этнокультурного взаимодействия нескольких этносов (белорусов, украинцев, евреев, поляков) в течение сотен лет. Следует учесть, что западно-белорусский регион в целом, и в частности, Брестчина, на протяжении XX века пережили несколько серьёзных геополитических трансформаций, в ходе которых изменялась её государственная принадлежность и статус, а, следовательно, и характер правительственной политики.

Правительственная политика России на Брестчине в начале XX в. проводилась в контексте общих «принципов политики на инкорпорированных территориях» [2, с.31], но после восстания 1863 г. изменилась в сторону ужесточения с целью «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах [2, с.39].

Не ставя задачу анализа всех аспектов правительственной политики, мы сосредоточим внимание на её культурной составляющей, главными инструментами реализации которой выступали школа, церковь, книгоиздание, кадровая политика.

Являвшаяся главной задачей культурной политики России русификация проявлялась не только в насаждении русского языка, но и в одновременном ограничении применения «всех языков, распространённых на западных окраинах империи в администрации, образовании, печати, публичной сфере» [3, с. 82]. Ограничительные меры затрагивали, прежде всего, доминировавшие ранее в регионе польский язык и культуру, внедрявшиеся через римско-католический костёл и систему образования. Однако в конце XIX в. вместо мер административного воздействия, различных ограничений и запретов для борьбы с полонизацией стал использоваться метод апелляции к этнической самоидентификации местного населения. Эта новая позиция формировалась с опорой на своеобразно интерпретированные данные Первой Всеобщей переписи 1897г., в процессе проведения которой национальная принадлежность определялась по родному языку, а белорусский и украинский языки трактовались как белорусское и малороссийское наречие русского языка, что исключало признание за белорусами и украинцами

особого этнического статуса и давало основание для отрыва их, как русскоговорящих, от носителей польской культуры. Если в западно-белорусском регионе, по данным переписи, преобладали носители «белорусского наречия», то во входящем в его состав так называемом Западном Полесье (Брестский, Кобринский и Пружанский уезды) – носители «малороссийского наречия». По нашим подсчетам, в двух из указанных выше уездов, Брестском и Кобринском, малороссы составляли, соответственно, 64,3% и 79,5% из общего числа населения, 86,5% из числа русскоязычных в Брестском уезде и 95,2% – в Кобринском уезде. Небольшую группу населения составляли малороссы в Пружанском уезде: 6,67% от всего населения и 7,8% от – русскоязычных. Языковая ситуация на Брестчине характеризовалась также наличием 20,78% еврейского населения в Брестском уезде, говорящем на идише [4, с.11, 13, 17].

Данные переписи дали основание властям для использования «белорусскости» в борьбе с полонизацией. В целях «русификации» костёла Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский (1902-1904) в отчёте, поданном Николаю II предложил введение в белорусских католических приходах дополнительного богослужения на их родном языке и ограниченного использования белорусского языка для преподавания Закона Божьего [5, с. 193]. Заметим, что вопрос о возможности использования малороссийского наречия в сфере образования не поднимался. Как определённый результат борьбы с полонизацией с использованием «белорусскости» можно трактовать тот факт, что проведённая в 1911 г. однопенная перепись начальных школ зафиксировала изменение удельного веса белорусского и украинского языков в Западном Полесье: только 21,3 % учащихся назвали родным языком украинский, а 56,0 % – белорусский [6, с. 182-183].

В целом система образования в Российской империи содействовала утверждению доминирующего положения русской культуры. В Гродненской губернии национальное образование было представлено только традиционными еврейскими учебными заведениями (хедеры, талмуд-торы и иешивы) и различными формами польского негосударственного образования (частными и тайными школами).

Основным языком грамотности в регионе стал русский язык. Его указали 94 % всех грамотных белорусов, 95,4 % украинцев, 65 % поляков [6, с. 153]. Этому же содействовала и политика государства в области книгоиздания. В 1910-е гг. книги в России выпускались более чем на 20 языках, хотя заметными успехи в области книгоиздания были лишь на польском, языках Прибалтики, идише, татарском, армянском, украинском, грузинском. Например, в 1913 г. на идише было выпущено 574 издания (тираж 1 541 015), а на белорусском – только – 12 изданий (тираж 33 000) [7, с. 366 –367]. Вместе с тем, «Эмский указ» 1876 г. налагал запрет на ввоз в Россию любых книг, издаваемых за границей на «малорусском наречии», особенно учебников и молитвенников.

В результате культурной политики, реализуемой Россией, на Брестчине сформировалась культурная граница между образованной частью населения, использовавшей в сфере делового общения и зачастую в обиходе русский язык, подвергшейся так называемой аккультурации, и подавляющим большинством неграмотного населения, говорящем на местных диалектах. Вместе с тем, неграмотность подавляющего большинства местного населения формировала особую

среду функционирования и сохранения народной культуры с характерными местными языковыми диалектами и традициями. Политика властей косвенным образом способствовала появлению новых акторов межкультурных коммуникаций (белорусов и украинцев), чье этническое самосознание ещё не сформировалось и которые использовались главными участниками межкультурного противостояния (русским правительством и польской элитой) для достижения своих целей. В начале XX в. в связи с возникновением нескольких национальных проектов, направленных на создание национальных государств, существовавшая и подогреваемая политикой властей напряженность в отношениях между этническими культурами региона перерастает в конфликт.

Сложная ситуация конца XIX – начала XX в., связанная с Первой мировой войной, миграцией населения, изменением государственных границ, сопровождалась изменением культурной политики в регионе и характера межкультурных коммуникаций. Немецкие оккупационные власти руководствовались не столько желанием оказания поддержки этническим культурам, сколько желанием добиться лояльного отношения от местного населения и стремлением оторвать его от культурного воздействия России, в то же время ослабив польское влияние на регион. В результате принятого руководством Обер-Ост курса на формирование школ по конфессионально-национальному принципу в генеральном округе Белосток-Гродно с конца 1916 г. стали организовываться белорусские начальные школы, а на Брестчине – украинские. Впервые со времён Великого Княжества Литовского белорусский язык был признан как один из официальных и равноправных языков края, что имело не только культурное, но и политическое значение» [8, с. 77, 85]. Однако это не привело к снятию напряженности в отношениях между этническими культурами региона. Пользуясь поддержкой костёла и получая некоторые финансовые средства из этнической Польши, польские учебные заведения, как легальные, так и нелегальные, продолжали доминировать в регионе. А белорусско-украинские отношения были омрачены непродуманным решением территориального вопроса (передача территории к югу от Брест-Литовска до Гомеля Украинской Народной Республике).

Войдя в 1921 г. в состав Второй Речи Посполитой, Брестчина оказалась в сфере действия активной полонизаторской политики, главными инструментами проведения которой были польско-язычная школа и католический костёл, а фактором, облегчающим достижение поставленной цели – слабо выраженная самоидентификация населения региона, значительная часть которого не относила себя ни к белорусам, ни к украинцам, а именовалась «тутэйшыя». В Западном Полесье процесс полонизации не зашел так далеко, как в других регионах, благодаря преобладанию лиц православного вероисповедания. Белорусский исследователь В.В. Шейбак считает, что полонизация на Брестчине оказалась куда менее эффективной, чем на Гродненщине. «На Брестчине конфессиональный фактор не мог быть широко использован для полонизации, так как в Полесском воеводстве, судя по результатам переписи 1931 г., в конфессиональной структуре населения православные составляли подавляющее большинство – 77,4%, католики – 11 %, иудеи – 10%» [9, с. 27]. Тем не менее, польская культура на Брестчине занимала доминирующие позиции, а белорусская и украинская являлись неравноправными акторами межкультурных коммуникаций.

Культурная политика советской власти, установившейся на Брестчине в 1939 г., реализовывалась в контексте советизации, т. е. в процессе «встраивания» региона в советскую систему. В ней прослеживается явное противоречие между главной целью (внедрение коммунистической идеологии), которая предполагала наднациональный характер политики, и способами её реализации, ориентированными на разделение населения по классовому признаку и использование межнациональных противоречий. Гонения на польскую интеллигенцию, представители которой ранее занимали ответственные должности в аппарате управления, работали в сфере образования, медицины сопровождалось радикальной сменой управленческого аппарата во всех сферах, главным образом за счет так называемых «восточников» (выходцев из восточных областей БССР и других регионов СССР), а также представителей еврейского населения, чей уровень образования был, как правило, выше, чем у белорусов и украинцев.

Тем более, что евреи, впервые выйдя из культурной изоляции, проявили полную лояльность к советской власти, а большинство еврейских школ отказалось от обучения на идише, перейдя на русский язык. Выдвижение евреев на руководящие должности вызвало среди польского населения проявления антисемитизма, которые часто трактовались как антисоветизм.

Советская власть стремилась обеспечить возможности для развития национальной культуры и преимущества в карьерном росте представителям тех этнических групп, которые ранее подвергались дискриминации. В связи с этим была предпринята попытка белорусизации, как средство борьбы с полонизацией без учета особенностей национального состава региона. По данным переписи 1931 г., из 48 385 жителей Бреста польский язык назвали родным 20 595 человек (42,6%), идиш и иврит – 21 315 (44,1%), русский – 2 575 (5,3%), «тутэйшы» – 2 107 (4,4%) и белорусский – всего 1 327 (2,7%) [10, с. 7]. Брестский обком КП(б)Б обязал областной отдел Народного образования обеспечить в белорусских школах переход на белорусский язык преподавания, а в национальных школах (польских, еврейских и украинских) в 5-10-х классах ввести белорусский язык, как предмет [11, с.14]. Исходя из интересов украинско-язычного населения создавались украинские школы. В частности, в Кобринском районе из 54 начальных школ 11 были украинскими [12].

Политика белорусизации на Брестчине оказалась не очень удачной из-за пассивности местного белорусско-язычного населения, недостатка учителей, знающих белорусский язык, недостатка учебников, и, главным образом, позиции «восточников», относящихся к данной проблеме чисто формально, предпочитавших отдавать своих детей в русские школы, общаться и вести делопроизводство на русском языке. В результате, вопреки провозглашенному курсу на белорусизацию, произошло укрепление позиций русской культуры, отождествляемой с советской и дальнейшее размывание этнического самосознания белорусов. Межкультурный диалог в регионе, как и до установления советской власти, разворачивался в условиях запрограммированного неравенства культур.

Таким образом, можно считать, что изменение государственной принадлежности Брестчины в результате геополитических трансформаций XX в. вело к изменению характера культурной политики, а также способов и форм её реализа-

ции. В настоящее время, благодаря политике, направленной на утверждение этнической толерантности и сложившимся в регионе традициям межэтнического общения, подавляющее большинство жителей региона вообще не делает акцент на национальной принадлежности и вероисповедании. Для региона, испытавшего несколько принудительных аккультураций (полонизация, русификация, советизация) естественным явлением становится билингвизм и даже многоязычие. У многих жителей Брестчины отсутствует самоидентификации с каким-то одним определённым этносом. Зато, выросшие в общей культурной среде, они ощущают принадлежность к определённой локальной идентичности [13]. Существующий у жителей Брестчины общий культурный код облегчает коммуникацию между ними, убирая барьеры, в том числе и в виде государственных границ, упрощая контакты с гражданами Польши и Украины.

Список использованной литературы:

1. Рогозина О.Л. Роль традиций в формировании национально-культурной идентичности в современном мире // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. – практ. канф., 29–30 мая 2014 г., г. Магілёў / Маг. дзярж. ун-т харч.; уклад. І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў: МДУХ, 2014. – 357 с. – С.30 – 33.
2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.) / Б.Н. Миронов: В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003 – Т.1 – 583 с.
3. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М: Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под редакцией Н.А. Тройницкого. Выпуск 7. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков – 1905: Паровая Типо - Литография Н.Л. Ныгкина. Измайловский полк, 7 рота, дом № 13. – 38 с
5. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.: ил.
6. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Мн.: БГУ, 2004. – 223 с.
7. Беликов, В.И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика: учебник / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: 2001. – 439 с.
8. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. Навуковае выданне. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. — 340
9. Шейбак В.В. Этническая история западного Полесья (Брестчины) // Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус, культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 621 с.: ил. – С. 9–49
10. Брест в 1919 – 1939 гг.: документы и материалы / сост.: А.Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.]; редкол. Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.] – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с., (12) л. Фот.

11. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1-п. – Оп 1 б. – Д. 5.

12. ГАБО. – Фонд 1-п. – Оп. 1 б. – Д. 8. – С. 41.

13. Ковалёва Н.Н. Этнические аспекты межкультурной коммуникации в пограничье (на примере западно-белорусского региона) // Христианские ценности и межкультурное взаимодействие : сборник научных статей; редкол. Лисовская Т.В. – Брест: Издательство БрГТУ, 2022. – С. 69–75.

12. Лаўрэнка Л. В., к. гіст. н.,
настаўнік гісторыі і грамадазнаўства
ГУО «Сярэдняя школа в. Скокі»
(Брэсцкі раён, в. Скокі, Рэспубліка Беларусь)

УДК 94 (476) “1921/1939”

ПРАМЫСЛОВАСЦЬ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 ГГ.

Анацыя. У артыкуле на аснове вялікай колькасці розных гістарычных крыніц характарызуецца прамысловае развіццё Палескага ваяводства ў 20–30-я гг. ХХ ст. Раскрываецца роля асобна ўзятага ваяводства ў эканамічным жыцці заходнебеларускіх зямель і Польшчы ў цэлым. На падставе багатага фактычнага матэрыялу паказваецца развіццё асноўных галін прамысловасці Палескага ваяводства, асаблівасці іх дзейнасці.

У артыкуле зроблена выснова аб тым, што ўся прамысловасць ваяводства размяшчалася ў асноўным у чатырох паветах (Пінскі, Брэсцкі, Лунінецкі і Косаўскі). У астатніх – буйная і сярэдняя прамысловасць амаль поўнасцю адсутнічала.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, Палескае ваяводства, эканоміка, прамысловасць, прамысловае развіццё, галіна прамысловасці.

L.V. LAVREENKO, Candidate of Historical Sciences,
Teacher of History and Social Studies
of the GUO "V. Skachki Secondary School"
(Brest district, Skoki village, Republic of Belarus)

INDUSTRY OF THE POLESIE VOIVODESHIP IN 1921-1939

Annotation. Based on a large number of different historical sources, the article characterizes the industrial development of the Polesye Voivodeship in the 1920s-1930s. XX century. The role of a separate voivodeship in the economic life of the Western Belarusian lands and Poland as a whole is revealed. On the basis of rich factual material, the development of the main branches of the Polesye Voivodeship, the features of their activities are shown. The article concludes that the entire industry of the voivodeship was located mainly in four counties (Pinsk, Brest, Luninets and Kosava). Otherwise, large and medium-sized industry was almost completely absent.

Key words: Western Belarus, Polesye Voivodship, economy, industry, industrial development.

Палескае ваяводства як адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Польшчы была заснавана 1 сакавіка 1921 г. Яно з'яўлялася найбольшым па тэрыторыі ва ўсёй Заходняй Беларусі і займала 36,8 тыс. км² (34,2% ад агульнай плошчы Заходняй Беларусі) [1, с. 384; 2, с. 3]. Згодна з перапісам 1931 г. у Палескім ваяводстве пражывала 1131 тыс. чалавек, з якіх у прамысловасці было занята 7,9% насельніцтва, у той час як у сельскай гаспадарцы налічвалася 80,6% [1, с. 384; 3, с. 33].

Асноўнымі прамысловымі цэнтрамі Палескага ваяводства былі Пінскі, Брэсцкі, Лунінецкі і Косаўскі паветы [4, с. 63]. Па колькасці занятых у прамысловасці рабочых ваяводства знаходзілася на трэцім месцы пасля Беластоцкага і Віленскага ваяводстваў, а з 1934–1935 гг. яшчэ і пасля Навагрудскага.

У разглядаемы перыяд з усіх галін прамысловасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі найбольшае развіццё атрымала лясная. Лясная прамысловасць (лесанарыхтоўчая, лесапільная, фанерная і запалкавая галіны) адыгрывала вялікую ролю ў гаспадарчым жыцці міжваеннай Польшчы. У 1920–1930-я гг. лес з'яўляўся адной з асноўных крыніц польскага экспарту. За мяжу вывозілася звыш 70% драўніны, у той час як на ўнутраныя патрэбы ішло менш за 30%. Каля 80% экспартуемай драўніны складалі лесаматэрыялы з Заходняй Беларусі [5, с. 12; 6, с. 78].

У лясной прамысловасці развівалася дрэваапрацоўчая галіна, якая аб'ядноўвала лесанарыхтоўчую (падрыхтоўка лесу на продаж) і лесапільную прамысловасці. У Палескім ваяводстве ў 1931 г. налічвалася 119 лесанарыхтоўчых прадпрыемстваў (у 1929 г. – 272) [7, с. 13].

Лесапільная прамысловасць Заходняй Беларусі займалася вырабам піламатэрыялаў, дошак, паўфабрыкатаў. У Палескім ваяводстве ў 1921 г. налічвалася 20 лесапільных заводаў з 23 лесапільнымі рамамі, на якіх працавала 236 чалавек, а гадавая вытворчасць іх складала 220 тыс. м³. У 1922 г. на тэрыторыі ваяводства дзейнічала 31 прадпрыемства (42 лесапільныя рамы), на якіх працавала 456 чалавек, з гадавой вытворчасцю 425 тыс. м³. З прыведзеных дадзеных відаць, што вытворчасць лесапільнай прамысловасці ў 1922 г. у адносінах да 1921 г. узрасла на 93%. Аднак калі параўноўваць вытворчасць 1922 г. з паказчыкамі дадзенай галіны 1913 г., то яна складала толькі 35% ад перадваеннай [8, арк. 10; 9, арк. 10].

Лесапільная прамысловасць развівалася дастаткова хуткімі тэмпамі і ў 1923 г. на тэрыторыі ваяводства налічвалася ўжо 40 лесапільных заводаў з агульнай колькасцю 659 рабочых, а ў 1924 г. – 69 такіх прадпрыемстваў [10, арк. 12адв; 11, арк. 9]. Аднак, у другой палове 1924 г. у дрэваапрацоўчай прамысловасці пачынаўся застоў [10, арк. 12адв]. Адною з галоўных прычын такога становішча з’яўлялася стабілізацыя валюты і недахоп абаротных сродкаў. У 1925 г. назіраецца недахоп як наяўных сродкаў, так і сыравіны. У якасці прыкладу неабходна прывесці перамовы паміж акцыянерным таварыствам “Agahell” (цэнтр у Варшаве) і бельгійскай карпарацыяй на прыцягненне капіталу на суму 150 тыс. фунтаў стэрлінгаў для пашырэння дзейнасці акцыянернага таварыства каля Мікашэвічаў Лунінецкага павета [12, арк. 13; 13, арк. 10адв]. Узнікненню крызісу ў дрэваапрацоўчай прамысловасці ў значнай ступені паспрыяў таксама і недахоп сродкаў камунікацыі і іх дарагавізна. Многія дрэваапрацоўчыя прадпрыемствы вымушаны былі абмяжоўваць сваю вытворчасць [12, арк. 13–14; 14, арк. 116]. Яшчэ адным фактарам, які паўплываў на застоў у дрэваапрацоўчай прамысловасці ў 1925 г., у значнай ступені быў мытны канфлікт з Германіяй. У 1925 г. на тэрыторыі Палескага ваяводства з 84 лесапільных заводаў дзейнічала толькі 46, у 1929 г. – 55 [15, арк. 7], а ў 1931 г. – 91 лесапільны завод [7 с. 16].

Вядомымі лесапільнымі заводамі Палескага ваяводства былі: у Пінску – лесапільны завод “Pina”, завод “J. Lubaszewski”, лесапільныя заводы “Bracia G. i J. Lewin”, “G. Pupko i Syn”, “Lasgo”, “Leszcze” [16, арк. 105–106, 112, 113, 115, 132; 17, арк. 1; 18, арк. 70, 75], лесапільны завод “Oak” у Жулкіна (Пінскі павет); у Лунінецкім павеце – лесапільны завод “Альшанка” (Лунінец), лесапільны завод “Wajntraub”, лесапільны завод Б. Крыгера ў Бостыні, лесапільны завод “Josszyf” у Людвікава, паравы лесапільны завод і мельніца “F. Preis i M. Romer” [4, с. 67–68; 16, арк. 106; 19, арк. 13адв; 20, арк. 27; 21, арк. 46; 22, арк. 28], лесапільны завод фірмы “Olza” у Мікашэвічах [16, арк. 120–121]; у Брэсцкім павеце – лесапільныя заводы “P. i Sz. Michelson”, “A. Skorbnik”, “Polesie”, “Bug”, “J. Grunhaus” [19, арк. 13адв; 16, арк. 72, 73] у Брэсце, лесапільны завод “A. Varenhole i G. Korenbaum”, лесапільны завод “A. Rutman” і лесапільны завод “Ch. Alergant, M. Herlice i С.Е. Orliński” Х. Алерганта, лесапільны завод “A. Varenhole i G. Korenbaum” ў Маларыце [23, арк. 85, 87]; у Косаўскім павеце – гэты лесапільныя заводы ў Івацэвічах і Броннай Гары, які належалі акцыянернаму таварыству братоў Боркен-Гаген і Мароза, а таксама “Wis” і “Mlyntar” [4, с. 72, 88; 16, арк. 100; 24, арк. 31, 34].

На тэрыторыі Палескага ваяводства знаходзілася і адно з буйных прадпрыемстваў лясной прамысловасці – прадпрыемства гандлёва-прамысловага таварыства “Planta-Naska” (Косаўскі павет), на якім у 1934 г. працавала 345 чалавек. Вытворчасць дадзенага прадпрыемства ў 1934 г. склала 19 тыс. тон рознага роду матэрыялаў на суму 444 506 злотых [25, арк. 52].

Фабрыкі па вытворчасці фанеры на тэрыторыі ваяводства знаходзіліся ў Пінску, Мікашэвічах, Маларыце і інш. У Мастах знаходзіўся фанерны завод “Br. Koporassu” братоў Канапацкіх, пабудаваны ў 1925 г. На ім працавала 260 рабочых. Фабрыка мела сваю электрастанцыю. Браты Канапацкія з’яўляліся

ўласнікамі і фанернага завода ў Шчучыне. У Пінску размяшчаліся 4 буйныя фанерныя фабрыкі: фабрыка фанеры “Braci L. i Al. Lourie”, фабрыка фанеры аб’яднання “Dykta” “A. Mercier”, фабрыка “Leszcze” і фанерная фабрыка “Kunda” [4, с. 67; 26, арк. 66–66адв]. Яшчэ адзін фанерны завод знаходзіўся за Пінскам, у мястэчку Гарадзішча – фабрыка фанеры Наума Цукера “Union”. У Маларыце дзейнічаў фанерны завод “M. Hammer i Syn”, у Мікашэвічах – фанерная фабрыка “Olza” [4, с. 68; 23, арк. 99; 27, арк. 2адв, 18, 23]

Фабрыкі “Braci L. i Al. Lourie” ў Пінску і фабрыка фанеры “Olza” ў Мікашэвічах Лунінецкага павета былі найбольш буйнымі фанернымі фабрыкамі на тэрыторыі ўсёй Заходняй Беларусі. У 1926 г. вытворчасць фабрыкі “Braci L. i Al. Lourie” ў Пінску складала 8,7 тыс. м³, 1927 г. – 9767 м³, 1928 г. – 11 152 м³, 1929 г. – 12,1 тыс. м³ [18, арк. 87; 28, арк. 8]. Фабрыка працавала ў тры змены. Рост вытворчасці не прыпыняўся нават у гады сусветнага эканамічнага крызісу і ў 1933 г. складала 20 тыс. м³ [4, с. 66–67]. У 1934 г. на фабрыцы працавала 490 чалавек. У перыяд з 1 студзеня па 30 чэрвеня 1934 г. было выраблена 6700 тон фанеры на суму ў 2 350 000 злотых, а з 1 ліпеня па 30 снежня 1934 г. – 6875 тон на суму ў 2,4 тыс. злотых [25, арк. 62].

Фанерная фабрыка “Olza” у Мікашэвічах была пабудавана ў 1914 г., а выпуск сваёй прадукцыі пачала з кастрычніка 1925 г. [15, арк. 37]. Фабрыка карысталася сыравінай, якая пастаўлялася праз таварыства “Agahell” з уласных лясоў [29, арк. 3]. На фабрыцы выраблялася клееная фанера таўшчынёй 3–30 мм, якая ішла ў асноўным на экспарт у краіны Заходняй Еўропы і ў большай ступені на задавальненне патрэб англійскага і нямецкага рынкаў. Фанера фабрыкі “Olza” экспартавалася таксама і ў краіны Цэнтральнай і Паўночнай Еўропы, а з 1926 г. яшчэ і ў краіны Паўночнай Амерыкі і Блізкага Усходу [15, арк. 39–40]. У 1926 г. вытворчасць фабрыкі склала 20,7 тыс. м³ [15, арк. 41], у 1928 г. – 2 932 327 м³, у 1929 г. – 3 236 946 м³, а ў 1930 г. – 11 039 089 м³ [30, арк. 162; 16, арк. 120].

Фанерная фабрыка “M. Hammer i Syn” у Маларыце мела IV прамысловую катэгорыю. У 1930 г. на ёй працавала 45 чалавек [16, арк. 31]. Фабрыка мела свае аддзелы ў вялікіх гарадах Польшчы (Варшаве, Познані, Кракаве, Быдгашчу, Грудзёнзе, Львове і Брэсце) [31, арк. 1]. У 1933 г. на фабрыцы было выраблена прадукцыі на суму 604 760, 75 зл. [23, арк. 105] У перыяд з 1 студзеня па 30 чэрвеня 1934 г. вытворчасць фабрыкі склала 820 тон фанеры на суму ў 162 340 злотых, а з 1 ліпеня па 30 снежня 1934 г. – 890 тон на суму ў 181 590 злотых. У 1935 г. было выраблена 499 339 м³ фанеры і таваразварот на прадпрыемстве склаў 402 399 злотых, што на 24% болей, чым у 1924 г. (402 399 злотых). У 1936 г. вытворчасць фанеры склала 624 тыс. м³ [19, арк. 14]. Прадукцыя фанернай фабрыкі “M. Hammer i Syn” ішла на задавальненне патрэб унутранага рынку, а таксама на экспарт за мяжу, пераважна ў Галандыю і Палестыну [25, арк. 61; 19, арк. 14].

Фабрыка “Union” у мястэчку Гарадзішча каля Пінска каля 80% сваёй фанеры экспартавала за мяжу. Галоўнымі рынкамі збыту фабрыкі былі такія краіны, як Галандыя, Бельгія, Палесціна, Французскае Марока, Англія, Грэцыя, Сірыя, Аргенціна і Егіпет. Вытворчая магутнасць фабрыкі ў 1933 г. складала 2750 тон на суму 718 296 зл. [23, арк. 106]. З 1 студзеня па 30 чэрвеня 1934 г. на фабрыцы было выраблена 1550 тон фанеры на суму ў 480 тыс. злотых, а з 1 ліпеня па 30 снежня 1934 г. – 1625 тон на суму ў 566 тыс. злотых [25, арк. 63].

Асноўная сыравіна запалкавай прамысловасці – алешына. Экспарт алешыны з тэрыторыі Заходняй Беларусі складаў 90% ад агульнапольскага экспарту. 70% алешыны, якая ішла на патрэбы ўнутранага рынку Польшчы, таксама была з заходнебеларускіх зямель. У адрозненне ад дрэваапрацоўчай і фанернай галін, запалкавая прамысловасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі развівалася даволі слаба [32, арк. 2адв].

У 1925 г. шведска-амерыканскі канцэрн Крэйгера выдзеліў польскаму ўраду пазыку на адносна невялікую суму ў 6 млн. долараў. У тым жа годзе ў Польшчы ў заканадаўчым парадку была ўсталявана і здадзена ў арэнду адзначанаму канцэрну запалкавая манаполія. У Заходняй Беларусі пасля ўвядзення манаполіі 5 запалкавых фабрык было зачынена. Працягвалі функцыянаваць толькі 2 фабрыкі: фабрыка “Maries” у Гродне і “Progres-Wulkan” у Пінску [7, с. 29; 33, арк. 81адв]. У канцы 1931 г. дзейнічала ўжо толькі адна фабрыка “Progres-Wulkan” у Пінску, на якой у 1938 г. працавала 233 чалавекі (у 1922 і 1923 гг. на фабрыцы працавала 900 чалавек). Агульны кошт прадукцыі ў перыяд з 1 ліпеня па 31 студзеня 1933 г. склаў 3 331 620 зл [23, арк. 75]. $\frac{3}{4}$ прадукцыі фабрыкі “Progres-Wulkan” ішло на экспарт [12, арк. 5].

Харчовая прамысловасць па ліку прадпрыемстваў у Заходняй Беларусі займала першае месца і была прадстаўлена млынамі, броварнымі заводамі, кансервавымі фабрыкамі, заводамі цукровых вырабаў, механічнымі пякарнямі, дражджавымі заводамі, тытунёвымі фабрыкамі і г.д. З вышэй пералічаных галін харчовай прамысловасці найбольш прыбыткавай была вытворчасць спіртных напояў, аднак на заходнебеларускіх землях яна не атрымала значнага развіцця. У якасці асноўнай прычынай такога становішча неабходна назваць існуючую на тэрыторыі Польскай дзяржавы дзяржаўную спіртавую манаполію, якая вызначала аб’ём выпускаемай прадукцыі і цэны на яе. На тэрыторыі Палескага ваяводства знаходзіўся другі бровар на тэрыторыі Заходняй Беларусі пад назвай “Browar, Słodownia i Wytwórnia Wód Gazowanych” (заснаваны ў 1876 г.) і меў свае прадстаўніцтва ў Бярозе-Картузскай, Лунінцы, Пінску [34].

Вінакурная галіна прамысловасці таксама не атрымала значнага развіцця на заходнебеларускіх тэрыторыях. Усе польскія віна-водачныя заводы належалі дзяржаўнай спіртавой манаполіі [35, арк. 2]. На тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1929 г. працавала 15 прадпрыемстваў дадзенай галіны, якія вырабілі 978 935 літраў розных спіртавых напояў, а ў 1931 г. існавала ўжо толькі адна фабрыка гарэлкі і лікёраў, на якой працавала 121 чалавек (у 1930 г – 163) [36, арк. 10; 35, арк. 2, 19]. Галоўнай сыравінай вінакурных заводаў з’яўлялася бульба [37, арк. 2адв, 8]. З 1929 па 1932 г. на тэрыторыі ваяводства дзейнічалі толькі 3 піваварныя заводы, якія акрамя піва выраблялі ў невялікіх колькасцях солад [7, с. 87] Крухмала-патачная вытворчасць у Палескім ваяводстве прамысловасці адсутнічала.

Мукамольная вытворчасць і млынарства займала важнае месца ў эканамічным жыцці насельніцтва. Амаль у кожным мястэчку знаходзілася па некалькі млыноў. Так, напрыклад, у некаторых мястэчках Палескага ваяводства знаходзілася ад 5 да 9 млыноў. На тэрыторыі ваяводства ў 1925 г. дзейнічала 258 паравых, 64 водных і 36 ветраных млыноў [35, арк. 14].

У 1924 г. дзяржаўная цагельня ў Гершонах Брэсцкага павета, на якой працавала 167 чалавек, вырабляла 2 250 тыс. штук цэглы ў год, у 1925 г. – 2 100 тыс. штук [12, арк. 1]. У 1936 г. завод вырабіў 708 050 штук “вішнёвак”, а ў 1937 г. – 1 440 945 штук [38, арк. 5].

Буйныя шкляныя гуты дзейнічалі ў Ганцавічах і Пінску [39, арк. 16]. Сярод іх шкляная гута “J. Stolle” ў Ганцавічах, “Pina” і “Witrum” у Пінску. Шкляная гута “J. Stolle” ў Ганцавічах займалася вырабам аконнага, люстранага і высокагатуноковага шкла. У 1926 г. прадпрыемства пачало вытворчасць шкла для фотаапаратаў, што павялічыла колькасць заказаў з боку Германіі. Але ўжо 1928 г. фабрыка спыніла сваю працу [12, арк. 3]. Вялікую ролю ў прамысловасці адыгрываў шклозавод “Witrum”, які выпускаў шыбы, люстры, крышталі, а таксама бутэлічнае шкло. У 1924 г. на заводзе працавала 223 чалавекі, у 1925 г. – 300, у 1928 г. – 246, у 1929 г. – 303 [18, арк. 123]. Агульная вытворчасць фабрыкі складала 3500 т. шкла ў год [12, арк. 3]

Тэкстыльныя прадпрыемствы Палескага ваяводства практычна ўсе былі дробнымі і належалі пераважна яўрэям. Сярод буйных прадпрыемстваў на тэрыторыі ваяводства неабходна адзначыць прадзільню Х. Мілнера і С. Харсэля ў Драгічыне, а таксама прадзільню братаў Бараноўскіх у Ганцавічах, на якой працавала 12 чалавек. Дробныя прадзільні знаходзіліся ў Лахве, Кажан-Гарадку, Хомску, Пагост-Загародску, на якіх працавала не болей 2 чалавек [30, с. 17]. У 3-м квартале 1934 г. мясцовыя тэкстыльныя фабрыкі пачалі выпуск новых відаў тканін, а менавіта: “grossbretów”, “świtek”, “nuppe”, “szewiot” [40, арт. 17адв].

Прадпрыемствы хімічнай прамысловасці былі пераважна дробнымі, на якіх колькасць рабочых не перавышала 100 чалавек. У 1931 г. у ваяводстве працавала 25 прадпрыемстваў, якія займаліся сухой перагонкай дрэва [7, с. 43].

Смалакурэнне і вытворчасць шкіпінару на тэрыторыі Палескага ваяводства развіваліся на ўзроўні дробных прамысловых прадпрыемстваў і рамесных майстэрняў. Згодна з дадзенымі архіўных крыніц у 1930-я гг. на тэрыторыі Палескага ваяводства налічвалася 28 дробных смалярняў і шкіпінарных прадпрыемстваў [41, арк. 6; 59, арк. 5; 42, арк. 1–14].

У мястэчку Ганцавічы Лунінецкага павета Палескага ваяводства дзейнічала смалярня Л. Ахрымскага, на якой працавала 5 рабочых [30, арк. 21–22адв.]. Аноўнымі спажывцамі шкіпінару былі польскія і заходнебеларускія прадпрыемствы: гандлёва-прамысловае прадпрыемства “Dan”, “Abramowicz”, “Dobrolin” (г. Варшава), “Zelwiński i S-ka”, “Rabinowicz i S-ka” (г. Слонім) [43, арк. 24, 26].

Усе прадпрыемствы Заходняй Беларусі па вырабу кардона былі аб’яднаны ў сіндыкат “Centrotektura”, які быў арганізаваны ў 1934 г. Менавіта праз яго і ажыццяўлялася рэалізацыя ўсяго заходнебеларускага кардону за мяжу. Так, напрыклад, кошт драўлянага кардону экспартуемага “Centrotektura” у 1935 г. складаў 288 тыс. злотых, у параўнанні з 119 тыс. злотых у 1934 г. Экспарт кардона ажыццяўляўся ў Англію, Сірыю, Палестыну, Кіпр і Егіпет [390, s. 57].

Паліграфічная прамысловасць на тэрыторыі Заходняй Беларусі была прадстаўлена друкарнямі і літаграфіямі, якія працавалі выключна на патрэбы дзяржаўных устаноў. У 1922 г. на тэрыторыі Палескага ваяводства працавала 10 друкарняў, а ў 1925 г. – 16 (у Брэсце – 5, Пінску – 4, Кобрыне, Лунінцы, Століне і Сарнах па 1) [13, арк. 16адв].

Мясцовыя гарбарныя прадпрыемствы, за выключэннем некаторых у Слоніме, былі хутчэй рамеснымі прадпрыемствамі з невялікай колькасцю работнікаў [45, s. 3]. У 1935 г. у Малечы (Пружанскі павет) было пачата будаўніцтва гарбарнага завода С. Боруха па вырабе і апрацоўцы авечых скур. На ім працаваў толькі ўладальнік, які за тыдзень апрацоўваў каля 100 скур [46, арк. 12, 24].

Металаапрацоўчая прамысловасць, якая складалася з ліцейных фабрык жалеза, фабрык дрота і цвікоў, а таксама розных рамонтных майстэрняў, на тэрыторыі Заходняй Беларусі была слаба развітай. Яна канцэнтравалася галоўным чынам у Беластоцкім і Навагрудскім ваяводствах [47, s. 165]. У 1922 г. на тэрыторыі Палескага ваяводства налічвалася 18 прадпрыемстваў дадзенай прамысловасці: 1 ліцейны завод, 2 заводы сельскагаспадарчых прылад, 1 фабрыка дрота і цвікоў, 2 фабрыкі арматуры, 7 слясарных майстэрняў і іншыя, на якіх працавала ўсяго 145 чалавек [11, арк. 10, 12; 9, арк. 6].

Такім чынам, неабходна адзначыць, што нягледзячы на тое, што ваяводства было найбольш вялікім па плошчы, яго можна аднесці да найбольш эканамічна адсталых. Па колькасці занятых у прамысловасці рабочых Палескае ваяводства знаходзілася на трэцім месцы пасля Беластоцкага, Віленскага і Навагрудскага ваяводстваў. На яго тэрыторыі вылучаліся лясная, харчовая і мінеральная прамысловасці. Аднак, на тэрыторыі ваяводства была сканцэнтравана амаль уся фанерная галіна Заходняй Беларусі (7 прадпрыемстваў), адзіная на заходнебеларускай тэрыторыі фабрыка запалак, тры буйныя шклянныя гуты і значная колькасць лесапільных заводаў. Уся прамысловасць ваяводства размяшчалася ў асноўным у чатырох паветах (Пінскі, Брэсцкі, Лунінецкі і Косаўскі). У астатніх – буйная і сярэдняя прамысловасць амаль поўнасцю адсутнічала.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.5 М. – Пуд/ Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. Мн.: БелЭн, 1999. – 592 с.
2. Mały rocznik statystyczny 1931 / Gł. Urząd Statyst. Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : Nakł. Gł. Urzędu Statyst., 1931. – 168 s.
3. Mały rocznik statystyczny 1938 / Gł. Urząd Statyst. Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa : Nakł. Gł. Urzędu Statyst., 1938. – 406 s.
4. Шнейдер, Я. Очерк размещения промышленности Западной Белоруссии / Я. Шнейдер. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1936. – 104 с.
5. Полуян, И. В. Западная Белоруссия в период экономического кризиса. 1929–1933 гг. / И. В. Полуян ; под ред. М. П. Костюка. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 207 с.
6. Лаўрэнка, Л.В. Стан лясной прамысловасці Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / Л.В. Лаўрэнка // Веснік Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2013. – № 1. – С. 77–85.
7. Фришман, В. Промышленность Западной Белоруссии = The industry of western White-Russia : стат.-экон. описание / В. Фришман. – Минск : Изд-во Белорус. акад. наук, 1934. – 133 с.
8. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБр). – Ф 1. Воп. 5. Спр. 798. Отчет о деятельности промышленного отдела Полесского воеводского управления за 1922 г.

9. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 702. Отчет промышленного отдела Полесского воеводского управления о состоянии промышленности за 1922 г.

10. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 5. Спр. 800. Отчет о деятельности промышленного отдела Полесского воеводского управления за 1924 г.

11. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 5. Спр. 799. Отчеты о деятельности промышленного отделения Полесского поветового управления за 1923 г.

12. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 691. Отчет Полесского воеводского управления о состоянии промышленности за 1925 г.

13. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 726. Отчеты о деятельности промышленного отделения Полесского поветового управления за 1925 г.

14. Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (далее – LCVA). – F. 51. Ap. 6. V. 294. Sprawa Izby handlowo-przemysłowej.

15. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 687. Отчет Полесского воеводского управления о состоянии деревообрабатывающей промышленности за 1925 г.

16. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 890. Отчет и сведения промышленного отделения административного отдела Полесского воеводского управления о состоянии промышленности по Полесскому воеводству за 1931 г.

17. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее – AAN). – Zesp. 1183. Akta urzędu wojewódzkiego Polesia w Brześciu nad Bugiem. Sygn. 976–3. Dzielne meldunki sytuacyjne nr 3–6, za I. 1924.

18. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 897. Отчет о работе промышленных предприятий на территории Полесского воеводства и списки владельцев лесопильных заводов и других предприятий.

19. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 389. Отчет Полесского воеводского управления об экономике Полесья за 1936 г.

20. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 3744. Дело о постройке лесопильного завода и мельницы Ромером Мошкой в Хотыничках Лунинецкого повета.

21. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 889. Отчеты и сведения промышленного отделения административного отдела Полесского воеводского управления о состоянии промышленности в Полесском воеводстве за декабрь 1931 и февраль 1932 г.

22. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 891. Статистические отчеты промышленного отдела о состоянии промышленности по Полесскому воеводству за 1932 г.

23. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 894. Отчет промышленного отделения административного отдела Полесского воеводского управления промышленных предприятий о состоянии промышленности, рабочей силе и о выпускаемой продукции и списки паровых механических и ветряных мельниц Полесского воеводства.

24. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 893. Отчеты промышленного отделения административного отдела Полесского воеводского управления и промышленных предприятий о состоянии промышленности в Полесском воеводстве.

25. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 3604. Отчеты промышленных отделений общего отдела Полесского воеводского управления о деятельности промышленных предприятий и о выпускаемой продукции за 1935 г.

26. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 886. Отчет промышленного отделения административного отдела Полесского воеводского управления о состоянии

промышленности и промышленных предприятий в Полесском воеводстве за 1931 г. и списки владельцев предприятий.

27. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 758. Сведения о сокращении штата рабочих и служащих в связи с кризисом в Полесском воеводстве.

28. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 900. Отчеты лесопильных заводов Полесского воеводства о состоянии рабочей силы, о ходе работы.

29. ААН. – Zesp. 1183. Akta urzędu wojewódzkiego Polesia w Brześciu nad Bugiem. Sygn. 976–86. Miesięczne sprawozdanie sytuacyjne z życia społeczno-politycznego, zawodowego, mniejszości narodowych i stanu bezpieczeństwa za II. 1932.

30. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 3. Спр. 896. Отчеты и сведения о состоянии промышленности Полесского воеводства, январь-февраль 1928 г.

31. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 396. Отчет о состоянии деревообрабатывающей промышленности по Брестскому повету за 1935 г.

32. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далее – ДАГВ). – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2232. Месячные отчеты промышленного отдела о состоянии промышленности Новогрудского воеводства за 1924 г.

33. LCVA. – F. 51. Ap. 6. B. 255. Roczne sprawozdanie wydziału przemysłowego różnych województw.

34. Лаўрэш, Л. Эканоміка горада ў 20–30-х гадах [Электронны рэсурс] / Л. Лаўрэш // Pawet. – Рэжым доступу: http://pawet.net/library/history/bel_history/_books/lida/25/Эканоміка_горада_ў_20_-_30-х_гадах.html. – Дата доступу: 17.09.2020.

35. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 692. Отчет Полесского воеводского управления о состоянии промышленности за 1925–1926 гг.

36. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 393. Отчет Полесского воеводы о наличии промышленных предприятий и выпускаемой ими продукции.

37. ДАГВ. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2235. Списки промышленных предприятий Новогрудского воеводства за 1926 г.

38. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 368. Протоколы обследования работы государственного кирпичного завода в Гершонах Брестского повета.

39. ААН. – Zesp. 102. Akta Józefa Poniatońskiego. Sygn. 7. Pisma starosty powiatowego w Sarnach do Ministra spraw wewnętrznych, rolnictwa i J. Poniatońskiego informujące o sytuacji gospodarczej powiatu. 1932–1934.

40. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 393. Отчет Полесского воеводы о наличии промышленных предприятий и выпускаемой ими продукции.

41. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 2. Спр. 719. Отчет промышленного отделения Новогрудского воеводского управления о состоянии промышленности за 1930 г.

42. ДАГВ. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 2248. Сводки смоловарен Новогрудского воеводства о количестве выпускаемой продукции.

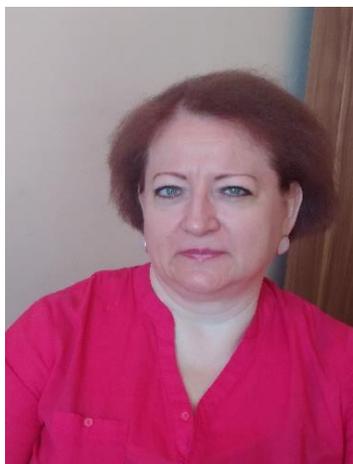
43. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 336. Циркуляры Министерства промышленности и торговли, выписка из протокола заседания городской рады в г. Давидгородке от 10 февраля 1937 г. о строительстве зданий для промышленных предприятий.

44. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1935. – Wilno : Izba Przemysłowo-Handlowa, 1936. – 244 s.

45. Stan przemysłu na terenie Województwa Nowogródzkiego. Możliwości i drogi jego rozwoju // *Życie Nowogródzkie*. – 1928. – Т. 95. – S. 2.

46. ДАБр. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 579. Циркуляры воеводы о регистрации выдачи ремесленных карт, списки ремесел с указанием выдачи упомянутых карт.

47. Sprawozdanie o stanie gospodarczym okręgu Izby przemysłowo-handlowej w Wilnie w roku 1937. – Wilno : Izba Przemysłowo-Handlowa, 1938. – 200 s.

13. Леванюк А. Я., к. фил. наук, доцент,
заведующий кафедрой педагогики
начального образования УО
“БрГУ имени А.С. Пушкина”
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 165.745:821.161.3-84

ФІЛАСОФІЯ ЖЫЦЦЯ І ЯЕ АДЛЮСТРАВАННЕ Ў АФАРЫСТЫЧНАЙ ТВОРЧАСЦІ ПІСЬМЕННІКАЎ БРЭСТЧЫНЫ

Анатацыя. Аналізуецца тэматыка афарызмаў, падкрэсліваецца імкненне афарыстыкі да адлюстравання філасофскіх катэгорый. Падкрэсліваецца, што творчая задача многіх пісьменнікаў абумоўлена імкненнем данесці ўніверсальны сэнс быцця праз асэнсаванне свайго уласнага пункту гледжання на канкрэтныя падзеі, тэндэнцыі сучаснай рэчаіснасці. Такім чынам, і афарызмы чытаюцца як тэматызаваныя сведчанні аб розных з’явах жыцця эпохі, пра мастацтва, літаратуру, рэлігію, культуру, палітыку і г.д. Разгледжваецца афарыстычная творчасць берасцейскіх аўтараў.

Ключавыя словы: выслоўе, афарыстычны жанр, афарызм, творчасць, філасофія, філасофская катэгорыя.

A.Y. Levonyuk, Candidate of Phil. sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Pedagogy of Primary Education
BrSU named after A.S. Pushkin
(Brest, Republic of Belarus)

PHILOSOPHY OF LIFE AND ITS REFLECTION IN THE APHORISTIC CREATIVITY OF THE WRITERS OF THE BREST REGION

Abstract. The subject of aphorisms is analyzed, the desire of aphoristics to display philosophical categories is emphasized. It is emphasized that the creative task of many writers is due to the desire to convey the universal meaning of being through understanding their own point of view on specific events, trends of modern reality. Thus, aphorisms are read as thematized testimonies about various phenomena of the life of the epoch, about art, literature, religion, culture, politics, etc. The aphoristic creativity of Brest authors is considered.

Key word: saying, aphoristic genre, aphorism, creativity, philosophy, philosophical category.

З першых дзён жыцця любы чалавек імкнецца зразумець, асэнсаваць навакольны свет, сваё месца ў ім. Фарміраванне светапогляду заканчваецца толькі са смерцю. Любы з нас, нават той, хто не ведае асноў філасофіі, мае нейкі светапогляд, любы з цягам часу развівае і мяняе яго поўнасцю ці часткова, часам не асэнсоўваючы гэтага працэсу. Аднак змены можна выявіць, рухаючыся за думкамі чалавека на працягу дастаткова доўгага адрэзку яго жыцця. Можна прасачыць развіццё светапогляду групы людзей (пакалення, нацыі, рэлігійнай грамады) і ўсяго чалавецтва. Уласна, гэтым і займаюцца навукі і мастацтва. А афарызмы даюць чытачу магчымасць скласці пачатковае ўяўленне пра погляды той ці іншай эпохі.

Афарызмы цікавыя даследчыкам культуры, мастацтва, літаратуры, прыцягваюць вялікую ўвагу мовазнаўцаў сэнсавай ёмістасцю, арыгінальнасцю формы, асаблівасцямі структуры. Вывучэнне афарызмаў своечасова, паколькі дынаміка жыцця сучаснага свету, узровень развіцця грамадства дыктуюць неабходнасць звяртацца да змястоўнай маўленчай формулы. Узнікшы ў далёкім мінулым, афарызм устойліва і няўхільна развіваецца і ў нашы дні.

Наогул афарыстычны жанр у значнай меры трыдыцыйны, ён адносіцца да старажытнага і вельмі жывучага жанру літаратуры – да выслоўяў. Гэты выдатны жанр інтэлектуальнага мастацтва забяспечыў сабе дзіўнае даўгалецце і вялікую папулярнасць у народзе. Яго вельмі шанавалі вядомыя людзі ўсіх эпох і часоў. «Моцныя, кароткія выразы вельмі садзейнічалі паляпшэнню жыцця», – гаварыў Цыцэрон. «Максімы і афарызмы – праўдзівая жыццёвая мудрасць і соль літаратуры», – пісаў Д. Морлі. «Кароткамоўе, быццам жэмчуг, іскрыцца зместам. Сапраўдная мудрасць нешматслоўная», – сцвярджаў Л. М. Талстой. Беларускія аўтары таксама добра ўсведамлялі мастацкую вартасць, філасофскія гарызонты гэтага жанру, вельмі ахвотна, шырока, плённа выкарыстоўвалі афарыстыку, паямаістэрску ўводзячы выслоўі ў свае творы.

Афарызмы з'яўляюцца адлюстраваннем ментальнага свету, уяўляюць сабой маўленчую рэалізацыю, што ўключае ў сябе як уласна лінгвістычныя, так і экстралінгвістычныя элементы. Афарызм, валодаючы структурнымі асаблівасцямі, спрыяе разважанню, з'яўляецца своеасаблівым каталізатарам думкі, працэсу ўзнікнення ідэй, асацыяцый, і такім чынам ён цесна звязаны з паняццем «тэкст».

Тэматыка афарызмаў надзвычай шырокая, разнастайная і з цяжкасцю паддаецца класіфікацыі. Можна адрозніваць афарызмы грамадска-палітычныя, этычныя, эстэтычныя, жыццёва-бытавыя, філасофскія, педагогічныя і інш., прычым у кожнай з гэтых разнавіднасцяў можа быць выдзелена мноства больш канкрэтных тэм. Напрыклад, эстэтычныя афарызмы прысвячаюцца мастацтву ў цэлым і асобных яго відах або жа творчасці, прыгажосці і г.д. Акрамя таго, тэматыка афарызмаў адлюстроўвае ўсе незлічоныя грані чалавечай індывідуальнасці і чалавечага грамадства ў іх дыялектычным развіцці. Разам з тым пазачасавай і пазакласавай афарыстыкі не бывае. Кожны грамадскі клас карыстаецца гэтым жанрам літаратуры ў сваіх мэтах і вылучае сваю тэматыку.

Кожная эпоха, кожны гістарычны адрэзак часу вылучае свае непаўторныя ідэі, тэорыі, думкі, якія бесперапынна ўзбагачаюць тэматыку афарыстыкі, робячы яе ўсёабдымнай і універсальнай. Аднак можна адзначыць, што яна сфакусаваная на чалавека з яго складаным духоўным светам і няспыннымі ідэйнымі шуканнямі. Усяму свету вядомы афарызм старажытнагрэцкага мысляра Пратагора (V ст. да н. э.): «Чалавек ёсць мера ўсіх рэчаў», і ва ўсе часы афарыстыка часцей за ўсё вар’іруе «вечныя пытанні», найважнейшыя для чалавека, – пра ісціну і справядлівасці, аб дзяржаўным прыладзе, аб ваяру і свеце, аб працы, пра шчасце і няшчасце, пра жыццё і смерць, аб хуткацякучым часе, аб удасканаленні чалавека і таму падобныя: Жыццё чалавека – як агонь. Быў і няма. Зноў загарэлася і патухла. Зноў гарыць. І так – бясконца. Тая самая вечная, таямнічая і цудоўная з’ява (Я. Брыль); Смерць таксама паважаць трэба (В. Казько); Ісціна, кажуць, у тым, што ісціна ёсць (У. Ліпскі); Промахі чужыя ўспамінаем, толькі забываем пра свае (С. Грахоўскі); ...як у горы чалавек, у вялікай пакуце, дык і ад ворага добра ласкавае, спагадлівае слова пачуць (Л. Калюга); Вялікая радасць, як і вялікае гора, любіць часам застацца сам-насам (А. Васілевіч) і інш.

Па гэтай прычыне, пра што і гаварылася вышэй, навізна думак для афарызмаў не з’яўляецца адметнай рысай. З самых аддаленых часоў людзям вядома мноства ісцін, пры дапамозе якіх можна было б стварыць «залаты век» на зямлі, калі б народы прытрымліваліся іх. Гэтэ дакладна казаў: «Памылкі вечна паўтараюцца ў дзеяннях. Ісціну трэба пастаянна паўтараць у словах». Вовенарг пісаў: «Поўная самабытнасці і навізны тая кніга, якая абуджае ў нас любоў да старых ісцін». Ф. Клінгер адзначаў: «Нават ісціны, часта самыя неабходныя, засынаюць і маюць патрэбу па часах у тым, каб іх абуджалі». Абуджэнне старых ісцін пры гэтым, гэтак жа, як і стварэнне новых, павінна адбывацца ў арыгінальным, яркім абліччы, які спрыяе найбольш трываламу іх запамінанню. Н.М. Карамзін пісаў: «Словы належаць стагоддзю, а думкі стагоддзям». Словы, сапраўды, старэюць, прыходзяць у заняпад, патрабуюць пастаяннага абнаўлення, а думка вечная. Але словы – гэта «вопратка думкі», і ў старой вопратцы яны не даходзяць да чытача.

У беларускіх мастакоў слова знаходзім наступныя афарызмы: Кожнаму чалавеку, кожнай яго справе ёсць судны дзень, ёсць судны час (В. Казько); ...час сцірае нават надпіс на камені (А. Васілевіч); Час прасветліць і ўсё расшыфруе сам (Г. Марчук); Хто і куды хавае ад нас час, хавае надоўга, калі не назаўсёды? (Г. Марчук); Так, час усіх пазначае сваёй кіпцюрыстай цяжкой лапай (Л. Рублеўская); І час ляціць! – для ўсіх абмежаваны хваробаю, нястачаю, вайной

(А. Куляшоў); Усе на час прывыклі звальваць, а не на людзей. Людзі і ёсць час. Якія людзі, такі і час (У. Рубанаў) і інш.

Неабходна падкрэсліць, што тэматыка афарызмаў, звычайна накіраваная на «вечныя пытанні», часта ўключае думкі, выказаныя раней пісьменнікамі або мыслярамі старога ці нават параўнальна нядаўняга часу. У новай «вопратцы» яны гучаць па-іншаму і лепш запамінаюцца. Менавіта таму для афарызмаў вельмі важным з'яўляецца іх слоўнае аблічча, якое дасягаецца ўмелым выкарыстаннем стылістычных і эмацыйных сродкаў. Гэтыя сродкі надаюць афарызмам своеасаблівасць і арыгінальнасць, якія ўзмацняюць іх дзейнасць. Як слухна заўважае Г. Марчук, «Афарызмы ніколі не характарызуюць аднаго чалавека. Яны здольныя ахапіць усё чалавецтва. Але ж, як ні дзіўна, і ў іх прысутнічае нацыянальны каларыт аўтараў».

Філасофскія веды з'яўляюцца неад'емнай часткай светапогляду кожнага адукаванага чалавека. Любая навука, якую б галіну яна не вывучала, уяўляе сабой не толькі сістэму законаў, але і азначаных катэгорый, г.зн. найбольш агульных паняццяў, якія выпрацоўваюцца пры развіцці кожнай навукі і з'яўляюцца яе фундаментам. Абагульняючы дасягненні навукі і практычнай дзейнасці людзей, філасофія выпрацавала сваю сістэму катэгорый, якія выражаны ў літаратурна-мастацкай форме, у паданнях, прытчах, іншасказаннях і, канешне, афарыстычных выслоўях.

Гартаючы старонкі мастацкіх твораў беларускіх аўтараў, мы знаходім пароды амаль на ўсе выпадкі жыцця, напрыклад: Пачынаю і я дакараць маладых – Нудная старасць! (М.Танк); Жыццё – неаплачаны і спадчыны доўг: Разлічышыся з чортам – пакрыўдзіцца бог (М.Танк); А ў жыцці як спатыкнуўся, Глянеш – дзверы ўсе закрыты (Я. Колас); Тыя, што варты стакрот кахання, – Тыя не маюць яго на зямлі (У. Караткевіч); Кандыдат ён можа быць, Працаўнік ці будзе? (М. Лужанін) і інш.

Паводле навукова-філасофскага разумення афарызмы валодаюць такімі якасцямі, як субстанцыянальная сінтэзаванасць спосабу мыслення і маўлення, дакладнасць у тлумачэнні і адлюстраванні фактаў рэчаіснасці, лагічнасць у вызначэнні магчымых сувязяў паміж імі, абавязковае імкненне да ісціны. Гэта дазваляе разглядаць афарызм як адну з найбольш прадуктыўных жанрава-стылістычных форм выражэння навуковай думкі.

Галоўным у філасофска-літаратурным разуменні афарызмаў лічылася глыбокае і ўсебаковае асэнсаванне рэчаіснасці з пункту гледжання цэласнага агульначалавечага або індывідуальнага духоўнага вопыту. У гэтым выпадку афарызм паўстае перад намі ў якасці універсальнага сродку пазнання і фармулявання заканамернасцей і нормаў быцця чалавека і прыроды, як правіла, у іх этычнай інтэрпрэтацыі ці маралізатарскай скіраванасці.

Найбольш яскравымі прыкладамі адлюстравання некаторых філасофскіх катэгорый у афарыстычных літаратурных выслоўях, на наш погляд, з'яўляюцца наступныя: Час, як пясок, Замятае мінулыя дні (М. Танк); Час – непадкупны і справядлівы суддзя! (М. Танк); А час на твары піша й піша – Усе дарогі, ўсе шляхі, Усе здабыткі і грахі (П. Броўка); Як грошы, людскія гады, Удосьць – не лічыш тады, Увобмаль – дрыжыш над капейкай (Р. Барадулін); Што будзе заўтра – убачым заўтра (І. Шамякін); Дні – колавыя спіцы, А час – агонь-

рысак (В. Зуёнак); Як ні рашай, крытычны кворум, Прыкметы часу часцяком Не ў тым відны, што ў поце творым, А ў тым, што смехам сказанём (М. Лужанін); Час – ніякі час! – ніколі не належаў чалавеку. Ні каму аднаму, ні ўсім разам (Т. Бондар); ...кожны дзень – не толькі згуба, але і набытак. Толькі вось ведаць бы, якім будзе той набытак... (В. Іпатава); Усіх пачаткаў я – працяг І ўсіх працягаў я – пачатак (В. Зуёнак); Канец... Як проста гэта слова І мнагазначна, заўжды нова! (Я. Колас); Усё не сённяшнім днём вызначана, усё не сённяшнім днём завершыцца (Т. Бондар); Калі відзён ужо канец дарогі, Ты сам сабе – суддзя і пракурор (С. Грахоўскі); Ёсць пачатак – будзе і працяг (У. Дамашэвіч) і інш.

Афарыстычны жанр інтэлектуальнага мастацтва забяспечыў сабе дзіўнае даўгалецце і вялікую папулярнасць у народзе. Напрыклад, У. Ліпскі – выдатны майстар афарыстычнага слова. У сканцэнтраванай форме аўтар здолеў выказаць столькі значных, часам арыгінальных і афарыстычных думак і меркаванняў, і зрабіў гэта з такой дасканаласцю, што можна сказаць, што кожны афарызм аўтара – увасабленне думкі і пачуцця – з зайздросным лаканізмам даводзіць нам пра самае важнае, самае вечнае ў жыцці чалавецтва наогул і кожнага чалавека паасобку. Афарыстычныя выслоўі У. Ліпскага даюць магчымасць вывучаць менталітэт, культуру, педагогіку беларускага народа: Каб акрылена жыць сёння і ўпэўнена крочыць у заўтра, трэба ведаць, што было ўчора; Хай хвойку жую, ды на волі жыву; ...што аддаў – тое і тваё! (Мы); Давайце, людзі, апаленымі рукамі і чыстым сэрцам здабываць для нашых дзяцей сонейка! Тады яны ніколі не згубяць надзею і ўславяць выратавальнікаў; Калі мы аб’явілі ўсяму свету, падпісаўшы Канвенцыю аб правах дзіцяці, што абараняем правы і годнасць дзяцей, то павінны вучыцца гэтай справе, спасцігаць мудрасць прававую, набываць байцоўскія рысы характару. У жыцці, на жаль, бывае наадварот (Бацькі і дзеці); Дзеці – нашы судзі. Дзеці – барометр грамадства. Вачыма дзяцей пазірае на нас Бог; Шлях да сэрца дзіцяці – дабрыня; Дом – крэпасць. Бацькі – крылы. Дзяды – падмурак крэпасці. А калі ў чалавека няма ні крэпасці, ні падмурка, ні крылаў? (Дай, Божа, дзецям долю); Замок без ключа – затычка. Ключ без замка – жалязька. Хата без людзей – пустэля. Людзі без хаты – бяздомнікі. Дзеці без маці – сіроты. Мацяркi без дзяцей – пакутніцы... (Жыві сёння) і інш.

Пры гэтым сам мастацкі тэкст выступае не толькі як арыгінальная прастора для афарызмаў, ужо знаёмых чытачу, але і як майстэрня для стварэння новых афарыстычных адзінак. Афарызмы У. Ліпскага могуць выкарыстаць настаўнікі на ўроках беларускай мовы і літаратуры. Разнапланавыя па тэматыцы, хвалюючыя душу і розум афарыстычныя выслоўі пісьменніка неаднаразова дапамогуць педагогам зрабіць урок і пазакласную работу больш жывымі, эмацыянальна афарбаванымі. Іх можна ўдала выкарыстоўваць у якасці эпіграфа да ўрокаў розных тыпаў, вобразнага выяўлення галоўнай думкі, рэфлексіі, звязак паміж рознымі этапамі ўрока, развіцця мыслення вучняў. Уласным прыкладам натхняючы на больш глыбокае знаёмства з творамі пісьменніка, выразна чытаючы вершы на памяць падчас літаратурных вечарын і ўрокаў пазакласнага чытання, настаўнік пашырае чытацкую культуру вучняў. Адшукаць афарызмы пісьменніка ў творах варта прапа- наваць і вучням старэйшых класаў, але абавязкова трэба паказаць прыклад такой работы (па жаданні школьнікі могуць запісваць выказванні ў асобны сшытак, каб потым пры неабходнасці

выкарыстоўваць). Можна прапанаваць знайсці мудрыя выказванні Уладзіміра Ліпскага па тэмах: захапленне прыгажосцю родных краявідаў, вялікая любоў і павага да зямлі бацькоў, вызначэнне месца Радзімы ў жыцці кожнага чалавека, выяўленне сутнасці чалавека як асобы, яго маральныя якасці – чысціня, вернасць сям’і, памяці продкаў, доўгу, сяброўству [1, с. 110–111]: Нельга выцягнуць сябе за валасы з вады. Але можна і трэба, а гэта ніколі не позна, супыніцца, калі адзін раз спатыкнуўся, і прыбраць з дарогі перашкоду (Мама. Малітва сына); Учора марылі пра сённяшняе. Сёння прыгадваем учарашняе, чакаем заўтрашняе. А жыць трэба ЦЯПЕР!; Вечны агонь на плошчы Перамогі. Ці вечны? Ці хопіць агню ў зямлі, цяплення ў людзей, мудрасці ў правадыроў, каб не згаснуў агонь памяці ў новым веку?; Багацце сасны – зялёныя іголки. Багацце ракі – чыстая вада. Багацце ружы – духмяныя кветкі. Багацце салаўя – залівістыя песні. Багацце зямлі – Дзеці; Маленькія птушкі ляцяць у вырай поруч з вялікімі – жураві, бусламі, лебедзямі... Калі маленькія выбіваюцца з сіл, вялікія падстаўляюць ім свае спіны; Жыццё не твая дні, што прайшлі, а якія запомніліся (Жыві сёння); Нараджаюцца ўсе аднолькава. А лёс пляцецца ў кожнага адметны, непаўторны. І смерць розная; Багата спаць – мала жыць; Ісціна, кажуць, у тым, што ісціна ёсць; Хто людзей весяліць, за таго ўвесь свет стаіць; Маўчаннем, аказваецца, можна таксама гаварыць; Галава ў ног розуму не просіць; Настаўнік, як чалавек і творца, прадаўжае жыць ва ўсіх людзях, каму паспеў перадаць сваю душэўную і духоўную спадчыну, у сваіх дзецях, жонцы, радні; ...жанчыны – ад Бога; ...каханне – самы вялікі экзамен у жыцці чалавека; Жонка – прафесія, а муж – хобі; Дзіця – Божы пасланнік на Зямлі; Як гэта па-божы справядліва, калі бацькі спаўна пераліваюць сваю энергію ў дзяцей, а дзеці спраджваюць іх надзеі; На хворае вока і парушынка ляціць; Імя – самы старажытны “пашпарт” чалавека; Прозвішча – гэта падручнік, па якім можна вывучаць чалавека...; Жыццё часам вымушае чалавека надзяваць маску. Іншы так да яе прывыкае, звыкаецца з ёй, што сам сябе не пазнае; Герб – як эпіграф да роду, біяграфіі; Трэба заставацца чалавекам на зямлі, хто б ты ні быў па пашпарту! (Мы) і інш. Афарыстычныя почырк Уладзіміра Ліпскага немагчыма зблытаць з іншымі. Чырвонай ніткай амаль праз усе яго афарыстычныя выказванні праходзіць тэма любові і павагі да сям’і, пошукі адказаў на вельмі важныя, актуальныя ў цяперашні час пытанні.

Не сталі выключэннем і берасцейскія аўтары: Жыццё пражыць – не раз забаліць... (А. Белая); Чаго я плачу? Ці ж ёсць іначай У тых, хто любіць? (А. Белая); Кахаюць не тых, хто прыносіць спакой, А тых, хто яго адбірае! (А. Белая); Найлепшая сведка Праўды – Мана (Г. Марчук); Ды ўсё жывём – як набяжыць – Штось не змаглі, штось не пасмелі (К. Турко); Ніхто не спасцігне розумам вечнасць: Яе зразумець можна толькі душой (К.Турко); Час усходу сонца ўрачысты Спасцігай не вокам, а душой (К. Турко); А шлях жыццёвы – незваротны, які ні ёсць – адзін магчымы (М. Аляхновіч); Прыгожаму не трэба ўпрыгажэнняў, як доказу для мудрасці не трэба (М. Аляхновіч); Дазнацца б мне: за што нас, як і дзе ўсявышні ці калечыць або вечыць (М. Аляхновіч); Няўжо спакон і сапраўды навечна раскрыжаваны лёсам чалавек!? (М. Аляхновіч) і інш.

Хацелася б спыніцца больш падрабязна на афарыстычнай творчасці выдатнага берасцейца Георгія Марчука. Вельмі арыгінальная і адметная рыса творчасці Г. Марчука – гэта афарызмы, над якімі ён паспяхова працуе. Здаецца

няма ніводнага самага маленькага твора Г. Марчука, дзе б нам ні сустрэўся трапны выраз. Афарыстычныя выслоўі пісьменніка ахопліваюць практычна ўсе бакі жыцця чалавека: гэта і імкненне глыбока пранікнуць у духоўны свет чалавека, спасцігнуць яго характар, матывы яго паводзін, дзеянняў і ўчынкаў, ажыццявіць мастацкае даследаванне тых маральных якасцей асобы, што спрыяюць поўнай рэалізацыі “чалавечага” ў чалавеку; гэта і аналіз адвечнай маральнай сітуацыі – барацьбы добра і зла, прыніжэння чалавечай годнасці; гэта і даследаванне такіх значных аспектаў жыцця, як мараль і чалавек, экалогія і чалавек, мараль і развіццё інтэлектуальнага патэнцыялу; гэта і абуджэнне і ўзбагачэнне гістарычнай памяці беларускага народа, пошук у духоўнай атмасферы “сівой мінуўшчыны” тых маральных каштоўнасцей, што і сёння ўзбагачаюць і мацуюць нацыянальную самасвядомасць беларусаў, фарміруюць яе ў непарыўным адзінстве з сусветнай мастацкай культурай. Пацверджаннем вышэйсказанага служаць наступныя афарыстычныя выразы з найбольш вядомых твораў Г. Марчука: Саступаеш новаму пакаленню шлях, перадай талент; Няхай лёс сам кіруе будучым; Бываюць, зрэдку вельмі, але ж бываюць такія важкія і грандыёзныя падзеі, якія, нават калі і воку твайму нябачныя, усё ж абуджаюць жыццёвыя сілы і напаўняюць такой энергіяй, што толькі адно жаданне ў чалавека і застаецца: жыць, каб як мага больш паспець зрабіць добрага; Сумненні – вось асноўная і нябачная сіла жыцця. Яны наталяюць надзеі; Ты не бойся пустэчы вакол сябе, ты бойся пустэчы ў сабе, бо пустэча вакол цябе толькі ад холаду і абыякавасці ў душы тваёй; Чалавек на зямлі павінен дзве рэчы шукаць: ісціну і веру... яны дадуць яму і сілу, і апору, і любоў; Не ўсё загубленае безнадзейнае, але ўсё безнадзейнае загублена; Непазнавальна таямнічая ўсё ж прырода жанчыны; Мо так закладзена самой прыродай, што, не выхаваўшы дзіця, не аддаўшы яму частку свайго часу, нерваў, здароўя, і не палюбіш, як бы гэтай любові не хацеў; Ніколі не пішы пра старасць і смерць, на гэта здольны толькі бяссільны чалавек і інш. Пры гэтым сам мастацкі тэкст у пісьменніка выступае не толькі як арыгінальная прастора для афарызмаў, ужо знаёмых чытачу, але і як майстэрня для стварэння новых афарыстычных адзінак.

Афарыстыка Г. Марчука па сваёй прыродзе агульначалавечая. Ні палітыка, ні нацыянальная варожасць, ні эканамічныя ўзрушэнні не вызначаюць зместу яго афарыстычных выслоўяў. На лёс афарыстыкі пісьменніка, перш за ўсё, уплываюць духоўныя фактары, якія дзейнічаюць праз унутраныя сілы самой афарыстыкі: Кесары, мытары, фараоны, цэзары, прынцы, князі, баяры, паны, мяшчане, стацкія саветнікі, сакратары абкомаў – усё сышло, не сыходзяць адно багатыя і бедныя; Ні з пункту гледжання маралі, закону, палягчэння хваробы, ні з якога іншага пункту гледжання смерць не выглядае добра; Вялікая колькасць людзей памрэ і ніколі не пакаштуе французскага шампанскага і ананасаў. Але не меншая колькасць людзей памрэ і ніколі не пакаштуе беларускай самагонкі с салам; Нянавісць асляпляе відушчага і дае зрок невідушчаму. З якой студні чэрпаюць сілы нянавісць і зайздрасць?; Калі ў семдзесят гадоў няма ўнукаў, дык і не будзе, калі ў шэсцьдзесят слава не знайшла, дык і не знойдзе, калі ў пяцьдзесят няма грошай, дык і не будзе, калі ў сорок няма кахання, дык і не будзе, калі ў трыццаць няма прафесіі, дык і не будзе, а ўсё таму, што ў дваццаць не было розуму; Старыя губляюць кантроль над часам – гэта натуральна. Маладыя

губляюць кантроль над часам – нічога не дамогуцца; Смак да жыцця падсілкоўвае перамога; Слава аднаго замінае славе другога, загана ж аднаго не замінае заганае другога; Смерці нельга ні шкадаваць, ні зайздросціць. Ва ўсіх набытыя білеты; Сумленны чалавек часцяком адчувае грэх з-за таго, што сусед побач жыве ў галечы; Першыя пытанні, якія чалавек паставіў сам сабе: давядзецца памерці, як бы не памерці, а дзеля чаго жыць, перад тым як памерці і інш.

Афарызмам належыць такая прымета, як узнаўляльнасць (яны не ствараюцца ў маўленні, а выкарыстоўваюцца як гатовыя з акрэсленай семантыкай і формай). Гэтае ўражанне забяспечвае не толькі сэнсавае багацце выказаў, але і адмысловы гукапіс, і разнастайныя лексічныя, граматычныя і сінтаксічныя вобразныя сродкі, ужытыя ў іх: Геній адрозніваецца ад простага смяротнага тым, што ў яго няма геніяльных запатрабаванняў і прэтэнзій; Часцяком твары палітыкаў, якіх адхілілі ад улады, нагадваюць незавостраны аловак ці сапсаваную запальнічку; Упэўненасць у заўтрашнім дні мае толькі страўнік; Сэнс жыцця – паспець усяго паспытаць пры жыцці і пры гэтым шчасліва пазбегнуць турмы, торбы, бальніцы і кулі; Мозг – унікальны млын. Ён усё змеле; Зло – гэта перш за ўсё нелюбоў, нежаданне дараваць і няўменне спачуваць; Татальная стомленасць – гэта калі на самога сябе цяжка глядзець; Калі шчасця трэба дабівацца – гэта ўжо не шчасце. Шчасце прыходзіць натуральна і непрыкметна, часцяком нечакана, але заўсёды заслужана за турботы шчырыя і справы духоўныя; Гэтак жа, як супрацоўнік спецслужбаў ніколі не скажа, што ён супрацоўнік спецслужбаў, так і мудры чалавек ніколі не скажа, што ён мудры; Хто страціў цікавасць да прафесіі, ідзе ў палітыку; З узростам больш недалюбліваюць людзей, чым іх любяць і інш. Афарызмы пісьменніка перасыпаны вобразнымі сродкамі, багатыя на эпітэты і метафары (незавостраны аловак; сапсаваную запальнічку; мозг – унікальны млын; часцяком і г.д.), яны ўражваюць сваім моўным багаццем.

Гаворачы пра адметнасць афарыстычных выслоўяў Г. Марчука, нельга не закрануць ролю службовых часцін мовы і выклічнікаў у іх, напрыклад: Ці здужае народ стаць асобай? Вось у чым пытанне; Ні з пункту гледжання маралі, закону, палягчэння хваробы, ні з якога іншага пункту гледжання смерць не выглядае добра; Дурань дурнем, але нават ён не кажа пра свае заганы; Да таго, хто забівае ў палёце ластаўку, з асцярогай падыходзяць і просты чалавек, і прэзідэнт; Калі ў семдзсят гадоў няма ўнукаў, дык і не будзе, калі ў шэсцьдзсят слава не знайшла, дык і не знойдзе, калі ў пяцьдзсят няма грошай, дык і не будзе, калі ў сорок няма каханья, дык і не будзе, калі ў трыццаць няма прафесіі, дык і не будзе, а ўсё таму, што ў дваццаць не было розуму і інш.

Найбольш яскравай сінтаксічнай асаблівасцю афарызмаў пісьменніка з’яўляецца ўжыванне эліптычных сказаў, якія характарызуюцца пропускам элемента, які маецца на ўвазе, унутры сказа. Інакш кажучы, гэта пропуск слоў, якія лёгка аднавіць, што садзейнічае лаканізму і дынамічнасці афарызмаў. Выяўленчасць эліпісу звычайна звязана з характарыстыкай хуткасці змены падзеяў. Часцей за ўсё пропуск адбываецца на месцы дзеяслоўнага выказніка, што дазваляе засяродзіць увагу не на самім дзеянні, працэсе, а на знешніх абставінах, якія адбываюцца адначасова, ці на звязаных з ім аб’ектах. Эліптычныя сказы, дзякуючы экспрэсіўнасці, знаходзяць шырокае прымяненне ў мастацкай літаратуры і, у прыватнасці, афарыстычных выслоўях, напрыклад:

Для аднаго чалавека набытак – шчасце, для другога страта – шчасце. Усё залежыць ад таго, хто набывае і што страчвае; Усё, што бачыць вока, – матэрыяльнае. Можна крануць рукой. Але вось феномен. Ясна і выразна бачу, а памацаць рукамі не магу. Гэта цень; Самы лёгкі тавар – розум; Найлепшы сведка Праўды – Мана; Філасофія – гэта кровазварот думак чалавека; Альфа і амега сяброўства – спагадлівасць і надзейнасць; Самы магутны метадад забыцця – змена летазлічэння; Быць доктарам філасофскіх навук і філосафам – часцяком вельмі розныя рэчы; Авангардызм – гэта рэалізм з сардэчнай недастатковасцю; Адвечная праблема жанчын – у адносінах да большасці я апранута добра, у адносінах да меншасці – кепска і інш.

Сінтаксічная структура афарыстычных выслоўяў аўтара таксама вельмі разнастайная – ад простых сказаў да звышфразавых адзінстваў, напрыклад: Здаровы да непрыстойнасці; Заможныя дываноў не выбіваюць; Колькі ні жывеш, а ўсё мала; Меншасць замольвае грахі, а большасць залівае; Усю сусветную гісторыю можна вытлумачыць і так – гэта пошукі раба розумам, грашамі і зброяй; Часцей за ўсё людзі не сэнс жыцця шукаюць, а, самі таго не падазраючы, шукаюць прычыну смерці; Дэмакратыя пачынаецца, калі ад слоў пераходзяць да справы, а канчаецца, калі ад спраў пераходзяць да слоў; Сапраўдны пісьменнік той, на творах якога можна навучыцца любові да людзей; Калі б чалавек не забіваў, гэта была б някепская жывёла на зямлі; У старасці тры клопаты: паспаць, пад’есці і адпачыць ад першых двух; Спакуса існуе ў самім чалавеку. Але віну за гэта ён ахвотна перакладае на іншых без падказкі д’ябла; Патрыятызм – гэта ўпрыгожванне Радзімы талентамі і справамі; Жыць адно толькі будучыняй немагчыма. Гэта амаль што даказалі камуністы; Крытыка – нахлебніца пры талентах; Народ не дурны, але часцяком абдураны; Калі ваша праца не атрымлівае адпаведнай ацэнкі, на тое ёсць дзве прычыны: ці то зайздасць, ці то неразуменне; Сёння праўда выгадная аднаму, заўтра другому. Сумна ад таго, што няма дня, калі б яна была выгадная ім абодвум; «Я тое, што я думаю». «Я тое, што я маю». Нехта трэці ганебна грэе рукі ад сутыкнення двух першых; Гэта не бензін падняўся ў цане, гэта мы ўпалі ў жабрацтва; Словы «так» і «не» належаць Богу. Чалавек мусіць вымаўляць іх з асаблівай асцярогай і інш.

Такім чынам, арганічна ўплятаючыся ў беларускую ідыяматыку афарыстычных выслоўі нашага земляка Г. Марчука даюць магчымасць ўбачыць асаблівасці менталітэту беларускага народа, культуры нашай нацыі: Як гэта прыемна – быць сярод таго, што ўтварыла характар, паўплывала на пачуцці і замацавала адметнае. Яго выслоўі адрозніваюцца тым, што з’яўляюцца ўніверсальнымі, прыдатнымі для людзей духоўных, інтэлектуальных. Нездарма Г. Марчук пісаў пра свае адносіны да афарыстыкі наступным чынам: ...афарызмы трэба пісаць у меру. Напішаш мала – не застануцца ў памяці, напішаш многа – стомяцца чытаць. І яшчэ трэба быць сціплым: і акрамя ж цябе ёсць аўтары! Вывучэнне афарыстычных выслоўяў пачалося ўжо даўно, тэарэтычнае даследаванне працягваецца, з’яўляюцца новыя канцэпцыі, ідэі, фарміруюцца сістэмныя погляды на дадзеную праблему. Але, на нашу думку, перш чым перасягнуць нацыянальныя межы і перайсці ў разрад агульначалавечых феноменаў, аўтарскія выслоўі павінны быць «апрацаваны» ў межах нацыянальнай філалогіі і нацыянальнай культуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Буторына, І.А. Свой у краіне дзяцінства: Сустрэчы з творамі Уладзіміра Ліпскага : вучэб.-метад. дапам. / І. А. Буторына. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2010. – 120 с.

14. Левчук З.С., к. фил. наук,
доцент кафедры педагогики
УО “БрГУ имени А.С.Пушкина
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 172.12-057.875:395.4

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК УСЛОВИЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме в современной воспитательной практике – роли, значению и сохранению исторической памяти в гражданско-патриотическом воспитании. Уделено внимание патриотизму как качеству личности. Представлены формы работы с молодежью по формированию у них патриотизма.

Ключевые слова: память; историческая память; патриотизм; патриотические ценности; гражданско-патриотическое воспитание.

Zinaida Liauchuk, Associate Professor,
Candidate of Department of Pedagogy
of Brest State University named after A.S.Pushkin
(Brest, Republic of Belarus)

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY AS A CONDITION OF CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE

Summary. The article presents one of the most urgent issues in today’s education – historical memory, the functions of commemoration and its importance for civic and

patriotic education. The author discusses various educational activities aimed at teaching the youth to love the country they live in, paying special attention to patriotism as a personality trait.

Key words: memory; historical memory; patriotism; patriotic values; civic and patriotic education.

Героическое наследие белорусского народа вызывает гордость и уважение у каждого современного человека. Особенно это значимо в формировании гражданской и нравственной основы у молодого поколения

С целью сохранения героического наследия и исторической правды Президент страны Указом № 1 от 1.01. 2022 объявил Годом исторической памяти 2022 год, что явилось значимым событием для развития белорусского государства. Подтверждением значимости года исторической памяти являются слова, сказанные главой государства: «Источник наших ценностей – историческая память. В сложнейших условиях закалялись наши многовековые духовно-нравственные ориентиры, сформировался белорусский характер. Необходимо показать нашему обществу, особенно молодежи, кто мы, откуда и что мы прошли, сколько потеряли человеческих жизней и судеб, стремясь к суверенитету и независимости» [1].

Память человека хранит и воспроизводит значимые и судьбоносные эпизоды жизни и выражается в осмысленном отношении к собственному прошлому, служит источником личностного самоопределения. Память сопровождает многообразные формы человеческой деятельности и одновременно является психическим процессом, благодаря которому обеспечивается возможность сохранять накопленный опыт, осуществлять интеллектуальную деятельность, проявляющуюся в таких процессах, как запоминание, воспроизводство, трансляция ранее усвоенной информации. Образ прошлого, если он имеет позитивное значение, способен оказать стимулирующее воздействие на формирование жизненных стратегий человека, и выступать движущей силой развития личности, страны и общества.

В структуре памяти выделяется два ее вида: индивидуальная и коллективная. Индивидуальная память включает в себя все, что связано с субъективным восприятием личностью фактов, явлений, событий прошлого и которые реконструируются в образы исторической эпохи. Особую значимость представляет коллективная память, ибо в ней отрефлексирован содержательный опыт жизни общества, вырабатываются и сохраняются ценности, практики поведения. Именно в коллективной памяти проявляется память культурная как важнейший носитель опыта поколений: ритуалов, обычаев, традиций, творческих и художественных наработок. Такая память институционализована, не может функционировать сама по себе, а нуждается в специальных институтах трансляции, требует наличия особых мест для материализации процесса воспоминаний и имеет особых носителей, что связано с сохранением историко-культурного наследия и коррелирует с термином «историческая память».

Сегодня данное явление стало предметом изучения различных наук. Исходя из различных подходов, историческую память можно определить как устойчивую систему сведений, знаний о прошлом, имеющихся в общественном сознании

и передающихся от поколения к поколению. Их особенностью является то, что они пережиты, глубоко осмыслены, эмоционально прочувствованы [2].

Историческая память выступает основой национального единения. Сохранение исторической памяти есть одно из условий сохранения суверенитета и независимости белорусского государства, что подводит к мысли о необходимости каждым человеком знать прошлое своей страны, своего народа, с уважением относиться к опыту предыдущих поколений, и одновременно смотреть в будущее, иметь свои ориентиры.

В контексте сохранения исторической памяти важное место занимают механизмы ее формирования, среди которых выделяются: система образования, средства массовой информации, устные коммуникации, места памяти.

Сохранение исторической памяти является важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности государства. В настоящее время данный тезис требует серьезного подхода в связи с тем, что многие события прошлого стали в современных условиях предметом борьбы за историческую правду и справедливость. В результате огромного потока информации на сознание людей, которая носит иногда деструктивный характер, происходит ослабление патриотических чувств человека и общества, девальвируются традиционные духовно-нравственные ценности и нормы. Сохранение исторической памяти – важнейшее условие формирования патриотизма личности.

Президент нашей страны особо выделяет в воспитании гражданина и патриота страны систему образования, на что было указано на Республиканском педагогическом совете. Обращаясь к педагогическому сообществу, глава государства отметил, что именно учитель, педагог стоят у истоков формирования народа как единой нации, его национальной идентичности, что есть патриотизм. Он подчеркнул важность и необходимость научить молодежь отличать правду от лжи. Задача старшего поколения, людей, которые приобрели нравственный опыт, – указать молодому поколению такие ориентиры, которые помогут каждому стать настоящим патриотом и гражданином [3].

Белорусский народ умеет хранить память о прошлом, а молодое поколение белорусов – использовать этот опыт. Опыт наших предков базируется на таких понятиях, как долг, честность, достоинство, патриотизм. Патриотизм как интегративное качество личности определяет жизненную позицию человека, его жизненную стратегию. Раскрывается данное качество личности через отношения. Глава нашей страны, обращаясь к пониманию исторической памяти, отмечает: «В этом понятии много смыслов: любовь к Родине, уважение к достижениям прошлого, почитание старших поколений, уважение и принятие традиций, гордость за успехи современников, стремление внести свой вклад в историю страны» [3].

О значимости патриотизма личности на государственном уровне свидетельствует принятое на республиканском референдуме 2022 года решение о внесении в Конституцию Республики Беларусь дополнений, касающихся

обязательств граждан по сохранению исторической памяти и проявлению патриотизма. В статье 54 Конституции зафиксировано, что «... сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь», и это есть новым подходом. Обязанность гражданина быть патриотом теперь получила конституционный статус [4].

Важным документом является разработанная в соответствии с постановлением VI Всебелорусского народного собрания программа патриотического воспитания граждан Республики Беларусь на 2022–2025 годы. Основой для понимания сущности патриотической проблематики являются представленные в программе дефиниции ключевых понятий, к которым относятся: патриотизм, патриотические ценности, Родина, Отечество и др. Так, патриотизм трактуется как «духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства»; Отечество рассматривается как «страна, государство, с которым личность связана системой отношений, регламентированных правами и обязанностями» [5].

Проблема формирования патриотизма у современного молодого поколения также является важнейшей государственной задачей. В основе патриотизма заложено гуманистическое начало, что раскрывается в происхождении термина. Греческое слово «patris» означает понятия «отец», «Отечество», «Родина». Так, отец защищает, оберегает свою семью, свой род. В своем Отечестве человек защищен и свободен. С патриотизмом личности коррелирует национальная гордость и достоинство.

Патриотизму всегда была свойственна интегративная функция: объединение людей на основе общей идеи, но разных по возрасту, вероисповеданию, национальному происхождению, политическим взглядам. Вместе с тем, никакая идея не превратится в объединяющую и мобилизующую силу, если не будет происходить из приоритета общечеловеческих ценностей, жизненных потребностей и интересов каждой личности. Этим требованиям отвечает патриотическая идея, включающая в себя, с одной стороны, возможность сохранения и развития в многонациональном государстве каждого этноса, его культуры, традиций, обычаев, родного языка. С другой стороны, она опирается на взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур различных этносов.

Патриотическая идея вытекает из патриотических ценностей, которые понимаются как отношение к Родине, к земле, к Отечеству, к народу, к вере. Исследователи проблем патриотизма (В. С. Степин, М. А. Ермолицкий, В. Т. Пуляев) исходят из позиции, что патриотическую идею не следует отождествлять ни с национальной, ни с интернациональной, поскольку они находятся в диалектическом единстве и взаимообуславливают друг друга.

В современных условиях патриотизм личности понимается как уважение к историческому прошлому и традициям народов, населяющих страну; гордость за социально-экономические, политические, культурные и духовные достижения

страны; забота об интересах, независимости и будущем народа; стремление к суверенитету страны и укреплению ее союза с другими государствами; любовь к родным местам и своим ближним.

У каждого человека формируется понимание того, что Родину необходимо воспринимать в двух взаимосвязанных аспектах: это его место рождения и обитания; родная страна, Отчизна. Оптимальный путь познания, принятия страны, менталитета народа лежит через отношение к своей «малой Родине»: матери и отцу (родителям), отчому дому, селу или городу, родным местам, жителям этих мест, языку, обычаям, морали, традициям, культуре народа.

Гражданско-патриотическое воспитание молодежи сегодня приобретает особую актуальность, а ценностной основой его является знание истории и сохранение исторической памяти, что подводит в процессе организации гражданско-патриотического воспитания к необходимости обращения к историческим событиям прошлого через разнообразные формы.

Тяжелым уроком для нашего народа стали события, связанные с участием ограниченного контингента советских войск в военных действиях в Демократической Республике Афганистан 1979 – 1989 гг. Немало представителей белорусского народа погибли в той войне. Оставшимся в живых сегодня есть о чем рассказать молодому поколению, вместе сделать выводы и уроки. Годовщине вывода советских войск из Афганистана был посвящен фестиваль «Мы нашей памяти верны!». Цель фестиваля определена следующим образом: содействие развитию у студенческой молодежи патриотизма как интегративного качества личности через актуализацию потребности в сохранении исторической памяти, сохранении суверенитета и независимости своего Отечества, стимулирование активной гражданской позиции, опыта активного участия в акциях патриотической направленности.

В соответствии с целью обозначены воспитательные задачи:

- осознание студенческой молодежью исторической миссии и подвига воинов-интернационалистов в условиях военного конфликта в ДРА;
- актуализация событий, связанных с выполнением интернационального долга советскими воинами в Демократической Республике Афганистан;
- сохранение памяти о подвиге воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане;
- создание условий для творческой самореализации студента, его разностороннего личностного развития.

Педагогическая идея, которая нашла воплощение во время проведения фестиваля, – создание условий для подготовки будущего конкурентоспособного специалиста с активной гражданской позицией, высоким чувством патриотизма, бережным отношением к сохранению исторической памяти, ответственного за судьбу своей страны. Студент – субъект культуры, субъект жизнедеятельности в образовательном пространстве.

Методика реализации мероприятия представлена замыслом, реализацией замысла и полученными результатами. Для подготовки мероприятия был использован метод «мозгового штурма», определен организационный комитет, созданы

творческие группы, в состав которых вошли студенты, магистранты, преподаватели, сотрудники университета, представители студенческого самоуправления. Форма мероприятия представлена как КТД (коллективное творческое дело).

Идеи и предложения, которые были генерированы на основе метода «мозгового штурма», нашли реализацию во время проведения фестиваля. Организационный комитет определил разнообразные по форме и тематике мероприятия, творческие группы осуществили подготовку и проведение форм, которые представлены следующим образом:

– видео-проект «СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ – УРОК ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ»;

– диалоговая площадка «МЫ ПРИБЛИЖАЛИ МИР ВО ИМЯ МИРА!»; - творческая программа «МЫ – БЕЛАРУСЫ!»;

– выставка «АФГАНИСТАН: И БОЛЬ, И ПАМЯТЬ».

Программа была интересной и насыщенной не только участием в фестивале гостей, но и активной подготовкой самих студентов. Важно, что события в Афганистане, уроки войны изучают и интерпретируют сами студенты. Видео-проект включил такие аналитические блоки, как: Предпосылки войны в Демократической Республике Афганистан; Начало и ход войны; Окончание войны и ее итоги.

Прогнозы Запада о том, что кабульский режим падет сразу после прекращения советского военного присутствия по причине своей полной нежизнеспособности, а коалиционное правительство группировок моджахедов приведет страну к миру после ухода советских войск, оказались несостоятельными. Это свидетельствует о необъективности западных аналитиков в их подходе к афганской проблеме.

Можно утверждать о том, что социалистический режим в Афганистане держался не только на советской помощи, но и получил за время присутствия контингента советских войск определенную опору внутри страны. В целом, советские войска не испытывали особых трудностей в ведении военных действий на территории Афганистана. Главная проблема состояла в том, что военные победы не подкреплялись политическими и экономическими действиями правящего режима. Вывод, который был сделан по окончании видео-проекта: мир – очень хрупкий и его необходимо защищать на любой географической точке земли.

Советские солдаты и офицеры в течение 10 лет помогали афганскому народу предотвращать кровопролитие на их земле. Хотя Республика Беларусь находится далеко от Афганистана, но наши солдаты и офицеры оказались на той войне. Многие не вернулись живыми, а оставшиеся в живых сегодня выполняют свою главную миссию: помогают молодым людям посмотреть на историю глазами участников реальных событий 1979 – 1989 годов, своим примером мотивируют молодежь продолжать патриотические традиции, заложенные ими.

Участники боевых действий в Афганском конфликте являются примером служения Отечеству. Среди таких героев известен участник войны в Афганистане, служивший в ГРУ (Главном Разведуправлении в г. Кабуле), сегодня –

председатель Брестской городской организации общественного объединения «Белорусский союз ветеранов войны в Афганистане» С. В. Пухальский. С его участием состоялась диалоговая площадка со студенческой молодежью. Ветеран подчеркнул, что мир в стране, мир на земле – величайшая ценность человека и общества. Свою жизнь он посвятил служению Отечеству. День памяти и скорби, который ежегодно отмечается 15 февраля, – особая дата в жизни С. В. Пухальского. В этот день, предшествующие и последующие дни за датой, ветеран вместе с другими сослуживцами очень напряженно работает, проводит множество встреч с молодежью. Со слов С. Пухальского, жаркие афганские дни забыть невозможно. Ветеран подчеркивает, что знает цену войне.

Ветеран обратился к молодым людям с пожеланием, чтобы ребята, которые будут проходить службу в Вооруженных Силах и в силовых структурах, хорошо осознавали, что это не напрасно прожитые годы, а лучшие годы для их личностного становления. Во время своей службы им необходимо постараться перенять самое лучшее от командиров, достичь успехов как в боевой подготовке, так и в интеллектуальном и нравственном становлении.

Ветеран особо подчеркнул значение критического мышления у современной молодежи. Это особенно важно в условиях информационного противостояния, когда молодым людям интернет и СМИ навязывают свои послы, лишая их персонального видения и правильного анализа морально-этических проблем. Это весьма серьезные положения, поскольку оказывают влияние на становление мировоззрения человека, его нравственной и ценностной основы, от сформированности которой зависит настоящее и будущее личности.

Работа ветерана с молодежью направлена на сохранение исторической памяти. Воины-интернационалисты уделяют огромное внимание воспитанию патриотизма у молодого поколения и видят искренний интерес и отклик со стороны молодых людей, что подводит их к убеждению: мир, созидательный труд находятся в надежных руках. Верность воинов-интернационалистов долгу – это пример для подражания, вызывающий у молодых людей желание продолжать патриотические традиции, которые заложили старшие поколения.

Замысел мероприятия, его реализация и итоги дали возможность организаторам и участникам расширить знания об исторических событиях, прикоснуться к событиям прошлого благодаря диалогу, воспоминаниям тех людей, которые реально знают о войне в Афганистане, сохранить память о подвиге воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. Фестиваль запомнился патриотическим подъемом его участников, гражданским звучанием, преемственностью поколений.

Критериями оценки мероприятия определены:

- актуальность, или соответствие цели, содержания потребностям и интересам личности и социума;
- создание условий для творческой самореализации личности студента;
- актуализация потребности студента в проявлении активной жизненной и гражданской позиции;

– степень удовлетворенности процессом и результатами деятельности студентов, что раскрыто через следующие личностные проявления:

- совершенствование эмоциональной сферы (чувств и эмоций, адекватной самооценки, умений понимать эмоциональные собственные состояния и причины, их порождающие);
- развитие волевой сферы (целеустремленность, инициативность, настойчивость, самостоятельность, организованность, деловитость, самообладание);
- развитие сферы саморегуляции (умение рефлексировать, умение контролировать свои мысли и чувства, умение проектировать действия и поступки);
- развитие предметно-практической сферы (способности к продуктивной коммуникации, сотрудничеству, сотворчеству);
- развитие экзистенциальной сферы (способность уважения к себе и к другим; навыки социального взаимодействия; формирование сознательного отношения к своим действиям; развитие стремления к нравственному совершенствованию; формирование субъектной позиции).

Полученные результаты. Подготовка и проведение коллективного творческого дела позволили включить всех субъектов взаимодействия в разнообразные виды деятельности: продуктивную, когнитивную, ценностно-ориентационную, творческую. Предложенная форма работы является комплексной и может быть использована специалистами педагогической сферы в работе с обучающимися в учреждениях общего среднего образования, в учреждениях дополнительного образования, кураторами, классными руководителями, руководителями кружков и объединений.

Патриотизм не может быть созерцательным, его проявление – в социальной активности личности, которой не безразлично все происходящее сегодня и в будущем.

Авторы-организаторы мероприятия провели исследование среди участников КТД с целью изучения понимания ими патриотизма личности. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов:

1. Твое понимание патриотизма личности
2. Что значит быть патриотом?
3. Где можно сегодня проявить патриотизм?

На вопрос «Твое понимание патриотизма личности?» 80 % опрошенных под патриотизмом понимают «любовь к родине».

Остальные 20 % респондентов патриотизм понимают, как «отношение к месту, где родился», «уважение традиций своей страны», что представлено ими как малая родина.

На вопрос «Что значит быть патриотом?» 32 % студентов ответили: «любить свою родину», 34 % от числа опрошенных считают, что быть патриотом сегодня значит «изучать историю своей страны», оставшиеся 34 % ответили: «быть активным в общественно-политической жизни», «учиться на ошибках прошлого».

Заключительный вопрос звучал: «Где можно сегодня проявить патриотизм?». 59 % респондентов отметили, что сегодня можно проявить патриотизм «в рамках

любой социальной деятельности», 33 % респондентов ответили «отстаивать интересы своей страны», 8 % не определились с ответом.

На основе полученных ответов можно сделать вывод, что студенты понимают значение патриотизма через отношение к родине как Отечеству, как к малой родине, как культурному наследию через традиции как передачу ценностей от поколения к поколению. Фундаментальным понятием выступает слово «Родина» (производные слова: род, родной, родитель).

Проявление патриотизма рассматривается студентами через деятельность, в чем убеждают использованные глагольные формы «изучать», «быть активным», «учиться», «отстаивать», и что доказывает, что патриотизм не может быть представлен созерцательно.

Вместе с тем, 8 % от числа опрошенных студентов не определились с ответом: «Где можно сегодня проявить патриотизм?», что требует дальнейшей системной работы со студенческой молодежью по включению ее в разнообразные виды деятельности патриотической направленности.

Для проектирования работы есть большие возможности в условиях образовательной среды университета.

Список использованной литературы:

1. Лукашенко, А. Г. 2022-й год станет годом обновления и позитивных преобразований / А. Г. Лукашенко // Беларуская думка. – 2022. – № 2. – С. 3–8.
2. Валаханович, И. единство исторической памяти белорусов через призму государственных, общереспубликанских праздников и памятных дат / И. Валаханович, В. Пунченко // Беларуская думка. – 2021. – № 11 – С. 66–72.
3. Лукашенко, А. Г. Патриота может воспитать только патриот: выступление на Республиканском педагогическом совете [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – Режим доступа: sb.by. – Дата доступа: 16.05.2022.
4. Звездкин, Н. М. Патриотизм в измерении интересов личности, общества, государства: теоретико-методологический аспект / Н. М. Звездкин // Беларуская думка. – 2022. – № 11 – С. 90–97.
5. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022– 2025 годы [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Дата доступа; 04.08. 2022.

15. Морозов Дм.А., студент
1к. гр. РЛ-223 МГПУ
(Москва, Российская Федерация);

Шипилова М. Ю., студентка
1к, гр. РЛ 222 МГПУ
(Москва, Российская Федерация)

УДК 1:821.161.1

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА КРУПНИКА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЛЕТЯТ ГОДА»)

Аннотация. В статье представлены фрагменты анализа стихотворения В. Крупника «Летят года», взятого из сборника «Зелёный остров». Показано, как языковые средства помогают читателю определить национальный компонент, выделить те фрагменты анализа, которые дают возможность читателю уловить главный смысл произведения и понять, как важно человеку вовремя задуматься над истинными ценностями жизни, чтобы потом не сожалеть о содеянном.

Ключевые слова: В.Крупник, стихотворение, анализ, человек, судьба

D. A. Morozov, student of Moscow
City Pedagogical University, 1 к., gr. RL-223
(Moscow, Russian Federation);

M. Yu. Shipilova, student of Moscow
City Pedagogical University, 1 к., gr. RL-222
(Moscow, **Russian Federation**);

HUMAN LIFE AND ITS REFLECTION IN THE WORK OF VIKTOR KRUPNIK (ON THE EXAMPLE OF THE POEM "THE YEARS ARE FLYING")

Annotation. The article presents fragments of the analysis of V. Krupnik's poem "The Years are Flying", taken from the collection "Green Island". It is shown how language tools help the reader to identify the national component, to highlight those fragments of analysis that enable the reader to grasp the main meaning of the work and understand how important it is for a person to reflect on the true values of life in time, so as not to regret what he has done.

Key words: V.Krupnik, poem, analysis, man, fate

Давно известно, что каждый из нас строит свою жизнь сам, делая выбор уже в начале осознанного пути. И в этом выборе играют важную роль многие составляющие. Например, дружба определяет, как будут строиться отношения между людьми. А значит, рождаться и продвигаться идеи, реализовываться креативные способности человека, которые будут вызывать чувство удовлетворения и жизнью, и окружающей действительностью, или, наоборот, разочаровывать.

Справедливо замечено, что «...в XXI веке мир столкнулся с новыми опасными вызовами, противостоять которым возможно только, обеспечив широкое культурное общение и взаимопонимание, духовную близость, уважение и толерантность в отношении различных философских, правовых, социальных, религиозных и др. учений, по законам которых живут разные народы» [1].

Известно также, что только благодаря счастливым и мирным, уважительным настроениям окружающего нас мира, люди разных национальностей, проживающие в одном регионе, да и в целом нации, могут дружить между собой и называться братьями. А значит, делать счастливыми не только себя и каждого из нас, но и окружающий мир. Именно поэтому многие из нас не остаются в стороне, а ратуют за единство людей, если не во всем мире, то хотя бы в рамках одной большой славянской нации.

Не стал исключением и В. Крупник, который в своем стихотворении «Летят года» [3, с. 21] описывает ситуации, которые заставляют читателя задуматься над истинными ценностями жизни и осознать себя значимым в быстротечном потоке времени.

М.Л.

Летят года,
Сгорают дни, как свечи,
В плену забот безмолствует душа...
Но есть друзья,
И долгий зимний вечер,
И разговор за чаем, не спеша.

Есть в сто шагов –
Знакомая тропинка,
И в три окна –
Светящийся уют.
Раскованность нехитрой вечеринки,
Размеренность несчитанных минут.

Есть роскошь верить,
Истины не зная,
И быть смешным,
И делать умный вид,
И говорить, слова не подбирая,
И спорить – без причин и без обид.

Это стихотворение взято из сборника стихов Виктора Крупника «Зелёный остров» [3], который повествует о быстротекущем Времени, времени, сгорающим как лист бумаги («немного дыма и немного пепла»).

Вот что писал в 2006 году об этом сборнике Борис Неплох, редактор канадской газеты на русском языке «Монреаль – Торонто»: «Есть такая тропа в русской поэзии, идущая от «Слова о полку...» через «Бородино» Лермонтова в наш милый и страшный двадцатый век с «Зодчими» Дмитрия Кедрина, с взвихренными поэмами Пастернака и «Пилигримами» Бродского. Историзм – вовсе не архаичность, а умение передать Время через Образ, через «серый смушек офицерской бурки», через увязнувшие в грязи пряжки голландских башмаков царя Петра» [3, с. 160].

Крупник Виктор – москвич, окончил Московский Институт Связи, работал инженером. В 1990 году уехал в Израиль, жил там некоторое время, после жил в Канаде в городе Монреале. Стихи писал по-русски, по-английски и публиковался в поэтических альманахах в Лондоне и Нью-Йорке.

Его стихи проникнуты умной и горькой грустью, а также напутствиям поколениям о смысле и счастье жизни. «Читатель найдет в сборнике и смешные пародии, и слова к песням, и манифесты поколения, лечащего «хриплым голосом барда-поэта» «аллергию на голос вождей» [3, с. 160].

Читая стихотворение Виктора Крупника "Летят года", читатель осознаёт быстротечность времени, но вместе с тем понимает, что нам дана ЦЕЛАЯ жизнь, в которой так много удивительных и прекрасных вещей. Но очень часто люди не замечают этого, они ждут чуда и не видят, что любой вздох, любая секунда жизни является даром.

Стихотворение «Летят года...» вызывает у читателя смешанные эмоции: от грусти, до чувства приятной ностальгии. Грусть у читателя вызывает осознание того, что в жизни человека летит время, которое уже никогда не вернуть, а также то, что душа закована в цепи: она не испытывает чего-то нового, будоражащего. Вместе с тем, читатель понимает и то, что душа, пережившая многое в жизни, уже опустошена, и её сложнее чем-то удивить.

Но автор убеждает читателя, что среди такой грусти всегда найдутся люди, места и вещи, которые всё же способны ободрить душу, заставить её «дышать». Тут есть и «друзья», и «знакомый зимний вечер», и «разговор за чашкой чая», и «уют дома», до которого можно добраться по «знакомой тропинке», и «вечеринки в кругу друзей». Но не стоит растрачивать попусту время на то, что поддельно, на споры и обиды без причины.

Крупник В. своим стихотворением хочет донести до читателя мысль, что жизнь состоит из мелочей, которые и формируют судьбу человека, радость его жизни, а позже и его воспоминания. И когда мы это теряем, то только тогда понимаем, что эти мелочи и есть самое главное в нашей жизни.

Сам заголовок уже указывает читателю на тему: "Летят года". И в самом деле, время летит очень быстро, его ничто не может остановить.

Поэтому тема стихотворения – быстротечность времени и человеческой жизни. Идея – призвать читателя задуматься над истинными ценностями в жизни и осознать себя в быстротечном потоке времени, «разбудить» свою душу для добрых дел. Не тратить время на те явления и процессы, которые мало что значат в жизни.

Повествование ведётся от лица самого автора, раскрывающего один из моментов в жизни человека. «Дни сгорают как свечи», «дни» – объект наблюдения,

«свечи» – средство сравнения. Союзный способ сравнения, который помогает читателю ощутить быстротечность жизни.

И если в самом начале стихотворения лирический герой находится в смятении и грусти, пытается принять тот факт, что в этом мире ничто не вечно, то уже во второй части произведения герой осознает, что человек сам творец своей судьбы, и всё зависит только от него.

В роли лирического героя выступает и сам автор. С помощью повторов гласных, таких как "е", "о", В. Крупник, с одной стороны показывает, с какой скоростью движется жизнь, а с другой, хочет нам сказать, что только в наших силах сохранить все чудесные моменты, происходящие с нами. Автор активно использует метафору, анафору, олицетворение и эпитеты.

«Методистами замечено, что доступность понимания произведения на уровне наивно-реалистическом достаточно иллюзорна, так как смысл художественного произведения выражается особыми способами, создаётся особыми языковыми средствами» [2, с. 152].

А значит, изобразительно-выразительные средства, такие, как метафоры: («летят года», «сгорают дни», «в плену забот/Светящийся уют»; олицетворения «безмолвствует душа»; метонимия: «нехитрой вечеринки», «несчитанных минут», «роскошь/Быть смешным»; фразеологизм «делать умный вид», иносказательность образа («года», «дни», «свеча», «душа», «зимний вечер», «вечеринки», «три окна», «истина») лишь усиливают восприятие жизни.

Этому служит и фоника, так как свистящий звук «с» осуществляет звукоподражание чему-то быстрому, а гласные «о», «а» придают ощущение медленного и тянущегося времени. Развитие динамики жизни идёт постепенно: 1-я строфа – о быстротечности времени в жизни человека; 2-я строфа – место, где автор испытывает уют; 3-я строфа – разговор о том, на что не стоит тратить время.

Как видим, в данном стихотворении Виктора Крупника речь идёт и о том значимом моменте в жизни человека, когда он начинает задумываться о быстротечности времени и о его наполненности смыслом. В зрелом же возрасте время летит ещё быстрее, потому что жизнь человека полна забот и проблем, решение которых отложить невозможно. В плену этих постоянных забот и проблем человек может постепенно начать терять себя. Душа начинает черстветь. Единственное спасение автор находит в кругу общения с друзьями с чашкой чая в зимний вечер. В такой комфортной обстановке можно растянуть время, и если не остановить, то хотя бы на некоторое время отойти от ежедневных проблем и забот.

Автор видит и дом, как ценность жизни. И потому подходит к знакомому дому, где царит веселье и уют. Душа его здесь погружается целиком и полностью в радость, приятные воспоминания. И он, не думая о времени, и даже позабыв о нём, чувствует себя счастливым... Это и есть спасение человека от быстрого потока времени, где он и его душа могут остановиться и отдохнуть от житейских забот и неурядиц.

Но вместе с тем автор и предостерегает читателя от того, чтобы не тратилось напрасно время на пустые споры, хотя и они в жизни тоже нужны, но лишь такие, которые бы были «без причин и без обид».

Тем самым автор даёт важный совет читателю, как же всё-таки построить свою жизнь, чтобы в её конце не разочароваться. Он говорит, что больше нужно

обращать внимание на самые приятные, на первый взгляд незначительные, моменты. И вообще, каждому из нас стоит больше хвататься за радости в жизни, ценить приятный круг общения с друзьями, помнить приятные моменты, которые радовали сердце и грели душу. Ибо только тогда душа сможет противостоять безмолвному течению времени, которое так стремительно рвётся вперёд, сжигая наши дни жизни, как свечи.

Список использованной литературы:

1. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография / М.П.Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – 2-е изд., доп. Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования «Брестский госуниверситет имени А.С.Пушкина» – Брест: БрГУ, 2011. – 269с.

2. Технологии и методики обучения литературе: учеб. пособие /под ред. В.А.Кохановой / М.П.Жигалова, В.А.Коханова, Е.Ю.Колышева, Н.С. Михайлова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 248с. – авторские разделы 5.3 (с. 152-164), 8.3 (с.222-238).

3. Крупник В. Зелёный остров: /Стихотворения – Монреаль, 2006 (Нежин: ООО «Видавництво «Аспект-Полиграф»), 2006. – 160с.

16. Парчук Н. М., пісьменнік
Брэсцкага абласнога аддзялення
Саюза пісьменнікаў Беларусі
(Рэспубліка Беларусь)

ПАКОРАНЫ ПРЫГАЖОСЦЮ ПАЛЕССЯ: ПІСЬМЕННІК-БЕРАСЦЕЕЦ ВЕНЬЯМІН БЫЧКОЎСКІ ¹

Анатацыя. У артыкуле выкладзены звесткі пра вядомага ў Беларусі і далёка за яе межамі пісьменніка-берасцейца Веньяміна Мікалаевіча Бычкоўскага, які ўзнямае даволі сур'ёзныя і складаныя пытанні сучаснага жыцця, праблемы паводзін чалавека ў грамадстве.

Ключавыя словы: Веньямін Бычкоўскі, паэт, празаік, Целяханы, Бабровічы, гістарычная радзіма

¹ Пераможца конкурсу "Берасцейскія пісьменнікі - летапісцы роднага краю", 2023. У якасці заснавальнікаў краязнаўчага конкурсу "Берасцейскія пісьменнікі – летапісцы роднага краю" выступілі Брэсцкае абласное аддзяленне Саюза пісьменнікаў Беларусі і УК "Брэсцкі абласны краязнаўчы музей". Урачыстае падвядзенне вынікаў краязнаўчага конкурсу і ўганараванне яго пераможцаў адбылося 18 красавіка 2023 года ў Міжнародны дзень помнікаў і гістарычных мясцін у "Музеі выратаваных каштоўнасцяў".

N. M. Parchuk, writer Brest
Regional Branch The Union
of Writers of Belarus
(Republic of Belarus)

CONQUERED BY THE BEAUTY OF POLESIE: WRITER-BREST RESIDENT VENIAMIN BYCHKOVSKY

Annotation. The article contains information about a well-known writer in Belarus and far beyond its borders, a Brest resident Veniamin Bychkovsky, who raises quite serious and complex issues of modern life, problems of human behavior in society.

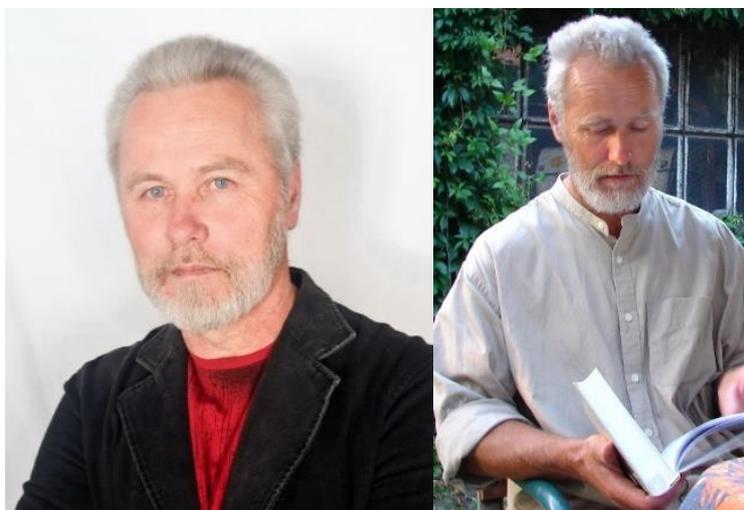
Key words: Veniamin Bychkovsky, poet, novelist, Telekhany, Bobrovichi, historical homeland

Каб спасцігнуць розумам глыбіні мудрасці, а тым больш дабрацца да патаемных вяршынь пазнання, чалавеку патрэба не толькі шмат вучыцца, прачытаць горы разумных кніг, многа павандраваць па свеце, багата чаго пабачыць, але і многае перажыць, перадумаць, перацярапецць на жыццёвым шляху.

І такім дапытлівым чалавекам-вандраўніком, упартым выпрабавальнікам свайго здароўя і сілы духу з'яўляецца вядомы ў Беларусі і далёка за яе межамі пісьменнік-беларусец Венямін Бычкоўскі [3].

Па волі лёсу нарадзіўся будучы літаратар у далёкім ад нашых мясцін горадзе Уфе, але покліч крыві, голас продкаў вярнулі яго ў сінявокую азёрную Беларусь, у роднае Палессе, у Івацэвіцкі раён, дзе знаходзяцца глыбокія карані яго роду, дзе спачываюць продкі.

І калі раней, пражываючы ў Расіі, Бычкоўскі займаўся спортам і турызмам, то ў цяперашні час кола яго заняткаў і захапленняў – літаратурная творчасць, археалогія, краязнаўства (вывучэнне гісторыі Палесся) – тое, што прымушае творчага чалавека сур'ёзна задумвацца над ходам гістарычных падзей, сэнсам жыцця, над непарыўнай духоўнай сувяззю пакаленняў, мімалётнасцю часу, загадкамі прыроды.

V. M. Bychkovsky

Свае назіранні, уражанні пісьменнік аналізуе, абагульняе, напаўняе ідэяй, сюжэтам, вызначае тую ці іншую тэму. Увасобленае і адлюстраванае на паперы становіцца публіцыстыкай альбо літаратурна-мастацкім творам – набыткам чытацкай увагі.

Прыехаўшы ў 1995 годзе ў Беларусь пагасціць, Венямін Мікалаевіч Бычкоўскі па-юнацку з першага позірку ўлюбіўся ў непаўторную прыгажосць пярэдняй палескай зямлі, яе магутныя старажытныя лясы, сінія азёры і рэкі, у шаўкавістыя лугавыя травы і – застаецца тут назаўсёды.

З таго часу шчаслівы беларус, пасяліўшыся на гістарычнай радзіме, поўнасьцю прысвячае сваё жыццё і літаратурную дзейнасць апяванню і праслаўленню красы і велічы роднага Палесся, прыўмнажэнню яго духоўнага багацця... Быццам стараецца сплаціць любай Бацькаўшчыне вядомыя толькі яму даўгі за працяглую адсутнасць, за жыццё, праведзенае па-за яе межамі.

Як паэт і празаік, Венямін Мікалаевіч ва ўсіх сваіх творах заўсёды – шчыры, праўдзівы, прынцыповы, добразычлівы, па-мудраму глыбокадумны.

У аўтарскіх кнігах з трапнымі ды лаканічнымі назвамі “Мяжа” [1], “Час пік” [2], якія пабачылі свет у 2018 і 2019 гадах, ён, па-філасофску разважаючы, узнімае даволі сур’ёзныя і складаныя пытанні сучаснага жыцця, праблемы паводзін чалавека ў грамадстве, выкрывае заганныя людскія ўчынкі.

Яго цікавіць мэта і сэнс чалавечага існавання на зямлі, узаемасувязь міроў, вякоў, пакаленняў, духоўнасць і маральнасць грамадства, над чым не кожны з нас задумваецца, і далёка не кожны пісьменнік адважыўся б узяцца за тлумачэнне і вырашэнне такіх складаных пытанняў.

Верыцца, што творца не толькі глыбока разумее, але і сапраўды яскрава адчувае, душою бачыць і мклівае цяжэнне часу, якое адбываецца ў прыродзе, прасторы, гісторыі, бурліць у чалавечым жыцці, крыві, сэрцы.

Змест яго твораў амаль цалкам аўтабіяграфічны. У іх праўдзіва адлюстраваны нялёгкае жыццё і творчы шлях пісьменніка, яго турботы, мары, імкненні, жаданні, яго ўласная філасофія.

Кніга “Час пік”

Веньямін Бычкоўскі на Вядо

Так, апісваючы прыгажосць Палесся і перажыванні лірычнага героя Аляксея Астахава, правобразам якога сам і з’яўляецца, аўтар распавядае: “Неба проста ляжыць на зямлі! І, уступаючы ў туман, уступаеш у воблака ці хмару, – гэта першае, чым падкупіла яго Палессе... Неба агромністым німам накрывае тут зямлю, але зямля не лічыць сябе святой ці абранай, хутчэй усяго наадварот – хаваецца ў вільготных балотах альбо ў лясах, накрываецца мохам... Раскаты грому тут кладуцца ўсёй моцай на зямлю, а маланкі адна за адной балюча раняць яе. А пакорлівая зямля ўсё церпіць, трывае. А можа ачышчаецца праз агонь з нябёсаў? Ці збірае энергію для нейкіх іншых патрэб? Калі зямля Палесся не возьме на сябе ўсё напружанне чорных хмар, то страшны агонь упадзе ў другое месца, і хто ведае, што з гэтага атрымаецца?” [2].

Вуснамі таго ж Астахава аўтар разважліва прамаўляе: “А што калі Палессе – абярэг Белай Русі? То ж не выпадкова зямля на Палессі мае вялікую гаючую сілу балот і рэчак: усе ранкі тут прамываюцца чыстай вадой, прысыпаюцца іскрыстым пяском, бінтуюцца мяккім мохам. І ўсё тут прыжываецца, расце! А якая чысціня! Няма запыленага лісця нават пры дарозе! Расліны – парасткі траў і стромкага, нікім не кранутага лесу – прарастаюць у самае неба!...” [2].

Як бачым, творца на рэдкасць неабыякавы, чуйны, мэтанакіраваны чалавек, які непакоіцца не толькі за сваіх сучаснікаў, за кожнага з нас, але і за мінулыя вякі, ранейшыя пакаленні, а таксама за будучыню краіны і усяго свету. Ён – пісьменнік-філосаф, пісьменнік-мысліцель, які ўмее глядзець не толькі ўглыб сябе, але і спрабуе зазірнуць углыбкі чалавечага розуму, спасцігнуць сутнасць справы, спрабуе дакапацца да праўды і справядлівасці, стараецца давесці кожную сваю думку да лагічнага завяршэння, да сапраўднай дасканаласці.

Усе творы Веньяміна Бычкоўскага напоўнены дабрынёй і верай у заўтрашні шчаслівы дзень, у кожным нязменна прысутнічае вялікая любоўю да ўсяго прыгожага, роднага і дарагога сэрцу. Таму і прыцягваюць да сябе чытачоў, якія імкнуцца больш даведацца аб гэтым незвычайным, духоўна багатым і мужным чалавеку, каб з яго дапамогай глыбей пазнаць і мацней палюбіць палескі край, маляўнічы куточак роднай зямлі.

Акрамя таго, творца – аматар разгадваць законы прыроды, сакрэты часу і нават вечнасці, каб, як сам выказваецца, “пранікнуць розумам” у сутнасць і

заканамернасць жыцця. Бо і сапраўды, спасцігаючы жыццё, чалавек пачынае глядзець на яго вачыма мудрасці, вачыма празарліўцы. Тое, што здабыў сам, чаго дасягнуў, што даведаўся аб жыцці і людскіх лёсах, пісьменнік па-майстэрску распавядае нам, сваім чытачам.

Як уласціва паэту, Вен'ямін Бычкоўскі і ў сваёй прозе – лірык і летуценнік. Прычым, з пачуццём абавязку, з багатай фантазіяй і ўяўленнем. Летуценнік, які навучыўся свае памкненні і мары пераносіць у рэальнасць. Так, стварыўшы ўласнымі рукамі этнаграфічны музей ў школе г.п. Целяханы і в. Бабровічы, дзе жыве сам, сабраўшы туды старадаўнія экспанаты, часта знаходзячыся сярод іх як рупліўца і экскурсавод, пісьменнік, здаецца, навучыўся праз іх, гэтыя экспанаты, слухаць галасы продкаў, бачыць іх твары, побыт, разумець іх пачуцці, імкненні, жаданні.

Хочацца верыць, што гэта яны, продкі, нейкім таемным чынам падказалі свайму наступніку-дабрачынцу ўзвесці ў Бабровічах капліцу-помнік у гонар святой вялікамучаніцы Параскевы і ў памяць бязвінна забітых у час Вялікай Айчыннай вайны жыхароў вёсак Бабровічы, Вяда, Тупічыцы і Красніца. Цяпер у гэтай капліцы ў святочныя дні памінаюцца душы закатаваных.

Тэмы твораў, якія ўвайшлі ў зборнікі, розныя, па-свойму кранальныя і павучальныя. У кожным – свая ідэя. Сюжэты таксама адрозніваюцца арыгінальнасцю. Але ва ўсіх абавязкова прысутнічаюць любоў і адданасць Радзіме, людзям, свайму краю, роднай зямлі, усе яны пранізаны патрыятычнымі пачуццямі, высокімі памкненнямі, напоўнены сапраўднай чалавечнасцю і разважлівасцю.

Калі чытаеш творы Вен'яміна Бычкоўскага, назіраеш за рухам раскрыцця сюжэтаў, за логікай аўтарскага мыслення – паступова, пакрыху спасцігаеш само жыццё, вучышся ў пісьменніка адольваць нечаканыя перашкоды і цяжкасці, імкнешся фарміраваць у сабе лепшыя чалавечыя якасці, выпрацоўваць правілы паводзін, разумець законы прыроды, рабіць свае вывады і заключэнні.

За што і хочацца выказаць сардэчную падзяку таленавітаму майстру мастацкага слова, вернаму сыну беларускага народа і пажадаць яму моцнага здароўя, крылатага натхнення і новых дасягненняў на літаратурнай ніве.

Спісок іспользованнай літаратуры:

1. Вен'ямін Бычкоўскі. Межа : зборнік апавяданняў. – Москва : Інтерна-цыональ-ны Союз пісателёў: Серія: Фэстываль Бориса і Глеба, 2018. – 104 с.
2. Вен'ямін Бычкоўскі. Час пик: зборнік філасофскай прозы. – Москва : Інтерна-цыональ-ны Союз пісателёў: Серія: Фэстываль Бориса і Глеба, 2019. – 100 с.
3. Біябібліяграфічны даведнік Брэсцкага абласнога аддзялення Саюза пісьме-ннікаў Беларусі. Творчы партрэт пісьменніцкай суполкі. – Брэст: Альтэрнатыва, 2018. – 176 с.

17. Синельникова Л. Н., доктор фил. наук,
профессор, профессор кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
Луганского государственного педагогического университета
(Луганск, ЛНР, Россия)

УДК 316.74:001

ФРОНТИРНАЯ СРЕДА КАК ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Концепция фронта формировалась длительное время и в разных направлениях. Основные характеристики фронта: подвижная граница, зона освоения пространства, характеризующаяся неопределенностью и неустойчивостью, — обнаружили значимость для понимания и описания актуального состояния среды в ее социальных, культурологических, коммуникационных, языковых показателях. Фронт как подвижная граница представлен в интернет-коммуникациях, в социально-культурном пространстве современного города, отражен в художественном дискурсе и многих других концептуальных сферах, список которых, по онтологическим признакам фронта, принципиально открыт.

Ключевые слова: фронт, фронтальные зоны, подвижная граница, порубежье, междисциплинарность, фронтальный дискурс.

L. N. Sinelnikova, Doctor of Phil. Sciences,
Professor, Professor of the Department of
Russian linguistics and communication
technologies Luhansk State Pedagogical University
(Lugansk, Russia)

FRONTIER ENVIRONMENT AS A FRONTIER TERRITORY

Abstract. The concept of frontier has been formed for a long time and in different directions. The main characteristics of a frontier — its flexible borders, a zone of space

development characterised by uncertainty and instability — have proved their importance for understanding and describing the current state of the environment with regard to its social, cultural, communicative and linguistic indicators. Frontier as a flexible border is presented in the Internet communication, the socio-cultural space of the modern city and, reflected in the artistic discourse in many other conceptual spheres the list of which remains open based on the ontological features of a frontier.

Key words: frontier, frontier zones, flexible border, by-border, interdisciplinarity, frontier discourse.

Концепция фронта (англ. frontier — граница, рубеж, пограничье) формировалась в разных направлениях и в разных научных дисциплинах. Фронтирный дискурс основывается на подвижной границе, разделяющей старое и новое и в то же время создающий контактную зону (зону взаимодействия, освоенного и осваиваемого, реального и виртуального в их конкуренции), которая определяется как зона пересечения, незаконченности и неопределенности, постепенно ведущая к интеграции.

Порубежье, с философской точки зрения, – витальная и креативная данность человеческого бытия. «Свойства, присущие состоянию контактного поля, не являются результатом простого суммирования свойств контактирующих объектов. В контактном поле образуются новые свойства, рождённые синтезом свойств контактирующих объектов в условиях взаимодействия» [1, с. 26].

Фронтир проявляет исторические, социально-психологические, культурологические грани пограничья. Название II Международной краеведческой межпредметной научно-практической конференция «Брестчина сквозь века к современности» (Брестский государственный технический университет, 27.04.2023) на глубинном уровне включает фронтирный показатель: долгая история перехода от разъединяющих линейных границ к системной интеграции – объединению и восполнению культурных лакун. В названии информации в СМИ об этой конференции – «Брестчина как пространство для консолидации социума» имплицитно фронтирный показатель постепенного перехода от линии неопределенности к интеграции. На конференции рассматривался ряд тем фронтирного характера: культура пограничья, историческая память, художественное пограничье и др. Дискурс фронта представляет собой проективное поле исследовательских действий, в котором «соединяются уже имеющиеся знания разных предметных областей для нового гуманитарного междисциплинарного пространства, в котором затем возникают иные исследовательские возможности для каждой из предметных областей дисциплинарного знания» [2, с. 1166].

О широте фронтирных проблем и эволюции значений свидетельствует ряд номинаций пограничного рубежа: край, окраина, обрамление, межа, грань, барьер, линия, барьерная среда, безбарьерная среда, подвижная граница, порубежье, пограничная область, пограничные регионы, пограничный город, пограничный предел, маргинальность, линия соприкосновения, линия разграничения, пограничное сознание, пограничная личность. Расширение концептуального поля фронтирного дискурса утверждает значимость трансдисциплинарного подхода в описании фронтирных зон. Обсуждаются проблемы идентичности в условиях трансформации цивилизационного фронта [3]; анализируется подвижность

границ социокультурного фронта в цифровой реальности [4; 5]; исследуются метаморфозы культурной памяти [6]; определяются фронтальные зоны перевода [7].

Трансдисциплинарный потенциал фронта проявлен в интердискурсивных связях естественно-научного и гуманитарного дискурсов. Так, география, ориентированная на выявление пространственно-временных закономерностей, развивается во взаимодействии с такими научными областями знания, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология, геополитика, политическая география, искусствоведение, история. Гуманитарная география, основоположником которой является Д. Замятин (географ, культуролог, специалист в области когнитивной географии, маркетинга и брендинга территорий, поэт, эссеист), основывается на имажинальной (образной) географии, которая включает мифогеографию, описание в разных жанрах знаковых мест, «наполняемых экзистенциальными смыслами», и многое другое [8].

Фронт ориентует не столько на границу как территориально разделяющую линию, сколько на весь историко-культурный процесс, осуществляемый на фронтальных территориях. Назовем некоторые из таких территорий.

Сетевой фронт

Интернет переполнен разнородной информацией, что напоминает первоначальный хаос, неопределенность и открытость фронтальной территории. «Как некогда фронт, киберпространство богато – на сей раз не плодородными землями, зверем, лесом и полезными ископаемыми – но информацией. И, подобно пионерам фронта, на новое пограничье отправляются люди. Кого-то ведет жажда знаний, кого-то – непочатый край интересной работы, кого-то – возможность совершать преступления там, куда рука закона еще не дотянулась» [9]. В Сети формируются новые зоны освоения пространства, новые сообщества, определяется фронтальная идентичность, проявляющаяся в жанрах и стилях общения. Героями сетевого фронта становятся популярные блогеры, активные пользователи, иницирующие новые формы и стили общения, изучением которых занимаются психологи, социологи, культурологи, лингвисты. Границы интернета как территории фронта расширяются, поскольку «фронт киберпространства всегда сохраняет возможность шагнуть дальше «на запад», открывая перспективы «вечного становления информационного общества» [10, с. 236].

Фронт урбанистики

Фронтальное пространство города изучается в разных ракурсах: географическом, историческом, психологическом, философском, лингвокультурологическом, искусствоведческом, политологическом, филологическом. Топологические свертки – это локусы городов, совмещающие территориальную локальность и внелокальные (расширительные в социокультурном отношении) характеристики. Северный текст, Крымский текст, Калининградский текст, Коломенский текст, Белгородский текст, Воронежский текст и т.д. – это объемные фронты, семиотически представленные в единстве географических, исторических, культурных и литературно-художественных характеристик.

В фундаментальном исследовании В.В. Абашева «Пермь как текст» подчеркивается значимость филологического материала в определении городской идентичности: «Филологические науки, как нам кажется, могут внести в изучение таких сложных социокультурных объектов, как город, особый и, возможно, генерализующий вклад. Прежде всего потому, что все процессы, сопровождающие жизнь города (экономические, природные, социальные), приводят к знаковым отложениям в языке, и зачастую только по следам в языке становятся доступными для наблюдения» [11, с. 14]. Особое внимание исследователь уделил творчеству Б.Л. Пастернака, для которого характерна повышенная чувствительность к пространству и его границам, и произведениям поэтов, для которых Пермь была географически и эстетически значимой.

Современный город – иллюстрация фронта как движущейся границы. Фронтирная гетеротопия [12] проявляет как устойчивость, так и изменчивость: происходит перемещение границ между центром и окраинами, между старой и новой частями города, между прошлой и новой атрибутикой и т.д. При этом важно, что фронтирные характеристики влияют на особенности социального взаимодействия в пространстве города, фиксируют совместность или раздельность норм поведения и речевых особенностей разных слоев городского общества, оказывают влияние на формирование интегрированной идентичности. Особенно важен учет фактора фронтирных территорий в поликультурном городском пространстве: в результате соприкосновения культур и языков формируются зоны интеграции, в значительной степени определяющие региональную языковую картину мира.

В новых социально-экономических условиях территориальная идентичность соотносится с расширенным восприятием города, его миссией в широком культурно-экономическом и политическом пространстве. Но у каждого человека есть и личное пространство в городе, что отражено во множестве воспоминаний, вошедших в сюжеты мемуарно-художественной литературы, очерковой публицистики и в биографически отмеченные стихотворения.

Брестчина представляет собой объемную и многокомпонентную фронтирную среду по историко-политическому и этническому показателю, и Брест – безусловно фронтирный город, что проявляется в количестве и характере базовых модулей его фронтирной среды: Брестская крепость, Беловежская Пуца, культовая архитектура, старинные усадьбы и множество других знаковых мест, вместивших исторические линии пространственного и метафизического разграничения, но совместно создающие местный колорит города. Оценка Бреста журналом Виктором Васильевым полностью укладывается в рамки постфронтирной культурной парадигмы, ориентированной на новые формы культурного диалога: «Сегодняшний Брест – это транзитный город с трудной судьбой и великолепным будущим, вобравший в себя много советского, белорусского и собственно русского. Город, познавший все трудности нового времени и научившийся делать выводы. Город с трагической историей, но оставшийся открытым для нового творчества, чуткий не только к традициям, но и к веяниям нового времени» [21].

Фронтир в художественном преломлении

В художественном дискурсе существует множество моделей пространства. Обратим внимание на те, которые согласуются с фронтирными свойствами пространства в его связях с национальной историей, культурой и языком. Концепция фронта ориентирована на художественные модусы границы, и не случайно при описании «мысленных структур пространства» исследователи фронта обращаются к способам изображения мира в романе Набокова «Дар» и к утопическому социально-философскому роману А. Платонова «Чевенгур» [13; 14]. Описание мифов и образов Сибири также основывается на текстах русских писателей: А. Чехова, Г. Успенского, В. Короленко, Д. Мамина-Сибиряка [15].

Художественная литература обогащает представление о пространстве, в котором, по правилам гуманитарной географии, есть пространственные мифы, знаковые места, гении места и др. Иначе говоря, художественное пространство оказывается носителем культурно-исторических смыслов и «свернутых» в пространстве ценностей и поведенческих норм. Образ пространства зависит от того, в пределах какой модели мира описываются события.

Языковая репрезентация этапов и форм развития художественного сюжета отражает отношение к образу пространства и выявляет ментальные свойства персонажей в условиях заявленного образа. Тема «Пространство и герой» составляет особый сегмент дискурса фронта: образ персонажа зависит от пространственной конфигурации и формируется в границах определенного пространства, его замкнутости или открытости, сжатости или растянутости, перспективности или ретроспективности. К числу фронтальных показателей в художественном тексте можно отнести соотношение дискурса автора и дискурса персонажей, факты эвиденциальности (засвидетельствованности) чуждости (инаковости) в художественном нарративе, в метаязыковых рефлексиях действующих лиц, принимающих или отвергающих чуждость, в функциях документальных вставок, в конструкциях отрицания или утверждения, в альтернативных оценках значимых культурных событий и ценностей.

В художественной литературе образ границы передается в рефлексивно-дискурсивной процессуальности: граница между детством и взрослостью, любовью и потерей любви, очарованием и разочарованием, потерей родины и возвращением к ней во сне или наяву и т.д. Переход от одной границы к другой фиксируется в изменении стиля повествования, характера риторических приемов и способов словопреобразования.

В Тверском государственном университете прошли конференции, посвященные художественному описанию рубежей жизни в варианте между – между молодостью и зрелостью в переходе к старости. В сборниках статей «Юность как сюжет» (2018 год) и «Зрелость как сюжет» (2019 год) показана сегментация времени человеческой жизни в корреляции с эстетикой и поэтикой художественных произведений – как прозаических, так и поэтических.

Фронтальная модель мироощущения отражена в творчестве В. Шукшина, в особенностях поведения его персонажей – носителей этнокультуры Алтайского фронта [16]. Ряд особенностей поэтики В. Шукшина (в художественной и кинематографической среде) проявляет свойства фронтального дискурса: деревен-

ский уклад жизни в его противопоставлении городскому; пограничное положение маргинальной личности («странные люди» – добрые и талантливые, но не умеющие приспособиваться); драма разрыва с патриархальной деревней (пространство избы и драматургия жизни вне дома). В стилистической организации текстов В. Шукшина проявляется фронтальный фактор территории алтайской деревни: живая разговорная речь персонажей, пословицы и поговорки, диалектизмы, фольклорные вставки.

Научный дискурс Международного научного форума «Алтайский фронт В.М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад» подтвердил значимый для исследования фронтального пространства вывод: «Особым символическим ресурсом территории является литературный ресурс территории – поэтические и прозаические произведения, созданные авторами, родившимися на этой территории и осуществившими трансфер символического капитала территории в форму лингвистических трансакций текста. Символический капитал территории получает особые формы воплощения и в произведениях авторов, аксиологические системы которых вошли в резонансное взаимодействие с логикой смыслов жителей территории, ее ментальным и географическим ландшафтом» [17, с. 391].

Фронт прозы постмодерна имеет особые проявления. Например, в романе С. Минаева «Dухless, или Повесть о ненастоящем человеке» наступившее пограничье 90-х годов представлено в виде кодовых переключений: названия глав и эпиграфы на русском и английском языке; цитаты из пространства интернета, модных журналов, мультфильмов, объявлений, бухгалтерских смет, слоганов; заимствования в разном графическом оформлении и др. Очевиден процесс расширения границ влияния западной культуры и массовой культуры повседневности.

О фронтальных свойствах поэзии, появляющихся на границе миров, можно судить по творчеству многих поэтов. На важность фронтального подхода для интерпретации творчества С. Есенина обратил внимание В. Доманский: «С. Есенин, живший на рубеже двух эпох, разломе российской цивилизации, используя эти ключевые концепты, выразил фронтальные явления российского культурного универсума. Его поэтический космос – это бытие на границе двух миров, двух Россий – Руси уходящей и России новой, советской» [18]. Вывод исследователя о том, что, находясь в позиции фронта, «можно увидеть, как фронтальные явления определяют поэтические дискурсы, какую функцию играют культурные коды, которые, коррелируя друг с другом, репрезентируют движение и изменение границ мира поэта», можно считать исходным тезисом для обоснования фронтального критерия интерпретации поэзии рубежа. Например, в анализе этапных диахронических срезов в творчестве А. Блока: смена тематики и поэтики стихотворений после революции 1905–1907 года; признание революции 1917 года; творческий кризис последних лет жизни. Новые грани видения мира – новые поэтические приемы организации стихотворных текстов.

Фронтальные показатели идиостиля И. Жданова, представителя метареализма как одного из направлений современной русской авангардной поэзии, связаны с синтезом двух топосов: Алтая как места рождения и Крыма, где поэт живет в настоящее время.

Н.И. Завгородняя признаки метареализма поэзии И. Жданова связывает с взаимодействием «Алтай – Крым», с семантикой «перехода» сквозь границу при

одновременном пребывании в ней [19]. «Как будто время корчится петлей / в самом себе и путает события» – поэтическая строка И.Жданова, в которой проявлено параболическое преобразование концепта границы.

Поэты – люди фронта по разным причинам: биографическим, социальным, поэтологическим, культурно-историческим. «Мы – дети фронта. Хмурые при встрече и улыбочивые после знакомства, недоверчивые и добрые одновременно, любящие простор и снимающие обувь при входе в дом, свободные и прикованные к своим березкам. Ковбои тайги, пастухи медведей, индейцы бесконечной степи. Добро пожаловать к нам в гости! Только помните, каждый день на фронтире делает вас чуточку нами», – пишет Александр Горбов в эссе «Русский фронтирисше» (https://vk.com/@kotobus_nest-russkii-frontirische).

Поэтесса Клавдия Смирягина поддержала интенсивно выраженную оценку фронта в стихотворной форме (<https://www.chitalnya.ru/work/3245601/>):

Мы – добровольцы во фронтуре –
почти, как Лыковы, сейчас.
В далёкой питерской квартире
без нас скучают свет и газ.

Вокруг завьюжены дороги,
и не проехать, хоть ты плачь.
Напоминают склон пологий
крутые крыши зимних дач.

Под вечер выйдешь за калитку –
звенит такая тишина!
И бисером искусно выткан
свод, потемневший дочерна.

Не вынырнет никто из мрака,
куда фонарь не достаёт,
лишь руку лбом боднёт собака
да кошка хвостиком мазнёт.

И в этом опустевшем мире
не скучно нам с тобой вдвоём.
Мы – добровольцы во фронтуре.
А значит, дышим и живём!

Междисциплинарные союзы меняют научную картину мира. Концепция фронта в процессе ее развития оказалась наиболее податливой для описания природных и социальных факторов в их совместности и в сопряженной динамике изменений. Фронтирные признаки: установление и движение границ, неопределенность и неустойчивость пограничья, драматургия интеграции культурных кодов – оказываются значимыми для понимания многих общественно значимых процессов. Развитие концепции фронта в новых социокультурных

условиях подтверждает ее эвристичность, способность участвовать в интерпретации разнообразного жизненного материала, в диагностировании культурных традиций и форм их обновления на фронтальных территориях.

Фронтир предлагает свою оптику рассмотрения существующих социально-культурных сред через включение синергии модуса пограничья: виртуальной среды интернета, среды города, пространства художественного мира и многого другого. Художественные модусы границы представлены как в прозе, так и в поэзии. Фронтальные явления поэтического мира тесно связаны с пограничностью сознания лирического героя, фронтальные ситуации в прозе – с социальной действительностью, с повествовательными сегментами (пластами), обеспечивающими движение сюжета через маркировку пространственно-временного и языкового (стилистического) пограничья.

Эволюция любых развивающихся систем предполагает взаимодействие двух противоборствующих тенденций – тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем.

В современном мире события происходят не столько в строго очерченных нормативных границах, сколько в их пересечении и движении. Фронтир – это граница, которая на определенном этапе образует пограничье; это регион, находящийся в таком положении; это процесс изменений постфронтального характера. Многие вопросы остаются открытыми и спорными [20], как и остается открытым фронтальный дискурс, его концептуальный горизонт. Но одно из значений бесспорно: фронтир – это новые возможности и открывающиеся перспективы для территорий и для исследователей.

Список использованной литературы:

1. Забияко А.П. Порубежье как данность человеческого бытия / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
2. Киселева М.С. Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания / М.С. Киселева // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. – Кн. 4. – С. 1163–1172.
3. Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В., Сапрыка В.А. Фронтальная идентичность населения приграничных регионов восточнославянских государств // В.А. Сапрыка и др. // Вестник славянских культур. – 2022. – Т. 63. – С. 114–125.
4. Бакуменко Г.В., Лугинина А.Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» / Г.В. Бакуменко, А.Г. Лугинина // Журнал Фронтальных Исследований. – 2022. – № 1 (25). – С. 265–293.
5. Буваева Г.А., Андреева А.А. Digital Humanities: от фронтального дискурса к «цифровому повороту» / Г.А. Буваева, А.А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 4 (56). – С. 138–143.
6. Аникин Д.А. Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти / Д.А. Аникин // Журнал Фронтальных Исследований. – 2020. – № 2. – С. 12–25.
7. Разумовская В.А. Этнопереводоведение как новое пограничье / фронтир перевода / В.А. Разумовская // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия Эпосоведение. – 2021. – № 4 (24). – С. 44–52.

8. Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/gumanitarnaia-geografiia-98fcb6/?v=2966127>. – Дата публикации: 19.05.2022
9. Поволоцкий А. Фонд Электронного Фронтра. – URL: <https://bugtraq.ru/library/misc/eff.html/> (дата обращения: 03.05.2023).
10. Тузовский И.Д. Интернет – территория «фронтра» информационного общества / И.Д. Тузовский // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 229–236.
11. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В.В. Абашев. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
12. Романова А.П. Современный мегаполис как фронтирная гетеротопия / А.П. Романова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Том 2 (68). – № 3. – С. 51–60.
13. Замятина Н.Ю. Художественная литература как материал для изучения мысленных структур пространства (на примере романа В. Набокова «Дар») / Н.Ю. Замятина // География искусства. – Вып. 3. – 2002. – С. 92–106.
14. Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронтир и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») / Н.Ю. Замятина // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – 2004. – Вып. 1. – С. 53–61.
15. Панарина Д.С. Мифы и образы сибирского фронтра / Д.С. Панарина // Культурная и гуманитарная география. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 39–52.
16. Алтайский фронтир В.М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад: сборник статей I Международного научного форума «Алтайский фронтир В.М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад» (Барнаул, 23-25 июля 2019). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 343 с.
17. Халина Н.В., Пивкина Н.Н., Жеребненко А.В. Семантизация символического капитала Алтая в научных текстах (на материале публикаций I Международного форума «Алтайский фронтир В.М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад» / Н.В. Халина и др. // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1 (80). – С. 391–393.
18. Доманский В. Тема «фронтра» в художественно-публицистических дискурсах С.А. Есенина. – URL: <http://www.osrussia.ru/content/tema-frontira-v-hudozhestvennopublicisticheskikh-diskursah-s-esenina> (дата обращения: 04.05.2023).
19. Завгородняя Н.И. Берег как предгорье (художественная топонимика Алтая и Крыма в текстах И. Жданова) / Н.И. Завгородняя // Культура и текст. – 2019. – № 3 (38). – С. 98–106.
20. Как сегодня изучать фронтiry? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 1. – С. 81–105.
21. Васильев В. О Бресте. URL: <https://www.ridus.ru/news/294387> (дата обращения: 03.05.2023).

18. Feliks Czyżewskij,
Doctor hab., Professor sw.,
(Lublin – Wisznice, Polen)

RODZINA JAKO NAJWYŻSZA WARTOŚĆ AKSJOLOGICZNA W ŻYCIU XIX-WIECZNEGO ZIEMIAŃSTWA POGRANICZA POLSKO-WSCHODNIOŚLAWIAŃSKIEGO (NA PRZYKŁADZIE „ SILVA RERUM” KAJETANA KRASZEWSKIEGO) – KOMUNIKAT

Streszczenie

W artykule podjęto zagadnienie rodziny jako wartości aksjologicznej. Podstawą rozważań jest Kronika domowa (*Silva rerum*) Kajetana Kraszewskiego (1812–1887), wydana z rękopisu w roku 2000. Uzdolniony wielostronnie (pisarz, muzyk, astronom amator) właściciel dworku ziemiańskiego w Romanowie na Podlasiu (urodzony w Dołhem na Grodzieńszczyźnie) pokazał na kartach Kroniki rodzinę jako wspólnotę krewnych i powinowatych. W artykule ukazano wiele pozytywnych aspektów więzi rodzinnych. Z przeprowadzonych analiz wynika, że rodzina w życiu XIX-wiecznego ziemiaństwa stanowiła najwyższą wartość aksjologiczną.

Podstawą źródłową tekstu jest Kronika domowa Kajetana Kraszewskiego, zatytułowana *Silva rerum*. Wspomnienia i zapiski dzienne z lat 1830–1881. Opracował i wstępem poprzedził Zbigniew Sudolski. Współpraca Irena Najda. Wydawnictwo Ancher. Warszawa 2000, ss. 661+1 nlb.

O wartości tej pracy pisał m.in. historyk Arkadiusz Kołodziejczyk: „Jedną z niewątpliwych «perełek» XIX-wiecznego pamiętnikarstwa ziemiańskiego są autobiograficzne zapiski i refleksje Kajetana Kraszewskiego (1827–1896), najmłodszego brata «wielkiego» Józefa Ignacego (1812–1887), w opracowaniu wybitnego znawcy literatury polskiej — Zbigniewa Sudolskiego. Poszerzają one w sposób znaczący naszą wiedzę na temat ziemian południowego Podlasia w XIX wieku[...]”².

Do opracowania Kroniki domowej Kajetana Kraszewskiego (dalej: Kronika) dołączono Indeks osób występujących na kartach „*Silva rerum*” (s. 631–658), obejmujący około 2500 nazw osobowych. Każdej nazwie własnej przyporządkowany jest numer strony tekstu, na której znajduje się wzmianka o danej postaci.

Osoby przywołane w Kronice pochodzą zarówno z kręgu rodzinnego pisarza, jak i z sąsiedztwa. Odrębną grupę stanowią postacie ze świata literackiego, artystycznego bądź naukowego. Kajetan Kraszewski tkwił też w nurcie współczesnej mu polityki, ale

2 A. Kołodziejczyk, rec. książki: *Silva rerum: wspomnienia i zapiski dzienne z lat 1830–1881: kronika domowa* / Kajetan Kraszewski. – Warszawa: Wydaw. Ancher, 2000, „Niepodległość i Pamięć” 2002, s. 317.

głównie jako jej obserwator i czytelnik gazet oraz czasopism warszawskich. Indeks uwzględnia także nazwiska zwykłych ludzi, otaczających na co dzień autora, oraz postacie historyczne, zarówno z XIX-wiecznej rzeczywistości, współczesnej mu, jak i z odległej przeszłości.

KRĄG RODZINNY KAJETANA KRASZEWSKIEGO UKAZANY W SILVA RERUM

A. Stosunki pokrewieństwa (po mieczu)

Indeks nazw osobowych zamieszczonych w Kronice o największej frekwencji poświadczeń tekstowych, od 70 do ponad 100, wskazuje na najbliższych po mieczu. Są to: rodzice Kajetana – Jan Kraszewski i Zofia z Malskich Kraszewska, dwaj bracia – Józef, ponad 100 przywołań tekstowych, najwięcej ze wszystkich osób występujących w Kronice, oraz Lucjan, średni brat Kajetana, około 90 przywołań. Już tylko liczba odwołań tekstowych pokazuje, jak silna była więź właściciela dóbr w Romanowie z braćmi.

Ważne miejsce wśród rodzeństwa Kajetana, jak wynika z liczby poświadczeń, zajmował Józef Ignacy Kraszewski. Jako najstarszy brat był dla Kajetana autorytetem: „[...] urodził się w 1812, reszta rodzeństwa – pisze Kajetan w Kronice – przychodziła tak: po Józefie siostra Joanna, potem Lucjan, potem Anusia, a na końcu ja”. Szacunek Kajetana do brata Józefa wynikał – jak się wydaje – także z tego, że Józef miał wyższe wykształcenie niż autor Kroniki, por.: „Kiedy Józef był w Akademii Wileńskiej, ja byłem jeszcze małym chłopcem” (s. 23). Kajetan był dumny, że w edukacji na poziomie średnim mógł iść śladem braci Józefa i Lucjana, obaj byli bowiem absolwentami gimnazjum w Świsłoczy, szkoły o wysokim wówczas poziomie nauczania.

Spośród czterech synów Kajetana najwięcej (około 60) poświadczeń tekstowych w *Silva rerum* przypisanych jest Bogusławowi. Z kolei Krzysztofowi — około 30, Stanisław zaś wymieniony jest na ponad 10 stronach Kroniki; zaś Władysław tylko dwa razy (syn Władysław – Władysław zmarł w 1856 roku, przeżywszy niespełna jeden rok). Natomiast spośród trzech córek najwięcej (ponad 30) przytoczeń tekstowych dotyczy Antoniny, o połowę mniej – Józefy, a najmniej, bo tylko dwie wzmianki – Zofii (zmarłej jako dziecko w roku 1863).

B. Stosunki powinowactwa (po kądzieli)

W kręgu tym na pierwszym miejscu ze względu na kryterium frekwencji przywołań wymienionych w Indeksie nazw osobowych sytuuje się najbliższa rodzina Kajetana Kraszewskiego.

Żona Kajetana, Maria Kraszewska z Rulikowskich (Marysieńka), występuje w Kronice z liczbą ponad 90 odwołań tekstowych. Jawi się jako pani domu w Romanowie, matka zatroskana o zdrowie i wykształcenie dzieci czy też towarzyszka męża podczas jego licznych wyjazdów z Romanowa do Warszawy.

Przyjazdy Marii do Warszawy wiązały się niekiedy z narodzinami dzieci, por.: „W kwietniu 1856 r. wróciliśmy z żoną do Romanowa z Warszawy, [dokąd wyjechali 27 września 1855 r., ponieważ Maria spodziewała się narodzin pierwszego syna] i wkrótce d. 29 maja nasz mały Władysław umarł, pochowany w Wisznicach obok babki Malskiej i dziada” (s. 81). Spodziewając się kolejnego dziecka, Maria ponownie wyjechała do Warszawy; dzień wyjazdu z Romanowa naznaczony został na 14 kwietnia [1857 r.]: „[...] wyjechaliśmy – jak pisze Kajetan – z żoną oboje do Warszawy, gdzie i rodzice żony mojej [...] mieszkali na Rymarskiej nr 471 [...] tu [w Warszawie] się urodził w d. 10 maja [1857 r.] Sławcio (Bogusław)” (s. 93). Maria nota bene rodziła też i w Romanowie, por.: „Dnia 10 marca 1861 r. Pan Bóg dał nam [tj. Marii i Kajetanowi Kraszewskim] córkę. Trzymali ją do chrztu włościanie wsi naszych romanowskich, otrzymała [potrójne] imię Antonina–Zofia–Emma” (s. 107).

Kajetan Kraszewski był troskliwym mężem i ojcem, o czym świadczy naprzykład fakt, że aby uchronić żonę i dzieci przed ewentualnym represjami carskimi w okresie powstania styczniowego 1863 r., pisarz wyjechał z nimi do Galicji (zaboru austriackiego). Znaleźli tam schronienie w Sokalu u rodziny żony (s. 133–134).

Maria utrzymywała stałe kontakty rodzinne z Rulikowskimi z Mircza (tu bowiem przebywała, zanim zamieszkała w Romanowie): „W kwietniu 1867 roku – jak wspomina Kajetan w Kronice – gdyśmy z żoną byli na świętach wielkanocnych w Mirczu, nadeszła wiadomość, że w Pizie zmarł śp. Gabriel Łuniewski, ojciec Stasia, tak więc mój pupil został biedak zupełnym sierotą” (s. 146).

Autor Kroniki nakreślił piękną wizytówkę rodziny swojej żony. Ukazał też genealogię szlacheckiego rodu Rulikowskich; pisał m. in.: „Familia Rulikowskich [herbu Korabitów] z dawnych czasów w Bełzkiem zamieszkała, gdy poznałem ich, składała się głównie z czterech domów, mianowicie p. Władysława, żonatego ze Szlubowską Emmą, zamieszkałych w Mirczu” (s. 64).

Następnie wymienił przynależne do rodu majątki, a mianowicie: „[...] majątki Honiatyczne [dziś gmina Werbkowice, powiat hrubieszowski], dziedzictwo od 200 lat, Kotlice [dziś gmina Miączyn], i majątek Podhorce pod Tomaszowem Lubelskim” (s. 64).

Pięcioro dzieci państwa Władysławów (tak bowiem określił Kajetan swoich teściów), to: „[...] Maria (dziś żona moja), Emilia, panna, i Natalia za Kazimierzem Dobeckim, i [...] synowie: Wincenty, Edward ożeniony ze Stefanią Szlubowską, córką Józefa (stryjecznego brata pani Emmy Rulikowskiej)” (s. 64). Najmłodszym synem państwa Władysławów był Zdzisław (s. 64).

Ważne miejsce w Kronice zajmuje Emma Władysławowa Rulikowska, matka Marii, teściowa Kajetana – około 60 przytoczeń tekstowych.

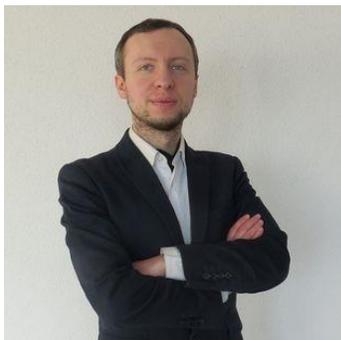
Swoistym hymnem pochwalnym na cześć pani Emmy Rulikowskiej ze Szlubowskich jest tekst mowy pogrzebowej, stanowiący syntetyczny obraz kobiety w XIX-wiecznej rodzinie ziemiańskiej. Kajetan tak oto scharakteryzował Emmę Rulikowską: „Główną cechą charakteru tej cale niepospolitej, zacnej, a niezapomnianej niewiasty było w najobszerniejszym zakresie pojęcie obowiązków kobiety, żony, matki, pani domu na tle gruntownie chrześcijańskiej miłości bliźniego. Najstaranniejsze zajęcie się wychowanych godnie siebie dzieci i szeroki a wzorowy zarząd domu, tłumnie prawie i codziennie nawiedzanego przez dalszych i bliższych krewnych i znajomych. [...] całym zadaniem jej życia było ściśle wypełnianie obowiązków dobrej żony i matki, wyszukiwanie sposobności do wypełniania wszelkich zaleconych nam przez wiarę miłosiernych uczynków względem bliźnich [...]” (s. 527–528).

Panu Władysławowi Rulikowskiemu, teściowi, autor Kroniki poświęcił mniej uwagi. W Indeksie nazw osobowych znajduje się około 30 przywołań tekstowych, a więc o połowę mniej niż posiada matka żony.

Swój stosunek do rodziny jako wspólnoty krewnych i powinowatych Kajetan Kraszewski najlepiej wyraził, odnosząc się właśnie do rodziny swojej żony, Marii, z domu Rulikowskiej: „W tej najzacniejszej i powszechnym otoczonej szacunkiem rodzinie od pierwszego przyjazdu szczerze byłem przyjęty. Przybyłem do Mircza w zimie 1853 roku na 1854 rok. [...] wkrótce oświadczyłem się i w następnym roku przyjęty prawdziwie za syna; znalazłem w nich drugą moją własną rodzinę, której w sercu moim od mojej rodzinie odróżnić dziś nie umiem, dziękując każdego dnia i godziny Bogu za Jego nade mną łaskę i opiekę, dającą mi połączenie z tym domem”.

Przedstawione uwagi, mimo swej szkicowości, zostały bowiem oparte tylko na kryterium frekwencyjnym, tj. liczbie przywołań tekstowych zawartych w Kronice autorstwa Kajetana Kraszewskiego, pokazują jednak, iż rodzina była najwyższą wartością aksjologiczną w życiu XIX-wiecznych ziemian pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego.

ГЛ. 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НА БРЕСТЧИНЕ

1. Акушевiч А. А., к. фiл. н, загадчык кафедры рыторыкi i
методыкi выкладання мовы i лiтаратуры
УА " Беларускi дзяржаўны ўнiверсiтэт»
(г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 821.161.3

ПРЭЗЕНТАЦЫЯ ТВОРЧАСЦI ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ ВУЧНЯМ ПРАЗ ТЭКСТЫ АЛЕСЯ РАЗАНАВА

Анатацыя. Разглядаецца прыклад прэзентацыi вучням устаноў агульнай сярэдняй адукацыi творчай спадчыны Францыска Скарыны з дапамогай перастварэнняў Алеся Разанава, даюцца неабходныя заўвагi i каментарыi. Звяртаецца ўвага на спецыфіку знаёмства з творами аўтара 16 стагоддзя праз эксперыментальныя тэксты 20–21 стагоддзяў.

Ключавыя словы. Францыск Скарына, Алесь Разанаў, вучэбны дапаможнік, беларуская лiтаратура, методыка выкладання беларускай лiтаратуры.

A. A. Akushevich, PhD, Head of the
Department of Rhetoric and Methods
of Teaching Language and Literature
of the Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

PRESENTATION OF FRANCYSK SKARYNA'S CREATIVITY TO STUDENTS BY MEANS OF ALES RAZANAU'S TEXTS

Abstract. An example of presenting Francysk Skaryna's creative heritage to students by means of fragments of Ales Razanau's texts is considered, the necessary notes and

comments are given. Attention is drawn to the specifics of acquaintance with the works of the author of the 16th century using experimental texts of the 20th–21st centuries.

Key words. Francysk Skaryna, Ales Razanau, textbook, Belarusian literature, methods of teaching Belarusian literature.

Прэзентацыя даўняй беларускай літаратуры сённяшнім вучням устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з’яўляецца важным пытаннем. У вучэбным дапаможніку па беларускай літаратуры для 6 класа 2016 года выдання [1] можна ўбачыць цікавы прыклад прадстаўлення тэксту Францыска Скарыны. Фактычна, вучні знаёмяцца не непасрэдна з прадмовай беларускага аўтара 16 стагоддзя, а з урывкамі з твора Алеся Разанава (1947–2021). Ужо гэта гаворыць, што перад шасцікласнікамі не зусім старажытная літаратура, а тэкст аўтара 20–21 стагоддзяў ці, прынамсі, вынік своеасаблівага суаўтарства Францыска Скарыны і Алеся Разанава.

Звернем увагу на тое, што падпісаны тэкст у вучэбным дапаможніку наступным чынам: «**ФРАНЦЫСК СКАРЫНА БІБЛІЯ** (*Паэтычнае ўзнаўленне Алеся Разанава*)» [1, с. 93].

Да назвы прыводзіцца зноск: «Перакладу Бібліі на родную мову – найвялікшай справе свайго жыцця – аддаў свае веды і сілы славыты сын Бацькаўшчыны Францыск Скарына (1490–1552)» [1, с. 93]. Насамрэч, перад вучнем фрагменты з «Прадмовы да ўсёй Бібліі» («**ПРЕДЪСЛОВИЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА ВО ВСЮ БИВЛИЮ РУСКАГО ЯЗЫКА**»), пераствораныя (не перакладзеныя!) Алесем Разанавым. Асаблівасці і ідэя такіх тэкстаў добра прадэклараваны ў анатацыі адпаведнай кнігі: «Адамкнутыя паэтычным ключом, занямелыя творы старажытнай літаратуры нанова ўваходзяць у рэчаіснасць і нанова прамаўляюць тое, што яны казалі ў свой час» [2]. Дадзеныя перастварэнні ужо былі аб’ектам увагі даследчыкаў [3; 4; 5].

Прапанаваны ў згаданым вучэбным дапаможніку адпаведны фрагмент ўяляе сабою спецыяльна адабраныя 3 раздзелы твора «Напісана гэтая кніга дваіста», надрукаванага ў «Кнізе ўзнаўленняў» (2005) [2, с. 24–28], пры гэтым нумары раздзелаў не пазначаны, а самі яны запісаны ў дзве страфы [1, с. 93–94].

Неабзаны чытач можа з немалой верагоднасцю палічыць, што перад ім асобны твор першадрукара пад назвай «Біблія», перакладзены на сучасную беларускую мову Алесем Разанавым. Гэтаму будуць спрыяць і магчыма адсутнасць дадатковай інфармацыі з боку настаўніка-прадметніка (а таксама складанасць такой інфармацыі для шасцікласнікаў), і першае пытанне да адпаведнага твора ў вучэбным дапаможніку: “1. Што гаворыць Францыск Скарына пра Біблію, з чым яе параўноўвае?” (*падкрэсліванне наша. – А.А.*) [1, с. 94].

Параўнаем перастварэнні Алеся Разанава і адпаведны тэкст Францыска Скарыны (гл. табліцы 1, 2, 3) і прывядзём некаторыя каментарыі.

Табліца 1. Параўнанне першага фрагмента з вучэбнага дапаможніка (перастварэнне Алеся Разанава) і тэксту Францыска Скарыны

Фрагмент з перастварэння Алеся Разанава	Тэкст Францыска Скарыны
<p>Гэтая кніга дзецям і простым людзям – навука, а мудрацам і вучоным – дык дзіваванне. Яна, як рака цуладзейная, адначасова плыткая – можна па ёй і дзіцяці брысці – і незвычайна глыбокая – слон плысці мусіць. [1, с. 93]</p>	<p>И тако младенцем и людем простым ест наука, учителом же и людем мудрым подивление. Яко река дивная мелка – по ней же агнецъ брести можетъ, а глубока – слон убо пливати мусить. [6, с. 46]</p>

Каментарый.

1. У вучэбным дапаможніку пад гэтым урыўкам бачым карысную зноску (слоўнікавы каментарый): «*Плыткі* – тут: неглыбокі, прыдатны для *броду* – пешага ходу з аднаго берага на другі» [1, с. 93].

2. І ў фрагменце з перастварэння Алеся Разанава, і ў творы Францыска Скарыны можна бачыць рытмізаванасць. Аднак Алесь Разанаў творча разбівае тэкст на радкі, чым расстаўляе свае акцэнтны, стварае свой адмысловы рытм, якія адрозніваюцца ад скарынаўскіх.

3. Фактычна, прыведзеныя ў табліцы 1 словы з’яўляюцца цытатай з Грыгорыя Вялікага (Дваяслова): «И действительно Божественное слово посредством таинственного совершается сведущих, и, по большей части поверхностью, более или менее подкрепляет простых. Оно является открытым, и поэтому питает малых; пребывает в тайне, и поэтому умы великих приводит в восторг. Ибо Оно, так сказать, подобно некому спокойному и глубокому потоку воды, в который и ягненок войдет, и в котором также слон может плавать» [7]. На гэта ўказвае і сам першадрукар, калі прачытаць сказы, што папярэднічаюць прыведзеным у табліцы 1: «Прото ж добре Григорей Великий, учитель вселенский, о сей книзе пишет, глаголя: “Святое писмо все иные науки превышает, понеже егда бывает чтено, под простыми словы замыкает тайну. И тако младенцем и людем простым ест наука, учителом же и людем мудрым подивление. Яко река дивная мелка – по ней же агнецъ брести можетъ, а глубока – слон убо пливати мусить”» (*Межы цытаты маркіраваны намі. – А. А.*) [6, с. 46]. У сувязі з гэтым тэкст прадстаўлены вучням неабходна пашырыць (дадаць у пачатку яшчэ адзін раздзел (7-ы) з перастварэння Алеся Разанава) і па-іншаму паставіць двукоссі (межы цытаты з Грыгорыя Вялікага (Дваяслова) вылучаліся недакладна ў многіх ранейшых публікацыях).

4. Параўнайце з перакладам І. В. Саверчанкі на сучасную беларускую мову:

«Грыгорый Вялікі, сусветны настаўнік, гэтаксама вельмі добра пра тую кнігу піша: “Святое Пісанне пераўзыходзіць усе іншыя навукі, паколькі, калі чытаецца, пад простымі словамі ўтрымлівае вялікія таямніцы”.

Такім чынам, Біблія – навука дзецям і простым людзям.

Для настаўнікаў і мудрых людзей яна – крыніца здзіўлення.

Біблія – дзівосная рака! Яна бывае мелкай, і нават авечка можа яе перайсці! Але адначасна – і глыбокай, калі і слон змушаны плысці цераз яе!» [8, с. 26].

Табліца 2. Параўнанне другога фрагмента з вучэбнага дапаможніка (перастварэнне Алеся Разанава) і тэксту Францыска Скарыны

Фрагмент з перастварэння Алеся Разанава	Тэкст Францыска Скарыны
У гэтай кнізе пачатак і завяршэнне усёй чалавечай мудрасці: Бог-уладар у ёй адкрываецца для спазнання, і ўсе законы, якімі людзі у жыцці кіравацца мусяць, напісаны ў ёй, і ўсе лекі, якія голяць душу і ацалюць цела, у ёй сабраны... [1, с. 93–94]	В сей книзе всее прироженое мудрости зачало и конець; Бог Вседержитель познаван бывает. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имеют, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне найдете. [6, с. 46]

Каментарый.

1. Гл. каментарый 2 да табліцы 1.

2. Слова «пачатак і завяршэнне» адсылаюць да фразеалагізма «альфа і амега» (і адначасова выступаюць яго варыянтам). Дадзены фразеалагізм мае сувязь з біблейскім тэкстам, на што ўказвае і І. Я. Лепешаў:

«**Альфа і амега** чаго. Запазыч. з царк. – слав. м. Самае галоўнае, сутнасць чагосьці. Уся сіла каўпакоўцаў, можна сказаць, альфа і амега іх стратэгіі і тактыкі, заключалася ў няспынным руху – усё наперад і наперад! (У. Краўчанка. Апавяданне пра смелае сэрца).

Фразеалагізм неаднаразова сустракаецца ў біблейскіх тэкстах, напрыклад (Апакаліпсіс, 1.8): «Я есмь альфа і амега...». Узнік як спалучэнне назваў першай і апошняй літар грэч. алфавіта» [9].

3. Параўнайце з перакладам І. В. Саверчанкі на сучасную беларускую мову:

«У гэтай кнізе – пачатак і канец усёй існуючай мудрасці, бо толькі праз яе можна спасцігнуць Бога ўсётрымальніка!

У гэтай кнізе – усе законы і правы, якімі карыстаюцца людзі ў зямным жыцці! У гэтай кнізе – усе лекі душэўныя і цялесныя разам знойдзеце!» [8, с. 26].

Табліца 3. Параўнанне трэцяга фрагмента з вучэбнага дапаможніка (перастварэнне Алеся Разанава) і тэксту Францыска Скарыны

Фрагмент з перастварэння Алеся Разанава	Тэкст Францыска Скарыны
Чытайма ж, браты, заўсёды Святое Евангелле і пераймайма, чытаючы, справы нашага Збаўцы Ісуса Хрыста! І гэтак, з яго дапамогай, увойдзем у вечнажывое жыццё і ў Нябеснае Царства, што ўгатавана абранцам Божым. [1, с. 94]	Надо все над то мы, хрестиане, ведаючи все науки быти минущие, потребуем речи вечное душного спасения. Чтимы ж уставичне Светое Еувангелие, а, чтучи е, наследуимы дела нашего избавителя Ісуса Христа. А тако с помощью его вниидем в живот вечный и в Царство Небесное, уготованное избранным Божиим. [6, с. 47]

Каментарый.

1. Гл. каментарый 2 да табліцы 1.

2. Дадзены фрагмент з’яўляецца апошнім (25-м) раздзелам перастварэння Алеся Разанава «Напісана гэтая кніга дваіста». Папярэдні фрагмент, змешчаны ў табліцы 2, – надрукаваны пад лічбай 9 (гл.: [2, с. 25, 28]). Разам з тым, прыведзеныя ў табліцы 3 словы не апошнія ў «Прадмове да ўсёй Бібліі» Францыска Скарыны (яны змешчаны прыблізна ў сярэдзіне арыгінальнага твора першадрукара).

3. Параўнайце з перакладам І. В. Саверчанкі на сучасную беларускую мову: «Над усім тым мы, хрысціяне, патрабуем рэч вечную – душэўнае выратаванне. Таму мы чытаем для настаўлення святое “Евангелле” і імкнемся ў справах трымацца прыкладу збавіцеля нашага Ісуса Хрыста. З яго дапамогай шукаем шляхі ў вечнае жыццё і царства нябеснае, падрыхтаванае для абраннікаў Божых» [8, с. 29].

З навуковых пазіцый тэкст з кнігі Алеся Разанава, на наш погляд, лепш было б падаць наступным чынам: **«Алесь Разанаў НАПІСАНА ГЭТАЯ КНІГА ДВАІСТА¹ (урывкі)»**

7

Адмыслова

пра гэтую кнігу піша

Грыгоры Вялікі,

настаўнік усечалавечы:

«Святое Пісанне

пераўзыходзіць

іншыя ўсе навукі,

бо пад звычайнымі словамі

зберагае

вялікія таямніцы.

¹ Перастварэнне «Прадмовы да ўсёй Бібліі» Францыска Скарыны.

8

Гэтая кніга
дзеям і простым людзям –
навука,
а мудрацам і вучоным –
дык дзіваванне.
Яна, як рака цудадзейная,
адначасова
плыткая –
можна па ёй і дзіцяці брысці,
і незвычайна глыбокая –
слон плысці мусіць».

9

У гэтай кнізе
пачатак і завяршэнне
усёй чалавечай мудрасці:
Бог-уладар
у ёй адкрываецца
для спазнання,
і ўсе законы,
якімі людзі
у жыцці кіравацца мусяць,
напісаны ў ёй,
і ўсе лекі,
якія гояць душу
і ацаляюць цела,
у ёй сабраны.

<...>

25

Чытайма ж, браты, заўсёды
Святое Евангелле
і пераймайма,
чытаючы, справы
нашага Збаўцы Ісуса Хрыста!
І гэтак, з яго дапамогай,
увойдзем
у вечнажывое жыццё
і ў Нябеснае Царства,
што ўгатавана
абранцам Божым» [2, с. 25–28].

Такім чынам, разгледажаная спроба прэзентацыі творчасці Францыска Скарыны вучням праз тэксты Алеся Разанава мае пэўны патэнцыял і свае перспектывы.

Чытач у падобных выпадках бачыць, як даўняя літаратура адлюстроўваецца ў сучаснай, прасочвае сувязь творцаў розных часоў, дзякуючы прыкладам бачыць асобныя моманты літаратурнага працэсу. Разам з тым, ёсць верагоднасць увесці вучняў у зман. У прааналізаваным вышэй тэксе з вучэбнага дапаможніка [1, с. 93–94], напрыклад, звяртаюць на сябе ўвагу наступныя моманты: напісаны Алесем Разанавым твор можа ўспрымацца ў якасці ўласнай творчасці першадрукара (пры гэтым ёсць падставы гаварыць пра сутворчасць пісьменнікаў, называць іх суаўтарамі); некаторая адаптацыя перастварэння без неабходных каментарыяў можа стварыць уражанне, што перад чытачом завершаны цэласны твор, а не асобныя фрагменты канкрэтнага тэксту; назіраецца пэўная вырванасць прыведзеных раздзелаў з кантэксту; вучні знаёмяцца з рытмам і іншымі асаблівасцямі старажытнага тэксту ў інтэрпрэтацыі, прапанаванай менавіта Алесем Разанавым.

На наш погляд, мэтазгодна вывучаць творчасць Францыска Скарыны па перастварэннях Алеся Разанава ў 9-м ці 10-м класах. Пры гэтым побач з перастварэннем Алеся Разанава варта даваць вучням арыгінальны тэкст і яго праявічны пераклад на сучасную беларускую мову для параўнання і аналізу, што будзе сярод іншага садзейнічаць развіццю даследчых здольнасцей вучняў, іх чытацкай адукаванасці. Таксама да такога тэксту неабходны мінімальна дастатковы каментарый.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Бельскі, А. І. Беларуская літаратура: вучэб. дапам. для 6-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. і рус. мовамі навучання / А. І. Бельскі, Л. К. Цітова. – 2-ое выд., перапрац. і дап. – Мінск, Нац. ін-т адукацыі, 2016. – 312 с.
2. Разанаў, А. Кніга ўзнаўленняў / А. Разанаў. – Мінск: Логвінаў, 2005. – 134 с.
3. Русілка, В. І. Мастацкая актуалізацыя асноў духоўнасці: кніга перастварэнняў «Францыск Скарына. Маём найбольшае самі» Алеся Разанава / В. І. Русілка, В. І. Уткевіч // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 24. – С. 113–118.
4. Аляшкевіч, Т. А. Прадмовы Францыска Скарыны ў кантэксце разанаўскіх перастварэнняў / Т. А. Аляшкевіч // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі (да 80-годдзя з дня нараджэння прафесара Г. М. Малажай): у 2 ч.: зб. навук. арт. – Брэст: БрДУ, 2018. – Ч. 2. – С. 40–43.
5. Штэйнер, І. Ф. Не сёння напісанае чытаю сёння : кніга перастварэнняў «Францыск Скарына. Маём найбольшае самі» Алеся Разанава / І. Ф. Штэйнер // Роднае слова. – 2017. – № 5. – С. 30–33.
6. Скарына, Ф. Творы : прадм., сказанні, паслясл., акафісты, пасхалія / Ф. Скарына / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А. Ф. Коршунава, паказ. А. Ф. Коршунава, А. В. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
7. Григорий Великий (Двоеслов). Моралии на книгу Иова [Электронный ресурс] / Григорий Великий (Двоеслов) // Интернет-портал «Азбука веры» (<https://azbyka.ru>). https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/moralii-na-knigu-iova.

8. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына; уклад., прадм., пер. на бел. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 110 с.
9. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 448 с.

2. Борсук Н. М., к.п.н., дацэнт кафедры БіРМ
Брэцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 821.161.3+82-4

СУЧАСНАЯ БЕРАСЦЕЙСКАЯ ПАЭЗИЯ ЯК САМАБЫТНАЯ З’ЯВА ЛІТАРАТУРНАГА ПРАЦЭСУ

Анатацыя. Артыкул уяўляе сабой спробу прадставіць сучасную берасцейскую паэзію ў яе пераемнасці традыцый М. Багдановіча. Аргументавана паказана, што арыентацыя мастакоў слова на лепшыя набыткі папярэднікаў – адзін з надзейных сродкаў агульнага пад’ёму культуры, літаратуры.

Ключавыя словы: традыцыя і наватарства, паэзія, жанравая разнастайнасць, пераклад, міфалагічныя матывы, крыніца ўздзеяння, трансфармацыя.

Borsuk N. N., Ph.D., Associate Professor
of BuRM of the Department Brest State
Technical University
(Brest, Republic of Belarus)

CONTEMPORARY BREST POETRY AS AN ORIGINAL PHENOMENON OF THE LITERARY PROCESS.

Annotation. The article is an attempt to present modern Brest poetry in its continuity of Bogdanovich’s traditions. It is asserted that the orientation of the artists of the word to the best achievements of their predecessors is one of the reliable means of the general rise of culture and literature.

Keywords: tradition and innovation, poetry, genre diversity, translation, mythological motifs, source of influence, transformation.

Сучасная берасцейская паэзія – з’ява эстэтычна-непаўторная, самабытная, арыгінальная састаўная частка сучаснай беларускай паэзіі. Многія эстэтычныя дасягненні яе абумоўлены плённым засваеннем традыцый папярэднікаў, у прыватнасці класіка беларускай літаратуры М. Багдановіча, што спрыяе паспяховаму творчаму развіццю як сталых мастакоў слова, так і пачынаючых творцаў.

Наша сучаснасць, далёка не гарманічная, вядзе да страты здольнасці адклікацца на прыгажосць Свету. Таму на пачатку новага тысячагоддзя набывае другое дыханне спадчына М. Багдановіча, які сваёй творчасцю імкнуўся пераадолець хаос, дысгармонію, разбурэнне характаваў хуткаплынным асабістым і грамадскім жыццём асобы.

Нельга не ўлічваць той факт, што сучасны стан развіцця беларускай паэзіі вызначаюць нацыянальная адметнасць і своеасаблівасць рэгіянальных літаратур, якія з’яўляюцца каштоўнымі састаўнымі часткамі сучаснага літаратурнага працэсу ў цэлым. Па гэтай прычыне спроба прадставіць сучасную паэзію Берасцейшчыны ў яе пераемнасці традыцый М. Багдановіча – правамерная і важная задача сучаснага літаратуразнаўства.

У ходзе працы рэалізаваны наступныя задачы: выяўлена адметнасць трансфармацыі традыцый М.Багдановіча ў творчасці паэтаў Берасцейшчыны канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзяў; праведзена параўнанне раскрыцця праблемы ўзаемаадносін чалавека і прыроды ў творчасці М. Багдановіча і паэтаў Берасцейшчыны, пры гэтым акцэнт быў зроблены на своеасаблівасці творча-эстэтычнай трансфармацыі міфалагічных матываў, выяўленні адметнасці рэалізацыі і ўзбагачэння матыву яднання зямной і нябеснай красы, «эстэтыкі зімовай іпастасі быцця» асобы; асэнсавана ўвасабленне ў сучаснай паэзіі дыялектыкі пераемнасці і абнаўлення гістарычнага, духоўнага вопыту народа ў кантэксте дасягненняў беларускага класіка (на матэрыяле творчасці М. Пракаповіча); выяўлена мастацкая поліфункцыянальнасць культуры жаночай красы ў творчых набытках М. Багдановіча і сучасных паэтаў; прааналізаваны жанравыя вершаваныя формы (трыялет, танка і хоку), якія ўпершыню ўвёў у беларускую паэзію М. Багдановіч, акрэслена іх значэнне для памнажэння эстэтычных набыткаў беларускай словатворчасці; абагульнены вопыт творчага засваення Н. Мацяш дасягненняў сусветнай культуры ў галіне мастацкага перакладу, нацыянальныя традыцыі якога былі закладзены М. Багдановічам.

Высновы даследавання, якія грунтуюцца на спалучэнні параўнальна-тыпалагічнага, канкрэтна-гістарычнага, герменеўтычнага метадаў даследавання, не выклікаюць прэрэчанняў.

Аналіз творчасці сучасных паэтаў, а таксама вершаў-прысвячэнняў М. Багдановічу сведчыць, што ў беларускай паэзіі заўсёды былі нашчадкі вялікага паэта па духу – Н. Мацяш, З. Дудзюк, А. Каско, М. Пракаповіч, М. Рудкоўскі, А.

Дэбіш, В. Дэбіш, Я. Збажына і інш. Яны імкнуліся вывараць сваю творчасць, жыццёвую пазіцыю, мастакоўскую самасць па творчых набытках беларускага класіка. Для некаторых і сёння традыцыі М. Багдановіча з'яўляюцца тою мастацкаю сілаю, уздзеянне якой адчувае на сваёй творчасці не адзін значны талент. І ў той жа час, кожны мастак слова, звярнуўшыся да вызначальных асноў з творчасці беларускага класіка, рухаецца па сваім уласным паэтычным шляху. Зварот паэтаў Берасцейшчыны да традыцыі М. Багдановіча абумоўлены наступнымі аб'ектыўнымі фактарамі: творчасць паэта шырока даследавалася заходнебеларускай крытыкай (высновы М. Дварчаніна, М. Гарэцкага, С. Грынкевіча, А. Навіны па вывучэнні творчасці беларускага класіка сугучны ацэнкам сучаснага багдановічазнаўства); заходнебеларуская літаратура (творчасць Н. Арсенневай, К. Сваяка і інш.) у сваім развіцці арыентавалася на раскрыццё эстэтычнай сутнасці, развівалася ў накірунку трансфармацыі нацыянальных ідэалаў у агульначалавечыя каштоўнасці; Берасцейшчына – састаўная частка Берасцейска-Пінскага Палесся, адметнага рэгіёну ў славянскім свеце; у характары «заходнікаў» больш выразна выяўляецца знітанасць з зямлёю; іх менталітэт вызначаецца сітуацыяй памежжа.

Функцыянальнае значэнне літаратурных уздзеянняў рознапланаванае. Для адных паэтаў знаёмства з творчасцю М. Багдановіча было штуршком у творчых пошуках (С. Амяльчук, В. Вашэка, Я. Збажына, Р. Бензярук і інш.). Для другіх – адыграла ролю своеасаблівага стымулятара ў вырашэнні ўжо выразна акрэсленых творчых задум (Н. Мацяш, М. Пракаповіч, А. Каско, З. Дудзюк і інш.). Аналіз фактаў сведчыць, што развіваць, узбагачаць літаратурную традыцыю, узнімаць яе да ўзроўню наватарскага (у тэматычных, жанравых, стылёвых, павобразных адносінах) здольны асобы творчыя, працаздольныя, таленавітыя. Неабходна ўлічваць і той факт, што нашы сучаснікі звычайна ўбіраюць творчыя традыцыі непрыкметна для сябе, бо паэзія М. Багдановіча жыве ў іх душы на сапраўды падсвядомым узроўні. Па гэтай прычыне цяжка бывае вызначыць ступень літаратурных уплываў. Аб гэтым сведчаць адказы паэтаў на пытанне: «Ці адчулі Вы ўплыў М. Багдановіча на сваю творчасць?» Да гонару берасцейскіх мастакоў слова неабходна адзначыць, што сувязь паміж крыніцай уздзеяння і паэтам не ператварылася ў пераймальніцтва, у павярхоўную стылізацыю [1].

Міфалагічныя матывы ў творчасці сучаснікаў трансфармуюцца і ўзбагачаюцца. Не паганскае светаадчуванне, не свет міфалагічных істот самі па сабе прывабліваюць сучасных беларускіх паэтаў. Іх цікавіць, як сцвярджае А. Каско, бясконца таямнічасць, «шматаблічнасць жыцця і свету». Яны паглыбляюць роздум аб змястоўнасці і гарманічнасці жыцця продкаў, дапамагаюць сучасным паэтам увасабляць адраджэнскія ідэі, перадаваць боль, трывогу і заклапочанасць станам экалогіі, спусташэннем і выміраннем жывой прыроды, а разам з гэтым – і спусташэннем людскіх душ. Відавочна, старажытнае светаўспрыманне спрыяе адраджэнню духоўнасці, а зварот да міфалогіі дазваляе нашым сучаснікам выйсці ў свет асэнсавання эстэтычных, этычных катэгорый быцця народа. Асабліва паслядоўна прасочваецца арыгінальная творча-эстэтычная трансфармацыя міфалагічных матываў М.Багдановіча ў кнізе паэзіі А. Дэбіша «Стодзівы».

Аб філасофскім, ідэйна-эстэтычным паглыбленні сучаснай паэзіі сведчыць зварот мастакоў слова да асацыятыўнага асэнсавання вобразаў зорнага неба, зімы, васілька. Гэтыя вобразы-сімвалы і канстанты разглядаюцца як творчае ўвасабленне адчування глыбокай паяднанасці асобы з прыродай, Сусветам, грамадствам, як сродак пошуку духоўнай раўнавагі. Інтэлектуальнае багацце лірычнай асобы абумоўлена яе здольнасцю чуйна ўспрымаць прыроду. Вобразы зімы, зімовага шляху, холаду пры характарыстыцы асобы беларуса, пры выяўленні адносін да грамадскіх падзей набываюць абагульнена-сімвалічнае значэнне. Менавіта такое алегарычна-сімвалічнае функцыянаванне вобразу зімы надзвычай характэрна для творчай манеры А. Каско, А. Дзбіша, Н. Мацяш, З. Дудзюк [1, 2, 3].

Яркім прадстаўніком інтэлектуальна-філасофскай плыні, спадчыннікам класічных традыцый беларускай паэзіі з'яўляецца М. Пракаповіч. Сваёй творчасцю ён пераконвае чытача, што рухацца мэтанакіравана, гарманічна, упэўнена па беларускім шляху можна толькі ўсвядоміўшы гістарычны, духоўны вопыт свайго народа.

Трывогі сённяшняга дня паэт асэнсоўвае ў повязі часоў, у дыялектыцы іх пераемнасці і абнаўлення. Пазіцыя чалавека, што стаіць на мяжы з мінулага ў будучае, прываблівае паэта галоўным чынам з маральнага пункту погляду. У гэтым найвыразна прасочваецца ўплыў традыцый М. Багдановіча. Змест яго вершаў-прысвячэнняў знакамітым землякам падпарадкаваны раскрыццю агульнагуманістычных ідэй нацыянальнага адраджэння, духоўнаму ўзнаўленню асобы, сцвярджэнню непадзельнасці лёсу чалавека і Бацькаўшчыны [1, 4, 5, 12].

Услед за М. Багдановічам сучасныя паэты здолелі далучыцца да спасціжэння бясконцых глыбінь і багацця духоўна-інтымнага свету жанчыны і мужчыны. Па іх перакананні, толькі духоўнае яднанне робіць узаемаадносіны закаханых трывалымі, прыгожымі. Дзівосныя хвіліны яднання красы, кахання і пакуты знайшлі сваё непаўторнае ўвасабленне ў вершах-рамансах. Сучасныя паэты, як некалі і М.Багдановіч, не размяжоўваюць паняцці – знешняя і ўнутраная краса. Да жанчыны звяртаюцца з асаблівай пашанай – на «Вы», а абраная некаторымі паэтамі жанравая форма акраверша дапамагае апаэтызаваць высокае пачуццё да яе. Займеннік «вы» ўжываецца з маленькай літары, калі неабходна ўказаць на прысутнасць дысгарманічнага пачатку ва ўзаемаадносінах закаханых. Жанравая форма саета дапамагае нашым сучаснікам глыбей спасцігнуць і адлюстраваць інтымны свет асобы.

Сучасныя паэты не абыходзяць увагаю пачуццёва-эратычны бок кахання. М. Рудкоўскі адзін з першых у берасцейскай паэзіі ўславіў адчуванні будучай маці. Таямніцы зачацця і нараджэння жыцця хвалююць лірычнага героя А. Каско, А. Дзбіша, М. Рудкоўскага. Прызначэнне жанчыны нашы сучаснікі, як некалі і М.Багдановіч, бачаць у прадаўжэнні жыцця. Паэты таленавіта і далікатна паглыбляюць тэму кахання і самаахвярнасці жыцця жанчыны-маці. Высвятленню духоўнай повязі паміж матуляю і яе дзіцём спрыяе выбар такіх жанравых форм як трыялет, замова, калыханка [1, 4, 6].

На шляху авалодання жанравымі формамі танка і хоку нашы сучаснікі – В. Шніп, А. Глобус, Ян Збажына і інш. – дасягнулі значных творчых поспехаў. Усвядомленыя эстэтычныя пошукі берасцейскага паэта Яна Збажыны ў пералічаных вышэй жанравых формах вызначаюцца ўнутранай сілай пачуцця, уменнем далучыць чытача да вырашэння агульначалавечых праблем; напоўніць верш роздумна-медытатыўнымі інтанацыямі, паяднаць у ім агульначалавечыя і нацыянальныя праблемы, з максімальнай сцісласцю сфармуляваць значную, глыбокую ідэю. Праца ў жанравых формах танка і хоку спрыяе станаўленню індывідуальнага пачатку творцы, патрабуе ўважлівых адносін да слова, актывізуе працэс нараджэння новых сімвалічна-абагульненых вобразаў, выпрацоўвае ўменне афарыстычна мысліць.

Сучасныя паэты паспяхова авалодалі традыцыямі і вопытам папярэднікаў па напісанні трыялетаў. Гэтая жанравая форма патрабуе ад паэта тонкай душэўнай працы, шчырасці, адкрытасці, эмацыянальнасці, вострага ўнутранага зроку і слыху.

Трыялет не страціў афарыстычнасці. Вытанчаная, строгая форма развівае ў мастакоў слова ўменне сцісла, але глыбока і дакладна выражаць свае думкі, перажыванні, якія захаваны ў падтэксе твора. Паўторы, у сваю чаргу, напаўняюць думку-пачуццё рознымі адценнямі медытатыўнасці, якая знаходзіцца ў пастаянным напружаным развіцці. Несумненна, гэтаму спрыяе выкарыстанне такога мастацкага сродку, як метафара.

Паводле тэматычнага прынцыпу вылучаюцца пейзажныя, сатырычныя, адычныя, інтымныя, элегічныя трыялеты і разнавіднасці апошняга – медытатыўныя, эталагічныя альбо публіцыстычна-заклікавыя, выяўленча-апісальныя. Трыялет актыўна сінтэзуецца з одай, сатырай, элегіяй.

Праведзены аналіз трыялетаў пераконвае, што ўсе гэтыя паэтычныя творы рухомыя не толькі ў сэнсавых адносінах, але і ў фармальных. Гэтая жанравая форма ўжо з часоў М. Багдановіча развіваецца не толькі ў класічным напрамку, але і не-традыцыйным. Не застаецца не заўважанай спроба А. Дэбіша аб'яднаць трыялеты ў нізкі (нізка «Трыялеты кахання»); ужываецца класічная разбіўка верша на дзве штрафы, хаця ўсё часцей назіраецца стварэнне аднастрофных трыялетаў. Сэнсавое абагульненне і ўдакладненне ідэі ў «замкавых радках» стала адметнай асаблівасцю стылю А. Дэбіша пры напісанні паэтычных твораў гэтай вершаванай формы [1, 10].

Параўнальны аналіз перакладаў М. Багдановіча, Н. Мацяш з нямецкімі першакрыніцамі сведчыць, што творы Г. Гейнэ, Э. Эрб, Х. Лавант, Р. Бальцара атрымалі сваё паўнацэннае жыццё на беларускай мове. Праз развіццё матываў, ідэй, вобразаў з творчасці нямецкіх мастакоў слова беларускія паэты заглыбіліся ў асэнсаванне хвалюючых агульначалавечых праблем. Перакладаючы на родную мову творы Г. Гейнэ, Х. Лавант, Э. Эрб, Р. Бальцара, М. Багдановіч і Н. Мацяш пераконваюць скептыкаў у тым, што беларуская мова прыдатная для перадачы самых глыбокіх пачуццяў і перажыванняў чалавека, узбагачаюць моўны запас (назіраюцца факты стварэння новатвораў – «нудзгыге», «ганьбіць», «патрафляць», «субрат», «пышласць» і г.д.), спрыяюць выхаванню культуры чытача, пачуцця нацыянальнай самапавагі. Перакладчыцкая дзейнасць дазваляе нашым сучаснікам,

як у свой час і М. Багдановічу, пазбегнуць рэгіянальнай замкнёнасці беларускай літаратуры, дае імпульс да паўнейшага раскрыцця індывідуальнага пачатку ў творчасці, паглыбляе філасафічнасць як агульную форму светаўспрымання і светапазнання. Адметнасць перакладаў М. Багдановіча, Н. Мацяш тлумачыцца ўдумлівасцю перакладчыкаў, іх здольнасцю да паглыбленага аналізу трагічнага і складанага ў чалавечым быцці, да пашырэння роздумных інтанацый у творчасці, да ўмелага захавання стылістычных сродкаў, характэрных творчай манеры Г. Гейнэ (антытэзы), Х. Лавант (параўнанні, анафары, метафары) [1, 7, 8, 11].

Як бачна, берасцейская зямля стала жыватворнаю глебаю для засваення і творчага развіцця традыцый М. Багдановіча па некалькіх прычынах. Па-першае, творчасць беларускага класіка М. Багдановіча была папулярнай у Заходняй Беларусі яшчэ ў 20-30-ыя гады. Яна шырока даследавалася заходнебеларускай крытыкай, у той час, як у Савецкай Беларусі былі спробы аднесці яе да разраду несугучных часу, а ў 30-ыя гады творчасць М. Багдановіча была аб'яўлена дэкадэнцкай, а таму і зусім непатрэбнай (А. Кучар, Л. Бэндэ, М. Байкоў). І. Дварчанін, А. Навіна, М. Гарэцкі, С. Грынкевіч беражліва ставіліся да асобы і спадчыны М. Багдановіча, іх высновы па вывучэнні творчасці беларускага класіка сугучны ацэнкам сучаснага багдановічазнаўства.

Заходнебеларуская літаратура (К. Сваяк, Н. Арсеннева, В. Ластоўскі) развіталася ў накірунку трансфармацыі нацыянальных ідэалаў у агульначалавечыя каштоўнасці, арыентавалася на раскрыццё эстэтычнай сутнасці, на засваенне вопыту сусветных літаратур. Гэта было, бясспрэчна каштоўным на фоне вульгарызацыі прынцыпаў сапраўднага мастацтва ў Савецкай Беларусі.

Па-другое, савецкая ўлада ўсталявалася на заходніх землях амаль на дваццаць гадоў пазней, чым на ўсходніх. Па гэтай прычыне ў заходнім рэгіёне пазней пачалася калектывізацыя, абезземельванне селяніна, а значыць і слабей была падкошана аснова годнасці асобы. Больш выразна выяўляецца ў характары заходнікаў адданасць працы, зямлі, сваяцтву. Заходнікі, як сцвярджаў У. Калеснік, «маюць гаспадарчую псіхалогію». І ў гэтым мы схільны бачыць вытокі філасофска-інтэлектуальнай плыні ў сучаснай берасцейскай паэзіі.

Па-трэцяе, нельга не ўлічваць, што Берасцейшчына – гэта састаўная частка Берасцейска-Пінскага Палесся, адметнага рэгіёна ў славянскім свеце. Характар беларуса гэтага рэгіёна фарміраваўся пад уплывам прыроды Палесся, светаадчування палешукоў. З дзяцінства паэты ўбіралі ў сваю свядомасць народны погляд на свет прыроды, у якім шмат чаго было ад паганства, калі чалавек успрымаў сябе маленькай часцінкай прыроды: «Язычнік я. Другой не маю веры» (М. Пракаповіч).

Па-чацвёртае, менталітэт заходнікаў вызначаецца сітуацыяй памежжа, пагранічча, пераходнасці, а стан яго душы можна ахарактарызаваць, як «стан чуйнай няўстойлівасці» (паводле М. Мішчанчука).

Акцэнт у даследаванні акцэнт робіцца на творчасці паэтаў, якія сёння жывуць і працуюць на Берасцейшчыне. Такі падыход выкліканы не толькі патрыятычнымі пачуццямі, жаданнем пазнаёміць з берасцейскай літаратурай шырокае кола

чытачоў. Пры вывучэнні самабытнасці, шматаблічнасці беларускай літаратуры важна ўлічваць рэгіянальны, мясцовы характар літаратур асобных рэгіёнаў. Ініцыятарам такога падыходу выступаў М. Грынчык. Мы падзяляем меркаванні і даследчыка І. Навуменкі, што духоўная аснова беларускай паэзіі грунтуецца на трывалай знітаванасці паэтаў з бацькоўскім кутком.

Такім чынам, арыентацыя мастакоў слова на пераемнасць лепшых традыцый папярэднікаў – адзін з надзейных сродкаў агульнага пад'ёму культуры, літаратуры.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Борсук, Н. Наталіцца святым і адвечным: Традыцыі М. Багдановіча ў сучаснай берасцейскай паэзіі / Н. Борсук. – Брэст : Выд-ва С. Лаўрова, 2002. – 264 с.
2. Борсук, Н. «Падымі ўгару сваё вока...» (традыцыі М.Багдановіча ў сучаснай паэзіі) // Проблемы Славістики. Науковий часопис. Луцьк. 2001. – № 4. – С. 43–47.
3. Борсук, Н. Виявлення мотиву іздання земной і небесной краси у поезіі сучасників // Філологічні студії. Луцьк. – 2002. – № 1. – С. 151–155.
4. Борсук, Н. У пошуках гармоніі... // І спее слова дабрынёй. Творчы партрэт Зінаіды Дудзюк, – Брэст : Выдавецтва С. Лаўрова, 2001. – С. 60–77.
5. Борсук, Н. Розгадка таемниць буття: усвідомлення духовних набутків попередників у творчості берестейських поетів // Проблемы славистики. – 2003. – № 3. – С. 3–10.
6. Борсук, Н. Канцэпт Маці-Мадонны ў паэтычным свеце М. Багдановіча і нашых сучаснікаў // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. Пушкіна / Сер. гуман. навук. – 2005. – № 1. – С. 4–11.
7. Борсук, Н. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу / Н. Борсук. – Брэст : Выд-ва Брэсцкага ун-та, 2000. – 85 с.
8. Борсук, Н. М. Паэзія В. Шымборскай ва ўзнаўленні Н. Мацяш // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя філалагічных навук. – 2009. – № 2 (12). – С. 79–83.
9. Борсук, Н. М. Асоба Н. Мацяш: вытокі духоўнага сталення беларускай паэтыкі / Н. М. Борсук // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 117–123.
10. Борсук, Н. Жанравая форма трыялета (у творчасці М. Багдановіча і паэтаў Берасцейшчыны) / Н. М. Борсук // Вестник Полесского государственного университета : научно-практический журнал / учредитель УО «Полесский государственный университет». – 2009. – № 2. – С. 70–76.
11. Борсук, Н. «З пяшчотным даверам да чытача» : нарысы па літаратуры Берасцейшчыны / Н. Борсук. – Брэст : БрДТУ, 2015. – 192 с.
12. Борсук, Н. М. Канцэпт асобы і грамадства (паводле творчасці М. Пракаповіча) // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 6. – С. 93 – 96.

З. Захарчук А. М., заведующий
отделением УО «Брестский государственный
музыкальный колледж имени Григория Ширмы»
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 377.8

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА В УЧРЕЖДЕНИИ СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ «БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОЛЛЕДЖ ИМЕНИ ГРИГОРИЯ ШИРМЫ»**

Аннотация. В статье рассмотрена проблема качественной подготовки специалиста в области музыкального образования. Уточнена дефиниция профессиональной культуры педагога-музыканта, определены ее компоненты, описаны методические приемы формирования элементов профессиональной культуры, указана образовательная среда как необходимое условие формирования профессиональной культуры педагога-музыканта в учреждении среднего специального образования.

Ключевые слова: профессиональная культура педагога-музыканта, компоненты, этапы, методы формирования профессиональной культуры педагога-музыканта, образовательная среда.

Aliaksei Zakharchuk, Head of the Department
of the Brest State Musical College
named after Grigory Shirma
(Brest, Republic of Belarus)

**FORMATION OF A PROFESSIONAL CULTURE OF A MUSIC TEACHER
AT THE INSTITUTION OF SECONDARY SPECIAL EDUCATION
(BY THE EXAMPLE OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION "BREST
STATE MUSICAL COLLEGE NAMED AFTER GRIGORY SHIRMA"**

Abstract. The article considers the problem of high-quality training of a music education specialist. The definition of the professional culture of the teacher-musician is specified, its components are defined, the methodological methods of forming the elements of

professional culture are described, the educational environment is indicated as a necessary condition for the formation of the professional culture of the teacher-musician in college.

Keywords: professional culture of a teacher-musician, components, stages, methods of forming a professional culture of a teacher-musician, educational environment.

В сфере профессионального музыкального образования в Республике Беларусь существует последовательная система подготовки будущих педагогов-музыкантов, основанная на принципе перманентного художественного образования, включающая учреждения дополнительного образования, учреждения среднего специального образования, учреждения высшего образования. Учреждению среднего специального образования необходимо обеспечить подготовку творчески активной личности специалиста, способной к профессиональной деятельности в постоянно изменяющихся социокультурных условиях, обладающей развитым чувством ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. Будущий педагог должен обладать «высоким интеллектом, большой научной эрудицией и педагогическим мастерством, глубокой убежденностью и нравственной чистотой, быть личностью высокой культуры, влюбленным в людей, в свою науку, в процесс обучения и воспитания» [1, с.15].

В соответствии с образовательными стандартами среднего специального образования по специальностям «Музыковедение», «Хоровое исполнительство», «Инструментальное исполнительство» устанавливаются требования к результатам освоения обучающимися содержания образовательных программ, выраженные формируемыми универсальными и профессиональными компетенциями. В рамках выполнения трудовых функций в области музыкального образования будущий специалист, применяя общекультурные знания и умения, должен уметь решать общие профессиональные задачи и обладать социальноличностными качествами. На наш взгляд, эффективное осуществление профессиональной деятельности будущего педагога-музыканта зависит от сформированности профессиональной культуры как системной характеристики личности, которая указывает на наличие музыкально-эстетических ценностных ориентаций, психолого-педагогической готовности к решению профессиональных задач, личностно-профессиональных качеств.

Феномен профессиональной культуры является предметом изучения в исследованиях различных областей знания. Общие вопросы профессионализма специалиста представлены в трудах В. Я. Кочергина, В. Г. Игнатова, А. К. Марковой. Педагогический аспект профессиональной культуры личности исследуют Е. В. Бондаревская, А. С. Зубра, И. Ф. Исаев, Г. М. Коджаспирова, Н. Б. Крылова, А. С. Мищенко, В. А. Слостенин.

Профессиональная культура педагога-музыканта (как инвариант профессионализма), представляет собой сложную эмерджентную системную характеристику личности, состоящую из общей психолого-педагогической и специфической подсистем (детерминированных педагогической деятельностью специалиста в области музыкального искусства), включающую общечеловеческие и профессиональные ценностные ориентации, профессиональные компетенции, личностно-профессио-

нальные качества и обеспечивающую эффективность музыкально-образовательного процесса в условиях развивающей музыкально-образовательной среды.

Избрав в качестве основополагающих ориентиров структуру профессионально-педагогической культуры педагога, предложенную В.А. Слостениным, И.Ф. Исаявым [2], нам представляется возможным включить в профессиональную культуру педагога-музыканта аксиологический, деятельностный, личностно-творческий компоненты. В таком случае, в наиболее сжатом виде содержание профессиональной культуры педагога-музыканта представлено общей психолого-педагогической и специфической подсистемами, объединяющими аксиологический, деятельностный, личностно-творческий компоненты и их структурные элементы.

Элементами аксиологического компонента специфической подсистемы профессиональной культуры педагога-музыканта являются: музыкально-эстетические ценностные ориентации (представленные музыкально-эстетическими идеалами, оценками, взглядами, убеждениями); профессионально-значимые знания педагога-музыканта, выступающие в качестве знаний-ценностей; ценностно-смысловое поле как сущностная характеристика профессиональных интенций личности, основанных на приоритете индивидуальности обучающегося, отношении педагога к его личности как наивысшей ценности музыкально-образовательного процесса, любви к музыкальному искусству, постижению звуко-образных семиотических систем, интерпретационной выразительности, свободе выбора вектора творческой самореализации, установке на перманентный профессиональный рост.

В структуру деятельностного компонента специфической подсистемы профессиональной культуры педагога-музыканта входят профессиональные компетенции специалиста в области музыкального образования (социально-личностные, академические, профессиональные, личностные, метапредметные, предметные, профессионально-коммуникативные, информационные), необходимые для эффективного решения генеральных (проектирование траектории музыкально-образовательного развития личности; организация и осуществление музыкально-педагогического полисубъектного взаимодействия и т.д.) и локальных (семиотический анализ музыкального текста, формирование концепции художественного сочинения, звукообразных ощущений и представлений, интерпретационной выразительности и т.д.) музыкально-педагогических задач.

Личностно-творческий компонент специфической подсистемы профессиональной культуры педагога-музыканта включает: личностно-профессиональные качества (музыкальная направленность, личностный опыт музыкально-педагогической деятельности, потребностно-мотивационная и эмоционально-волевая саморегуляция, педагогическая интуиция, звукообразная антиципация и рефлексия, индивидуальный исполнительский стиль, творческий потенциал личности); музыкальные способности (музыкальность, интонационная выразительность; музыкально-слуховые представления, музыкальное воображение, художественно-образное мышление; музыкально-ритмическое чувство, музыкальная память, психомоторные способности, артистизм, звукотворческая воля); позитивную Я-концепцию (представ-

ления о самом себе; эмоциональное отношение к этому представлению; соответствующая реакция).

Процесс формирования профессиональной культуры будущего педагога-музыканта проходит ряд этапов. Предпрофессиональный и профессионально-адаптированный этапы предвосхищают профессионально-ориентированный и профессионально-актуализированный этапы, связанные с получением профессионального музыкального образования в учреждениях среднего специального и высшего образования.

Предпрофессиональный этап является предвосхищающим периодом в сложном, многофакторном, длительном и вероятностном процессе становления будущего специалиста в области музыкального образования, имеет особое значение для эффективного осуществления последующих периодов профессионализации. Поскольку выбор профессии педагога-музыканта предполагает наличие музыкальных способностей (которые на этом этапе еще представлены развивающимися в последующей музыкальной деятельности врожденными задатками), интереса к музыкальному искусству, личностных качеств, то на первую встречу будущего специалиста с музыкой ложится огромная ответственность.

Профессионально-адаптированный этап характеризуется социализацией индивида, становлением индивидуальных качеств, необходимых для овладения профессиональными навыками, техникой владения музыкальным инструментом, первичным усвоением музыкально-эстетических ценностей, «включением в учебно-музыкальную деятельность, обеспечивающую развитие качеств будущего профессионала: музыкальность, способность к эмоциональному переживанию и проживанию музыки, музыкальный слух, чувство ритма, музыкальная память (все виды), артистичность, общительность и т.д. [3, с.287]».

Профессионально-ориентированный этап связан с познанием основных психолого-педагогических закономерностей музыкально-образовательного процесса, в ходе которого формируются, осознаются и признаются ценностью профессионально-значимые качества как условие успешной самостоятельной музыкально-педагогической деятельности. Данный этап характеризуется: вторичным усвоением музыкально-эстетических ценностей; формированием профессиональных компетенций; общих (целеустремленность, творческая активность, ответственность, рефлексия профессиональной деятельности, психологическая саморегуляция) и специфических (художественно-образное мышление, ощущение формы, высокий технический уровень исполнительства) профессионально-значимых качеств. Отличительной особенностью периода является становление субъектности будущего педагога, способности планировать, управлять своими действиями, осуществлять контроль и рефлекссию.

Профессионально-актуализированный этап является результатом прохождения первых трех стадий, целенаправленного и непрерывного движения к самоопределению в музыкально-педагогической профессии. В процессе музыкально-педагогического развития формируются: гуманистическое мировоззрение, признающее лич-

ность учащегося как ценность и определяющее целенаправленную деятельность педагога на полную реализацию музыкально-творческих способностей обучающихся; общепедагогические и музыкально-эстетические ценности, приобретая субъективную личностную позицию, трансформируются в ценностные ориентации, которые не только определяют профессиональное сознание, но и управляют им, предоставляя возможность прогнозировать направление активности личности в различных педагогических ситуациях; педагогическая этика как совокупность моральных и нравственных принципов, способствующих эффективному творческому взаимодействию субъектов музыкально-образовательного процесса; метадисциплинарные знания в области психологии, педагогической науки и музыкального искусства, умение эффективного и целесообразного использования современных общепедагогических и специфических музыкальных технологий, а также инструментально (вокально)-исполнительские навыки; личностно-профессиональные качества (музыкально-педагогическая и исследовательская направленность, позитивная Я-концепция, любовь к детям, методологическая и инновационная культура, личностная профессиональная позиция, творческое построение педагогической деятельности, высокий уровень психологической саморегуляции).

Для формирования профессиональной культуры педагога-музыканта и подготовки его к выполнению трудовых функций на качественно новом уровне, в музыкально-педагогическом процессе важно использовать интегративный подход, отражающий взаимодополнение музыкально-образовательных алгоритмов как целесообразных, личностно-ориентированных, последовательных, постепенно усложняющихся инструментально-исполнительских действий, способствующих гармоничному художественному и техническому развитию будущего специалиста. Принцип систематичности и последовательности широко раскрыт Ю. К. Бабанским, который отмечает его сущностную характеристику, заключающуюся в логически выстроенных межэлементных связях образовательной информации, что требует, с одной стороны, координации педагогических действий коллектива образовательного учреждения, а с другой – стройности и преемственности учебных планов на всех ступенях профессионального образования[4].

Следует отметить многообразие технологий, методик и методов, используемых для реализации сложнейших задач становления и развития будущего специалиста в области музыкального искусства. Многофункциональность любого метода, не говоря уже о методических системах и технологизации образовательного процесса, указывает на то, что приверженность какому-то одному методу, методике или технологии обедняет музыкально-педагогическую деятельность и не позволяет актуализироваться в сознании обучающихся музыкальному знанию, а также практическому его применению в собственной музыкально-исполнительской деятельности.

В работе с учащимися колледжа мы опираемся на классификацию способов педагогического взаимодействия Е. С. Поляковой, которая, технологизируя музыкально-педагогический процесс, выделяет следующие группы методов, обеспечивающих успешность и эффективность профессиональной подготовки специалиста:

проблемно-ситуационные; творческие; коррекции и регуляции эмоциональных состояний; суггестивные [3].

Наряду с общепедагогическими методами активизации творческих способностей («мозгового штурма», дефиниций, аналогии, метафор, творческих заданий, экспертных оценок, рефлексии, проектов), широко освещенными в научно-педагогической и методической литературе, особое значение имеют специфические методы (эмоциональных эстетических ситуаций, художественно-образных представлений, научно-исследовательских и художественно-эстетических проектов, психофизиологической саморегуляции творческой деятельности), способствующие формированию ценностно-смысловых ориентаций, интенсификации функционирования высших психических познавательных процессов, развитию когнитивных способностей, интеллекта и креативности.

С помощью методов герменевтического анализа музыкального текста, бесспорно воздействующих на ценностные ориентации, когнитивные процессы, личностный опыт, возможно формирование интерпретационной выразительности, являющейся результатом реализации исполнительских задач, связанных с интерпретацией музыкально-знаковых субстанций.

В работе над музыкальным произведением, осуществляемый всеми участниками педагогического процесса семантический поиск направлен на анализ исторического контекста, стилистических особенностей композитора, художественно-образного содержания, музыкально-смысловых архетипов, средств музыкальной выразительности, исполнительской технологии и т.д.

Для развития художественно-образного мышления, интонационной выразительности, слуховых представлений будущего педагога-музыканта, ключевыми являются методы симультанного (одновременного) резонанса звуковых субстанций (соощущение) и метафоризации музыкально-эстетической информации.

Педагог-музыкант при помощи воздействия на чувственную, аффективную, иррациональную сферу личности обучающегося способен к проектированию таких ситуаций, при которых актуализируется наиболее значимое для формирования специалиста в области музыкального искусства духовно-нравственное, музыкально-эстетическое, эмоционально-чувственное развитие.

Параллельные музыкально-эстетические ощущения возникают на подсознательном (в форме синестезии) и сознательном (приобретая значение метафор) уровнях.

При этом, метафора в музыкальном образовании выполняет не только музыкально-эстетическую функцию, но и практическую, способствуя эффективному осуществлению межличностной коммуникации.

Метод интуитивных художественно-смысловых антиципаций, позволяет исполнителю, работая над идейным замыслом композитора и привнося в художественное содержание субъективный личностный смысл, реализовать цикл творческого поиска (выдвижение рациональных предположений, проверка, рефлексия), которые в

сочетании с интуитивными актами способствуют максимальной эффективности результата.

В общем виде, механизм творческой интуиции педагога-музыканта можно представить в виде стохастической модели перехода (трансформации) от исходного (базового) эмоционально-чувственного художественного образа к его качественно новому состоянию, посредством ассоциативных связей, эмоционально-образных впечатлений, находящихся на подсознательном уровне.

Метод художественно-образного абстрагирования требует от участников музыкально-педагогической деятельности акцентуализации мыслительных операций на определенных свойствах рассматриваемого объекта музыкально-образовательной действительности, при этом игнорируются другие, менее актуальные в момент исследования. Мысленными объектами могут выступать ценности, художественные представления, исполнительские движения, эмоциональное поведение.

В связи с тем, что музыкальное сочинение в музыкально-педагогическом процессе, кроме функционирования в качестве средства и цели обучения, выступает еще в роли квазисубъекта, качественный индивидуализированный подбор репертуара является одной из самых важных задач педагога: условием творческого взаимодействия субъектов музыкальной деятельности, следовательно, и эффективности образовательного процесса, залогом дальнейшей успешной концертно-исполнительской деятельности, способствующей формированию профессиональной культуры будущего специалиста.

Самостоятельные занятия будущего педагога-музыканта, направленные на интериоризацию музыкального сочинения (работа над стилистическими особенностями, художественно-образным содержанием, стройностью и логикой формы, качеством звукоизвлечения, метро-ритмом, техническим совершенствованием) являются базовыми, они занимают, приблизительно, одну треть, а при подготовке к ответственным концертам, музыкальным соревнованиям – от половины до практически всего времени, отведенного на образовательный процесс. Поэтому, особое внимание следует обратить на эффективность образовательной деятельности, в которой будущему специалисту предоставлена возможность принятия самостоятельных решений на пути к достижению заранее намеченной цели.

Формирование профессиональной культуры будущего педагога-музыканта осуществляется в условиях специально организованной музыкально-образовательной среды, предполагающей: освоение национальной музыкальной культуры в контексте мирового художественного наследия; интенсификацию концертно-исполнительской деятельности, способствующую актуализации мотивационно-потребностной сферы личности и самореализации в профессии; высокую духовно-нравственную атмосферу учебного заведения, основанную на приоритете моральных и художественно-эстетических ценностей, национальных традиций и инновационной де-

тельности; творческое, психологически благоприятное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса; эффективный практикоориентированный содержательный компонент музыкально-образовательного процесса; эстетическое состояние архитектуры учебного заведения и материально-технической базы.

Таким образом, формирование профессиональной культуры педагога-музыканта как системной характеристики личности, состоящей из аксиологического, деятельностного и личностно-творческого компонентов, на предпрофессиональном, профессионально-адаптированном, профессионально-ориентированном и профессионально-актуализированном этапах предполагает применение взаимодополняющих музыкально-образовательных алгоритмов как целесообразных, личностно-ориентированных, последовательных, постепенно усложняющихся инструментально-исполнительских действий. Использование педагогического инструментария, обогащенного методами герменевтического анализа музыкального текста, симультанного резонанса звуковых субстанций и метафоризации музыкально-эстетической информации, интуитивных художественно-смысловых антиципаций в условиях развивающей музыкально-образовательной среды обеспечивают эффективность музыкально-образовательного процесса.

Список использованной литературы:

1. Зубра, А.С. Культура личности как духовная ценность: Пособие для педагогов, воспитателей, студентов / А.С. Зубра. - Минск: Университетское, 2001 - 184 с.
2. Слостенин, В.А. Педагогика / В.А.Слостенин, И.Ф.Исаев, А.И.Мищенко. - М.: 1998.
3. Полякова, Е.С. Педагогические закономерности становления и развития личностно-профессиональных качеств учителя музыки: монография / Е.С. Полякова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2009. – 542 с.
4. Бабанский, Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесс / Ю.К.Бабанский. - М.: Просвещение, 1986. - 182 с.

4. Игнатьюк Т. Н.,
старший преподаватель
кафедры БиРЯ УО “БрГТУ”
(Брест, Республика Беларусь)

УДК 8+811.161.1

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ И ИХ ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РОССИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК И.И.ИЛЛЮСТРОВА)

Аннотация: в данной статье рассматриваются тематические группы паремий, представленные в "Сборнике российских пословиц и поговорок" И.И. Иллюстрова. Особое внимание уделяется «образу человека», который является базовым элементом картины мира, зафиксированной в пословицах сборника. Проводится исследование особенностей лексического состава паремий сборника; выделяются тематические группы личных номинаций. Утверждается, что личные номинации в русских пословицах и поговорках имеют значимость культурологического характера, обусловленную мировоззренческими установками, свойственными русскому народу.

Ключевые слова: паремия, паремический фонд, личные номинации, устаревшая лексика, лингвокультурология.

Ignatyuk T.N., Senior lecturer
departments of BIRYA UO “BrGTU”
(Brest, Republic of Belarus)

THEMATIC GROUPS OF PERSONAL NOMINATIONS AND THEIR EVALUATION POTENTIAL (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTION OF RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS BY I.I.ILLUSTROV)

Abstract: this article discusses the thematic groups of proverbs presented in the "Collection of Russian Proverbs and sayings" by I.I. Illustrov. Special attention is paid to the "image of man", which is the basic element of the picture of the world, recorded in the

proverbs of the collection. The study of the peculiarities of the lexical composition of the collection's proverbs is carried out; thematic groups of personal nominations are distinguished. Russian Russian proverbs and sayings claim that personal nominations have a culturological significance due to the ideological attitudes peculiar to the Russian people.

Keywords: proverbs, proverbs fund, personal nominations, outdated vocabulary, linguoculturology.

На тесную взаимосвязь между языком и национальной культурой еще в начале прошлого века указал В. Гумбольдт, назвав язык универсальным хранилищем общественного знания, благодаря которому «...все сказанное народами в прошлом воздействует на индивида» [2, с. 372]. Язык содержит в себе информацию о системе ценностных ориентаций его носителей, об образе жизни и мышлении языковой личности в частности, и языкового социума в целом, то есть о менталитете народа – феномене, раскрывающем представление человека о мире и складывающемся из природных данных и социально обусловленных компонентов – общественных настроений, культуры, системы ценностных ориентаций, коллективных эмоциональных шаблонов и др. [5, с. 149].

Не существует языка, который не был бы погружён в контекст культуры, которая не имела бы в центре себя структуры языка. «Язык как условие духа и культура как результат деятельности духа органически связаны друг с другом»; «язык одновременно и продукт, и важная составная часть и условие культуры» [8, с. 99].

Лингвокультурология изучает язык как воплощение материальной и духовной культуры. К объектам лингвокультурологии относят различные единицы: символы, метафоры и образы языка, фразеологизмы и др. [6, с. 37–47]. Особое место среди лингвокультурологических единиц в наше время отводится паремиям. Это ценный объект для лингвокультурологического изучения, во-первых, потому, что паремии являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира, а во-вторых – потому что паремия способна к реализации функций и языка, и культуры.

Собирание и классификация паремий в России насчитывает несколько столетий и восходит к именам П.К. Симони, В.И. Даля, И.М. Снегирева, И.И. Иллюстрова, И.И. Носовича и др. Однако и в наше время внимание к паремическому фонду национальных языков не ослабевает.

В кругу паремий (а это пословицы, поговорки, загадки, приметы) наибольший исследовательский интерес вызывает изучение пословиц и поговорок. Именно они, составляя важнейший элемент духовной культуры, заключают в себе смысловое богатство, демонстрируют семантическую емкость языка и в краткой лаконичной форме фиксируют миропонимание говорящего на этом языке народа.

Паремии вызывают интерес с точки зрения отражения в них народной психологии и философии, того, что В. Гумбольдт назвал в свое время народным духом, «духовной самобытностью» [2, с. 49]. Ввиду того, что в культурно-языковом пространстве именно человек представляется как носитель и языка, и культуры, значимым становится изучение в текстах паремий прагматики личных обозначений.

В необозримом паремическом фонде русского языка материалом исследования для данной работы стали пословицы и поговорки, зафиксированные в «Сборнике российских пословиц и поговорок» И. Иллустрова – издании 1904 года, в наши дни ставшее библиографической редкостью [4]. Его источниками явились рукописные сборники, записи и печатные издания, самые ранние из которых датированы началом XVIII века, а последние – 1900 годом.

Пословицы и поговорки активно обращены на адресата речи. Это ценностные суждения, основное назначение которых, по мнению Н.Д. Арутюновой, заключается в том, чтобы выразить «рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения» [1, с. 6].

Под паремиями понимаются «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи замкнутые фразы, которые являются маркерами ситуаций или отношений между реалиями действительности» [7, с. 67]. Названный термин выступает родовым обозначением обширного класса народных афоризмов – пословиц, поговорок, загадок и примет. Основным видом паремий, однако, признаются пословицы и поговорки. Они составляют основную массу (три четверти) всего паремиологического фонда и считаются наиболее яркими носителями ценностно-смысловой семантики русского языка. В нашей работе рассматриваются именно эти два вида паремических единиц.

Пословицей в языкознании называют меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющее форму законченного предложения. Пословица выражает законченное суждение [3, с. 10]. Это изречение устойчивое в речевом обиходе и, как правило, ритмически организованное. Так, пословицы *До царя далеко, до бога высоко* (И, 72); *Муж – не сапог, не скидается с ног* (И, 162) имеют и буквальный смысл, и иносказательный.

В нашем исследовании пословица рассматривается как текст. Текст, как правило, речевое произведение, созданное и зафиксированное автором с целью одинакового последующего воздействия на множество коммуникантов. Пословица, особенно записанная, должна тоже однозначно квалифицироваться как текст, потому что ее жизнь измеряется не одним веком.

Поговорка – это также краткое образное изречение, однако отличающееся от пословицы незавершенностью умозаключения: *Царь без слуг как без рук* (И, 77); *Законы – святы, да судьи – лихие супостаты* (И, 83); Поэтому поговорка текстом не является.

Различия между пословичными и поговорочными текстами в нашей работе в большинстве случаев не имеют принципиального значения, поскольку целью нашей работы является изучение прагматического потенциала личных номинаций в паремических текстах. Тем более что грани, отделяющие пословицы от поговорок, условны.

Паремический текст имеет ряд особых характеристик, а именно:

1) ему присуща лаконичность, он равен предложению (*Каков поп, таков и приход* (И, 92);

2) паремии характеризуются относительной независимостью от текста, в котором они функционируют: *Села невестка прясть – берегите, деверья, глаз* (И, 200);

3) это, как правило, тексты в которых выражено нравоучение, поучение, предостережение: *Не всякий в старцы стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса* (И, 94); *Хочешь врага нажить – дай ему займы* (И, 221);

Особый прагматический вес в лексическом составе паремии имеют обозначения человека, личные номинации, *nomina agentis*. Личные номинации, с одной стороны, представляют знания о человеке, а с другой – выражают отношение к лицу всего социума. «Образ человека» выступает важнейшим фрагментом языковой картины мира, а пословицы и поговорки являются отражением картины мира, в центре которой находится человек.

Пословица оценивает ситуации и людей и при этом учит, как надо поступать и как нельзя, дает образцы для подражания и отрицательные примеры.

Паремии в собрании И.И. Иллюстрова содержат более 400 слов, называющих человека. *Nomina agentis* в составе паремий имеют разное структурно-грамматическое выражение, разное лексическое значение и разные оценочные смыслы.

Лексикон паремий специфичен по составу, так как в нем представлена древняя языковая картина мира, во многих фрагментах устаревшая. Особенно это относится к изданию И. Иллюстрова, паремические тексты которого, к тому же, отдалены от времени появления сборника, возможно, не одним веком.

Историзмы в пословицах и поговорках сборника Иллюстрова – это лексемы (*бурлак, городской, становой, писарь, дворянин, дядька, рекрут, лапотник, бархатник* и мн. др.). В частности, к ним относятся следующие лексемы: *архиерей* ‘высший чин православного духовенства’ (Ож., 30); *барин* ‘лицо привилегированного класса, владелец земель и поместий в царской России; дворянин, помещик’ (Рог., 45); *батрак* ‘наёмный сельскохозяйственный рабочий в помещичьем хозяйстве (МАС, I, 65), *барышник* – перекупщик; торговец лошадьми (Ож., 37); *боярин* ‘высшее звание в Московской Руси, которое имели крупные землевладельцы, феодалы; лицо, имевшее это звание’ (Рог., 69); *бурлак* – работник артели, который вместе с другими тянул бечевою суда против течения (Рог., 76); *воевода* ‘начальник войска в Древней Руси, а также управляющий городом или округом (с XVI до XVIII в.) (МАС, III, 413); *ярыжка* и др.

Приведем примеры историзмов в составе паремий: *Надсадно бурлаку, надсадно и лямке* (И, 266); *Царь добр, да слуги злы* (И, 71); *Сам барин, сам холоп, сам и пашет и орет, сам и песенки поет, и с крестьян оброк берет* (И, 90) – об однодворцах; *Поля хранятся огородю, а люди – добрым воеводю* (И, 81);

Архаизмы в числе номинаций лица в сборнике И. Иллюстрова тоже представлены. Это слова *жнея, пахотник, подружье* ‘супруг, супруга’, *послух* ‘свидетель, который что-то слышал’, *сродник* ‘родственник’, *старец* ‘монах’, *чернец* ‘монах’,

ярыжка и нек. др.). Приведем иллюстрации: *С подружьем и горе пополам разгоруешь* (И, 150); *Не будет пахотника, не станет и бархатника* (И, 241); *Ладан на чертей, а тюрьма на татей* (И, 358); *Где пахарь плачет, там жнея скачет* (И, 245); *За ярыжкою брань не пропадет* (И, 87).

В составе пословиц сборника И. Иллюстрова отмечено немало собственных имен: *Данила, Макар, Кузьма, Иван, Аннушка, Савва, Филат, Андрей, Катерина, Орина, Прасковья*. Например: *Женился Данила на скорую руку, на долгое горе, терпенье, да муку* (И, 132); *Хороша дочь Аннушка, когда хвалят мать да бабушка* (И, 183); *Ваша-то Катерина да нашей Орине – двоюродная Прасковья* (И, 224) и др.

Классификация оценочных значений является классификацией сфер оценочного поведения людей. Можно вести речь об отдельных тематических группах личных номинаций, связанных с характеристикой человека по разным параметрам. Не случайно в анализируемом «Сборнике российских пословиц и поговорок» И. Иллюстрова, принята тематическая организация материала. И. Иллюстров выделяет в содержании сборника 15 тематических рубрик: о царе, чиновниках, о сословиях, о браке, семье, родне, о праве собственности и т.д.

1.1. Наиболее часто в пословицах и поговорках объектом оценки выступают семья и ее члены. Семья – древнейшая форма социальной общности людей, и пословицы и поговорки о ней занимают значительное место в духовной культуре восточных славян на протяжении всей их истории.

Объективные характеристики выражают прежде всего слова, входящие в систему наименований кровного родства: *отец, мать, сын, дочь, дочка, дети, сестра, брат, племянник, дядя, бабушка, дед, дедушка, прадед, тетка, дядя, внук*, например: *Сын отца умнее – радость, брат брата умнее – зависть* (И, 179); *Детки хороши – отцу-матери венец, худы – отцу-матери конец* (И, 180).

В целом в пословицах и поговорках сборника И. Иллюстрова тематическая группа номинаций семейного статуса человека включает около 100 лексем, при этом многие из них необычайно частотны и отмечены в паремиях не единожды. Вообще пословицы и поговорки о браке, семье и родне составляют в этом собрании третью часть материала. В названную группу входят слова *баба* ‘жена’, *бабка, бабин сын, бабушка, бабуся, батюшка, батька, бобылка, богданушка* ‘внебрачный ребенок’, *брат, вдова, вдовец, вдовица, вдовушка, внук, деверь, девица, девка, дед, дедушка, дети, детки, детушки, дитяtko, дольник* ‘приемыш’, *дочка, дочь, дядя, жена, жених, женишок, золовка, зять, зятёк, кум, кума, и др.*

Например: *Муж жене милее родной матушки; жена мужу ближе отца-батюшки* (И, 151); *Была б моя бабуся, – никого не боюсь; бабушка – щиток, кулак – молоток* (И, 191); *Золовку бьют, а невестке наветки дают* (И, 200); *Богданушке все батюшки* (И, 189).

1.2. Другую группу образуют личные номинации, отражающие общественное положение человека, его сословный, социальный, экономический статус, приобретаемый благодаря собственным усилиям, желанию, удаче. Названную тематическую группу в паремиях сборника И. Иллюстрова составляют более 40 *nomina*

agentis: архiereй, архимандрит, барин, бархатник, батрак, богатый, бедный, бедняк, боярин, владыка, воевода, голодный, голенький, голый, голыш, госпоженька, государь, дворянин, калика, князь, лапотник, мирянин, мужик, мужичок, начальник, нищий, царь, чернец. Приведем некоторые контексты паремий: **Царь** добр, да **слуги** злы (И, 71); Сошлись два **голыша**, да любовь хороша (И, 129); Сам **барин**, сам **холоп**, сам и пашет и орет, сам и песенки поет, и с **крестьян** оброк берет (И, 90) – об однодворцах; Голодный и **архiereй** украдет (И, 321); Сношенька – у свекра **госпоженька** (И, 199) и др.

1.3. Близка к названной третья группа – обозначения по должностному статусу или роду занятий. В материалах сборника И. Иллюстрова ее образуют лексемы *аптекарь, барышник, бортник, будочник, бурлак, врач, городской, доктор, дяк, дядька, жнея, игумен, кутейник, лекарка, лекарь, ловец, майор, нянька, нянюшка, пахарь, писарь, плотник, подрядчик, подьячий, полковник, поп, попадья, приказный, прислуга*. Например: У доброго **дядьки** добры и дитятки (И, 170); Жена мужу – подруга, а не **прислуга** (И, 150); Деткам не порча игрушка, а порча – плохая **прислужка** (И, 180).

1.4. Следующая группа оценочных обозначений – личные номинации, характеризующие поведение человека. В их семантике закрепились представления о неприемлемых обществом поведенческих характеристиках лица. К названной группе относятся номинации *баловень, крючоктворец, лежень ‘лежебока’, насмешник, непряха, обидчик, плут, пострел, потачка, похаенка, смутьянка, смутница, тягун, хапун, шалун, шатун, шельма, вор, доводчик, доказчик, доносчик, пьяница, пьяный, разбойник, тать, плут ‘мошенник’*. Они квалифицируют лицо с точки зрения несоответствия его поведения социальным нормам: Ладан на чертей, а тюрьма на **та-тей** (И, 358).

1.5. Следующая группа – это оценочные *potina agentis*, в семантике которых нашла выражение эстетическая характеристика лица: *горбатый, глухой, дурной ‘некрасивый’, красивый, лысый, пенек ‘старик’, плешивый, слепой, старуха, старый, урод, чулинда ‘чучело’, щеголек, ягода, ягодка*. Например: **Красивый** – на грех, а **дурной** – на смех (И, 119).

1.6. Наиболее явный и значимый прагматический смысл несут эмоционально-оценочные номинации лица: *ворона, выродок, горбок, гроза, друг, недруг, дружок, дура, дурень, дурак, затулье, змея, золото, каналья, коза, курочка, молодец, овца, пес, подруга, притульишко, простачок, святой, сатана, собака, собачка, сокол, соколена, строитель*. Приведем контексты: Жена мужу **подруга**, а не **прислуга** (И, 150); Каждый **мерзавец** найдет свою **мерзавку** (И, 129).

1.7. Отдельную подгруппу образуют изредка отмеченные в текстах паремий наименования лица по национальной принадлежности: *армянин, грек, жид, немец, татарин, русский, русский человек, цыган*. Например: Одни **цыгане** часто меняются, а **благородные** – редко или никогда (И, 216).

1.8. Наконец, в особую подгруппу можно выделить *potina agentis*, являющиеся обозначениями временного состояния лица, связанного с определенной ситуацией: *битый, гость, вотчинница, зазноба, зовутка, конный, купец, наследница, небитый,*

ответчик, пеший, писачка, покупатель, послух, свидетель, хранитель, утопающий. Это номинации социальной роли, в которой может оказаться любой человек, соответствующие понятиям, актуальным для нашего времени, но называющие их в соответствии с воззрениями предшествующих периодов истории, иногда весьма отдаленных. Например, лексема *послух* – свидетель со стороны доносчика (Даль, III, 336) – известна была еще в Киевской Руси во времена Ярослава Мудрого, отмечена в языке «Русской Правды», в новгородских грамотах конца XI века. Приведем несколько иллюстраций: *Сестра при братьях не вотчинница, мать при сыне не наследница* (И, 210)

Исследование тематических групп лексики, выявленной в текстах паремий, позволяет сделать следующие выводы.

Центром картины мира, зафиксированной в пословицах сборника, выступает человек. «Образ человека» является важнейшим, базовым её элементом. Отталкиваясь от него, можно представить эту картину и организовать лексический состав словичных текстов в соответствии ней. Через "образ человека" воспринимается социальный уклад, отношение человека к окружающей среде, к людям, к деятельности, к самому себе, к нормам поведения.

В пословицах находит отражение многослойная языковая картина мира россиянина, во многих фрагментах не современная составителю, а более древняя, отдаленная от времени появления сборника, возможно, не одним веком.

Истоки пословиц и поговорок – в труде и повседневной жизни русского народа. Их прямой смысл, как правило, свидетельствует об архаичности этого труда и крестьянского быта. Оно и понятно, так как для того, чтобы выражение стало достоянием фольклора, необходимо продолжительное время. Этим и обусловлена ценность и долгая жизнь пословиц.

Таким образом, личные номинации в русских пословицах и поговорках имеют значимость культурологического характера, обусловленную мировоззренческими установками, культурными традициями, социальными нормами и ценностными приоритетами, свойственными русскому народу на конкретном историческом этапе.

Список использованных источников:

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М. : Прогресс. 1985.– 448 с.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз, 2000.– 536 с.
4. Иллюстров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. – Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904. – 482 с.
5. Курчанова, Н.А. Лексические маркеры сентенции (на материале пословиц современного немецкого языка как текстов сентенциального типа) / Н.А. Курчанова. // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Сборник научных статей. Ч. I. – Смоленск: СГПУ, 2001. С.148–155.
6. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

7. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 2002. – 240 с.

8. Хроленко, А.Т. Этнос – язык – культура : учебное пособие / А.Т. Хроленко. – Курск : Изд-во КГПУ, 1996. – 114 с.

5. Малыгина Л. Ю., канд. ист. наук,
доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук,
УО «Брестский государственный
технический университет»
(Брест, Республика Беларусь)

УДК 272+94 (476:477) “16”

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА МАКАРИЯ КАНЕВСКОГО (КАМЕНЕЦКОГО) КАК ФЕНОМЕН АГИОГРАФИЧЕСКИХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. В данной работе исследуются традиционные в агиографической и краеведческой литературе нарративы о личности святого преподобного Макария Каневского. С применением историко-генетического метода воссоздаются историко-культурные обстоятельства совершения духовного подвига. Утверждается, что поклонение святому представляет собой особый феномен в культуре белорусско-украинского пограничья, является примером местного освоения идеала евангельского поведения в Православной Церкви.

Ключевые слова: преподобномученик Макарий Каневский (Пинский); Макарий Каменецкий; прмч. Макарий (Токаревский), архимандрит Каневский и Овручский, игумен Каменецкий и Пинский, Переяславский чудотворец; агиография; краеведение; Православная церковь; Белорусская Православная церковь.

Malykhina L. Yu.,
Head of the Department of Humanities,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Brest State
Technical University
(*Brest, Republic of Belarus*)

THE LIFE OF THE VENERABLE MARTYR MAKARII KANEVSKY (KAMENETSKY) AS A PHENOMENON OF HAGIOGRAPHIC AND LOCAL HISTORY STUDIES OF BORDERLAND CULTURE

Annotation. This paper explores the traditional narratives in hagiographic and local lore literature about the personality of St. Macarius of Kanevsky. With the use of the historical-genetic method, the historical and cultural circumstances of the accomplishment of a spiritual feat are recreated. It is argued that the worship of the saint is a special phenomenon in the culture of the Belarusian-Ukrainian borderlands, is an example of the local development of the ideal of evangelical behavior in the Orthodox Church.

Key words: Martyr Macarius of Kanevsky (Pinsky); Macarius Kamenetsky; prnich. Macarius (Tokarevsky), Archimandrite Kanevsky and Ovruchsky, hegumen Kamenetsky and Pinsky, Pereyaslavsky miracle worker; hagiography; local history; Orthodox Church; Belarusian Orthodox Church.

Прошло 345 лет со дня кончины святого преподобномученика Макария (Токаревского), архимандрита Каневского и Овручского, игумена Каменецкого и Пинского, Переяславского чудотворца. Этот выдающийся деятель Православной церкви в XVII в. положил жизнь свою на алтарь защиты её идеалов, широко почитается как в Беларуси, так и в Украине.

Многую была поставлена цель систематизировать известные на сегодня факты из жизни святого преподобномученика Макария Каменецкого в историческом контексте.

В основу историко-агиографического исследования об этом православном деятеле, жизнь которого была связана с Берестейщиной, положены сведения из житий. Самые ранние из доступных изучению – это репринтное издание 1862 г. «Словаря исторического о святых» [1], ссылки на опубликованные в Санкт-Петербурге в XIX в. «Описание жития св. Иерм. Макария» и «Макарий, архимандрит. Описание жития святого» [2]. Самая поздняя версия жития составлена краеведом Г.С. Мусевичем по благословению настоятеля Свято-Симеоновского храма г. Каменца о. Геннадия в 1999 г. [3].

Историко-краеведческий характер носит наша публикация «Преподобномученик Макарий Каменецкий в истории Православной церкви» (Минск, 2019) [4]. Одним из лучших современных источников, посвященных жизнеописанию святых на белорусской земле по-прежнему считается работа Алексея Мельникова «Путь непечален. Исторические свидетельства о святости Белой Руси» [5]. В целом,

встречающиеся материалы перекликаются между собой, некоторые биографические факты ждут уточнения.

Мы убеждены, что при рассмотрении феномена личности святого Макария (Токаревского) в истории Православной церкви восточно-славянских народов крайне необходима реконструкция исторических обстоятельств, сопровождающих его земную жизнь. Важно осознавать кризис, который наступил после обострения отношений между основными центрами православия в Киеве, Москве и Константинополе (Стамбуле); перелом в социокультурных связях населения Речи Посполитой, наступивший после заключения Берестейской церковной унии и геополитических столкновений.

Только комплексный подход подводит к пониманию степени духовной крепости, мужества и стойкости православного духовенства, выступавшего форпостом веры и убеждений своей паствы, нередко принимавшего мученическую смерть «за овцы своя».

Православная церковь в пределах Киевской митрополии, долгие столетия являвшаяся носителем духовности и просвещения, источником для развития архитектуры, литературы, изобразительного искусства на землях Великого княжества Литовского, в XVII в. переживала сложное для себя время. Искать поддержки у созданного в 1589 г. Московского патриархата не приходилось – после опустошительной Ливонской войны распространения влияния Московии боялись. Православный Собор 1596 г. в ответ на заключение Берестейской унии принял постановление «стоять твёрдо в нашей святой вере». Эти слова и стали призывом прмч. Макария.

Известно, что прмч. Макарий родился в 1605 г. на Волыни в г. Овруч в знатной семье глубоко верующих людей Токаревских. Родители сумели взрастить в сердце своего сына любовь и преданность к православию. В те времена православная вера на белорусских и украинских землях Речи Посполитой находилась под угрозой: официальной церковью была объявлена Римско-католическая, на южных границах шли столкновения с приверженцами ислама турками и татарами. Увеличивалось влияние униатской церкви. Средствами борьбы за существование православных приходов стали религиозно-просветительские объединения – братства, издания писателей-полемистов и просто церковное служение, наперекор всем трудностям и гонениям.

В 1614–1620 гг. сын Токаревских обучался при Успенском монастыре в Овруче, в нём же принял иноческий постриг и стал послушником Макарием [6]. В 20-летнем возрасте, после смерти родителей, с благословления архимандрита, в 1625 г. инок был направлен к епископу Пинскому Авраамии, который определил его в Купятицкий монастырь (сейчас это д. Купятичи Пинского района). Здесь инока Макария посвятили в сан иеродиакона (1630), а чуть позже – во иеромонаха (1632).

В Купятицком монастыре с 1636 г. служил также иеромонах Афанасий (Филиппович), прославившийся позже как преподобномученик. Оба монаха отличались образцовым поведением и молитвенным подвигом, поэтому в начале 1637 г., после смерти настоятеля Берестейского Симеоновского монастыря, его

братия обратилась к Купятицкому игумену направить им для настоятельства Афанасия (Филлиповича) либо Макария (Токаревского). После жеребьёвки в 1640 г. игуменом в Бресте стал Афанасий.

Иеромонах Макарий также не задержался в Купятицах. В мае 1637 г. настоятель монастыря послал его в Киев для передачи пожертвований на обновление Софийского собора. Увидев в монахе преданного сына Церкви Божией, митрополит Киевский Пётр Могила поручил ему заняться постройкой монастыря при Воскресенской церкви, находившейся за мостами западных ворот г. Каменца.

(В одной агиографической трактовке этого периода сказано, что Пётр Могила «... в 1638 г. назначил его [Макария Токаревского – Л.М.] настоятелем Каменецкого Воскресенского монастыря (Гродненская область)» [7], в другой – Гродненской губернии [8]. Уточним, что административно-территориальной единицей Великого Княжества Литовского, в которую входил г. Каменец и г. Пинск в конце XVI в. – перв. пол. XVII в. было Берестейское воеводство).

Приблизительно в 1640 г. Макарий Токаревский стал первым игуменом Каменецкого монастыря. Монастырь должен был находиться под покровительством и управлением Купятицкой обители, т. е. быть «приписным» при более многочисленном монастыре. (Это объясняет, почему в полном имени святого преподобномученика нередко отсутствует указание на Каменецкий монастырь). Хотя с 1640-х гг. игумен Макарий сам опекал купятицкую братию. Игумен усиленно трудился на каменецкой земле – при нём было образовано училище, где иноки и горожане обучались грамоте, Закону Божию, знакомились с книгами Священного Писания и трудами святых отцов. О том, что в Каменце существовала школа, которой по королевскому указу 1647 г. предоставлялось исключительное право в преподавании польского языка, свидетельствует ответ св. Макария ректору Пинской униатской коллегии: «*В монастыре нашем только по-русски обучаются, а по-польски и латински не имеем никакой школы; являются к нам из города мальцы уже знающими польский язык*» [5, с. 219].

За 19-лет, с 1637-го по 1656 г., деятельности игумена Макария «Каменецкий монастырь {...} превратился в один из оплотов Православия».

Между тем религиозная ситуация в 1650–1660-х гг. на белорусско-украинском Полесье усугубилась в результате восстания Богдана Хмельницкого и войны Речи Посполитой с Русским Царством (1654–1667 гг.). В некоторых источниках упоминается, что Воскресенский монастырь в г. Каменце несколько раз подвергался нападкам радикально настроенных униатов [9]. В 1659 г. стрельцы воеводы Ивана Хованского разграбили и сожгли весь Каменец и Воскресенский монастырь [3, с. 3]. Показательно, что православное духовенство Киевской митрополии подчинялось непосредственно Константинопольскому патриархату, и во время принятия решений Переяславской Рады в 1654 г., категорически отказалось присягать московскому царю, чем обратило на себя недовольство левобережного казачества.

В разгар войны, по одному из источников в 1656 г., игумен Макарий на три года возглавил Купятицкий монастырь в Пинске. А затем, став игуменом Овручского Успенского монастыря, был посвящён в сан архимандрита (1660 г.). Монастырь в

Овруче в это время становится известным православным центром, за что неоднократно подвергается нападкам как «инославных» униатов, так и иноверцев – крымских татар. Борьба отнимала жизнь не только у священников и простых верующих. Приходили в упадок храмы, монастыри. Униаты и монахи-доминиканцы неоднократно нападали на обитель преподобного, грабили церковное имущество, наносили побои и оскорбления братии. Во время нападения на монастырь, а также во время «прения о вере», униаты призывали архимандрита Макария перейти в унию, но «веры православныя неустрашимый защитниче» мужественно отвечал: *«Нет общения света с тьмою; вы оставили свет и возлюбили тьму, оставили правила Вселенских Соборов и приняли предания лжи, и вместо того, чтобы быть под Главою Церкви – Иисусом Христом – преклонились под ноги земного властителя Церкви (о Папе Римском)»* [5, с. 220].²

Сначала казачий отряд полковника Пиво отнял имение братских монастырей и убил нескольких монахов, а 3 мая 1671 г. «разъярённые поляки», объединившись с татарами, окончательно разорили город, захватили Овручский монастырь и выгнали его насельников. (По другой версии – почти всех монахов вырезали [9]). Сам архимандрит вынужден был удалиться из Овруча.

Фокусируя внимание на жестокости иноверцев, доступные рассмотрению жития святого аполитично опускают тот факт, что после заключения Андрусовского перемирия Овруч, хоть и остался в составе Речи Посполитой, находился на границе с казацкой республикой, за каждую пядь земли в этом регионе шла яростная борьба, а православная братия не вызывала доверия ни у тех, ни у других.

Архимандрит Макарий на два года отправился в Киево-Печерскую Лавру, а затем был направлен её игуменом на место последнего своего служения и мученической кончины – в Успенский монастырь при церкви Святого Георгия г. Канево украинской Подолии. Здесь прмч. Макарий особенно прославился дарами предвидения и исцеления.

Как повествует житие: *«Много скорбей пришлось претерпеть жителям Канева, когда участились нападки врагов»*. Город, располагавшийся на правом берегу Днепра, уже в 20-30-е гг. XVII в. подвергался захватам и разорениям то польских войск, то крымских татар, а после заключения Переяславской Рады – стал ещё и местом столкновения между собой казацких отрядов. «Украина западная долго находилась в колебании между Московской державою и короною Польскою, даже и после Андрусовской отдачи ея на сторону Польши», – пишет М.А. Максимович [8, с. 315].

Согласно официальной истории, именно гетман Войска Запорожского на Правобережной Украине в 1665–1676 гг. П. Д. Дорошенко ходатайствовал перед киевским митрополитом Иосифом о назначении архимандрита Макария в Каневский

² Цит. Мельникова А.А. по книге Муравьева А.Н. «Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских, и местно чтимых подвижников благочестия»: в 12 т. Изд. 2-е. – Санкт-Петербург. 1859–1867. Месяц август [Текст]. – 1867. – 251 с. – С. 191–193.

монастырь.³ Гетман Дорошенко участвовал в подавлении восстания 1657–1658 гг. против гетмана И. Выговского и Речи Посполитой. В 1669 г. он заключил договор с турецким султаном Мехмедом IV, по которому правобережная Подолия переходила под власть Османской империи, а сам гетман обязался оказывать ей военное содействие и получил право наследственной передачи власти. Договор сильно подорвал авторитет гетмана у казаков. П. Д. Дорошенко часто посещал настоятеля Каневского монастыря и, как полагают, именно по его совету перешёл в русское подданство. После присяги Русскому царству, в 1677 г. он был отправлен в Москву. (Эти обстоятельства не упоминаются в житии святого, но помогают реконструировать обстановку нетерпимости и целенаправленной агрессии в адрес арх. Макария – духовного наставника гетмана Дорошенко не только со стороны мусульман, но и той части казачества, которая была на стороне султана).

В ответ на нарушение гетманом Дорошенко договора османский султан в 1678 г. послал в Малороссию объединённое турецко-татарское войско на завоевание Украины для заключившего с ним соглашение Юрия Хмельницкого.⁴ 4 сентября завоеватели, в числе которых были казаки Ю. Хмельницкого и полковника Яненко, заняли г. Канев [5, с. 222]. В этот же день гетман Самойлович писал из Переяслава свои запоздалые распоряжения об обороне Канева [8, с. 319].

В агиографических источниках так описываются эти трагические события. 4 сентября 1678 г. город был захвачен и осаждён турецко-татарским войском. С крестом в руках преподобный бесстрашно встретил варваров на паперти храма. Иноверцы ворвались в монастырь, жестоко избили настоятеля, требуя указать им место, где спрятано монастырское золото. Старец ответил врагам: *«Мое злато на небеси, а не на земле. Здесь я его не закапывал, зная, что придут тати и разбойники и расхитят. А имущество церкви в благодати и милости Господней»*. Имущество монастыря незадолго до этого было роздано во время голода местным людям. [Часто упоминаемые в житиях раздачи всего имущества нищим демонстрируют непосредственное исполнение заповеди Иисуса Христа, обращённой к богатому юноше: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19.11). – Л.М.]

Рассердившись, что настоятель не выдаёт им монастырских сокровищ, татары продолжили истязания старца, который умолял не осквернять святой храм и не трогать невинных людей. После продолжительных пыток, 7 сентября татары отсекали прмч. Макарию голову и бросили тело на площади. Верующие забрали тело

³ В «Словаре историческом о святых...» (1862) звучат непроверенные данные о том, что после Киево-Печерской лавры монах был поставлен в Канев митрополитом Киевским Киприаном, «где пробыл Макарий десять лет в постоянных трудах и подвигах за православие» [10, с. 154]. Поскольку Овручский монастырь был разорён в 1671 г., то прибыть в Канев Макарий мог ок. 1673 г. В это время, а именно в 1663–1675 гг., митрополитом Киевским был Иосиф (Нелюбович-Тукальский). Следовательно, прмч. Макарий пробыл настоятелем в Каневском монастыре около 5 лет.

⁴ В статье А.Н. Максимова о Каневском монастыре утверждается, что «Малороссийские гетманы приумножали его могущество». Так, ещё Богдан Хмельницкий «давал монастырю право на перевоз Каневский и Каневскую аренду и на местечко Бубнов, которое перед его гетманством находилось во владении Переяславского иезуитского коллегіума», а Юрий Хмельницкий при «Кобринском архимандрите, игумене Каневском» Иове Заиончковском в 1660 г. «дал право на две мельницы на р. Росав... и на учреждение двух ярмарок ...в пользу монастырскую» [8, с. 315].

святого и, не имея возможности похоронить его, внесли в монастырскую церковь, где заперлись также сами.

Враги подожгли храм, находящиеся в нём люди погибли. Когда захватчики ушли из монастыря, то уцелевшие жители города, среди груды погибших нашли нетронутое огнём тело архимандрита Макария: «*Словно живой, в одной власянице, с крестом на груди и с крестом в руках лежал преподобный*». Местное почитание преподобномученика Макария началось сразу же после его кончины. «Святые мученики сразу причислялись к лику святых уже в силу самого их подвига – очищения мученической кровью» [5, с. 11].

(Причём будущие авторы житий причину мученической смерти архимандрита Макария представляли в виде столкновения охваченных алчными желаниями захватчиков-мусульман и приверженцев истинной православной веры мирных жителей города. Т.е. косвенная привязка продажных казаков Ю. Хмельницкого, христиан по вероисповеданию, к трагедии не вписывалась в нарратив).

8 сентября 1678 г. христиане погребли его святые мощи под жертвенником в той же церкви св. Георгия. Православный монастырь после этого уже не возродился, а построенный на этом месте храм униатских базилиан только в 1833 г. был передан православным и переосвящён в честь Успения Богородицы. Как полагает каменецкий краевед Г. Мусевич, почитание могло начаться сразу, когда были обретены нетленные чудотворные мощи. А первые служба и житие святому прмч. Макарию Каневскому вероятно было составлено при епископе Переяславском Захарии Корниловиче [3, с. 11].

Через 10 лет во время реконструкции храма был вскрыт гроб мученика и обретены его нетленные мощи. 13 (26) мая 1688 г. последовало торжественное перенесение мощей в Переяславскую полковую Воскресенскую церковь. (Туда же перенесли любимую книгу преподобномученика «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий святого апостола Павла» (Киевское издание 1621 – 1623 гг.) с его собственноручной записью на одном из листов – «*Макарий Токаревский, архимандрит Овручский, игумен Пинский, Купятицкий, Каневский*») [8, с. 316].

Долгое время мощи святого находились в Воскресенской церкви Переяславля. При епископе Захарии (Корниловиче) в 1713 г. они были перенесены в новый храм Михайловского Переяславского монастыря, а после его закрытия – почивали с 4 августа 1786 г. в Переяславском Вознесенском монастыре. Гораздо позже, в 1942 г. святые мощи были перенесены в Троицкую церковь города Черкассы, а с 1965 г. находились в храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы. С 2003 г. мощи прмч. Макария Овручского и Каневского являются главной святыней кафедрального собора Архистратига Божьего Михаила г. Черкассы – самого крупного на сегодняшний день храма в соседнем государстве (высота 72 метра) принадлежащего Украинской Православной Церкви Московского патриархата. Память прмч. Макария Каневского чтят в Соборе Волинских (с 1831 г.), Житомирских и Полтавских святых Украинской православной церкви Московского патриархата.

Рис. Преподобномученик Макарий Каневский [12, с. 193]

В 1984 г., по инициативе митрополита Минского и Белорусского Филарета (Вахромеева), был установлен Собор Белорусских святых, куда также вошёл прмч. Макарий, игумен Пинский. Храм Святого преподобномученика Макария Каневского г. Пинска действует в соседней с нами Пинской и Лунинецкой епархии БПЦ.

Сегодня в Собор Белорусских святых входит 73 угодника Божия. Ещё 4 относятся к лику местночтимых, т.е. канонизированных в отдельной епархии. К лику святых причисляли не только этнических белорусов, но и тех, кто совершал служение на этих территориях. Так, решением Синода Белорусского Экзархата от 3 сентября 2012 г., преподобномученик Макарий поминается в пределах Брестской епархии как архимандрит Каневский, игумен Каменецкий, Пинский, чудотворец Переяславский.

Память его совершается по новому стилю 20 сентября, 26 мая и в день Собора Всех Белорусских Святых (3-е воскресенье по Пятидесятнице). Икона с частицей мощей прмч. Макария была передана Симеоновскому храму г. Каменца. В этом

городе была создана община православного прихода в честь прмч. Макария, игумена Каменецкого. По благословению Высокопреосвященнейшего Иоанна, архиепископа Брестского и Кобринского, с 1 сентября 2016 г. благочинный Каменецкого округа прот. Сергей Бурковский осуществляет строительство храма в честь преподобного мученика Макария на юго-западной окраине города. Крестообразную церковь «православного прихода храма в честь преподобномученика Макария игумена Каменецкого в г. Каменец Брестской епархии Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата)» увенчают 6 куполов. 385 лет прошло с тех пор, как мученик Макарий был назначен игуменом Воскресенского монастыря в Каменце! А это всё ещё начало освоения, знакомства западнобелорусской культуры с именем знаменитого предка, которое немислимо сегодня без историко-краеведческих, агиографических исследований, научно-популярного продвижения.

Пожалуй, сложным для восприятия явлением в идентификации личности святого является множество имён под которыми он известен. Сегодня действуют храм преподобномученика Макария, игумена Каменецкого в г. Каменце; храм в честь преподобномученика Макария, игумена Каневского г. Пинска; в Украине чтят память прмч. Макария Каневского и Овручского; в актуальном на сегодня православном календаре официального сайта Брестской епархии видим статью «Житие преподобномученика Макария Каневского» и т. д.

Мы наблюдаем пример традиционного в христианстве освоения и присвоения местной культурой образца евангельского поведения. Не случайно, краеведческое исследование Г. Мусевича подводит читателя к житию святого через легенды про Воскресенский монастырь у г. Каменца. Такое приближение личности святого к месту проживания верующих используется и оправдано в педагогике Церкви, т. к. становится гораздо более действенным способом воздействия на паству («смог он – сможешь и ты!»). И если канонизация святого прмч. Афанасия (Филипповича) чётко привязана к месту его служения на Берестейщине; то прмч. Макарий (Токаревский) возглавлял 4 монастыря Киевской митрополии Константинопольского патриархата: Воскресенский в Каменце – 20 лет, Купятицкий в Пинске – 3 года, Овручский – 11 лет, Каневский – 4 года. (Каждый из этих монастырей был разорён). Но разделения между государствами и народами, которые претерпела территория белорусско-украинско-русского пограничья за последние 350 лет не привели однако к созданию нескольких нарративов о святом. Но Его житие смело может называться культурным феноменом белорусско-украинского пограничья.

Таким образом, можно сделать вывод, что причинами мученической смерти архимандрита Макария (Токаревского) были не только притеснения Православной церкви в Речи Посполитой, но также противоречия геополитического и экономического характера. Святой преподобномученик Макарий (Токаревский) сегодня одинаково почитаем как на белорусской, так и на украинской земле, а с вхождением этих территорий в состав Российской империи в конце XVIII в. был канонизирован и Русской Православной Церковью.

Список использованной литературы:

1. Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. – М. : Книга, 1990. – 294 с. (репринтное издание 1862 г.). С. 153–154.
2. Павлова, Л. Макарий (Токаревский), Переяславский Чудотворец, архимандрит Каневский и Овручский, игумен Пинский, преподобномученик Л. Павлова // Иоаннов родник. – 18 сентября 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.palomnik.by/palomnik/sermons/art-109/> – Дата доступа: 30.03.2023.
3. Мусевич, Г. С. Житие преподобномученика Макария, игумена Каменецкого и Овручского, архимандрита Каневского, чудотворца Переяславского : [Брошюра] / Г. С. Мусевич. – Каменец : Каменецкий Свято-Симеоновский храм, 1999. – 16 с.
4. Малыхина, Л. Ю. Преподобномученик Макарий Каменецкий в истории Православной церкви / Л. Ю. Малыхина // Берасцейскі мир : Передумови і наслідкі : сб. научн. трудов / сост. В. С. Мисюк. – Минск : Изд. В. Хурсик, 2019. – 128 с. – С. 85–95.
5. Мельников, А. А. Путь непечален. исторические свидетельства о святости Белой Руси / А. А. Мельников. – Минск : Издание Белорусской Православной Церкви Московского патриархата, 1992. – 275 с.
6. Максимович, М. А. Биографическое примечание о преподобном архимандрите Макарии Токаревском / М. А. Максимович // Полтавские епархиальные ведомости. 1865. – № 19. – С. 211-216.
7. Канев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wiki2.org/ru/Канев> – Дата доступа: 06.02.2019.
8. Максимович, М. А. Воспоминание о стародавнем монастыре Каневском / М. А. Максимович // Максимович, М. А. Собрание сочинений. – Киев : Тип. М. П. Фрица. – 1877. – Т. 2. 524, [2] с. : рис.
9. Кисель, Д. Моё золото на Небе, а не на земле / Д. Кисель // Медиа-Полесье. 12 июля 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://media-rolesye.by/news/moe-zoloto-na-nebe-ne-na-zemle-21248> – Дата доступа: 30.01.2019.
10. Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. – М. : Книга, 1990. – 294 с. (репринтное издание 1862 г.). – С. 153–154.
11. Максимович, М. А. Биографическое примечание о преподобном архимандрите Макарии Токаревском / М. А. Максимович // Полтавские епархиальные ведомости. 1865. – № 19. – С. 211–216.
12. Макарыў Канеўскі // Рэлігія і царква на Беларусі : энцыклапедычны даведнік. Рэд. кал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : 2001. – С. 192, 193: іл.

6. Медведская Е. И.,
канд. психол. наук, доцент,
профессор кафедры социальной работы
УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 159.95

ДЕФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ТИПЫ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взрослых, отдающих предпочтение разным системам кодирования информации: вербальной (печатное чтение) и цифровой (интернет-практики). Правильность логических рассуждений оценивалась посредством методики «Сложные аналогии». Логические рассуждения у взрослых активных интернет-пользователей достоверно хуже, чем у любителей печатного чтения. Деформация мышления представлена в двух типах: «снижение правильности логических рассуждений» и «существенное ухудшение логики рассуждений с доминированием нарушений понимания синонимичных связей».

Ключевые слова: логическое мышление, взрослые, печатное чтение, интернет-практики, когнитивные деформации.

2. Medvedskaya E. I.,
PhD. Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of Social
Work UO "BrSU named after A.S. Pushkin"
(Brest, Republic of Belarus)

DEFORMATION OF THINKING OF ADULTS ACTIVE INTERNET USERS: MANIFESTATIONS AND TYPES

Annotation. The article presents the results of a study of adults who prefer different information coding systems: verbal (printed reading) and digital (Internet practices). The correctness of logical reasoning was assessed using the "Complex Analogies" technique. The logical reasoning of adult active Internet users is significantly worse than that of print readers. The deformation of thinking is presented in two types: "decrease in the correctness of logical reasoning" and "significant deterioration in the

logic of reasoning with the dominance of violations of the understanding of synonymous relationships”.

Key words: logical thinking, adults, printed reading, Internet practices, cognitive deformations.

За последние два десятилетия Интернет не только создал совершенно новую социокультурную ситуацию, но и разделил современность на две эпохи: «доцифровую» и «цифровую». Согласно базовой идее культурно-исторической психологии о средовой детерминации высших психических функций, в новой цифровой эпохе познавательные процессы также начинают функционировать по-новому. В фокусе внимания исследователей находятся дети и молодые люди, эмпирические данные о познавательных процессах которых либо противоречивы, либо не очень оптимистичны по сравнению с их доцифровыми ровесниками [1; 2]. Взрослые только эпизодически появляются в поле интересов ученых, хотя век назад психология уже попадала в ловушку игнорирования самого продуктивного периода онтогенеза, следуя за мнением швейцарского психолога Э. Клапареда, обозначившего его как «период психической окаменелости». Несправедливость этой оценки в последующем была доказана целым рядом исследователей. Например, Б. Г. Ананьевым и его сотрудниками была установлена зависимость состояния различных функций, в том числе и познавательных, от вида профессиональной деятельности взрослого человека [3]. И если познавательные функции взрослых в принципе изменяются, то логично предположить, что они изменяются и во взаимодействии с Интернетом.

Результаты отдельных исследований, а также жизненная фактология, состоящая в росте жалоб на различные когнитивные затруднения (типа «Столько информации, что голова взрывается», «Не помню, где видел...», «Не могу сообразить...», «В голове ничего не держится...» и т. п.) в сочетании с отсутствием возмездия по поводу усиления своих интеллектуальных способностей, позволяют предполагать, что интенсивные интернет-практики негативно воздействуют на когнитивные процессы взрослых людей. И это воздействие имеет систематический и усиливающийся характер, обусловленный все большей цифровизацией различных сторон жизни современного человека, который обобщенно можно назвать деформирующим. В соответствии с генетическим законом, если это воздействие действительно имеет негативный или деформирующий характер, то в первую очередь нарушения будут проявляться в иерархически высшем звене психической функции. Проверка идеи о деформирующем интернет-влиянии на логическое мышление взрослых является целью проведенного эмпирического исследования.

Организация исследования

Возможности эмпирической проверки указанной гипотезы имеют существенные объективные ограничения. Для ответа на поставленный вопрос идеально подошло бы лонгитюдное исследование (но сроки его организации уже необратимо упущены) или истинный эксперимент (в организации которого возникает проблема создания контрольной группы, поскольку сегодня фактически невозможно найти тех, кто не взаимодействует с Интернетом). Поэтому доступным дизайном исследования остается квазиэксперимент по плану *ex-post-factum*. В этом

плане в качестве независимой переменной выступает некоторое реальное жизненное событие (в нашем случае – появление Интернет), а дифференциация контрольной и экспериментальной групп проходит по критерию практик обращения к разным знаковым системам кодирования информации (печатной или цифровой).

Участниками исследования, которое проводилось с 2019 по 2022 г., стали 385 взрослых, обладающих следующими характеристиками:

- возраст от 37–38 до 60 лет (т.е. завершение основных циклов когнитивного развития в доцифровую эпоху и принадлежность к периоду средней взрослости);
- наличие высшего образования;
- работа в сфере интеллектуальных профессий (педагоги, инженеры, библиотекари, бухгалтеры и др.).

Названные характеристики обеспечивают частичный контроль исходного, довольно высокого уровня когнитивных процессов взрослых участников исследования и гарантируют их регулярную востребованность в профессиональной деятельности.

Дифференциация контрольной и экспериментальной групп осуществлялась посредством анкетирования, представляющего ряд свободных ответов о реализуемых практиках обращения к разным информационным носителям. Отнесение к группе осуществлялось на основе двух ведущих критериев: выбор источника информации в свободное время (книга или Интернет) и количество времени, уделяемое взаимодействию с ним. В итоге было образовано две группы по 50 человек:

контрольная, которая в дальнейшем обсуждении будет обозначаться как читатели: возраст $48,77 \pm 6,23$, 22 мужчины и 28 женщин;

экспериментальная, которая представлена активными интернет-пользователями, фактически исключившими из своей жизнедеятельности традиционное, печатное чтение: возраст $45,54 \pm 5,03$, 22 мужчины и 28 женщин.

Любители новых форматов электронного чтения, как и те взрослые, которые одинаково успешно пользуются разными системами кодирования информации были исключены. Определенная переизбыточность общей выборки обусловлена малым количеством тех, кто сохраняет в своей практике привычку печатного чтения (12 %). Исследование проводилось в групповой форме на занятиях по повышению квалификации (Брестский областной институт развития образования, Брестское областное управление культуры, РУП «Брестские электросети» и др.).

Изучение логического мышления осуществлялось посредством методики «Сложные аналогии», которая направлена на «выделение сложных, абстрактных логических отношений» [4, с. 85] и является «полезной для выявления соскальзываний, внешних паралогичных умозаключений» [5, с. 115]. В силу своей сложности она используется преимущественно для лиц, имеющих среднее и высшее образование [4, с. 85; 5, с. 114]. Методика позволяет фиксировать неправильность понимания логических отношений, а также диффузность и расплывчатость мысли при правильном их понимании.

Стимульный материал представлен в табличной форме на бланке. Он содержит шесть пар слов в образце, связанных между собой определенными логи-

ческими отношениями, к которым прилагается список из 18 пар слов. В соответствии с инструкцией необходимо вписать в бланк напротив образца номера тех пар слов, которые имеют аналогичные связи и объяснить свой выбор (по возможности). Обработка индивидуальных протоколов состояла в подсчете допущенных ошибок, которыми считались отсутствие правильной связи и приписывание неправильной.

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась посредством следующих процедур.

1. Оценка межгрупповых различий в профилях допущенных ошибок.

2. Дисперсионный анализ (ANOVA), позволяющий в некоторой степени заменить отсутствующую процедуру рандомизации групп за счет проверки следующей нулевой гипотезы: индивидуальные различия между испытуемыми в выполнении методики являются не более выраженными, чем различия, обусловленные иными, случайными причинами. Зависимой переменной выступают профили ошибок разного вида, допущенные в конкретной группе при выполнении методики, а собственно фактором – номинативная шкала, в которой кодировались эти виды ошибок.

3. Корреляционный анализ ошибок и возраста участников исследования (r Спирмена), позволяющий контролировать угрозу полученному выводу со стороны инволюционного фактора.

4. Расчет коэффициента деформации. Наличие «доцифровых» диагностических нормативов выполнения методики позволяет математически определить величину эффекта ухудшения состояния логического мышления, обозначив его как коэффициент деформации. Этот коэффициент можно рассчитать как соотношение полученных эмпирических данных с имеющимися нормативами выполнения методики взрослыми «доцифровой» эпохи. Если коэффициент ниже единицы, то деформация отсутствует, поскольку показатели близки или даже лучше нормативных. И, соответственно, чем больше коэффициент превышает единицу, тем больше и деформация.

5. Кластерный анализ как метод многомерного анализа, позволяющий решать «проблему выделения однородных групп» [6, с. 12] при исходной неопределенности имеющихся данных применялся для определения типов деформаций. Кластерный анализ осуществлялся посредством двух процедур. Первая – иерархический кластерный анализ, «использующийся как предварительный для определения числа классов» [7, с. 72]. Процедура кластеризации осуществлялась посредством стратегии группового среднего, которая не искажает пространство значений в отличие от других популярных в психологических исследованиях стратегий кластеризации (метод ближайшего соседа его сужает, метод дальнего соседа, напротив, растягивает). Вторая процедура кластеризации – метод k -средних, представляющий собой проверку выделенных посредством иерархического анализа классов, и позволяющий точно отнести конкретный измеренный объект к определенному классу на основе расчета дисперсии.

Все статистические расчеты осуществлялись посредством программы SPSS v. 19.

Результаты и их обсуждение

Методика «Сложные аналогии» полностью оправдывает свое название, поскольку из 100 участников исследования не было ни одного человека, установившего все логические связи абсолютно верно. В таблице 1 представлены усредненные данные о количестве ошибок в разных выборках.

Таблица 1 – Ошибки в установлении сложных аналогий ($M \pm \sigma$)

Образец	Взрослые	
	Читатели	Интернет-пользователи
Овца – стадо	0,88±1,27	2,7±1,58
Малина – ягода	1,12±1,18	2,6±1,74
Море – океан	1,86±1,14	3,48±1,19
Свет – темнота	0,78±0,81	2,42±1,84
Отравление – смерть	0,8±0,78	2,14±1,52
Враг – неприятель	1,66±1,57	3,8±2,08
Σ	7,12±4,66	17,18±7,44

Наиболее точными в логических рассуждениях, согласно данным таблицы 1, являются читатели. Лучше всего взрослые обнаруживают антонимичные («свет – темнота») и причинно-следственные («отравление – смерть») отношений. Хуже всего, независимо от принадлежности к конкретной группе, участники исследования справились с обнаружением двух типов логических связей: количественных («море – океан») и синонимичных («враг – неприятель») отношений.

Трудности в правильном установлении количественных отношений полностью отвечают наблюдениям С. Я. Рубинштейн, отмечающей, что «соотношения понятий “бережливость – скупость” и “прохлада – мороз” редко выполняются без помощи экспериментатора» [5, с. 117]. В разных группах фактически одинаково присутствуют два типа ошибок: пропуски правильных взаимосвязей и приписывание неправильных. Наиболее распространенной ошибкой для респондентов выступало соскальзывание на родо-видовые («слово – фраза») или на синонимичные («свобода – независимость») отношения.

Трудности обнаружения синонимичных отношений у респондентов разных выборок сочетаются с относительной легкостью в установлении антонимов («свет – темнота»). В литературе (в том числе и по психолингвистике) не обнаружено каких-либо указаний на специфичность понимания этих лексических единиц. Чаще всего синонимы и антонимы упоминаются рядоположенно, в буквальном смысле через запятую: и в практическом плане в качестве важнейших инструментов развития речи детей с ее нарушениями, и в теоретическом в качестве языковых конструктов, отражающих «непосредственные содержательные связи между значениями» [8, с. 297]. Можно предложить несколько гипотетических объяснений установленным различиям в понимании синонимичных и антонимичных отношений.

Первое: в контексте операций мышления обсуждаемые лексические единицы можно соотнести с операцией сравнения, предполагающей выявление общего (синонимы) и различий (антонимы). По мнению С. Л. Рубинштейна сравнение является первичной формой познания, выступая одной из сторон «основной операции мышления – “опосредования”» [9, с. 399]. И если присутствует определенный дисбаланс в этой элементарной мыслительной операции, то закономерно

прогнозировать сложности и в операциях высшего уровня (обобщение и абстрагирование).

Второе объяснение: в контексте организации значений в сознании субъекта ни одно из них не существует изолировано, само по себе, а только в некоей системе, определенном континууме значений. Говоря словами Ю. М. Лотмана, в означивании какого-либо объекта «исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство» [10, с. 146], а сам процесс осознания этого объекта подразумевает его включение «в некоторый смысловой ряд, определяющий наборы синонимов и антонимов» [там же, с. 139]. Продолжая идею Ю. М. Лотмана можно думать, что именно антонимы выступают полюсами этого пространства, поэтому и выше точность их понимания как своеобразных границ; синонимы же скорее определяют его наполнение, содержание.

Участниками обеих групп вид логических связей определялся преимущественно верно. Так, взаимосвязь в паре «овца – стадо» объясняется как «часть и целое», «один и много», в паре «малина – ягода» как родо-видовые отношения, классификация, уточнение, определение или «что-то конкретное в общем». Отношение в паре «море – океан» в основном правильно описывается как увеличение свойств/объема, «от маленького – к большому». Пара «свет – темнота» характеризуется как антонимы, противопоставление, противоположные свойства/значения; пара «отравление – смерть» как причина – результат, итог, последствия, причинно-следственные отношения. И последняя пара «враг – неприятель» в подавляющем большинстве точно определяется как синонимы или близкие (равнозначные) понятия.

В группе интернет-пользователей чаще фиксируются соскальзывания мышления, заключающиеся в эпизодической замене логических рассуждений обращением к эмоционально-чувственному или наглядно-практическому опыту. Например, к образцу «овца – стадо» приписывается пара «грядка – огород» с пояснением «Овцы ходят в огород» (мужчина, 45 лет). С парой «море – океан» соотносится пара «свобода – независимость», которая объясняется так: «Хочу на море, без семьи, например, с подругой» (женщина, 40 лет). К паре «отравление – смерть» приписывается связка «покой – движение», т. к. «От этих слов холод идет» (женщина, 42 года) или связка «прохлада – мороз», поскольку «Думаю, что на том свете мороз» (мужчина, 45 лет).

Однако в разных выборках встречались и единичные протоколы, демонстрирующие паралогичность рассуждений, проявившуюся в каждом виде логических связей.

В выборке читателей единичный пример подобных рассуждений выглядит следующим образом. Женщина (51 год) к паре «овца – стадо» неверно относит связки «десять – число» и «похвала – брань» со следующим объяснением: «Одинаковое количество одинаково думающих людей – стадо». К паре «малина – ягода» она ошибочно приписывает пару «грядка – огород» и верно «пение – искусство». Связываются они таким образом: «Сладкое пение как искусство, а ягода – малина – сладко и вкусно». К количественным отношениям абсолютно верно подобраны аналогии (хотя именно здесь допускается максимальное количество ошибок), но разъяснения даны скорее наглядно-чувственного характера: «Море спокойное, океан – что-то большое, огромное, всегда в движении». Такие

же причудливые объяснения имеют и антонимичные отношения, с которыми правильно соотнесена одна связка из трех («бодрость – вялость») и ошибочно связка «физика – наука»: «Свет – чувство бодрости, темнота – вялость. И это наука – физика: состояние света и тьмы». К синонимичным связкам, к которым приписываются связь часть – целое («глава – роман») и каузальные отношения («испуг – бегство»), даны следующие пояснения: «Боится врага, бежит от неприятеля, так и в романах».

В выборке интернет-пользователей один из примеров паралогичных рассуждений скорее приближается к мини-рассказам (мужчина, 45 лет). К паре «овца – стадо» приписаны пары «испуг – бегство» («Овцы испугались и убежали») и «покой – движение» («До испуга овцы были в покое, потом побежали»). Со связкой «малина – ягода» соотносятся «грядка – огород» («Малина растет в огороде, на грядке) и «праздность – безделье» («Малина не будет сама расти, если праздно сидеть»). В установлении антонимичных отношений («свет – темнота») присутствуют правильные и ошибочные ответы, однако рассуждения не имеют рациональный характер: «Кто-то бережливо экономит свет» (объяснения для выбора пары «бережливость – скупость»); «При свете бодрость, в темноте – вялость» (связка «бодрость – вялость»); «При свете все в движении. В темноте спят» (пара «покой – движение»).

Оценка статистической значимости различий в правильности установления логических связей показала их достоверность ($U=286,5$, $p<0,01$). Такой же значимости различия были получены и при расщеплении выборок пополам: $U=63$ и $U=78,5$ (при $U_{крит}=192$ для $p<0,01$ и $U_{крит}=227$ для $p<0,05$ $n=25$).

Дисперсионный анализ подтвердил нулевую гипотезу о случайности индивидуальных различий между испытуемыми: $F=8,45$ для выборки читателей и $F=2,85$ для выборки интернет-пользователей (при $F_{крит}=9,06$ для $df=5$ и $n=300$, т. е. для шести видов логических отношений в группе 50 человек).

В итоге корреляционного анализа не установлены значимые связи между возрастом участников исследования и допущенными ими ошибками: $r=0,198$ в группе читателей и $r=0,116$ в группе взрослых активных интернет-пользователей при $r_{крит}=0,27$ для $p<0,05$.

Считается, что норма выполнения методики составляет от 5 и выше правильных ответов [11, с. 345]. Однако некоторые исследователи полагают, что даже 10 – это очень мало, определяя средневысокий уровень выполнения методики в диапазоне от 12 до 16,5 [12] Для расчета коэффициента деформации использована медиана указанного диапазона – 14. В таблице 2 представлены результаты расчетов, опирающиеся только на ошибки, содержательно состоящие в приписывании неправильной логической связи.

Таблица 2 – Расчет коэффициента деформации

Группа	Σ	M	Коэффициент деформации
Читатели	748	14,96	0,93
Интернет-пользователи	549	10,98	1,27

Результаты расчетов свидетельствуют о том, что в группе активных интернет-пользователей, в отличие от читателей, наблюдается снижение правильности аб-

страктных и логических умозаключений по сравнению с гипотетическим «доцифровым» человеком.

В итоге кластеризации в группе читателей установлено два кластера, в выборке интернет-пользователей – 3. В таблице 3 отражены усредненные данные о нарушениях понимания логических отношений и коэффициент деформации для каждого кластера. Рядом с номером кластера указано количество взрослых, данные которых образовали определенный кластер.

Таблица 3 – Данные кластеризации

	Читатели		Интернет-пользователи		
	1 (n=13)	2 (n=37)	1 (n=18)	2 (n=11)	3 (n=21)
Овца – стадо	2,23	0,4	2,47	4,9	1,86
Малина – ягода	2,53	0,62	3,0	4,54	1,31
Море – океан	2,53	1,62	3,29	4,36	3,18
Свет – темнота	1,23	0,62	2,76	4,81	0,95
Отравление – смерть	1,23	0,64	2,52	3,54	1,13
Враг – неприятель	3,61	0,97	4,7	5,9	2,04
Σ	13,38	4,91	18,76	28,18	10,45
Коэффициент деформации	0,95	0,35	1,34	2,01	0,74

Результаты кластеризации в выборке читателей, согласно данным таблицы 3, обнаруживают два типа логических рассуждений, которые можно обозначить как правильные (1 кластер) и очень правильные (2 кластер). При этом доминирующим по количеству лиц, демонстрирующих высокую абстрактность и логичность мышления, выступает именно второй тип ($\varphi=3,1$, $p<0,01$).

В выборке интернет-пользователей также выявлена группа, у представителей которой не фиксируется нарушений логичности рассуждений (3 кластер). Однако численность этой группы существенно ниже, чем тех групп, у представителей которых коэффициент деформации превышает единицу ($\varphi=2,72$, $p<0,01$). Половой состав групп, данные которых образовали разные кластеры, можно считать идентичным, а именно: 1 кластер – 9 мужчин и 9 женщин, 2 кластер – 8 мужчин и 3 женщины ($\varphi=1,4$, $p>0,05$), 3 кластер – 6 мужчин и 15 женщин ($\varphi=1,79$, $p<0,05$). Таким образом, можно говорить о большей логичности рассуждений женщин только на уровне тенденции.

Анализ профилей ошибок в 1 и 2 кластерах в выборке интернет-пользователей показывает, что они отличаются по двум параметрам.

Первый – это степень выраженности нарушений, которые можно считать достоверно различной ($U=3$, при $U_{крит}=3$ для $p\leq 0,01$ для $n=6$). Вторым параметром – это равномерность распределения ошибок, допущенных для разного вида логических связей. В первом кластере эти ошибки являются такими же разнородными, как и в других группах (т. е. лучше определяются антонимичные и каузальные отношения, хуже – количественные и синонимичные). Во втором кластере они являются фактически одинаково выраженными для разных видов логических связей, при этом наблюдается своеобразный пик нарушений понимания синонимов.

Таким образом, можно говорить о том, что деформации абстрактности и логичности рассуждений не фиксируются у читателей, но обнаруживаются у статистического большинства интернет-пользователей, независимо от их пола. Деформации представлены двумя типами: «снижение правильности логических рассуждений» (коэффициент деформации 1,37) и «существенное ухудшение логики рассуждений с доминированием нарушений понимания синонимичных связей» (коэффициент деформации 2).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие основные заключения.

1. Полученные квазиэкспериментальные данные подтвердили верность высказанной гипотезы о наличии негативного эффекта влияния активных интернет-практик на логическое мышление взрослых. Этот деформирующий эффект нельзя объяснить индивидуальными различиями и возрастом активных интернет-пользователей.

2. Деформирующий эффект может иметь разную степень выраженности и содержание. Меньший эффект обнаруживается в общем снижении логичности рассуждений, а больший проявляется в пиковом нарушении понимания синонимичных отношений.

3. Существенно большая правильность логических заключений тех взрослых, которые не отказываются от печатного чтения, несмотря на то, что являются интернет-пользователями, позволяет говорить о том, что именно такое чтение является действенной мерой по предупреждению когнитивных деформаций.

Список использованных источников:

1. Богачева, Н. В. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Спивак. – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.
2. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г. У. Солдатова и др. – М. : Акрополь, 2022. – 356 с.
3. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
4. Блейхер, Б. М. Клиническая патопсихология / Б. М. Блейхер. – Ташкент : Медицина УзССР, 1976. – 326 с. с. 8
5. Рубинштейн, С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике : практ. рук. / С. Я. Рубинштейн. – М. : Апрель-Пресс : Изд-во Ин-та психотерапии, 2004. – 224 с.
6. Судаков, С. А. Кластерный анализ в психиатрии и клинической психологии / С. А. Судаков. – М. : Мед. инф. агентство, 2010. – 160 с.
7. Савченко, Т.Н. Применение методов кластерного анализа для обработки данных психологических исследований / Т. Н. Савченко // Экспериментальная психология. – 2010. – Т. 3, № 2. – С. 67–86.
8. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 296–299.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 781 с.
10. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : «Искусство – СПб.», 2004. – С. 12–148.

11. Психологические тесты / сост. С. А. Касьянов. – М. : ЭКСМО, 2006. – 608 с.

12. Бережковская, Е. Л. Проблема психологической адаптации подростков при переходе из школы в профессиональный колледж [Электронный ресурс] / Е. Л. Бережковская // Организационная психолингвистика. – 2021. – Режим доступа: psycholinguistic.ru/onii-nauchnii-shynal. Дата доступа: 21.10.

7. Наумчик В. Н., д. пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и
профессиональной педагогики
УО «Республиканский институт
профессионального образования»
(г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПАМЯТЬ НАРОДА

Аннотация. В статье проанализирована популярность русского языка в мире. Подчеркивается, что русский язык раскрывает внутренний мир русских, их менталитет, культуру, историю. Это мост для налаживания добрососедских отношений между народами. Рассмотрены отдельные слова, несущие глубинную информацию о ценностях народа. Русский язык – национальная гордость русских, инструмент единения славянских народов.

Ключевые слова: русский язык, кириллица, перезагрузка, язык как инструмент человечества, язык как национальная гордость.

NAUMCHIK V. N., Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Head of the Department
of General and Professional Pedagogy
Educational institution "Republican Institute
of Vocational Education"
(Minsk, Republic of Belarus)

RUSSIAN LANGUAGE AS MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. The article analyzes the popularity of the Russian language in the world. It is emphasized that the Russian language reveals the inner world of Russians,

their mentality, culture, history. This is a bridge for establishing good neighborly relations between peoples. Individual words that carry in-depth information about the values of the people are considered. The Russian language is the national pride of Russians, a tool for the unity of the Slavic peoples.

Key words: Russian language, Cyrillic alphabet, reboot, language as a tool of humanity, language as national pride.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
Н. Гумилев

Ежегодно тысячи иностранцев приезжают в Россию и Беларусь, чтобы путешествовать, заниматься наукой, наладить собственный бизнес. И, конечно, всем им приходится изучать русский язык и постигать его особенности. Иностранцы всегда пытаются найти логику в использовании глаголов, но иногда эта логика для них просто непостижима («положись на друзей» или «положи на друзей»). Иностранцев удивляют такие выражения, как «говори по-человечески», «вешать лапшу на уши», «тянуть кота за хвост», «заморить червячка», «я собаку съел», «спасибо на хлеб не намажешь», хотя и в английском есть аналог последним выражениям: «To become an expert at doing such things»; «Thanks for the bread you will not spread».

Русский язык популярен среди иностранцев, и чаще всего людей интересует культура, история, менталитет наших народов. Для иностранцев русский язык представляется в некотором роде экзотическим, в нем используется свой алфавит – кириллица. Иностранца привлекает распространенность русского языка. Так, русский язык в Минске, Бресте практически не отличается от языка в Москве или Санкт-Петербурге, Орле. Конечно, имеются некоторые особенности интонации в разных регионах, но это не идет ни в какое сравнение с отличиями в испанском языке, например, в разных регионах Испании или в Южной Америке.

На русском языке говорят не только в России, что делает его полезным в поездках по разным странам СНГ. Пожалуй, это и определяет популярность русского языка в мире.

В марте 2009 г. была предпринята попытка сломить лед новой холодной войны между РФ и США. Госсекретарь США Х. Клинтон подарила министру иностранных дел РФ С. Лаврову коробочку из пластика с красной кнопкой. В департаменте США думали, что русская надпись на кнопке означает «перезагрузка», что предполагало, что отношения между странами напряженные, пора их перезагрузить. Но оказалось, что на кнопке было написано другое русское слово – «перегрузка». Смысл уже другой – опасность, тема перегружена. Несколько букв кардинально изменили смысл послания. К счастью, обе стороны проявили достаточное чувство юмора, и этот конфуз успешно разрешился.

Этот эпизод является прекрасной иллюстрацией того, какую роль играет язык в налаживании мостов между культурами. Язык – это самый важный из инструментов, который когда-либо изобретал человек. Но этот инструмент нужен не

только для общения людей. Он является хранилищем культуры, прежде всего моральных ценностей говорящего на нем. Каждое слово, произнесенное на русском языке, словно приоткрывает окно в русский мир. В работах великих русских писателей именно слово помогает заглянуть в загадочную русскую душу.

Русский – это один из славянских языков, и ему более тысячи лет. Сегодня на славянских языках в мире говорит 315 млн. человек, что делает славянскую группу самой распространенной в Европе. Древние славяне называли себя одним словом – славянин. Славяне – это люди, обладающие славой и наделенные силой. Эти слова составляют основу славянского самосознания. Возьмем слово «хорошо», оно связано с другим словом – «хор». На глубинном уровне русского языка петь хором воспринимается как нечто хорошее. Коллективность – это очень позитивное понятие для русских, и оно присутствует во многих русских словах. Собор, собираться. Служба в соборе представляет сбор народа вместе, когда люди становятся одним целым. Даже такие простые бытовые выражения, как «спасибо» (спаси тебя Бог), могут многое рассказать о ценностях народа. Слово «спасти» родственно глаголу «пасти», например, отару овец. Фонетическая связь между этими глаголами отражает дуальность Христа как спасителя и пастыря. И это одно из базовых понятий, отраженных в русском языке. Подобные слова отражают глубокую духовность, ценность объединения людей.

В социальной жизни смена курса произошла во время революции, заклеймившей религию как «опиум для народа». Многие русские стали воспринимать царя не как доброго пастыря, а как главу репрессивной политической структуры. Все это вылилось в революции в начале XX столетия, в результате которых царский режим был упразднен и заменен на советское правительство. Церковная доктрина сменилась на партийную, и правительство взяло на себя ответственность построить коммунизм, т.е. рай на земле [1].

В конце XX столетия социальный строй изменился, а вместе с ним распалась и старая идеология атеизма. Геополитические изменения последних лет свидетельствуют о том, что одной из причин таких преобразований является защита интересов русскоговорящего населения, которое в отдельных регионах достигает 60%.

Русский язык связывает всех русских в мире и возрождает их национальную гордость. На открытии Олимпиады 2014 г. в Сочи русский язык получил особое место. Там был представлен русский алфавит, где каждая буква связана с именем какого-то великого русского деятеля. Русским важен язык, это часть нашего естества. Но загадка русской письменности этим не ограничивается.

Кириллица начинается с букв «аз – буки – веди». Логично поставить вопрос: «Почему алфавит именно так упорядочен?» Оказывается, это алфавит-молитва, обращение к человечеству, призыв к знаниям, к постижению всего сущего: «Я знаю буквы: письмо это достояние. Трудитесь усердно, земляне, как подобает разумным людям – постигайте мироздание! Несите слово убежденно: знание – дар Божий! Дерзайте, вникайте, чтобы Сущего свет постичь!» Именно в этом порядке расположены буквы алфавита – кириллицы. Ведать – это не просто знать, это еще и обладать способностью передавать мудрость в цельном, неискаженном виде, т. е. в образе.

В свете последних событий возможно настало время вспомнить некоторые очень старые слова из одного из самых священных русских текстов – «Повести

временных лет», которые призывают все славянские народы жить вместе друг с другом в согласии, как братья и сестры. Насколько современны слова, обращенные к князю Владимиру: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую» [2, с. 58].

Список использованной литературы:

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. – 144 с.
2. Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Поньрко; Вступит. статья Д. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1986. – 447 с.

8. Рачевский Ст. Г., к. фил. наук,
доцент, Брестский областной
институт развития образования
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 37. 013

ИСТОКИ ДУХОВНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ БРЕСТЧИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается духовный и нравственный вклад просветителей и педагогов разных эпох в образование Брестской области.

Ключевые слова: Брестская область, духовность, развитие, образование, вклад, просветители, педагоги.

S. G. Racheuski, Associate Professor,
Candidate of Philological Sciences
Brest Regional Institute of Education
Development (*Brest, Republic of Belarus*)

SOURCE OF SPIRITUAL AND MORAL TO THE EDUCATION OF BREST REGION

Annotation. The article considers the spiritual and moral contribution of educators and teachers of different eras to the education of Brest region.

Key words: Brest region, moral, evolution, education, contribution, educators, teachers.

Веками на земле, именуемой Брестчина, занимались не только творением знаний, но и их проповедованием в людских массах, а в XX и XXI столетиях ещё и воспитанием человека-гражданина, труженика, семьянина. Стараниями многих людей края, протянувшегося от Беловежской пуши на северо-восток, к Минску, год за годом, из века в век прирастал пласт просвещённости, учёности, профессиональной культуры поколений, столь необходимый для совершенствования жизни. На объектах, которые есть в каждом крупном городе и больших сёлах, на протяжении многовековой истории формировались и утверждались самобытные, свойственные только этому, соседствующему с западноевропейскими государствами, региону духовно-нравственные основы образования – своего рода надстройка над всем, что в обучении является материальным.

В понимании духовного разделяем следующее его определение: это «свойство природы человека, атрибут его сознания, высший уровень развития личности, активное стремление к идеалу, познанию, гармонии» [1, с. 115–116], а в нравственном понимаем то, что преобразует личность, придерживающуюся ценных для жизни моральных устоев, добра, любви, воспитанности, гуманного отношения к людям и природе.

Обозначим отдельные вехи на многовековом, с проявлением духовности и нравственности, пути образования Брестской области. Отдадим, к примеру, должное безымянным переписчикам книг в монастырях 11 столетия: несуетный, скрупулёзный, часто отъединённый от мира их труд постепенно раздвигал границы обучения чтению, письму, счёту, тем более что при монастырях и некоторых княжеских дворах создавались первые группы школяров, обучаемых грамоте этими же монахами. Вспомним и безымянного мастера, который в древнем Берестье на слиянии Буга и Мухавца вырезал на верхней части самшитового гребешка буквы, называемые сегодня Берестейским букварём. Благодарно вымолим имя одного из братьев Зизаниев (Тустановских) – Лаврентия, просветителя, языковеда, писателя, педагога, православного богослова, приехавшего в Берестье из Львова, чтобы в братской школе преподавать церковнославянский и греческий языки, издавшего учебные книги «Азбука с Лексисом» и «Грамматика словенска совершенного искусства, осми частии слово...» и использовавшего при этом клише изданий Ф. Скорины. Многие приёмы в Зизаниевом словаре и грамматике, как об этом пишет М.Б. Ботвинник [2, с. 80–81] давали возможность сравнительно быстро обучать беглому чтению, развивать детскую память, пополнять словарный запас человека читающего. Здесь было много энциклопедических приёмов (*краегранесіе – початок стиха албо строки; зеленийчіе – есть дерево, которое лето и зиме зелено; лоза – винная матица*). В «Лексисе» немало слов, которые сегодня квалифицируются как собственнобелорусские (*кошуля,*

*отрута, сметье, певень, лазня, потребу*ю). Здесь обнаруживаются некоторые фонетические и морфологические нормы современного литературного языка белорусов. Зизаний, одним словом, вдохнул своими трудами ещё одну “божью искру” в развитие восточнославянской ветви славянских языков.

Уроженец имения Лыщицы Берестейского воеводства в Речи Посполитой XVII столетия Казимир Лыщинский, автор первого в мире атеистического трактата, блестящий правовед, мало того, что будоражил образованные умы Европы и саму философскую мысль, – открыл в родовом поместье школу и, отринув иезуитскую педагогику и Катехизис, учил детей шляхты и крестьян чтению, арифметике, письму, основам ряда наук [3, с. 245]. Его зачастую сравнивают с Джордано Бруно, ибо ум Лыщинского был не менее дерзким, чем у знаменитого бунтаря-астронома, с которым наш земляк разделил участь сожжения на костре, а до этого лишился головы на Варшавском рынке. Пепел Лыщинского развеян на его родной земле, но до сих пор не развеяны знания, оставленные философом потомкам: во многих лыщицких родах они воспроизводятся на генетическом уровне.

Николай Радзивилл Чёрный, берестейский староста, канцлер Великого Княжества Литовского, пожертвовал 10 тысяч дукатов на издание 500 экземпляров Брестской Радзивилловской Библии с красивыми рисованными заглавными буквами, с комментариями к тексту, с предметным указателем, с гравюрами и графическим оформлением в традициях Скорины. Величие этого книжного творения в том, что появилось оно не в Праге или Вильне, а в построенной на своей земле типографии в Берестье Литовском. Библия Брестская в подлиннике 1563 года передана в дар 1000-летнему городу, в котором была издана. В областном центре возведён памятник этой Библии: староста Берестья считал Библию высшим авторитетом и источником истины в обществе. Внутри памятника предусмотрена точка доступа Wi – Fi, чтобы можно было пользоваться сайтом с описанием издания на белорусском, русском, украинском, польском, английском, китайском языках. Изданная Радзивиллом Библия стала ценностью на века, шедевром и образцом книгопечатания, средоточием духовности, уникальным средством обучения грамоте. Безусловно, что любой способный читать библейский текст в переводе с греческого на польский, вбирая в себя эстетику, культуру такого издания, поднимался на новый уровень своего общего развития. Брест, кстати, именно после напечатания Радзивилловской Библии, как утверждают её исследователи, стал намного чаще обозначаться на средневековых картах Европы.

Это было неслыханно: генералиссимус, награждённый орденом Цинциннати, высшей воинской наградой США, за вклад в строительство фортификационных сооружений в войне Севера и Юга, Андрей Тадеуш Бонавентура Костюшко, вернувшись после боевых походов на малую родину, в родовые имения Сехновичи и Меречевщину (ныне Жабинковского и Ивацевичского районов) задумал и осуществил в 1816 году непростую для стареющего человека поездку в Ивердонию (Италия), чтобы в педагогическом институте у великого Песталоцци получить консультацию, как правильно вести школьное дело в своих владениях [4, с. 234]. Костюшко вкладывал в обучение многих детей того времени, включая крестьян-

ских, личные сбережения, был одержимым идеей, что только образование, просвещение может реально послужить улучшению жизни.

Пинск и Пинское Полесье – ещё одна важная точка формирования и укрепления духовно-нравственных устоев, на которых зиждется современное образование Брестчины, земля, на которой росли Адам Нарушевич и Наполеон Орда, земля, которой был очарован в годы учительства Якуб Колас, земля, на которой школьное образование получил лидер в учительской профессии Владимир Дедков, выпускник Мохровской средней школы Ивановского района. Вот их безусловная лепта:

– Адам Тадеуш Станислав Нарушевич, рождённый в селении близ Логишина на Пинщине, получивший образование в Пинском иезуитском коллегиуме в XVIII столетии, а через годы и сан епископа, участвовал в написании коллективного труда «Политическая история древних государств»; после себя оставил, подчёркивает А.А. Бирало [5, с. 94], ценнейший архив для будущих историков – 231 том материалов, названных «Папки Нарушевича», отразил в них историю Речи Посполитой и близлежащих стран; Нарушевич считал главным двигателем исторического процесса человеческий ум, просвещение;

– Наполеон Матеуш Тадеуш Орда, уроженец д. Вороцевичи Пинского уезда, основал белорусскую школу пианизма, музицировал на многих сценах Европы, директорствовал в 1840-х годах в Итальянской опере Парижа, написал «Граматику музыки», которая десятки лет была единственным пособием в музыкальном образовании. Разносторонне одарённый, Орда оставил нам тысячи зарисовок архитектурных сооружений своей эпохи: «отличающиеся строгой документальностью» [6, с. 516], они до сих пор являются редчайшими материалами в архитектурном образовании и в работе современных реставраторов;

– воодушевлённый красотой Полесья и учительской работой в Пинске, Пинковичах и Люсине, Константин Мицкевич (Якуб Колас) не только отразил эти реалии в трилогии «На ростанях», но и издал в 1926 году труд непреходящей образовательной ценности – «Методыку родной мовы» (как результат многолетних наблюдений в годы учительствования), который до сих пор актуален в подготовке учителей начальных классов;

– Владимир Дедков, став в начале 90-х годов первым победителем Республиканского конкурса «Учитель года Республики Беларусь», в блестящем стиле раскрыл подлинный смысл своего педагогического кредо «Я могу обучить химии каждого. Мне нужны для этого только мел и доска»: на момент конкурсных баталий среди его учительских достижений были десятки его учеников, избравших при поступлении в вузы специальность, связанную с химией, многочисленные победы воспитанников на олимпиадах различного ранга, а также – издание пособия для учителей химии.

Духовно-нравственные основы образования Брестчины (а речь идёт только о массовой школе) возникали напряжением воли, в неустанном труде в классах, в педагогическом творчестве, в преодолении себя и обстоятельств, в наполнении души, о котором поэтом сказано «Душа обязана трудиться...». Созидатели этих основ, носители педагогических идеалов, гражданской совести, порядочности и такта, а их тысячи, заслуживают размещения на панораме-махине. Особого почтения заслуживают педагогические работники Брестской области, воевавшие

на фронтах Великой Отечественной, выдержавшие испытания послевоенного восстановления школы, руководители местных органов управления образованием, преобразовавшие отрасль на рубеже XX – XXI столетий:

– *Михаил Александрович Скипор*, бывший в 15 лет связным партизанского отряда, комсомольский секретарь, директор школ в Ивацевичском районе, многие годы бессменный заведующий Барановичским районом;

– *Виктор Иванович Полянсков*, директор Гершоновской восьмилетней школы Брестского района, ветеран войны, орденосец, неоднократный участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, селекционер, выведший на пришкольном опытном участке известный в СССР сорт кукурузы «Гершоновская»;

– *Антонина Васильевна Бацук*, учитель белорусского языка и литературы средней школы № 16 г. Бреста, занимавшаяся 35 лет поисковой работой и восстановившая имена более 1000 воинов, которые считались без вести пропавшими в боях за Родину;

– *Иван Филиппович Дегелевич*, партизанивший и закончивший Великую Отечественную войну в Берлине, много лет эффективно руководивший Барановичской городской системой образования, орденосец боевого и мирного времени;

– *Надежда Ивановна Ковалец*, Герой Социалистического Труда, учитель русского языка и литературы Большемалешевской средней школы Столинского района, превозмогшая трудности оккупации и послевоенных лет, беззаветно отслужившая школе 5 десятилетий, воспитавшая из своих учеников 33 учителя-филолога;

– *Дмитрий Романович Доцик*, учитель изоискусства, инспектор, заведующий Каменецким районом, талантливый художник, основатель общественного объединения любителей искусства Брестчины «Беловежская пуца», вдохновитель хорового пения педагогов района; его столь же неутомимые коллеги, много лет управлявшие образованием в районах и городах области и существенно развившие региональное образование *Василий Николаевич Басалай* (Ивацевичский район), *Валерий Николаевич Жигалов* (Малоритский район), *Юрий Александрович Иванов* (Брестский район), *Лидия Ивановна Жилич* (Московский район города Бреста); *Леонид Александрович Цуприк*, перспективно мыслящий педагог и организатор, глубоко знающий дело воспитания и обучения, заведующий отделом образования Барановичского горисполкома, которому государство доверило направлять развитие образования, культуры, всей социальной сферы на должности заместителя председателя Брестского облисполкома.

Некорректно было бы взвешивать и сравнивать образовательную пользу благостных деяний во имя образования в разные периоды истории Брестчины. Скорее следует подчеркнуть: наиболее выразительными в этом плане стали вторая половина XX – и начало XXI столетий, поскольку интенсивно развивающуюся образовательную отрасль стали непрерывно пополнять высокообразованные поколения педагогов, рождающие свои инновационные идеи, раздвигающие горизонты учительского опыта, соединяющие педагогическую практику с наукой. Показателен в этом отношении учительский путь *Марии Петровны Жигаловой*,

ныне профессора, доктора педагогических наук, заслуженного учителя Республики Беларусь, учителя-методиста (1984г.): начинала вожатой в школе родной Малоритчины, училась на филолога в Брестском госпединституте имени А.С. Пушкина; презрев скепсис не одного «фомы неверующего», минуя речевые клише типа «простая сельская учительница», занялась поиском материалов и экспонатов, чтобы открыть в Ореховской средней школе Малоритского района музей Пушкина, который и сегодня успешно работает, стала активным сеятелем знаний о гении мировой литературы. В 80-е годы прошлого столетия начала отсчёт своей научной работы: поступила в аспирантуру в Москву, посвятив первые научные изыскания русской литературе и методике её преподавания, в 90-е в Москве в Институте национальных проблем образования успешно защитила кандидатскую диссертацию, а в 2006 году стала доктором педагогических наук, защитив диссертационное исследование по типологии анализа художественного произведения применительно к школам Беларуси в Российской Академии образования. До этого уже получила известность в филологических кругах как автор и соавтор многочисленных учебников и пособий по русской литературе и методике преподавания для высшей и средней школы [7-17] и ряда монографий о жизни и творчестве писателей разных стран, эпох, жанров [18-21]. Сегодня имя профессора Жигаловой, действительного члена Академии социальных и педагогических наук Российской Федерации, – в расписаниях занятий многих высших учебных заведений Беларуси и зарубежья, в программах международных научных форумов [22].

Завершим значительный перечень незаурядных учительских достижений, осуществлённых помыслов красноречивым фактом: сегодня в ландшафте образования Брестчины трудятся свыше 60 учителей-методистов. Первыми, начиная с 2013 года, эту высшую квалификационную категорию получили: *Елена Борисовна Протасевич*, учитель математики средней школы № 1 г. Дрогичина; *Виталина Александровна Папкович*, учитель начальных классов средней школы № 2 г. Дрогичина; *Александр Марьянович Сорока*, учитель английского языка лицея Ивацевичского района; *Николай Иванович Наумчик*, учитель белорусского языка и литературы Малоритской районной гимназии; *Татьяна Павловна Горная*, учитель географии средней школы д. Тельмы-1 Брестского района; *Светлана Ивановна Мелеховец*, учитель химии лицея № 1 имени А.С. Пушкина г. Бреста. На учительской стезе Брестчины – десятки педагогов-стипендиатов Специального фонда Президента РБ за заслуги в работе с одарёнными и высокомотивированными учащимися. В их педагогических судьбах духовность и нравственность как смысложизненные субстанции, такие необходимые в работе с поколениями школьников, обрели явь, плоть. Не об этом ли сказано и спето С. Трофимовым:

Это всё моё родное,
Это где-то в глубине,
Это самое святое,
Что осталось во мне.

Это нас хранит и лечит,
Как Господня Благодать,
Это то, что не купить
И не отнять.

Рядом со всеми выше упомянутыми и неназванными поборниками духовности и нравственности в нашем образовании уместно употребить слова *окормитель, кормчий*. На церковном языке *окормлять* означает быть на корме, наставлять, вести духовным путём.

Список использованной литературы:

1. Устимова, О.В. Обретёт ли духовность «плоть»: на пути к операционализации понятия в российском обществе и СМИ / О.В. Устимова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. - № 1.
2. Батвіннік, М.Б. Зізаній Лаўрэнцій / М.Б. Батвіннік // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, “Беларуская энцыклапедыя”, 1995.
3. Пракошына, К.С. Лышчынскі Казімір // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, “Беларуская энцыклапедыя”, 1995.
4. Юхо, Я.А. Касцюшка Андрэй Тадэвуш Банавентура / Я.А. Юхо // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, “Беларуская энцыклапедыя”, 1995.
5. Бирало А.А. Философские проблемы в науке эпохи Просвещения в Беларуси и Литве. – Минск, 1979.
6. Хаўратовіч, І.П. Орда Напалеон // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск, “Беларуская энцыклапедыя”, 1995.
7. Жигалова, М.П. Русская литература XX века в старших классах: пособие для учителей общеобразовательной школы. Рекомендовано Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования. – Мн.: «Аверсэв», 2003. – 220с.
8. Жигалова, М.П. Типология анализа произведений русской литературы: монография / М.П. Жигалова. – Брест: БрГУ, 2004. – 300с.
9. Жигалова, М.П. Анна Ахматова. Марина Цветаева. В кн: Русская литература: Учебное пособие для 11 кл. учреждений, обеспечивающих получение общего, среднего образования с белорусским и русским языком обучения с 11-летним сроком обучения / Под ред. Мищенчука Н.И., Мушинской Т.Ф. Гриф «Допущено Министерством образования Республики Беларусь». – Мн.: НИО, 2004. – С. 343-360;435-448.
10. Жигалова, М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и методика: монография /М.П. Жигалова. – Брест: БрГУ имени А.С.Пушкина, 2008. – 225с.
11. Жигалова, М.П. Методика преподавания русской литературы: учебно-методическое пособие /М.П. Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А.С.Пушкина. – Брест: БрГУ, 2010. – 213с.

12. Жигалова, М.П. и др. Технологии и методики обучения литературе: учеб. пособие /под ред. В.А.Кохановой / М.П.Жигалова, В.А.Коханова, Е.Ю.Колышева, Н.С. Михайлова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 248с. – авторские разделы 5.3 (с. 152-164), 8.3 (с.222-238).
13. Жигалова, Мария [и др.]. Русская литература: анализ, вопросы, задания: *уч. пос. для иранской аудитории* / Мария Жигалова, Яхьяпур Марзие, Карими-Мотахор Джанолах, – Иран – Тегеран, Издательство: «Марказ – е нашр-е данеш-гахи» (при Министерстве наук, исследований и технологий Ирана), 2011. – 385с.
14. Жигалова, М.П. М.Ю.Лермонтов в школе : учеб. - метод. пособие / М.П.Жигалова. – Брест: БрГУ, 2018. – 159с.
15. Пособие для беженцев по русскому языку : в 2 ч.; Ч.2 / С. И. Лебединский, И.С. Ровдо, М.П.Жигалова. – Минск: Четыре четверти, 2019. – Часть 2. – 280с.
16. Maria Zhigalova. Teacher Education and professional development in the Republic of Belarus: 1990-2020 Overview and future Prospects // THE PALGRAVE HANDBOOK OF TEACHER EDUCATION IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE / Edited by Marta Kowalczyk-Wałędziak Roza A. Valeeva Marija Sablić Ian Mentre. – London: Palgrave Macmillan, 2022. – 544с. – PP. 481-503.
17. Selected aspects of developing literacy skills at different stages of education in the native and foreign language / Editors / Redakcja / Редакция Isabela Dabrowska, Halina Chodkiewicz, Maryia Zhyhalava. – Biala Podlaska, 2019. – 195s.
18. Жигалова, М.П. Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика: монография. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CO.KG. – Berlin, 2011. – 305s.
19. Жигалова, М.П. Полиэтническая литература Малоритчины: интерпретация и анализ произведений: монография. – Брест: Издательство БрГТУ, 2017. – 240с.
20. Жигалова, М.П. «Спешите медленнее жить...» А. Ю. Аврутин: жизнь и творчество. Монография. – Брест: Издательство БрГТУ, 2018. – 164с.
21. Жигалова, М.П. Загадочная сила притяжения. Творчество Валентины Поликаниной: теория и практика анализа: монография / М.П.Жигалова – БрГУ им. А.С.Пушкина, 2020. – 200с.
22. Под звездой великого Пушкина: жизненный и творческий путь Марии Жигаловой: коллективная монография / Сост. Д.Л.Назарук – Смит и др. – Брест: Изд.-во БрГТУ, 2019 – 315с.

9. Самуйлік Я. Р., к.філ.н.,
дацэнт кафедры БіРМ БрДзУ
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 811.163.1:37

РОЛЯ МОВАЗНАЎЧЫХ ПРАЦ ЛАЎРЭНЦІЯ ЗІЗАНІЯ Ў РАЗВІЦЦІ І СТАНАЎЛЕННІ АДУКАЦЫІ НА ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ ЗЕМЛЯХ

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца мовазнаўчыя працы Лаўрэнція Зізанія і іх уплыў на развіццё беларускай літаратурнай мовы, фарміраванне і станаўленне навукова-педагагічнай думкі, свецкай адукацыі на ўсходнеславянскіх землях.

Ключавыя словы: царкоўнаславянская мова, праваслаўе, граматыка, азбука, старабеларускі слоўнік.

Yaroslau Samuilik, Ph.D.,
Associate Professor
of the Department of BIRM BrSTU
(Brest, the Republic of Belarus)

THE ROLE OF LINGUISTIC WORKS OF LAVRENTIY ZIZANIY IN THE DEVELOPMENT AND ESTABLISHMENT OF EDUCATION IN THE EAST-SLAVONIC LANDS

Abstract. The article examines the linguistic works of Lavrentiy Zizaniy and their influence on the development of the Belarusian literary language, the formation and development of scientific and pedagogical thought, and secular education in the East-Slavonic lands.

Key words: Church Slavonic language, Orthodoxy, grammar, alphabet, Old Belarusian dictionary.

З канца XVI–XVII стст. узмацняецца супраціўленне ўсходнеславянскіх народаў палітыцы паланізацыі і акаталічвання, якую настойліва праводзілі польскія ўлады. Беларускія і ўкраінскія пісьменнікі пачыналі выразна

ўсведамляць, што царкоўнаславянская мова з’яўляецца сродкам літаратурна-пісьмовага аб’яднання славянскіх моў. “Ñěĩâáíũñěĩè äĩñěâèòú (ĩàçũèú), ðíóñěĩè ĩàçũèú” у гэты час выступае як фактар еднасці ўсходнеславянскіх этнасаў. У такім значэнні царкоўнаславянская мова супрацьпастаўляецца лацінскай мове каталіцкага Захаду. Даказваюцца перавагі “ñěĩâáíũñěâáĩ ĩàçũèâ” перад польскай мовай. Але асабліваму націску падвяргаецца лацінская мова. Перавагі “ñěĩâáíñěâáĩ ĩàçũèâ”¹ перад лацінскай мовай праваслаўныя пісьменнікі бачаць і ў тым, што ён найбольш блізкі да грэчаскай мовы. Нават абвінавачванні каталіцкіх пісьменнікаў у тым, што царкоўнаславянская мова навукова не распрацавана, яе абаронцы імкнуліся выкарыстаць на карысць “ñěĩâáíñěâáĩ ĩàçũèâ”.

Праваслаўнымі асветнікамі прымаюцца захаваныя вывескі з заняпаду “ñěĩâáíñěĩè ĩàçũèú”. Дзеля гэтага яны, беручы прыклад з філалагічнай распрацаванасці лацінскай мовы, ствараюць падручнікі па царкоўнаславянскай мове. На Беларусі і Украіне ў XVI–XVII стст. з’яўляюцца граматыкі і буквары царкоўнаславянскай мовы, лексіконы, у якіх незразумелыя народу царкоўнаславянскія словы тлумачацца “ðíóñěĩè äĩñěâèòĩ”.

З канца XVI ст. абстраецца палемічная барацьба паміж католікамі і праваслаўнымі. Царкоўнаславянская мова як сімвал праваслаўя павінна была стаць больш гнуткай (г. зн. добра распрацаванай у правапісных і граматычных адносінах) і “баяздольнай”. На ёй патрэбна было весці палеміку з католікамі і ўніятамі. Царкоўнаславянская мова пашырылася ў брацкіх школах у процівагу лацінскай і польскай мовам у езуіцкіх калегіумах. Менавіта таму ў гэты час на Беларусі і Украіне з’явіліся першыя граматыкі і слоўнікі, якія прызначаліся служыць дапаможнікамі пры вывучэнні царкоўнаславянскай мовы [1; 2, с. 44–45; 3; 4, с. 172].

Значнае месца ў гісторыі беларускай, украінскай і рускай культур займаюць мовазнаўчыя працы педагога-гуманіста, лінгвіста, літаратара, перакладчыка, палеміста, царкоўнага дзеяча Лаўрэнція Іванавіча Зізанія (Тустаноўскага; 1550–1560 гг. – каля 1634 г.) “Ãðáíìàð³èà ñěĩâáíñěâ Ñúââðøáííâáĩ èñěíóñòââ ĩñĩè ÷âñòĩè ñěĩââ, è èíũð ĩóæáíũð. Ííâĩ ñũñòââêâáííâ Ë, Z.” і “Íáíóèâ êíó ÷èðáíř, ðĩçĩóĩhĩř ĩèñĩâ ñěĩâáíñěâáĩ, ðíó ðũæ ĩ ñâũðĩè Òðĩéøè è ĩ âú÷èíââ÷âĩñè äĩñĩâĩé” (“Азбука”). Кнігі былі падрыхтаваны асветнікам у Берасці, а выдадзены ў Віленскай брацкай друкарні ў 1596 г. [1; 2, с. 48, 50; 5, с. 180–182; 6, с. 51–66; 7, с. 656–657; 8; 9; 10; 11, с. 36–37, 175–260].

“Ãðáíìàð³èâ...”² Л. Зізанія – першая сістэмная граматыка царкоўнаславянскай мовы, адна з самых дасканалых і грунтоўных мовазнаўчых прац, з якой пачаўся новы этап у гісторыі беларускага мовазнаўства. Яна вучыла пісаць і складаць вершы. Імя і прозвішча аўтара “Ãðáíìàð³èâ...” абазначаны на тытульным аркушы абрэвіятурай – спалучэннем славянскай і лацінскай літар: Ë, Z. Кнігу ўпрыгожвае гравюра невядомага майстра з алегорыяй – жаночая постаць з ключом у руцэ. Побач змешчаны тэкст “Íðĩæíĩ ðũ ñũ êíóñěèøũ ĩèñĩâ ĩóĩhòè, êíòðĩèé íâðĩ÷ú ĩâĩâ ðĩçĩóĩh ðè” (“Дарэмна той хоча пісання ўмеці, які не хоча мяне разумеці”). Мініяцюра

¹ У мовазнаўчых і рэлігійных помніках XVI–XVII стст. даволі пашыранай была з’ява варыянтнасці.

² Пры каменціраванні фрагменты з тэкстаў мовазнаўчых прац, прыклады з іх адаптаваны да сучаснага чытача: агульнапрынятыя ў старажытных помніках цітлы і скарачэнні раскрываюцца; правапіс знамянальных слоў і пунктуацыя набліжаны да сучаснага пісьма, пастаўлены неабходныя знакі прыпынку; уніфікавана графіка (u → íó, w → î, # → ŷ, m → ù і інш.).

“Āḍàììàḍ³èà...” насычана вызначэннямі, правіламі, парадыгмамі скланення іменных часцін мовы, спражэння дзеясловаў. Каб растлумачыць граматычныя паняцці, Л. Зізаній падаваў матэрыял у форме пытанняў і адказаў, прычым адказы ў ёй даюцца на царкоўнаславянскай і на старабеларускай мовах: ×òì , ñòù Āḍàììàḍ³èà; Āḍàììàḍ³èà , ñòù èçàĥñòííà àĥæèñòáí, áæá áèàáíāèàíēàḍè è ìèñàḍè. Óíēēíááííà. Āḍàììàḍ³èà áñòù íááííà áĥááííà, æááúñíú áíáḍá íáèèè è ìèñàèè. ×òì , ñòù íḍíñíáíŷ; Íḍíñíáíŷ , ñòù íóáàḍáííà áèàñà ìèñíáííàáí. ×òì , ñòù èìŷ; èìŷ , ñòù íàḍá÷áííà ááúè, èèè èìŷ , ñòù ÷áñòù ñèíáà ñèèàíŷáíà, íà æá ááúú çíáíáííóáòú, íà áĥèàḍè æá ÷òí èèè ñḍḍàáàḍè. Пры тлумачэнні асобных з’яў царкоўнаславянскай мовы аўтар выкарыстоўваў і асаблівасці беларускай мовы, што надавала граматыцы адметныя рысы, садзейнічала збліжэнню яе мовы з жывой беларускай гаворкай. Мясцовы моўны матэрыял выкарыстаны не як аб’ект даследавання, а як сродак апісання царкоўнаславянскай мовы [1; 2, с. 50–51; 9; 11, с. 182, 185, 195].

“Āḍàììàḍ³èà...” складаецца з чатырох частак: арфаграфіі, прасодыі, этымалогіі і сінтаксісу. Пры тэрэтычным асэнсаванні моўных фактаў і з’яў Л. Зізаній абапіраўся на традыцыі грэчаскай і лацінскай лінгвістычнай тэорыі.

У раззеле “Íá íḍòíāḍáòíē” літары падзелены на зычныя і галосныя: *Ēíēēēí , ñòù ìèñíáíú: 37. à á â ã ä å æ ç ĭ [³] è é ê ì í î ï ð ñ ò ó ô õ ö ÷ ø ù ú ü ĥ @ w # k j fⁿ. Íà éíēēéí ÷áñòíē ḍàçáĥēŷŷŷòñŷ ìèñíáíà; Íà áāĥ: íà áèàñíáŷ è ñíáēàñíáŷ.* Асаблівасці правапісу галосных выкладзены ў раззеле “Ēáííú íḍòíāḍáòíē”. У паасобных выпадках перадаецца аканне (*ñèèàíáííá, ñèèàíŷŷŷòñŷ*), зацвярдзенне шыпячых і ђ, ацвярдзенне губных (*ḍáíḍíó, ÷íáí, áúáóúŷ, èŷáíáú, íñíú*); беларускія формы дзеясловаў (*áúñḍáááíú, ñíàñááíñŷ* і *áúñḍáááéí, ñíàñááí*). У тэксце граматыкі ёсць беларускія словы: *áíóíí, íḍḍááá, ḍíáíúé, èàáíáíáŷ, áĥáàḍè, áàḍíóŷ, íáèèè, íḍàḍíóŷ÷è, áíñúḍú, áæá.*

У другой частцы “Í íḍíñíáíē” Л. Зізаній падрабязна разглядае асаблівасці націску і яго віды. Да таго ж у ёй змешчаны параграф аб ужыванні цітлы і знаках прыпынку.

У трэцяй частцы “Íá áḍèííēíāíē” аўтар граматыкі выдзяляе восем часцін мовы (*ḍàçèè÷íā, èìŷ, íĥñòíèìŷ, áèááíēú, íḍè÷áñòíā, íḍááēíáú, íáḍĥ÷íā, ñúŷçú*). Побач з царкоўнаславянскімі формамі прыводзяцца і ўсходнеславянскія (*áíáíáú, ñíĥáíáú* і *áíáú, ÷áéíááéú; ÷áéíááéàìè, íḍḍí÷áḍàìè* і *íḍḍí÷áḍòú*), формы займеннікаў (*ñíáĥ, óúíú, óúḍú* і *ñááá, ḍĥóú, òí*). Л. Зізаній выкарыстаў уласцівыя беларускай мове сродкі пры апісанні асаблівасцей утварэння ступеней параўнання (“ḍíçñíóæááíŷ”) прыметнікаў пры дапамозе суфіксаў -áéø-, -ø- і прыстаўкі íáé- (*ñáŷòúé – ñáŷòáéøíé, íàèú – íáíøíé – íàéíáíøíé*). Своеасабліва разглядае аўтар катэгорыю прыналежнасці ў мове: *íḍá÷áñèáŷ (Ēíñḍáíòííáè÷, íḍ Ēíñḍáíòííà), áèáñòíáŷ (ḍáḍñéíé, íḍ òáḍŷ), íàçú÷áñèáŷ (íñéíáèḍèíú, íḍú Íñéáú), íóíáèèḍáéíáŷ (çèàḍíñḍáòú, íḍú çèàḍíñḍááí), íḍèíáíáŷ (çèàḍúé, íḍú çèàḍà), áèááíēúíáŷ (÷èḍàḍáèú, íḍú ÷èḍàŷ).* Сярод трох класічных ладоў – “èç’íáàèḍáéíááí” ці “íóèàçàḍáéíááí” (*íḍ÷íḍ, áíŷ*), “íāáèèḍáéíááí” (*áà íḍ÷è, áà áíé*), “æáèàḍáéíááí” ці “íñèèḍááííááí” (*áà íḍ÷íḍ, áà áíŷ*) – ён згадвае лад “íáíḍáááéíú” – інфінітыў (*íḍ÷èḍè, áèḍè*), які канстатуе наяўнасць з’явы, абстрактнае яе найменне. Пройшы час мае сістэму формаў – *ìèíḍááøáá, íḍòŷæáííá, íḍáñíááḍøáííá*, якія спалучаюць у сабе значэнні імперфекта, аорыста, перфекта і плюсквамперфекта.

На апошняй старонцы аўтар “*Āđàìàòìèè...*” звяртаецца да вучняў (“*īēāāāīōāāū*”): “*Īđīēīhōā, āđīōçè īē āūçēřāēāīīē, āāy÷īā òīōř īāēīōř īđāōīō, ā ī āīēōāē ñāìē ñy īñđāđāēōā, ēīēēōū ē īāīā īōāāñāēyēōā*” [1; 2, с. 50–51; 5, с. 180–181; 9; 10; 11, с. 43–44, 45–46, 175–260].

Л. Зізаній быў упэўнены, што на першым этапе, каб авалодаць граматай, неабходна невялікая кніжка, якая вучыла б асновам чытання і пісьма, давала агульныя звесткі пра навакольны свет, тлумачыла новыя паняцці і ў той жа час выходзіла, фарміравала ідэал чалавека. Усё гэта асветнік увасобіў у “Азбуцы” (“*Īāīōēā ēīō ÷ēđāīř, đīçīōīhīř īēñīā ñēīāāīñēāāī, òīō òūæ ī ñāyōđē Ōđīēōē ē ī āū÷ēīāā÷āīē āīñīāīē*”). Кніга выдадзена невялікім фарматам, мае 44 аркушы (88 старонак). “Азбуку” можна ўмоўна падзяліць на тры часткі: матэрыял, які вучыць чытаць і пісаць; дапаможны лексічны матэрыял; царкоўныя палемічныя тэксты і малітвы (мае ж тыя часткі, што і выданні І. Фёдарова). Таму кніга магла выкарыстоўвацца як ў царкоўным, так і свецкім навучанні. Складальнікам першых дзвюх частак быў Лаўрэнцій Зізаній, апошняй – яго брат Стэфан Зізаній. У якасці дадатку да “Азбукі” змешчаны “*Ēāēñēñ ñēđh÷ú đā÷āīyū āūēđāōūōh ñūāđāīū ē ēç ñēīāāīñēāāī īāçūēā īā īđīñōū đīōñēīē āīyēāēōū ēñōīēēīāāīū Ē, Z.*” – першы друкаваны старабеларускі слоўнік. Асноўнае прызначэнне “*Ēāēñēñā...*” – распрацоўка царкоўнаславянскай мовы. Незразумелыя царкоўнаславянскія словы Л. Зізаній тлумачыў сродкамі “простай мовы”. У рээстравай частцы “*Ēāēñēñā...*” налічваецца 1061 слова, а ў тлумачальнай – больш за дзве тысячы. Л. Зізаній імкнуўся размясціць лексемы ў алфавітным парадку, але найчасцей даваў гнёзды аднакаранёвых слоў: *āēřāīō – ñōāđāāīō, āēřāāīā – ñōāđāæhīūā; āđā÷īōř – ēh÷īō, āđā÷āāīēā – ēhēāđñōāī, ēh÷hīūā, āđā÷āñōāī – ēhēāđñōāī, āīēōīđñōāī, āđā÷āā – ēh÷hīūā, āđā÷āāīēōā – āāā ēh÷āō ē òūæ āīōūēā.* Царкоўнаславянскае слова тлумачыцца адным або некалькімі беларускімі адпаведнікамі ці апісальна: *āāīy – ēāçīy; īāñōū – īīñđā; īhēū – āāīī ē òūæū ēđāēāā; āđāēū – æāīēōāā, āāñāēūā; āāñīū – ēāçēā, ñēīāī, āāēēā; āāçēīāīā – īēđāy āīāđīōū; āēīāīūē – òīō, ēīōīđēē āñōū ÷āīō īđē÷ēīř; æāđīā īñēē – ēāīhīū īēūīūē, āēy òīāī īāçūāāōūñy īñēīē, æā īñēāìē īāēřōū.* Многія лексемы з тлумачальнай часткі слоўніка вядомыя сучаснай беларускай мове: *āēāā, āēīōīñōāī, ēēīōīy, ēāçīy, ēāñēā, ēřāçēīñōū, ñīđāāā, òāāđū.* Экзатызмы аўтар тлумачыў, падаючы значэнне слова: *çāēāīē÷īā – āñōū āāđāāī, ēīōīđīā ēhōh ē çēīh çāēāī, īñāīāīā ēēñōūā īāāō çhēūř, īā ēīōīđī ÷āđīēōh īāāīāū đīñđīōō.* Пазначалася, з якой мовы слова запазычана: *āēīē īī āvđāēñēīō āīāū.* Пасля некаторых слоўнікавых артыкулаў Л. Зізаній прыводзіў царкоўнаславянскія кантэксты і фразеалагічныя спалучэнні: *āīhōīēē –īāāāīđīēē, çāāđōīēē, òīāīñāhōīēē. Īāēī īēōīōō āīhōīēē īōāđāōē, īāēū īēōīōō òīāīñāhōīēē īōāđāōh.* Аўтар нярэдка ўводзіў у “*Ēāēñēñ...*” беларускія сінонімы: *āđā÷ – ēhēāđ, āīēōīđū, āēāāēū – īōđōāōā, īñāēāhēū.* У слоўніку пераважаюць нейтральныя словы, аднак сустракаюцца і эмацыянальна-вобразныя, стылістычна афарбаваныя: *ēñōīōēāīū – āūēēōūē āīēūāāīū.* “*Ēāēñēñ...*” – каштоўная крыніца вывучэння слоўнікавага складу беларускай мовы XVI ст., яе сродкаў словаўтварэння, асноўных шляхоў пранікнення запазычанняў. Л. Зізаній першым з усходніх славян выкарыстаў большасць вядомых сёння прыёмаў укладання слоўніка [1; 2, с. 47–48, 55; 4; 5, с. 180, 182–184; 6, с. 54–66; 7, с. 656, 657; 8; 10; 11, с. 37–38; 18, с. 520; 19, с. 169].

Разгледжаныя працы Л. Зізанія аказалі значны ўплыў на развіццё мовазнаўчай навукі і адукацыі ўсходнеславянскіх народаў. “А́бàìàò³èà...” была шырока распаўсюджаным падручнікам у Беларусі, Літве, на Украіне і ў Расіі. Яе добра ведалі таксама ў Сербіі, Балгарыі і ў Польшчы. Некалькі дзесяцігоддзяў падручнік з’яўляўся настольнай кнігай у брацкіх школах. Праца Л. Зізанія стала ўзорам для складальнікаў пазнейшых граматык. У сваю чаргу “Азбука” (“Íàíóèà...”) асветніка заклала асновы распрацоўкі будучых азбукоўнікаў⁷, якія ў XVII ст. у вялікай колькасці з’явіліся ў Расіі. “Ёàёñèñ...” уключаў словы з жывой народнай гаворкі, аблягчаючы разуменне царкоўнаславянскай мовы, што спрыяла развіццю беларускай мовы, якая потым стала часткай літаратурнай. У слоўніку прыведзены самыя разнастайныя звесткі па ваеннай гісторыі, прававым становішчы розных сацыяльных груп насельніцтва ў дзяржаве, па філасофіі, геаграфіі, этнаграфіі, біялогіі, медыцыне.

Такім чынам, мовазнаўчыя працы Л. Зізанія спрыялі развіццю і нармалізацыі беларускай мовы, фарміраванню і станаўленню навукова-педагагічнай думкі, свецкай адукацыі на ўсходнеславянскіх землях. Яны ўводзілі якасна новыя рацыяналістычныя паняцці і пашыралі кола ведаў, неабходных вучням ва ўмовах развіцця эканомікі і культуры сярэднявечных гарадоў. Вучэбныя кнігі Л. Зізанія – неацэнная духоўная каштоўнасць, узор шырокіх інтэлектуальных пошукаў, творчых памкненняў і шчодрога плёну гэтага майстра слова і глыбокага мысляра [1; 5, с. 180, 182; 6, с. 57; 10; 12, т. 1, с. 153–154; 15, с. 28; 18, с. 519].

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Гісторыя беларускага мовазнаўства [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://smekni.com/a/50685-2/gstoryya-belaruskaga-movaznastva-2/>. – Дата доступу: 20.02.2021.
2. Леванцэвіч, Л. В. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дамаможнік / Л. В. Леванцэвіч. – Мінск : РІВШ, 2020. – 192 с.
3. Русский язык в рукописных и печатных источниках до середины 17 века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zhenziyou.livejournal.com/41073.html>. – Дата доступа: 12.12.2021.
4. Самуйлік Я. Р. Роля мовазнаўчых прац Івана Фёдарова ў станаўленні адукацыі на ўсходнеславянскіх землях / Я. Р. Самуйлік // Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове : зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Л. В. Леванцэвіч, Т. А. Кісель, Н. Р. Якубук. – Брэст, 2021. – С. 172–176.
5. Асветнікі зямлі беларускай, X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2001. – 492 с.
6. Батвіннік, М. В. Азбука на ўсе часы / М. В. Батвіннік. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 288 с.

⁷ Азбукоўнікі – першыя ўласна лексікаграфічныя працы, якія складаліся з азбукі са складамі і пропісямі, а таксама паводле сціслых граматычных, гістарычных і рэлігійна-павучальных звестак. Азбукоўнікі прызначаліся галоўным чынам для тлумачэння Святога Пісання і навучання грамаце. Словы падаваліся па алфавіце, указвалася іх паходжанне, пераклад і тлумачэнне. Многія слоўнікавыя артыкулы ўтрымлівалі інфармацыю па гісторыі, прыродазнаўстве, касмаграфіі. У азбукоўніках сумяшчаліся задачы будучых тлумачальных, арфаграфічных, этымалагічных, энцыклапедычных слоўнікаў, а таксама слоўнікаў іншамовнай лексікі.

7. Вялікае Княства Літоўскае : ВКЛ : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 1. – 2005. – 687 с.

8. Зизаний, Л. Азбука [Электронны ресурс] / Л. Зизаний // Российская национальная библиотека (РНБ). – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_115757/. – Дата доступа: 21.11.2021.

9. Зизаний, Л. Грамматика славенская [Электронны ресурс] / Л. Зизаний // Российская национальная библиотека (РНБ). – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_117018/. – Дата доступа: 21.11.2021.

10. Лаўрэнцій Іванавіч Зізаний [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Режим доступа: https://be.wikipedia.org/wiki/Лаўрэнцій_Іванавіч_Зізаний. – Дата доступа: 26.01.2021.

11. Яскевіч, А. А. Старабеларускія граматыкі: да праблемы агульнафілал. цэльнасці / А. А. Яскевіч. – 2 выд. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 352 с.

12. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996–2004. – 18 т.

13. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1999. – 2 т.

14. Левицкий, Ю. А. Исторические открытия в лингвистике [Электронный ресурс] / Ю. А. Левицкий // Вест. Удмуртского ун-та. Сер. «История и филология». – 2009. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-otkrytiya-v-lingvistike/viewer>. – Дата доступа: 25.12.2021.

15. Новый словарь иностранных слов. – Минск : Современный литератор, 2008. – 1088 с.

16. Санчес, Франциско [Электронный ресурс] // Википедия : свабод. энцыкл. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Санчес,_Франциско. – Дата доступа: 25.12.2021.

17. Сем вольных мастацтваў [Электронны рэсурс] // Выкіпедыя : свабод. энцыкл. – Режим доступа: https://be.wikipedia.org/wiki/Сем_вольных_мастацтваў. – Дата доступа: 30.12.2021.

18. Сучасная беларуская літаратурная мова : вучэб. дапам. / Д. В. Дзятко [і інш.] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – Мінск : Выш. шк., 2017. – 588 с.

19. Сучасная беларуская мова : вучэб. дапам. / Л. М. Грыгор'ева [і інш.] ; пад агул. рэд. Л. М. Грыгор'евай. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 558 с.

10. Статкевич Е. В., преподаватель
филиала БрГТУ “Пинский
индустриально-педагогический колледж”
(г. Пинск, Республика Беларусь)

УДК 37.015.31:7.01-057.874

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. В статье предлагается педагогический инструментарий поддержки формирования эстетических ценностей у учащихся через использование в данном процессе личностных образцов отечественной и мировой культуры.

Ключевые слова: эстетическая ценность; красота; гармония; идеал; старшеклассник; личностный образец.

Statkevich E.V., Teacher of the
BrSTU branch “Pinsk Industrial
and Pedagogical College”
(Pinsk, Republic of Belarus)

TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF AESTHETIC VALUES OF STUDENTS

Abstract: The article offers pedagogical tools to support the formation of aesthetic values among students through the use of personal samples of national and world culture in this process.

Keywords: aesthetic value; beauty; harmony; ideal; high school student; personal sample.

Педагогическая поддержка является технологией образования, которая отличается от традиционных методов обучения и воспитания тем, что осуществляется именно в процессе диалога и взаимодействия ребенка и взрослого и предполагает самоопределение ребенка в ситуации выбора и последующее самостоятельное решение им своей проблемы. Все это можно выразить в формулировке,

предложенной М. Монтессори: «Помоги мне это сделать самому, ничего не делая за меня, направь в нужное русло, подтолкни к решению, а остальное я сделаю сам» [1].

Необходимость педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся старшего школьного возраста обусловлена целью всей воспитательной системы – формированием основополагающей способности человека быть субъектом своей жизни, что означает осознавать свое «я» в связях с окружающей действительностью, осмысливая себя как носителя отношений и исполнителя деятельности, при этом ощущая автономию своего «я», внутреннюю независимость. И понимать, что и зачем делает «здесь и сейчас», предвидя определенные результаты.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в старшем школьном возрасте, в период мировоззренческого и жизненного самоопределения, когда старшеклассники вовлечены в процесс самопознания и нуждаются в сформированных критериях жизненно значимых выборов. Поэтому важно заложить у учащихся в этом возрасте представления о красоте, гармонии, идеале как личностно значимых критериях оценки жизнедеятельности, способствующих самоопределению и самореализации в основных сферах их жизнедеятельности: учебно-профессиональной, социальной (общественной), досуговой, сфере межличностных отношений.

Достаточно высокий уровень развития самосознания и склонность к самоанализу позволяют учащимся воспринимать себя частью мира, осознавать собственную индивидуальность, выстраивать свое «я», вырабатывать внутреннюю позицию и собственные взгляды, формировать целостное отношение к себе в соответствии с эстетическими критериями. Обретая способность погружаться в себя, в свои переживания и эмоции, учащиеся заново открывают для себя окружающий мир.

Технология педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся представляет собой целенаправленную систему педагогических действий, которые обеспечивают становление у учащихся мотивационной и операциональной сторон осознанного управления своим развитием.

Технология педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся старшего школьного возраста имеет целевой, концептуальный, содержательный, деятельностный и результативный компоненты, которые представляют собой единую функционирующую систему.

Целевые ориентиры педагогической поддержки

Целевой компонент педагогической поддержки формирования у учащихся эстетических ценностей красоты, гармонии и идеала можно представить через следующие целевые ориентиры:

- актуализировать потребность учащихся в самопознании в целях поиска личностного смысла эстетических категорий красоты, гармонии, идеала в жизнедеятельности человека (поиска смысла жизни, выбора жизненной стратегии);
- способствовать накоплению опыта переживаний эстетических ценностей красоты, гармонии, идеала в основных сферах жизнедеятельности;

- формировать знания, представления учащихся, необходимые для самоопределения и самореализации старшекласников в основных сферах жизнедеятельности с позиции эстетических критериев;
- обогащать опыт деятельности и рефлексии в основных сферах жизнедеятельности учащихся в ориентации на красоту, гармонию, идеал;
- стимулировать выбор целей и способов своей активности в основных сферах жизнедеятельности в соответствии с представлениями о красоте, гармонии и идеале как эстетических критериях познания и преобразования действительности и самого себя;
- способствовать выявлению и осмыслению учащимися проблем, с которыми они сталкиваются в учебно-профессиональной, общественной, досуговой, межличностной сферах, научить их решать с позиций красоты, гармонии, идеала;
- помочь учащимся осознать цели и перспективы жизненного и профессионального самоопределения с позиций красоты, гармонии, идеала.

В старшем школьном возрасте в центре интересов личности являются мировоззрение и профессиональное самоопределение. Это время поиска смысла жизни и своего места в мире, осознание себя и ответа на вопрос: «Кем и каким быть?», определения жизненных приоритетов, в том числе и эстетических, планов, перспектив, проектирования будущего с учетом формирующихся идеалов.

Концептуальными основаниями педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся выступают идеи и ценности личностно ориентированной педагогики, что означает принятие личности школьника в качестве ведущей цели образования. Ученик рассматривается как субъект жизнедеятельности, цель, результат и главный критерий эффективности данного процесса.

Личностно ориентированный подход определяет выбор методов и приемов педагогического взаимодействия, которые отвечают требованиям проблемности, диалогичности, деятельностно-творческого характера, поддержки индивидуального развития учащегося, свободы выбора содержания и способов деятельности, обеспечивающей более эффективное развитие личности учащегося.

Методологическими регулятивами личностно ориентированного подхода выступают:

- *принцип культурной самоидентификации* предполагает создание условий, способствующих осознанию и принятию учащимися своей индивидуальности как носителя определенной культуры в определенных ее формах;
- *принцип самоактуализации* предполагает создание условий, способствующих стимулированию и развитию процессов самоактуализации и самореализации учащихся в опоре на их интересы и потребности;
- *принцип субъектности* предполагает создание условий, способствующих осмыслению, преломлению и оцениванию внешнего опыта взаимодействия с миром сквозь призму внутреннего «я», где основное место занимает позиция субъекта. Субъектность трактуется через включенность в деятельность как способность самостоятельно ставить и решать задачи различных видов деятельности;
- *принцип выбора* предполагает создание условий, способствующих проявлению учащимися избирательности в части свободы выбора личностью собственной позиции, целей и средств ее реализации;

– *принцип творчества и успеха* – стимулирование творческой активности, развитие желания к достижению результата, демонстрация уверенности в успехе совместной деятельности;

– *принцип доверия и поддержки* предполагает доверительное уважение между учеником и учителем, диалогичность во взаимоотношениях, сотрудничество и сотворчество. Педагог не навязывает свои взгляды ученикам, а стимулирует их к самостоятельному познанию, оказывая им всяческую поддержку в этом. Тем самым он способствует их самосовершенствованию и самореализации;

принцип эмоциональной вовлеченности – создание условий, обеспечивающих эмоционально-оценочную активность учащихся (вербальную и невербальную).

Содержательный компонент педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся составляют эстетические ценности: красота, гармония, идеал, позволяющие ощутить и осмыслить их личностную значимость в самоактуализации человека.

Выступая основой выбора стратегии и смысла жизни эстетические ценности нацеливают человека на наиболее полное раскрытие своей индивидуальности через плодотворность (способность использовать свои силы и реализовывать свои возможности).

Становление способности к саморазвитию, самоорганизации в основных сферах жизнедеятельности в рамках культуры невозможно без осмысления и проживания учащимися эстетических ценностей, без их ценностного отношения к красоте, гармонии, идеалу как ориентирам и критериям жизнедеятельности человека.

Эстетические ценности, ставшие достоянием индивидуального сознания учащихся и ассимилированные в их опыте, меняют их отношение к выбору целей и способов своей активности в основных сферах жизнедеятельности. Так, с *позиций красоты*:

– учебно-профессиональная деятельность раскрывается сквозь призму поиска истины как сфера наилучшего приложения потенциальных возможностей и творческих способностей обучающихся, связывается с избирательностью профилей и предметов, осознанием личностной и общественной значимости творческой самореализации в избранном направлении, с профессиональным и жизненным самоопределением учащихся, развитием у них самостоятельности, активности и креативности в постановке и решении различных задач;

– общественная деятельность предстает как социальное служение (долг, ответственность, милосердие, поддержка) и социальное творчество (создание красоты в социуме через предметный мир и нормотворчество) и фиксируется в красоте ценностных ориентаций учащихся, их жизненных идеалов, гражданской позиции, в их духовном богатстве;

– досуговая деятельность выражается в культурной организации учащимися свободного времени в соответствии со своими интересами и предпочтениями, разворачивается как развитие и реализация творческого потенциала личности, расширение возможностей индивида именно как субъекта деятельности, проявляется в творческой адаптации к социуму, в самоопределении и профессиональном выборе;

– сфера межличностных отношений (дружба, любовь) строится в ориентации на толерантность, психологический комфорт и открытость к сотрудничеству, выражается в понимании дружбы как взаимодействия на основе общности интересов, понимания, доверия, поддержки, заботы и ответственности, в осознании красоты любви как творчества, деятельности по участию в жизни другого человека и его поддержки в различных жизненных ситуациях.

В контексте *эстетической категории гармонии*:

– учебно-профессиональная деятельность рассматривается в сочетании объективных требований к ней и субъективных возможностей учащихся как способность к ее самостоятельной организации на рефлексивной основе, выражается в учебном взаимодействии на основе сотрудничества и диалога, фиксируется в высокой удовлетворенности учебно-профессиональной деятельностью, укрепляющей мотивы высоких достижений в ней;

– общественная деятельность рассматривается сквозь призму сплоченности коллектива, группы, эмоционально-психологического комфорта совместной деятельности, раскрывается в возможности самоопределения в многообразии форм и объектов социальных проб с учетом своих предпочтений, выражается в координации личных и общественных интересов как возможности проявлять и развивать собственную инициативу, проявляется в гармонизации процессов социализации и индивидуализации учащихся посредством творческой самореализации в общественно-полезной деятельности по улучшению общественных отношений, преобразованию ситуаций, складывающихся в окружающем социуме;

– досуговая деятельность понимается как удовлетворение экзистенциальных потребностей учащихся в общении, дружбе, в совместном творчестве, предоставляющем возможность личностного и профессионального саморазвития в любимой деятельности, проявляется в балансе разума, чувств, эмоций, физических сил и социальных событий, дающих ощущение полноты жизни, внутренней гармонии;

– сфера межличностных отношений оценивается с позиций взаимопонимания, взаимоуважения, взаимопомощи, согласованности действий, общности чувств и интересов, совместного принятия решений, находит выражение в принятии Другого, открытости Иному, эмоциональном комфорте и душевной близости, в счастье. Ощущение гармонии в межличностных отношениях (дружба, любовь) является мощным стимулом к саморазвитию учащихся.

С позиций *эстетического идеала*:

– учебно-профессиональная деятельность раскрывается как стремление учащихся к самосовершенствованию, характеризуется наличием у них образцов творческой самореализации в профессии, служащих эталонами оценки самих себя, умением видеть перспективу своего развития и выстраивать стратегию личностного и профессионального развития, проявляется в индивидуальном стиле учебно-профессиональной деятельности как механизме творческой самореализации;

– общественная деятельность учащихся характеризуется наличием у них идеальных образцов социального служения и социального творчества как направлений и способов самосовершенствования, раскрывается как осмысленная и построенная стратегия (инициатива, план, проект) индивидуальной или

групповой активности в создании красоты и гармонии в предметной, материальной и социальной среде (творить добро, творить красоту);

– досуговая деятельность раскрывается через стремление к культурной организации свободного времени, проявляется в широкой осведомленности относительно целей, содержания, возможных форм культурной организации досуга, характеризуется наличием у учащихся культурных образцов свободного времяпровождения и осознанным выбором культурно-досуговой деятельности, которая носит развивающий характер и приносит эстетическое наслаждение;

– межличностные отношения строятся и оцениваются на основе культурно и личностно значимых критериев дружбы, любви, эффективного общения и межличностного взаимодействия.

Таким образом, как явление индивидуального опыта эстетические ценности учащихся представляют собой сложившиеся в сознании представления о красоте, гармонии, идеале, которые определяют предпочитаемые выборы целей и средств своей активности в основных сферах жизнедеятельности с позиций эстетических критериев.

Содержательный компонент педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся связан:

- со стимулированием переживания ценностей красоты, гармонии, идеала;
- формированием знаний, представлений учащихся о красоте, гармонии, идеале;
- содействием в постижении (осознании личностной значимости) и созидании прекрасного в жизни и деятельности;
- наращиванием опыта самоопределения в основных сферах жизнедеятельности с позиций красоты, гармонии, идеала.

Деятельностный компонент педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся.

Формирование эстетических ценностей учащихся может осуществляться посредством:

– разнообразных форм «диалога с Другим»: известными персоналиями в мировой и отечественной культуре, героями художественных произведений, учителями, родителями, с самим собой, сверстниками и т. д.;

– ценностного осмысления роли и значения красоты, гармонии, идеала в основных сферах жизнедеятельности человека («Что это дает?»);

– анализа своих чувств и отношений к эстетическим ценностям в основных сферах жизнедеятельности («Что я переживаю?»);

– самопознания мотивов и предпочтений в выборе средств и способов общения с эстетическими ценностями в основных сферах жизнедеятельности («Зачем, для чего мне это надо?»);

– анализа своих успехов и неудач с позиций эстетических критериев в общении, взаимодействии, деятельности в основных сферах жизнедеятельности и их причин;

– рефлексии взаимосвязи процесса и результатов взаимодействия, общения, отношений, деятельности с позиций эстетических критериев в основных сферах жизнедеятельности со своими личностными особенностями (предпочтениями, ценностями, мотивами, привычками и т. д.);

- оценки и характеристики качественных изменений, приращений (личных достижений) во всех структурных компонентах личности;
- сравнения себя «вчера» и «сегодня» (своих знаний, умений, предпочтений) в конкретных ситуациях в учебно-профессиональной, досуговой, общественной и межличностной сферах;
- социального сравнения (сопоставления собственного мнения о себе с представлениями о себе других людей).

Методы и технологии, используемые в формировании эстетических ценностей, направлены на активизацию эстетического сознания учащихся, интенсификацию их эмоционально-оценочной активности и обогащение опыта деятельности и рефлексии в основных сферах их жизнедеятельности.

Для этого могут быть использованы активные и интерактивные методы:

- *методы формирования эстетического сознания*: информационно-коммуникативные (групповая дискуссия, диспут, решение ситуаций, эвристическая беседа, метод ИКТ), проблемное изложение материала, метод эстетического убеждения, аксиологическая рефлексия;

- *методы стимулирования и мотивации*: наглядные методы (показ репродукций, прослушивание произведений, инсценировка), метод синтеза различных видов искусства, игрового проектирования, метод создания воспитывающих ситуаций, ассоциативное сопоставление и сравнение, эмоционально-оценочная рефлексия;

- *методы обогащения опыта*: метод проектов (образовательных, литературных, музыкальных, художественных, социальных).

Эффективными формами педагогической поддержки являются те, которые способствуют развитию субъектной позиции учащихся. Большим воспитательным эффектом в данном направлении обладают презентации, защиты проектов, дискуссии, диспуты, выступления и др.

Важным фактором в формировании эстетических ценностей учащихся являются методы и приемы интерактивного обучения: мозговой штурм, аквариум, дерево решений, дебаты, тренинги и др. [2]. Являясь диалоговыми по своей природе, они создают условия для взаимообмена идеями, смыслами, запускают рефлексивные размышления.

Оценочный компонент педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся. Отслеживать динамику сформированности эстетических ценностей учащихся можно по следующим показателям:

- заинтересованность в усвоении и обогащении эстетических знаний;
- широкий общекультурный и эстетический кругозор;
- сформированность эстетических понятий красоты, гармонии, идеала и понимание их значимости в жизнедеятельности человека;
- обоснованность суждений об эстетических ценностях, явлениях, процессах;
- выраженность эстетического переживания в форме развернутого эмоционально-оценочного суждения;
- выбор целей и способов своей активности в основных сферах жизнедеятельности осуществляют с позиций красоты, гармонии, идеала.

Таким образом, технология педагогической поддержки формирования эстетических ценностей ориентирована на рассмотрение человека, способного проявлять свою индивидуальность, превращать собственную жизнедеятельность в

предмет практического преобразования, относиться к самому себе, оценивать себя, выбирать способы своей деятельности, контролировать ее ход и результаты с позиций эстетических критериев.

Личностные образцы ученых, поэтов, музыкантов, художников, летчиков, инженеров, педагогов и др. выдающихся людей выступают важным средством педагогической поддержки формирования эстетических ценностей учащихся. На примере образцов, взятых из жизни выдающихся людей, рождается собственный смысл эстетической ценности, который будет определяющим фактором дальнейшей ее реализации в различных сферах жизни и деятельности учащихся.

Например:

Родился Василь Владимирович Быков в деревне Бычки Ушачского района Витебской области в крестьянской семье. Мальчик с детства тянулся к знаниям, творчеству, причем учился не только сам, но и заставлял сестру, которая была младше него на два года — даже в школу они пошли вместе. Первые восемь классов Быков окончил в деревне Кубличи, а в 1939 поступил в Витебское художественное училище на отделение скульптуры. Это образование заняло всего два года, поскольку в 1940 были отменены стипендии и семья Быкова не могла позволить себе дальнейшее содержание мальчика. По воспоминаниям Валентины Быковой (сестры писателя), их родители были бедны настолько, что у детей не было даже обуви — отец вытачивал подошву из дерева, а ребята сами обшивали ее тканью и крепили к ногам. Остановить Василя это не могло — он начал учиться самостоятельно, затем пошел в школу фабрично-заводского обучения, где начал и работать, и получать строительную специальность. Летом 1941 года экстерном сдал экзамены за 10 класс. Перед самой войной Василий Владимирович собирался поступать в индустриальный институт города Шостка Сумской области. Но грянула война, и подросток был мобилизован на строительство оборонительных укреплений. Летом 1942 года Василию Быкову исполнилось восемнадцать лет, и он был призван в армию. Его послали в Саратовское пехотное училище и уже в ноябре 1943 года девятнадцатилетний офицер, младший лейтенант, попал на фронт. После Победы остался в армии и десять лет служил офицером на Дальнем Востоке, Украине и Беларуси. Тогда же он начал и писать. Однако любовь к живописи, графике, скульптуре он пронес через всю жизнь [3;4].

ДИСКУССИОННОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Докажите или опровергните следующие утверждения:

- Без великих препятствий не может быть великих достижений!
- Чтобы дойти до цели человеку, нужно только одно. Идти.
- Всякое настоящее образование добывается только путем самообразования.

Владимир Семенович Короткевич с самого раннего детства интересовался историей, особенно Белоруссии, любил природу. В доме Короткевичей было много книг. Мальчик научился читать уже в три с половиной года, позднее научился писать, а создавать свои первые стихотворения начал в шесть лет.

Кроме обычной школы посещал и музыкальную. Еще в довоенные годы отослал письмо К. И. Чуковскому, на которое получил ответ. К началу войны окончил три класса. Во время Великой Отечественной войны находился с семьей в эвакуации в Москве, на Рязанщине, в окрестностях Кунгура на Урале, позже в Оренбурге и Киеве. В 1944 году вернулся в Оршу, где получил среднее образование. В послевоенные годы Владимир, оршанский школьник, разместил на страницах рукописного журнала «Звончек» несколько своих стихотворений, а также первую свою приключенческую повесть «Загадка Нефертити». Любовь к литературе привела юношу в стены Киевского университета на филологический факультет. Владимир Короткевич изучал, записывал и широко использовал в своем творчестве фольклор, воспринимая его как духовное сокровище народа. Будучи студентом, он исследовал в своей дипломной работе социальные сказки и легенды в восточнославянском фольклоре. Студенчество для Короткевича было временем поисков и становления как личности и творца. В Беларусь Владимир Семенович Короткевич вернулся уже большим эрудитом, интеллектуалом. Поэт стремился понять место своего народа среди других народов мира. Могущество и бессмертие он видел в деятельности Скорины, Калиновского, Богдановича и других исторических личностей, что и отразил в своих произведениях «Скарына пакідае радзіму», «Нявесце Каліноўскага», «Багдановічу». Наиболее известны такие произведения писателя, как повести «Дикая охота короля Стаха», «Седая легенда», романы «Колосья под серпом твоим», «Христос приземлился в Гродно», «Черный замок Ольшанский», эссе «Земля под белыми крыльями» [5;6].

С ВЕЛИКИМ – ЗАПРОСТО

1. Что сказали бы вы при встрече с Великим?

Начальные фразы:

- Если бы я встретился со студентом Короткевичем...
- Мне бы хотелось спросить у писателя Короткевича...
- Я обсудил бы с поэтом Короткевичем проблему...
- У белорусского сценариста мне интересно узнать...
- Я поговорил бы с Короткевичем как с Человеком о красоте внутреннего

мира ...

2. Продумайте обращение к Короткевичу, которое может быть изложено в форме вопроса и ответа, размышления, воспоминания факта из жизни.

3. Осуществление диалога в свободной форме, позволяющей включаться в разговор другим учащимся.

4. Рефлексия состоявшегося разговора

Список использованной литературы:

1. Монтессори, М. Мой метод: руководство по воспитанию детей от 3 до 6 лет / М. Монтессори; пер. с англ. А. В. Колесниковой, Е. А. Рязанцевой. – Москва : Центрполиграф, 2011. – 414 с.
2. Кашлев, С. С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов / С. С. Кашлев. – Минск : Университетское, 2000. – С. 34–37.
3. Василь Быков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biographe.ru/znamenitosti/vasil-bikov/>. – Дата доступа 20.03.2022.

4. Дедков, И. Василь Быков: повесть о человеке, который выстоял / И. Дедков. – Москва : Советский писатель, 1990.
5. Короткевич Владимир Семенович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Короткевич, Владимир Семенович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Короткевич,_Владимир_Семенович). – Дата доступа 08.03.2022.
6. Минский, А. Владимир Короткевич и новый герой белорусской культуры / А. Минский // Деда : дайджест публикаций о белорусской истории. – Минск, 2009. – 2013. — Вып. 11. — С. 307—314.

11. Чагайда Ю. Н., к.фил. наук,
доцент кафедры БиРЯ УО «БрГТУ»
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 808.2-085.3

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития образа персонажа художественного произведения, а также подходы к рассмотрению образов персонажей.

Ключевые слова: художественное произведение, персонаж, динамика развития образа персонажа.

Yu.N. Chagaida, Candidate of Philological
Sciences, Associate Professor of the
Department of BIRYA UO "BrGTU"
(Brest, Republic of Belarus)

FEATURES OF THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE IMAGE OF A CHARACTER IN A ARTWORK

Annotation. The article discusses the features of the development of the image of a character in a work of art, as well as approaches to considering the images of characters.

Key words: work of art, character, character image development dynamics.

Существуют разные подходы к рассмотрению образов персонажей: литературоведческий и лингвистический. В литературоведении художественный образ представляет собой «серию последовательных появлений одного лица в пределах данного текста – изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях» [1, с. 89]. Лингвистика «стремится не только к раскрытию смысла образа персонажа, но и к познанию тех закономерностей, которые обуславливают их появление» [2, с. 41]. Применение лингвопоэтической методики позволяет, во-первых, выделить в текстовом поле художественного образа значимые в смыслообразующем отношении содержательные фрагменты, во-вторых, определить системные языковые факторы, которые оказываются наиболее востребованными в процессе создания художественного образа.

Следует отметить, что динамика развития образа персонажа художественного текста может быть двух видов – событийной и смешанной. Событийная динамика предполагает, что количество действующих лиц в тексте является неизменным, а меняются лишь события вокруг них. Такая модель характерна для произведений, где необходимо дать моментальный слепок на фоне одного события. Так, в центре повести В. Быкова «Сотнікаў» – поход Рыбака и Сотникова на задание и их последующее заключение под стражу, в романе Б. Васильева «В списках не значился» – оборона Брестской крепости.

Смешанная динамика, с одной стороны, предполагает, что событийное движение порождает изменение в поведенческих установках персонажа. В этой связи главный герой художественного текста может оставаться статичным, меняется лишь отношение к нему референтного круга. Например, в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» старшина Васков в глазах своих бойцов предстает сначала *пеньком замшелым, товарищем старшиной среднегорода*, а по мере развития событий он становится для них *Федотом и братом*.

С другой стороны, изменению могут подвергаться ценностные установки персонажа. Так, в повести В. Быкова «Жураўліны крык» можно выделить событийно насыщенные ретроспективный (воспоминания) и реальный (референтный) планы повествования. В данном произведении эти позиции носят равновесный характер. Это значит, что пока взаимопонимание не достигнуто, старшина Карпенко в глазах своих бойцов – *камандзір, старшына, старшына Карпенка, саманадзейны служака Карпенка, таварыш старшына* и только потом *братка и таварыш*.

Развитие образа персонажа вовсе не является неперенным условием изображения человека в литературе. Не менее интересными могут быть характеры статичные, не меняющиеся. Как правило, такие персонажи появляются в тех случаях, когда писателя интересует определенный тип личности, представляющий общественный интерес или замечательный полнотой проявления каких-либо ярких общечеловеческих качеств. Так, например, изображены характеры персонажей Н.В. Гоголя в «Ревизоре» и «Мертвых душах», где чиновники и помещики представляют русское дворянство с его общественными и нравственными пороками. Писатель тщательно индивидуализирует своих персонажей, но при этом они остаются людьми вполне сложившимися, как бы «вросшими» в мир привычных отношений, в мир окружающих их вещей.

Находясь в парадигме ономаσιологического анализа, наиболее важными феноменами при рассмотрении динамики развития образов персонажей в художественных произведениях являются введенные нами понятия – ономаσιологический способ, способ системной языковой фиксации материала и когнитивные планы повествования. Более подробно указанные понятия рассмотрим на примере романа Б. Васильева «В списках не значился».

Под **ономаσιологическим способом** понимается характер сюжетного накопления номинативного материала, к которым относятся ретроспективное повествование, актуальное повествование и рефлексивная форма повествования:

- **ретроспективное повествование** (воспоминания героя). Так, например, курсант Николай Плужников вспоминает встречу с генералом (*«когда он приказал Коле охранять имущество, пока не придет смена или не отменят приказ»*), родных и близких (*«во время боя он успел вспомнить что-то милое-милое – маму или Верочку, – но все это заняло лишь долю секунды»*), свой первый день в Брестской крепости (*«просыпаясь в холодном поту, он особенно старательно вспоминал именно первый день: встречу с Сальниковым и Денищиком, первую атаку и первый бой, и то, как постыдно потерял он выданный лично ему пистолет»*), мирную довоенную жизнь (*«он вспоминал свое молодое нетерпение, надраенные сапоги, уютную, мягкую, чистую гимнастерку»*);

- **актуальное повествование** (авторская позиция), при котором совмещаются объективная позиция стороннего наблюдателя (автора) и субъективное восприятие персонажа, включенного в изображаемую действительность. Другими словами, авторская позиция представляет собой понимание и оценку писателем характеров людей, событий, идейных и нравственных проблем, поставленных в литературном произведении. Авторская позиция проявляется в романе Б. Васильева прежде всего в отражении ожидаемого (*«Коля с нетерпением ожидал увидеть нечто вроде Кремля, но впереди чернело что-то бесформенное»*) и действительного в образе персонажа (*«он бежал во весь рост, не пригибаясь, чтобы не выглядеть трусом в глазах перепуганного парнишки в синей майке»*);

- **рефлексивная форма повествования** – внутренний мир персонажа, включающий в себя его мысли, чувства, переживания. Например, переживания персонажа в связи с отношениями в коллективе (*«Плужников подумал, что никакой он не командир, что все вопросы за него решает либо сержант, либо смуглый пограничник...»*), в связи с личными качествами (*«он думал, что он один, в немом одиночестве, но немота прорвалась и одиночество отступило, и он понял что прошлое – его собственность, его достояние и его гордость»*), в связи со служебными обязанностями: (*«он понимал, что бой закончился, что сам он уцелел и, кажется, даже не ранен, но не испытывал сейчас ничего, кроме тошноты и усталости»*).

Способом системной языковой фиксации материала мы называем характер накопления номинативного материала по формально выраженным признакам, к которым относятся:

- *полевой способ*, который предполагает, что в основе исследуемого номинативного материала лежит общий семантический признак, рассматриваемый как некоторая понятийная категория, соотносящаяся с персонажем. В нашем исследовании такой категорией выступает ролевая сюжетная соотнесенность номинации, то есть связь с героем художественного произведения и его действиями;

- *лексико-грамматический способ*, при котором грамматические категории, которые наблюдаются в художественном тексте и выражены следующими языковыми средствами: предикативность / непредикативность номинативных единиц, переходность / непереходность, наличие категории лица / отсутствие категории лица, залоговость.

Под **когнитивными планами** понимаются системные содержательные характеристики персонажа, которые мотивируют наличие или отсутствие у героя художественного текста определенных поведенческих качеств. Речь идет о том, что следует обнаружить в художественном тексте языковые феномены, которые задают содержание ономаσιологического портрета персонажа, а также определяют высокую степень свободы автора.

Необходимо отметить, что когнитивные планы отличаются от традиционно выявляемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, ассоциативного поля тем, что имеют комплексный характер, включая в свой состав все перечисленные типы групп. Нами выделены когнитивные планы «свой – чужой», «активный – пассивный», «герой – предатель», «успешный – неуспешный». Данные когнитивные планы выбраны на основании тематики военных произведений, однако могут быть применимы к любым художественным текстам.

Таким образом, введение указанных выше понятий позволяет определить необходимые основания для различения действующих лиц в художественном произведении, раскрыть ономаσιологическое содержание образов героев на материале исследуемых текстов, а также задать набор характеристик, который позволит создать ономаσιологический портрет персонажей и проследить за динамикой развития образов действующих лиц.

Список использованной литературы:

1. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. – 222 с.
2. Тодоров, Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: "за" и "против" : сб. ст. / под ред.: Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М. : Наука, 1975. – С. 37-113.

12. Шафаростава Я.И.,
ученица 10 кл.
СШ №1 г. Бреста
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

Бяльчук Л.М.,
учительница белорусского языка
и литературы высшей категории
СШ №1 г. Бреста
(г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

УДК 39 (=161.3)

ЗНАЧЭННЕ І МАГЧЫМАСЦІ СТРЫТ-АРТ-ТЭХНАЛОГІІ Ў ЭСТЭТЫЗАЦЫІ ВУЛІЦ БРЭСТА

Анотацыя. У артыкуле разглядаецца значэнне і магчымасці стрыт-арт-тэхналогіі ў эстэтызацыі вуліц горада Брэста.

Ключавыя словы: стрыт-арт-тэхналогія, мурал, горад, эстэтызацыя, культура, Брэст

E.I. Shafarostava, L.M. Bialchuk

SIGNIFICATION AND OPPORTUNITIES STREET-ART-TECNOLOGY OF AESTHETICIZACION BREST STREETS

Annotation: the article considers the street-art-technology signification and opportunities of aestheticization of Brest streets.

Key words: street-art-technology, mural, city, aestheticization, kultural, Brest.

Жыццё і вобраз сучаснага горада непасрэдна звязаны з фарміраваннем культуры грамадства. Гарадское асяроддзе не толькі фарміруе чалавека, але і выходзіць яго: гэтая сувязь з мінулым і прагноз будучыні. Спачатку мы ствараем асяроддзе, а потым яно фарміруе нас.

Ці адрозніваецца чалавек, які бачыў прыгажосць гістарычнага цэнтра горада ад таго, хто вырас сярод аднолькавых панэльных дамоў? Адказ відавочны:

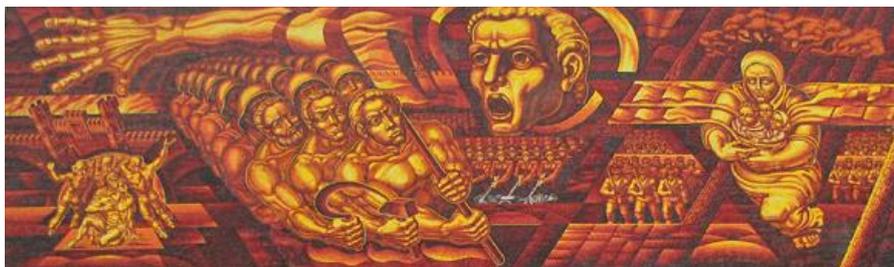
адрозніваецца. Эстэтычнае ўспрыманне гарадской забудовы і гарадской прасторы яе жыхарамі ўплывае на культуру паводзін, на развіццё каштоўнасных арыентацый пакаленняў. Цікавай знаходкай у гэтым сэнсе стаў стрыт-арт, праз які таленавітыя беларусы ўмела ўкараняюць духоўную спадчыну ў паўсядзённае жыццё грамадства.

Можна прасачыць, як стрыт-арт і яго тэхнікі ўплываюць на эстэтычны густ брэстаўчан. Як ставяцца да стрыт-арт жыхары Брэста? Ці спрыяе гэты мастацкі накірунак фарміраванню пачуцця гонару, павагі, любові да Радзімы і беларускай культуры? Каб знайсці адказ на гэтыя пытанні, спатрэбілася вывучыць грамадскую думку, але найперш – устанавіць узровень распаўсюджанасці твораў з прымяненнем стрыт-арт-тэхналогіі ў пагранічным горадзе.

Стрыт-арт (англ. Street-art – вулічнае мастацтва) – накірунак у сучасным выяўленчым мастацтве, адметнай асаблівасцю якога з’яўляецца ярка выражаны урбаністычны характар. Як від мастацтва стрыт-арт на Беларусі стаў развівацца нядаўна: у 2003 годзе вопыт яго прымянення ва ўмовах гарадскога асяроддзя разглядаўся на I Міжнародным фестывалі Meeting of stule ў Гомелі. Прайшло два дзесяцігоддзі, і сёння шмат арганізацый і кампаній хочуць прыцягнуць да сябе ўвагу прыгожымі малюнкамі на фасадах, тым самым неяк выдзеліцца, быць адрознымі ад іншых. Зараз існуе шмат розных тэхнік стрыт-арта, якія ўздзейнічаюць на гараджан, але вызначаюць 5 асноўных: насценны малюнак, постэр-арт, вулічная інсталяцыя, вулічны перформанс і мурал. Распаўсюджанне апошняга, мурала, а таксама яго спрошчанага версіі – індустрыяльнага роспісу (нанясення пэўнай выявы на фасады будынкаў з мэтай іх упрыгожвання) рэзка ўзрасло апошнімі гадамі.

Мурал як тэхніка роспісу будынкаў з’явіўся каля стагоддзя таму ў Мексіцы ў час рэвалюцыйных падзей 1920-х гадоў. Мастакі літаральна рушылі ўслед за заклікам авангардыстаў ламаць існуючыя правілы класічнага жывапісу і выйсці з майстэрняў, каб несці ў масы новае рэвалюцыйнае мастацтва. Улады Мексікі ўхвалілі наватарскі манументальны жывапіс, нават замовілі маладым мастакам некалькі роспісаў грамадскіх будынкаў.

Што да Брэста, то ўдалося ўстанавіць: першымі мураламі ў нашым абласным цэнтры сталі гіганцкія пано, размешчаныя ў 80-я гады XX стагоддзя на фасадах Брэсцкага электрамеханічнага завода і выкананыя ў тэхніцы візантыйскай мазаікі: разам яны складаюць трыпціх “Зямля” (аўтары У. Крываблоцкі і Ю. Багушэвіч).

Тэматыка сучасных выяў на будынках горада вельмі разнастайная. Тэме выражэння любові да беларускай літаратуры і прыцягнення ўвагі да беларускай мовы прысвечаны малюнкі серыі “Вулічныя вершы” з партрэтамі Янкі Купалы

на аднайменнай вуліцы і Максіма Багдановіча на вуліцы Маякоўскага мастачкі Ганны Яцкевіч.

У 2019 годзе пры падтрымцы гарадскіх ўладаў стартаваў яшчэ адзін праект, які ўпрыгожыў сцены брэсцкіх вуліц Гоголя, Камсамольскай і Маякоўскага вершамі беларускіх паэтаў. Ініцыятарам ідэі стаў навучэнец гімназіі №1 Дзяніс Рабчук. Так з’явіліся ўзнёслыя муралы з радкамі Максіма Багдановіча, Генадзя Бураўкіна.

Яшчэ адзін мурал можна разгледзець на набярэжнай Францыска Скарыны: гэта выява велізарнай птушкі, сокала-пустальгі (аўтар Арцём Конт). Грамадская арганізацыя “Ахова птушак Бацькаўшчыны” працягвае ўпрыгожваць беларускія гарады птушынымі мураламі. Птушкі аблюбоўваюць шматпавярховыя будынкі, а ініцыятары нанясення муралаў на фасады дамоў тым самым звяртаюць ўвагу гараджан на праблемы маленькіх сакалят, якія вясной, яшчэ не ўмеючы лётаць, аказваюцца на зямлі, і ім патрэбна дапамога людзей.

Тэме гістарычнай памяці прысвечаны мурал з выявай аднаго з самых вядомых абаронцаў Брэсцкай крэпасці Героя Савецкага Саюза, маёра Пятра Міхайлавіча Гаўрылава. Велізарны мурал плошчай каля 130 квадратных метраў у мікрараёне “Усход”, упрыгожыў сцяну шматпавярховага дома па вуліцы, якая носіць імя героя (аўтары – маладыя мастакі мінскай арт-студыі ALMIRA А. Пармон і К. Кулакоўскі). Ініцыятарам праекта выступіў Расійскі навуковы цэнтр навукі і культуры ў Брэсце.

Старэйшымі ў Брэсце помнікамі арт-стрыт з'яўляюцца надпісы, назвы, шылды магазінаў амаль векавой даўніны, знойдзеныя пры рэстаўрацыі, рэканструкцыі або дэмантажы старых будынкаў у цэнтры горада. Пад тынкоўкай знойдзены старыя надпісы на польскай мове і ідышы. Гарадскія ўлады вырашылі іх пакінуць і абнавіць. Цяпер можна даведацца, напрыклад, дзе ў пачатку мінулага стагоддзя ў Брэсце была цырульня і дзе прадавалі машыннае масла. Мікалай Мікалаевіч Уласюк, галоўны архітэктар горада, паведаміў, што, калі гэтыя надпісы знайшлі, было вырашана іх не замазваць, а паказаць шматслойнасць культуры і гісторыі Брэста.

Яшчэ адной тэмай муралаў, якая аб'яднала шэраг будынкаў у мікрараёне Вулька, стала наша мінулае з выявамі гістарычных падзей і мясцін: Брэсцкай крэпасці, старажытнага Бярэсця, Косаўскага і Мірскага замкаў, Белавежскай пушчы, Грундвальскай бітвы, Брэсцкага вакзала. Гэтыя індустрыяльныя роспісы вяртаюць нас да падзей Вялікай Айчыннай вайны, выхоўваюць пачуццё патрыятызму, нагадваюць жыхарам горада пра захаванне гістарычнай памяці. А ёсць яшчэ выявы, якія расказваюць пра культурную каштоўнасць беларусаў – нацыянальны арнамент з сімваламі сонца, энергіі, красы: яны – своеасаблівы аб'ект у паўднёва-заходняй частцы горада.

Ці уплываюць такія змены на эстэтычны густ жыхароў? Ці патрэбны наогул гараджанам такія змены? Можа іх задавальняе толькі камфортнае пражыванне?

Каб атрымаць адказы на гэтыя пытанні і даць ацэнку значнасці эстэтычнага асяроддзя горада, намі была праведзена анкетаванне [3].

Усяго было апытана 47 чалавек ва ўзросце ад 15 да 78 год, 65% апытаных – жанчыны, 35% – мужчыны.

На першае пытанне, ці ведаюць гараджане, што такое муралы, на наша здзіўленне, больш за палову (53%) не мелі ўяўлення аб тым, што гэта такое.

Дадзены тэрмін выклікаў цяжкасць, і давялося тлумачыць значэнне слова.

Пасля гэтага дадзеныя змяніліся: толькі 30% не сутыкаліся з гэтай з'явай. Астатнія 70% апытаных разумелі, аб чым ідзе гаворка.

Затым мы папрасілі ацаніць фасад дома, у якім яны жывуць. Прааналізаваўшы адказы апытаных, мы атрымалі наступныя вынікі:

25% рэспандэнтаў ацэньваюць фасад станоўча,

60% – нейтральна, 15% – адмоўна.

Стаўленне да выяў на будынку рознае:

17% апытаных аднесліся адмоўна, аргументаваўшы гэта тым, што лепш выдаткаваць грошы на рамонт дома, а не размалёўваць яго;

21% да гэтага ставяцца нейтральна.

І ўсё-такі большасць, 62%, палічылі гэта выдатнай ідэяй: муралы адназначна ўпрыгожваюць горад і прымушаюць задумацца, згадаць пэўныя факты і з'явы жыцця, па-свойму эстэтызуюць гарадское асяроддзе, робяць яго запамінальным.

Спіс выкрыстаных крыніц:

1. Вікіпедыя Стрыт-арт [электронны рэсурс]. Рэжым доступу <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%82-%D0%B0%D1%80%D1%82> – Дата доступу: 11.01.2023
2. Crossarea Стрыт-арт [электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://crossarea.ru/street-art/street-art/> - Дата доступу: 15.01.2023
3. Бяльчук Л.М., Шафаростава Я.И. Вынікі анкетавання.

13. Швед И. А., директор Центра изучения Беларуси в Аньхойском университете; д.фил.н., профессор, профессор кафедры русской литературы и журналистики УО «БрГУ им. А.С. Пушкина» (г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 398

«КАЖДЫ ПО СОБИ? – НЕ!»: О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ, ДОМЕ, ПРОСТРАНСТВЕННОМ МИРЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ ЖИТЕЛЬНИЦ БРЕСТЧИНЫ

Аннотация. В статье³ на полевом материале Брестчины (это в той либо иной степени стереотипизированные женские повествования, зафиксированные в 2020–2022 гг.) прослеживаются семантика и функциональность пространства как

³ Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» ГПНИ на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства (№ госрегистрации 20211451) при финансовой поддержке Министерства образования РБ.

средства моделирования внепространственных (родственных) отношений. Особое внимание уделено рассказам, отражающим идею единства семейного коллектива и его локализации, а также представления жительниц Брестчины о родительском (дедовском) доме. Отмечено, что значимые для семейных рассказов концепты (род, семья, дом), имея непосредственное отношение к пространству, несут на себе дополнительную, существенную для этих рассказов прагматическую нагрузку.

Ключевые слова: Брестчина, повествовательный женский дискурс, семейный рассказ, пространственные категории, дом, род, семья, родственная связь.

Shved I. A., Director of the Study Center Belarus at Anhui University; PhD, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism UO "BrSU named after A.S. Pushkin" (Brest, Republic of Belarus)

«EACH ON HIS OWN? – NO!»: ABOUT FAMILY TIES, HOME, AND THE SPATIAL WORLD IN MODERN FAMILY STORIES OF BREST RESIDENTS

Annotation. The article, using the field material of Brest region (these are to some extent stereotyped women's narratives, recorded in 2020–2022), examines the semantics and functionality of space as a means of modeling extra-spatial relations. The article pays special attention to the narratives, which reflect the idea of the unity of the family collective and its localization, as well as the ideas of Brestchina residents about parental (grandfather's) home. It is noted that the concepts significant for family stories (kin, family, home), being directly related to the space, carry an additional, essential for these stories pragmatic load.

Keywords: Brestchina, narrative women's discourse, family story, spatial categories, home, kin, family, kinship.

Повествовательный женский дискурс регионов Беларуси – динамический процесс коммуникативной деятельности женщин, вписанный в ее традиционный социокультурный контекст, и совокупность текстов-реплик как результат этой деятельности – все еще не стал специальным полноценным предметом исследования белорусской фольклористики. В фокус внимания отечественных исследователей пока не попал ряд аспектов семантики (в том числе акцентирующей пространственные категории) и прагматики женских рассказов, которые можно отнести к семейному фольклору Брестчины.

Исследование повествований, зафиксированных мною и студентами БрГУ имени А.С. Пушкина с помощью средств аудиофиксации (реже – в письменной форме) в Брестской области, и хранящихся в архиве лаборатории «Фольклористика и краеведение» указанного ГУО, позволит уточнить место и роль пространственных категорий, образа дома в традиционной картине мира белорусов (с учетом ее гендерного и реги-

онального аспектов), проследить функциональность пространства как средства моделирования внепространственных отношений, а также охарактеризовать определенные сферы традиционных женских знаний, «жизненные миры», доминанты мировосприятия и нарративные стратегии современных (записи произведены в 2020–2022 гг.; если ранее, то это указывается) жительниц Брестчины. Представленный материал является лишь фрагментом более крупного целого – в большей либо меньшей степени стереотипизированных семейных рассказов Брестчины.

Что касается актуальности исследовательского акцента на пространственных категориях, образе дома в названных повествованиях, то она, среди прочего, обусловлена общим «пространственным поворотом» в современном научно-гуманитарном дискурсе, активизацией исследований в сфере антропологии пространства, интенсивной разработкой «пространственно-центрических» теорий, трактующих человека как «пространственное существо» в связи с решением сформулированных Я. Лейманом и его единомышленниками вопросов о так называемой глубинной природе человека (социобиология), статусе культуры (ее пространственно-центрическая модель распространения), систематике «человеческой выразительности» (жестикуляция) и связанной с этим проблемы культурного релятивизма (включая вариабельность пространственных кодов) нашего социального/пространственного поведения [1, с. 336].

Современные научные и философские направления рассмотрения проблематики пространства различны – это не только отмеченная выше антропология пространства, но и онтология пространства (касается всех сущностей), биология пространства (касается живых организмов), экология пространства, зоосемиотика, социобиология, социология, аксиология и семиотика пространства, часть гуманистической экологии или экологии человека [1, с. 324, 336]. Для фольклористики, использующей междисциплинарные подходы, интересны идеи о том, что «пространство человеческой жизни, во-первых, организовано, а во-вторых, является частью определенной психофизической диспозиции, принадлежащей нашей (глубинной) природе» [1, с. 323], а также оба основные направления изучения пространства человека, которые предполагают реализацию соответственно статического и динамического подходов. «В первом случае объектом изучения становятся все отношения между людьми, группами людей и пространством, которое их окружает. При втором подходе предмет исследования расширяется и включает в себя аспект взаимодействия между группами/ лицами/индивидуумами, “ведущими себя” в определенном пространстве определенным образом. Разделение этой семиотики пространства – используя терминологию Дельсарта и позднее принятой Эко и Холлом – в исследовательской практике соответствует разделению на кинесику и проксемику» [1, с. 333]. В иных категориях семиотика пространства, в том числе представленная в интересующих нас повествованиях, может обсуждаться с точки зрения феноменологии либо/и (при возможности интеграции двух подходов) когнитологии (если пространство трактуется как элемент картины мира с акцентом на мифопоэтических коннотациях). Второй аспект применительно к произведениям литературы глубоко раскрыт Ю. Лотманом. Ряд полученных им результатов применим и к изучению достоверных рассказов различной степени стереотипности («фольклорности»). В частно-

сти, в достоверных нарративах (несказочной прозе), как и в художественных произведениях литературы, пространство может выступать, говоря словами авторитетного московско-тартусского семиотика, конструктивной основой текста, способом моделирования мира, континуумом, в котором размещаются персонажи и совершается действие, формой бытия эстетической действительности, оно также способно реализовывать в тексте различные дополнительные смыслы, значимые для интерпретации этого текста. При этом в наивном восприятии пространство текста и физическое пространство могут отождествляться, и даже когда пространство (Ю. Лотман говорил о художественном пространстве) выполняет функцию моделирования внепространственных отношений, оно «обязательно сохраняет, в качестве первого плана метафоры, представление о своей физической природе» [2].

В теоретико-методологическом аспекте, а также в плане образца изучения в определенной степени стереотипизированных повествований важным является предшествующее данной статье основательное исследование семейных рассказов, проведенное И.А. Разумовой на материале северо-запада России [3]. В нашей работе на ином эмпирическом материале продолжается изучение «пространственных измерений» женского повествовательного дискурса на темы семьи, рода, (родового) дома. Эти ключевые элементы семейных повествований тесно связаны между собой, образуя единство. Исходя из рассмотренных нами текстов, можно утверждать, что дом (и даже хата) в представлениях рассказчиц – это и есть семья. Так, уроженка Вороцевич, отвечая на вопрос о том, в честь кого обычно называли детей, говорит: *«А хто яго знае. Бач, булы колыся і по дві аднаковых імені в хаты»* (Галина, 69 л., Вороцевичи Ивановского р-на).

Единство семейного коллектива и его локализации, единодушно подчеркиваемое многими славянскими исследователями, широко представлено в повествовательном женском дискурсе Брестчины. В этом плане также показательны ответы студенток-первокурсниц на вопросы о том, кого у них в семье принято включать в круг родственников: *«Ну, родственники это те, кто живут с тобою рядом, по-моему это логично»* (Ирина, 20 л., Брест), о том, что такое в их представлении семья (*«Семья в моем понимании – это некое гнездо, в котором все появляются, после чего улетают»*) (Христина, 18 л., Брест), идеальный дом (*«По моему мнению, идеальным домом является тот дом, в котором ты живешь счастливой жизнью, и дело абсолютно не в какой-нибудь мебели, новой либо старой, не в квадратных метрах, а именно в семейном счастье»*) (Христина, 18 л., Брест), *«Идеальный дом – это там, где все твои родные и близкие, которые собрались вместе, что бы отметить какой-нибудь праздник»* (Виктория, 18 л., Брест). Согласно записям Брестской области, как и других регионов, «уровень знаний о родственниках и частота контактов с ними воспринимаются и выражаются в языке в пространственном измерении» [3, с. 124]. Семейный круг сужается (вплоть до родителей и детей: *«В нашей семье принято включать в этот круг только самых близких и родных людей, то есть маму, папу, кровных брата, сестру и самого себя, конечно же»*) (Христина, 18 л., Брест). Акцент на кровном родстве характерен и иным рассказам: *«Я думаю, семья – это самые близкие люди, кровные родственники. В кругу наш... в круг нашей семьи входят, наверное, как и во все семьи, бабушки, дедушки, мама... мамы, папы, братья, сестры,*

дяди, тётки, то есть **все самые близкие, кровные родственники**» (Наталья, 47 л., Жабинка). Часто (но, как следует из приведенного высказывания Христины, не всегда), молодые респонденты в семью включают бабушек и дедушек. Что касается самих бабушек и дедушек, то они всегда считают членами (причем, «основными») своей семьи внуков («Ну, семья – это отец, мать, дети, внуки» (Мария, 71 г., Кривое Село Пинского р-на), «Сем'я – діти для мэнэ всэ, дед, шэ як покуда булы і нашы родітелі, то тожэ, гэта ўсі моі родствєннікы булы, вся наша сем'я, унукуы – гэта **самэ основное – діти і унукуы**» (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на). Во время разговоров на разные темы женщины, имеющие внуков и правнуков, обязательно акцентируют этот факт, могут подробно рассказывать о своих отпрысках и их достижениях (в учебе, спорте, творчестве и т.д.). На стенах, полках обязательно размещены фотографии детей и внуков, отражающие их рост и «социальный успех» (садик, школа, армия, свадьба и т.д.). Для вышедшей замуж женщины семья может сужаться до брачного партнера и ребенка (иногда исключается старшее поколение, даже родители). В высказываниях респонденток может непосредственно подчеркиваться идея изменения «пространства семьи» вместе с изменением их статуса, например: «Ну семья – это те люди, которые, Лия, заботились обо мне с самого детства, кто рос со мной, т.е. прежде всего мои родители, мой брат, мои сестры, тети, дяди, бабушки, дедушки. **Затем моей семьей как бы стал мой муж, его родня, ну и конечно же мои дети**» (мама рассказывает студентке Лие; Брест). Нельзя также не отметить тенденцию (характерную более молодому поколению) определять круг родственников близостью не столько «по крови», сколько «по душе». Так, отвечая на вопрос дочери, женщина 1978 г.р. говорит: «Ну семья – это прежде всего дети, родители, бабушки, дедушки. **А также могут быть в составе семьи, ну, подходить, и далекие родственники, если с ними поддерживаешь хорошие отношения. А могут и не входить близкие, если с ними нет никаких общих контактов**» (Оксана, 42 г., Пинск).

Согласно имеющимся в нашем распоряжении повествованиям, человек через близкое (во всех смыслах) пространство дома (часто трактуемое как социальная категория) входит в «большой мир», учится воспринимать его и действовать в нем, и вместе с тем в этом наиболее освоенном, «своем», уютном, «где всегда ждут», пространстве дома укрывается от негативных проявлений «остального мира». Единение в родительском (дедовском) доме родственников может происходить в течение дня (за ужином или обедом, например, работающие или учащиеся дети нередко приходят на обед к бабушке-пенсионерке), по случаю необходимости коллективной работы (ремонт дома, уборка приусадебного участка и могил родственников). Обязательно собрание широкого круга родственников для участия в «переходных» обрядах (свадьба, похороны, крестины). Впрочем, на вопрос «По каким случаям Ваши родственники собираются вместе?» имеются и ответы типа: «**Их довольно сложно собрать, не помню, когда последний раз они собирались, кроме похорон, все вместе**» (Виктория, 18 л., Брест).

Нередко можно услышать о том, что со временем «из семейного гнезда» разлетаются подростки, семейные связи распадаются, поскольку родственники разъезжаются по всему свету. Вместе с тем о связи родственников, живущих отдельно, опосредованно свидетельствуют «неслучайные совпадения», в

частности, родственники и даже свойственники могут иметь похожие по определенным критериям жилища, например: *«В моем доме повторяется число пять. Моя семья и семья моих тётъ живут на пятом этаже, родители мужа сестры тоже живут на пятом»* (Ксения, 18 л., Брест). Нередко родные помогают друг другу обустроить жилье: *«Буваюць і саветы, а ек жэ, всігда мы саветуемся, як шо нам сделаты чы шото, як шо трэба сделаты кому чы шо, то мы всегда собираемся і саветуемся, як это лучшэ, шоб зробіты. Ото як і крестный получава і квартіру, мы всі собралысь, посоветовалысь, як эта шоб лучшэ зробіты, коб шо хто міг той... собралысь, всё. У нас всігда, мы саветуемся. **Каждэ по собі? – Не!**»* (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на).

Вообще тема проживания родственников в разных населенных пунктах региона и даже других стран, т.е. вдали друг от друга, возникает очень часто в повествовательном женском дискурсе Брестчины (*«Братья и сестры бабушки **разъехались по разным городам и странам**. Многие живут, так же, как и мы, в Пинске, другие остались в Нечатово, или переехали в соседнюю деревню Федоры. Две старшие сестры моего дедушки переехали в Россию, в Калининград. Мама моего папы родилась в деревне Кончицы. Также после свадьбы переехала в Пинск, а в деревне осталась ее сестра. Про дедушку я вообще ничего не знаю, так как он бросил свою семью, создал новую, и поэтому мы никогда не общались»* (Диана, 18 л., Брест). Приведенный текст, среди прочего, характерен отражением типичной ситуации неинформированности детей (внуков) о роде отца (деда), если предки находятся в разводе и ребенок воспитывается матерью (бабушкой по материнской линии). В связи с темой «разлетевшихся по свету» родственников важно указать и на противоположное – центростремительное – их движение в рассказах о генезисе рода, истории (как правило, мифологизированной) его «собирания в пространстве-времени», «докочевывания до актуального хронотопа»: *«Мама и папа родились в Брестской области, так же, как и бабушка. Прабабушка и прадедушка приехали из России... Если верить некоторым источникам, предки наши пошли ещё с Золотой Орды, там было Русское Царство и **докочевали до нашего времени»** (Виктория, 18 л., Брест).*

Наши собеседницы различных возрастов часто утверждают, что связь (особенно в праздничные периоды) между живущими в разных местах родственниками поддерживается по телефону (ранее было принято писать друг другу письма с вложенными в конверт фотографиями «на память»), например: *«Мои родственники живут в других городах и не всегда имеют возможность приехать на праздники, но всегда поздравляют по телефону»* (Ксения, 18 л., Брест). Все родственники особое внимание уделяют предкам почтенного возраста, их юбилейным датам, дням рождения: *«Круглы даты отмечаем всігда, вот у деда було юбілеі: 50, 55, 60, всегда отмечалы, і ў мэнэ отмечалы, венчэлысь, ек було 50 лет деду. **Собіраем всю родню свою – дедову, нашу. Мы всі собіраемся і сідім. Прыежаюць усі діткі і всі внучкі, всі прыежаюць»** (Валентина, 63 г., Сычево Ивановского р-на), *«Обычно вместе мы отмечаем дни рождения друг друга, а особенно день рождения моей прабабушки Валентины Григорьевны. Её день рождения приходится на 2 января (хотя, возможно, она родилась немного раньше, так как в Новый Год ее не пошли регистрировать). На её день рождения**

приезжают все друзья и родственники, звонят знакомые из разных городов и стран. **Именно про ее день рождения помнят все.** Также мы всегда вместе празднуем *Новый Год и Пасху*» (Елизавета, 19 л., Брест).

Родительский (дедовский) дом – место, где рассказчик родился, вырос, где живут либо жили ранее его предки, обычно вспоминается с особым теплом и осмысливается как «настоящий дом». Его образ часто моделируются в личных воспоминаниях о детстве (например : *«Домом детства я считаю свой родной дом, где я прожила 18 лет, пока мне не пришлось уехать учиться. В этом доме меня также всегда ждут, любят и тут хранятся все мои вещи. Моя комната всегда остается нетронутой до моего приезда»* (Ксения, 18 л., Брест). Обращает на себе внимание акцентированная девушкой «нетронутость» ее комнаты, сохранение вещей в «доме детства».

Повествование творческих личностей о «малой родине», односельчанах, предках рода, родительском доме – это и рассказ о своей увлеченности народным искусством, интересах, унаследованных с детства от «малой группы» – семейной и соседской. Так, народный мастер Республики Беларусь Мария Николаевна Кулецкая (из семьи учителей) рассказывает: *«Я родам – это вёска Новосёлкі. Народзілася ў вёсцы Новосёлкі Пружанскага раёна. Во. Ой, вёска была вялікая, а цяпер там некалькі хат засталася. І так шкода, столькі людзей было многа, такіх цікавых, такімі ўсякімі народнымі промысламі займаліся, а мяне гэта было вельмі-вельмі цікава, потому што мяне з дзяцінства якое прывучылі до гэтаго. І бацькі займаліся. Бацько мой любіў плотнічаць, бабуля вязала, вышывала, ну, а мама таксама ўмела шыць, вышываць, вязаць, усё... Гэта ў нас як бы народная творчасць, у мяне з самогосамого дзяцінства, вась. У мяне там, у Навасёлках, былі, вот ну у нас былі суседзі, якія займаліся саломпляценнем, аплекацыю з соломкі. Вось і я ўвесь час люблюся гэтымі палямі жытнёвымі і думаю: “Божа, колькі ж тут можна ўсяго зрабіць з гэтай саломы!” [смеется]. Во і я поэтому я як бы і сею эта жыта, сама сею, потым яго жну <...> Я во ўсіх домах, вот у вёсцы, ну, бачыла от такіе на сцекле малюнкi. Вельмі прыгожыя: вась і голубкі, і кветкі, вась букеты! <...> І выцінанка была, бачыла ў многіх, от тут у шкафчыку, там ілі под іконою, то так [показывает, что в ее доме вытинанка находится в тех же местах, что и в старых домах родной деревни]. Ну просценько вырэзано, но красіво. І на сьвято такую повесят, свеженькіе гэтыя вырэзаныя штучкі. Мама моя тожэ рэзала гэтыя выцінанкі. Ну інцэрэсно это, вэльмі інцэрэсно, вот. Потом ешо тожэ, і на Новы год тожэ гуляння усякіе там тожэ былі, інцэрэсныя. Ну молодёж гуляла, а мы ж дзеці. Еслі я малою ішы тоды была, то я сільно там жэж ну, ну збоку гледзела, наблюдала за гэтым усім. Весело было, весело. Молодэжы было многа, не скажэш, шо зараз. Ужо ў нас совсем дерэўня знікае-знікае... [Усе ўезжают]. Ой, як знаю, так грусно. А так заезжаю [в родительский дом]...» (Мария, 72 г., Пружаны). Как следует из приведенного рассказа, тема «родного гнезда», талантливых предков и односельчан, которые во многом определили жизненный путь, склонности и интересы рассказчицы, тесно переплетена с сожалением о запустении родной деревни, в которую тоскующая по малой родине женщина все равно «заезжает».*

Образ родительского (дедовского) дома часто возникает и в повествованиях об истории рода. В них нередко рисуется идиллическая картина большой, дружной семьи. Особое внимание акцентируется на семейных и календарных праздниках, отмечаемых соборно (семейной, родовой, соседской группой) в доме гостеприимных и уважаемых в округе предков. Эту традицию собирания родственников в дедовском доме длит и молодое поколение, в том числе горожан: *«Мои родственники собираются в основном когда у кого-нибудь день рождения или какой-нибудь праздник, например Рождество <...> Это дом моей бабушки, на все семейные праздники мы там собираемся и отмечаем»* (Виктория, 18 л.; Брест).

Таким образом, родительский (дедовский) дом выступает в качестве организующего центра пространства рода. Единение рода происходит в доме бабушек и дедушек. Если речь идет о сельском доме предков, то туда младшие поколения съезжаются весной, летом, осенью, чтобы, среди прочего, совместно произвести хозяйственные работы. Внуки нередко проводят там летние каникулы, с чем обычно связаны хорошие воспоминания (*«У меня есть родовой дом по папиной линии. Там живут бабушка и дедушка. В этом доме мне всегда рады и всегда вкусно накормят. В этом доме, буквально, проходило все мое детство. В доме всегда убрано и раньше пахло свежими блинами. На стенах висят фотографии детей и внуков моей бабушки. Много растений внутри, и еще больше снаружи. Простенький дом в конце деревни с уютом внутри. Я его посещаю с чувством теплоты и радости, чаще всего летом»* (Ксения, 18 л., Брест)). Мама рассказывает дочери-студентке о дедовском-доме: *«Все детство я проездила туда: помогала по хозяйству дедушке и бабушке, вот, ходила на поля полоть, картошку, буряки, огород тоже полела в детстве, коров пасла, доила. Вот и сейчас ездим к дедушке и к бабушке в деревню. Там живет твоя тетя. Также собирается там мой брат со своей семьей, сестра моя родная приезжает со своими детьми. Там на шашлыки какие-нибудь, встретиться со всеми. У нас очень большая родня. Очень много детей. Ну и как бы в родительском доме мы хороним наших родственников. Мы там как бы прощаемся со всеми»* (Лия, 18 л., Брест). Обращает на себя внимание упоминание похорон и поминок в связи с темой дедовского дома. Очень часто с таким домом, проведенным в нем детством связана ностальгия благодарных потомков: *«Есть у нас дедовский дом, даже два. Один в деревне Лосичи, другой в деревне Нечатово, там прошло наше с братом и с другими двоюродными все наше детство... Ну приезжаем туда... вызывает ностальгию, вызывает чувства благодарности своим дедушкам и бабушкам, желания вернуть все обратно»* (Оксана, 42 г., Пинск). Бабушки рассказывают повзрослевшим внукам истории, связанные с времяпровождением последних в дедовском доме, о следах, оставленных в нем детьми, например : *«Ну я помню як ты мне у комнаты на обоях нарисовала. Я прыхожу, а ты рыбок на стене нарисовала. Я у тебя спрашиваю: “Лица, што это?” А ты говоришь: “Ты што не видишь, эта акварыум, тут рыбки плавают”. Долга мы яшчэ тыя обои не меняли»* (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на).

Именно в фамильном доме родственные семьи собираются на праздники. Особо важна «соборность» семьи, рода и соседской общины в праздники Рождества и Пасхи. Если по каким-то причинам члены этих групп не могут участвовать

в освящении вербочки либо пасхальной пищи, это вместо них делают родные и соседи: *«На Пасху мы всегда святить ездим вместе, а именно: с моим дядей Володей, сестрой Аней, бабушкой Валею (я ее всегда называю бабушка, хоть она мне и прабабушка) и я. Обычно мы берем с собой 3 корзинки – это наша корзинка, корзина для семьи моей сестры, и корзинка нашей соседки, так как сама она не может. И мы всегда ездим в церковь в Брестскую крепость»* (Елизавета, 19 л., Брест).

Говоря о колядовании, уроженка Пинского района считает важным подчеркнуть то, что в доме собиралась вся семья: *«Да поздоровляюць! Поздоровляць, да і ідуць у другу хату... А в хатах ужэ збыралася вся сем'я, да спраўляюць»* (Анна, 84 г., агрогородок Сошно Пинского р-на, переехала из д. Вылазы). Согласно нарративам женщин старшего поколения, в определенные периоды праздничного календаря важно было собраться «всей семьёй, всей раднёй, всем селом» и ритуально пригласить за специально накрытый стол умерших предков(а на Коляды даже стихии), например: *«Ой, у нас Новый год особо не праздновали, а Рождество праздновали родители – очень интересно. Собирались, можно сказать, всей деревней. В гости к друг другу ходили. С самого утра приходили колядоваты детки <...> Всей семьёй, всей раднёй... Всем селом, все соседи. Ну потом друг к другу в гости ходили. Ну весело! Мы колэ зварэм куттю, там нэ тока куття. Эта была получается “Багатый вечер” был. Надо было 12 страв, шоб было, на столе. И колэ 12 страв на столе стоить, и эта куття. Куття всегда смачная была! Туда ложэлы: арешки, мёд. Ну интересно так было. И всё время, всё мама говорила: “Так, прэжди чым садіцца куттю йсты, дывіцца в окошко и говоритэ: ‘Диду Морозэ, ходэ куттю йсты, як нэ прэйдыш на куттю, то нэ прыходь литом на посеы’”. Бо всё говорэлы: “Якшо, нэма мороза зымою, така слякотэ, то будэ мороз, колэ посееш”. Знаеш, бувають заморозки на посеы. Якшо бачыш в окне свое отражение, то значит, Дид Мороз прышов до вас куттю йсты. И вжэ в конце, колы вси пойлы. Попробовали той, пойлы кутти. И вси ставылы ложки, так вот по кругу, в ту куттю вставлялы. И сверху хлебушек. И всё говорэлы: “То всё остаёцца для Диды Мороза, оста... всё нэ дайдайтэ, оставтэ для Диды Мороза”. А куття то смачна була, хотилося чым побольше з'йсты»* (Наталья, 45 л., Брест, переехала из Теклино Камень-Каширского р-на Волынской обл.). Приведенный текст, как и многие другие описания домашних праздников, кроме интересующего нас «пространственного измерения», актуализирует связанные с ним гастрономический, одористический и иные аспекты. Общим местом таких рассказов является акцент не только на ритуальной, сакральной, но и эстетической компоненте. Специально отмечают уборку, украшение дома, иногда эксплицитно либо имплицитно присутствуют указания на заполненность праздничного пространства дома светом, цветом, приятным запахом, свежим воздухом и под, например : *«І Паска у нас харашо пражнавалас тожэ, это такой большой празнік. Ой, тогда вапце, всё в доме убіралі, так і перед Калядамі, всё в доме убіралі, вычышчалі і акошкі перед Паскою мылі, на Рожество тожэ. Мама всё, все занавесочки падсіньвала, крахмаліла, такая красота была м-м-м! Бельё всегда накрахмаленэ, падсінянае было у нас, а перед Паскою тожэ, тогда пост, тогда не так як ичас. Мама всегда пекла пірагі на празнік, якія харошыя, ой*

Боже ты мой! Запекала кумпяка, это окорок по современому, кумпяк. Она обмазывала ў цесто і ў печы запекала. Красілі яйца, тагда красілі только цыбульною шэлухою, луковічную. Якрас мы хаділі по деревне і сабіралі яйца, прыходілі, паздравлялі с Паскою. І нас ўгошчалі яічкамі» (Лидия, 59 л., Минки Березовского р-на). В детских воспоминаниях женщин старшего поколения нередко описывается приятный запах, исходящий от праздничных блюд, которые в печи готовила мама (либо бабушка), и невыдержанность детей, стремящихся их попробовать, несмотря на запрет. Кстати, мотив вкусной еды и приятного запаха нередко появляется в высказываниях молодых респондентов об идеальном доме, например: «Идеальный дом для меня там, где тебя всегда ждут. Там, где наготовлено **и пахнет ароматным зеленым чаем**» (Ксения, 18 л., Брест) (выше отмечалось, что в таком доме стоит запах свежих блинов). Вместе с тем молодежь может высмеивать стремление старших женщин семьи создать «хорошую ауру» в доме, например, с помощью апельсиновых корок: «Моя бабушка не знает особо народную медицину, но у неё есть заскоки в плане того, что она раньше верила [усмешается], что **высушенные апельсиновые корки, если их подкладывать в одежду или спальню, где ты спишь, короче, типо становится [смеется], я не знаю, становится лучше, ощущается какая-то аура или что, или организму живется, короче, легче [смеется]. Это на самом деле весело**» (Ирина, 20 л., Брест).

Особый интерес представляют рассказы о подготовке жилища к Новому году и Рождеству, накрывании стола в советское время дефицитов, неоднозначном отношении к Новому году (приходящемуся на пост) представителей разных поколений и др. Так, вспоминая о домашнем праздновании нового года в 1970–1980 годы, уроженка д. Минки говорит: «Ну так як і все [отмечали], включалі целевізор, гатовілі еду. Канешна, гарошек стараліс, тагда было дастаць калбасу варёнку – эта праблема, гарошек дастаць – праблема, то всё мы закупалі заранее. Маянэз другой раз не хватало, маглі дабавіць места маянеза сметану, но стараліс найці маянэз. А еслі калбасы не палучылася, варылі мяско отварное, не жырнае, резалі меленькімі кусочкамі, хаця он, салат, вот этот алівье, і шчітаеца правільно с мясом, а нэ с колбасою, вот. Агурчкі дабавлялі, алівье, катлеткі, всё гэто мы жарілі. Хаця тада постныя дні былі, бо перед Ражеством! **Мы кушалі, мама старалас такога ны есць, мы – деці – елі.** Саділіс у двенацаць часоў, паздравлялі, глядзелі “Галубой аганёк”, для нас это было тагда очень харашо. Ёлачка гарэла, всё. [А калі елку ставілі? Намнога раней за трыдцать першае чысло?] Ой не, не, мы всё ўбіралі в хаце, всё убіралі, выбівалі, вымывалі, палавікі у нас былі, тагда каўроў нэ было. Всё павысцірвают, эты палавікі віселі на заборах ані у нас, мы іх ткалі с мамою всё. І этаво, **эта всё чысценько вымывалі, вычышчалі.** І ёлачку мы уже наражалі трыццатаво, а то і траццаць первова чісла. Вешалі мы такія ланцужкі, резалі бумагу, красілі обычныя лісты, вот этыя белыя бумагі с цетраді, красілі краскамі, резалі палосачкамі і делалі такіе калечкі, і саедінялі адно с адным, такія былі ланцужкі бумажныя. Потом ешчы з такой бумажкі тоненькой нарезалі по бокам, с одной стараны разрэзалі і з другой, а посередіне такая полосочка роўная. Такія ў нас украшэнія на ёлку былі, это мы заранее іх делалі. Снежынкы вырезалі, ну тожэ с тетраді, з бумагі этой. Маглі цветныя вырызаць, но стараліса беленькая,

хорошчыя былі. І всё... мы ёлку только тогда. І она ўжо у нас стаяла до Крэшчэня, до двадцать первая, по-моему ж Крешчэніе, до этово числа, а тада уже убірали. Патом старый новый год празнавалі чатырнацава числа, то ў нас ешчо ёлка стаяла. Ну і стараліса да двацаць первого, но обычно уже могли после старава новага года разобраць ёлку. Две нелелі у нас ёлка». Далее следует типичное для рассказов представителей страшого поколения сравнение прошлого и настоящего (как правило, в пользу первого): «**Это ны шчас, шо ўже на месяц тая ёлка, нешо открывають тую ёлку, зажігають огні. Не. Ёлка – это Новы год і всё. Оно не надоедало, і дечям было інцэресно, і ждалі, а зарэ вона два месяца горыт, ужэ вона прыесца**» (Лидия, 59 л., Минки Березовского р-на).

В воспоминаниях о малой родине, родительском доме подчеркивается связь с прошлым, позитивно осмысленной традиционной этнокультурой. Как и в записях с северо-запада России [3, с. 128], акцент делается на том, что фамильный дом является собственностью предков либо унаследован от них детьми, а также на таком имущественно-земельном статусе «дедов», который позволял им обеспечивать свои потребности и продолжение рода. Такие воспоминания ассоциированы «с идеей крепости и прочности рода, его устойчивости» [3, с. 128]. Вместе с тем часто подчеркивается, что исторические перепетии, в первую очередь Великая Отечественная война и коллективизация, разрушительно повлияли на дом, семью. Приведем показательный в этом плане пример разговора внучки с бабушкой: «*[Кем были Ваши предки?] Крестьянами, кем были. [А были какие-нибудь помещики?] Ну так помещик твой прадед был, прадед был помещик. [А были дворяне?] Нет, он не дворян был, это самое, у него было очень много земли. Сенокоса много было, скота много было, у твоего прадеда Филипа. **Богачи были, а под старость стал нищим, слепым. Потому что всё, всё забрала забрала советская власть, а война спалила всё.** Приехали на голую землю без ничего. И везли, это самое, в Германию их же были угнали. То хорошо, шо твой прадед да с твоей прабабушкой, они в Германию ни уехали, потому шо по дороге, када их гнали в Германию, кобыла была беременная. И твой прадед попросил немца, шо вот кобыла рождает и можно мы съедем в эту сторону. А он гон... говорит: “Съезжайте”. “А кобыла рождает, как же нам ехать”. А он показал: “Съезжайте в сторону”. Они съехали в сторону, да вернулись назад в деревню. Да это самое, да хоть уже засеяли ещё поле, ещё ж урожай кое-какой собрали. **Землянку какую-то сделали. Потому шо дом же спалили.** Да уже и приехали эти, уже твои прадед и прабабушка, и вже прадеда дед, то есть брат с семьёй, да хоть было уже им шо кушать. Потому шо приехали – да нечего ни кушать. Люди как бедствовали после войны, када ничего не было. Ходили милостыню просили. Работали за кусочек хлеба, шоб давали» (Мария, 70 л., Кривое Село Пинского р-на). Часто подчеркивается, что фамильный дом был построен дедушкой либо отцом. Нередко указывается, что при его возведении и обживании были соблюдены все предписания традиции, направленные на обеспечение благополучной жизни домочадцев, например, «*прыносялы мурашных (символ изобилия – И.Ш) на місце, дэ хотілы построіты нову хату*» (Галина, около 80 л., Огдемер Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.), в углах постройки находились монеты (студентка показала нам монеты, которые ее родители обнаружили при перестройке дедовского дома), угольки, освященные*

травы и др. Младшее поколение из рассказов предков знает, что при заселении в дедовский дом в него первой входила бабушка с иконой (либо были запущены кот или петух).

Жительницы села довоенных годов рождения часто акцентируют факт того, что они живут в доме, построенном родителями мужа либо самой молодой (во время постройки) семьей. От них об этом знают потомки: «Мои дедушка и бабушка жили в одной деревне. Познакомились там. Поженились там. И прожили там всю свою жизнь. **Вместе строили дом**» (Наталья, 47 л., Жабинка). В этих домах женщины часто «доглядалы» пожилых родителей и свекров («*От мы строились, я со своим построилась, бабу Аню привозили сюда, она в 61 году умерла...*» (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на). Но, несмотря на десятилетия жизни в «мужевом» доме, своим женщины часто называют дом своих родителей, который нередко расположен в этой же либо соседней деревне и который при удобном случае они стараются посетить. (Иногда они сами переходят жить в старый родительский дом, а дом, построенный с мужем, оставляют повзрослевшим детям.) Даже если с возрастом нет сил самостоятельно добраться до родительского дома (или оставшегося только старого сада и под.), при случае женщины просят детей и внуков свозить их туда, а также на могилы предков. Если состарившиеся бабушки живут в городе с детьми, на праздники их везут в родные места, к родственникам, оставшимся в деревне. Так, внучка-студентка спрашивает у своей бабушки о том, по каким случаям их семья собирается вместе, на что женщина 1935 г.р. отвечает: «*Ну тока шо в деревню ездим, там и собираемся, до Валерки, а больше некуда. Вот Проводная была, перед Пасхой. Отмечали. Да и так, зараз 22 мая Микола, тоже праздник, все отмечали. То тапура в честь гэтай болезни никто не ездит. А так...*» (Валентина, 85 л., Малые Мурины Каменецкого р-на). В приведенной записи, как и ряде иных, женщина с сожалением говорит о невозможности поездки в деревню в связи пандемией COVID-19. (Попутно заметим, что жительницы села в 2020 г. просили более молодых односельчан помочь им по хозяйству, чтобы дети не ехали к ним из города (это могло послужить распространению инфекции.)

Но «есть определенные периоды в жизни родственного коллектива, когда после смерти стариков и/или утраты дома, который выполнял роль центра, представление о «родине» становится мемориальным. Туда изредка совершают символические поездки (а чаще говорят о том, что “надо бы съездить”), привозят землю от “родного очага”. В городе “дедовские” или “родительские” дома показывают детям, внукам» [3, с. 126]. Согласно имеющимся у нас записям, на Брестчине известны подобные представления и практики (нами не зафиксирован только привоз земли от “родного очага”»).

Иногда пожилые люди высказывают опасения, что не успеют перед смертью «съездить домой» – в родительский дом, место, сохранившее связь с умершими предками. В поминальные периоды календаря на могилы предков съезжаются и «городские дети». Студентки рассказывают также, что посещают с родителями даже заброшенные лесные кладбища, где похоронены их предки, причем этому не мешает то, что не только «дедовского» дома, но и самой деревни (либо хутора), а также хорошей дороги в данный момент не существует. На телефонах у

молодежи нередко хранятся фотографии кладбищ, дороги к ним, а также местности, где когда-то стоял дедовский дом (о котором им обычно рассказывают родители).

Студентки также нередко вспоминают о таинственности дедовских домов или рассказывают о бабушкином «укромном уголке», если она живет в доме детей, иногда не понимая бабушкиных занятий, в частности, связанных с рассмотрением фотографий с покойными родственниками (носителей традиции, в которой смерть была «приручена», запечатленный похоронный обряд несколько не смущает): *«Не понимаю логику своей бабушки. Я часто вижу, как она пересматривает фотографии родственников в гробу. И я никогда не понимала, зачем фотографировать, и уж тем более хранить такие ужасные фото. Хранит она их на самом высоком шкафу в доме»* (Елизавета, 19 л., Брест). Иногда девушки повествуют о мистических историях, связанных с дедовским домом, страхах, пережитых в нем. Изредка это ассоциируется с «непонятными методами народной педагогики». Например, одна из студенток рассказывает, что, будучи маленькой, она боялась ночевать в деревенском доме «сильно верующей» бабушки из Ивановского района, поскольку та, видя, что внучка не накрылась полностью одеялом, грубым голосом (демонического персонажа) говорила: «Так, мясо е, ножа ныма». Шла на кухню, громко топая ногами, и возвращалась с ножом. Видя накрытой с головой девочку, говорила: «Так, тэпэр нож е, а мяса ныма» (Брест). Впрочем, подобные фольклорные формулы фигурируют и в других контекстах (наполненные иным содержанием, они могут быть вложены, например, в уста водяника, ищущего жертву). По сей день можно зафиксировать имеющие мифо-ритуальные корни повествования об опасности необжитого жилища и правилах его ритуального обживания, освящения, а также «страшные» рассказы о присутствии в доме потусторонних сил, «домовых», враждебно настроенных (даже смертоносных) духов, генетически связанных с бывшими хозяевами дома, которые занимались колдовством, трагически погибли либо были насильно выселены, и поэтому проклинали дом. Вместе с тем «домовый» может оберегать дом: *«Кажуть, шо в каждыі хаты е домовый, который обырыгае еі од нычогого, од зла, од нычыстыі сылы. Усі говорать, шо гэто старэнькій, маленькій, сывэнькій дідочок»* (Наталья, около 70 лет, Вавуличи Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.).

Активно разрабатываемой темой по сей день остается нелегитимизированное проникновение в дом различных существ из «чужого мира». Это могут быть такие «вестники беды», как птицы, бьющиеся в окно, влетающие в форточку, насекомые, появляющиеся в доме, спускающиеся вниз (либо черные) пауки, показывающиеся (во сне либо наяву) под окнами дома белые либо черные животные (корова, свинья, курица). Настораживают рассказчиц и увиденные во сне картины проникновения в дом негативно осмысленных персонажей, например: *«Ну бы як звонок у дзверы, а дале бы нехто стукае, а я дзверы бы як открываю, і заходзіць у хату негр к нам. І на мэне кагэ: “Дайце мне бельё”. Ціно посцельное бельё ў мэне просіць. А я бы як гоню яго з хаты ды кагу: “Отчаниса, зчэзні з мое хаты, у мэне нема для цебэ чыстогa белья!” А он бы як такі стоіць, улыбаецца мне той негр. А потом я бы крычу на яго. Он бы вышоў, а я скорэй “хлоп”, і замкнула. І от я на рабоце расказваю одной жоночыне: “Некі, кагу,*

мне сон странны присніўса, не знаю, шо это такэе”. А она кагэ: “Я то в гэтых снах не разбіраюса, але то ў нас, кажэ, трохі Ліда, трохі в снах разбіраецца, але она, ка, не вэльмі хочэ расказваць. Ты, ка, ёй раскогі, попытайса ў ёе”. Я ўгэ да той Ліды, пытаюса. А она мне ўгэ кажэ: “Оля, гэто плохі сон, кажэ, гэто нешо, гаворыць, недобрэе будзе. **Чорны мужчына – гэто недобрэ, гэто бы як знак смерці.** Але, кажэ, оно і скоро, ка, той сон збудзецца, кажэ”. І точно, мо чэрэз дней два Толя [родной брат расказчыцы] звоніць і кажэ: “Оля, Грыша дзядзькоў Кастусеў погіб. Машына падбіла”. Вот тебе і пожалуста. Та жоночына, ка, в снах добрэ разбіраецца, она не вэльмо хочэ людзям разгадваць да расказваці. Вот шчо» (Ольга, 45 л., Барановичи, переехала из Ракитно Лунинецкого р-на, зап. в 2017 г.). Приведенный текст показателен также тем, что разрабатывает стереотипный мотив «человек получает знак о скорой смерти родственника». Возможны и позитивные предзнаменования о желанной встрече живущих далеко друг от друга родственников, например: «*Есть, Лия. Есть такие сны, которые и мне снятся и в моей родне. Вот допустим, если кровь приснилась, то это значит, что приедет дальний родственник издалека*» (мама рассказывает дочери; Брест). Прагматика повествований, реализующих идею как позитивного, так и негативного предзнаменования касательно родных людей, связана с актуализацией идеи сильной родственной связи. Отметим также, что не все наши собеседницы (особенно молодого поколения) верят в приметы («*О сбывшихся приметах постоянно рассказывает и говорит моя мама. Тип, она очень суеверный человек, и верит абсолютно во всё. То есть в плоть до того, если тебе в окно врежется птица или постучит в э... окошко, значит, кто-то умрет. И один раз у нас совпал такой случай, и с тех пор она абсолютно во все верит. И это на самом деле и смешно, и грустно, и [усмехнулась] плакать хочется*» (Ирина, 20 л., Брест).

Отдельной широко разрабатываемой темой по сей день выступает явление в доме покойных предков. Среди прочего, они дают о себе знать шагами в доме, стуком дверей, печной утвари, посуды, отключением электроэнергии (гаснет свет, выключается телевизор, перестает заряжаться и падает телефон и под.), либо срабатывает дверной звонок, а в глазок никого не видно. Приходя во сне, «мёртвые рода» советуют, как решить проблемы, связанные с домом и хозяйством, недостатчей денег, предупреждают о пожаре и под. Вместе с тем, умерший (особенно насильственной смертью) может досаждать живым домочадцам так, что они вынуждены ночевать в других домах либо вовсе покинуть «нехороший» дом. Обычно сны о том, что умершие приходят в дом, рассаживаются вокруг стола, зовут и уводят с собой кого-то из живых и под., трактуются как предвестие смерти. Разрушение дома или его значимых частей (во сне либо наяву), постройка нового дома (во сне) также интерпретируются как знак скорой смерти кого-то из родственников, что обусловлено древними представлениями об изоморфизме человека и дома, связи дома с домочадцами и различными особенностями его мифопоэтического осмысления. Например: «*Моя мама рассказывала, что когда умер мой дядя, его жене (в эти дни и после смерти) пытался дозвониться один их хороший друг. Но она сначала не брала трубку, а потом всё же ответила. Он сказал (ещё не зная ничего о смерти), что что-то должно случиться плохое, потому что ему приснился сон, в котором он стоит в каком-то*

доме и вдруг обваливается комин (в печи). Она сказала, что умер дядя и уже похоронен. Потом мама мне рассказала, что, если снится сон, в котором дом, а в доме что-то рушится, то это к смерти. Однажды женщине приснился дом, в котором рухнула стена, и очень скоро у неё умер сын» (Анастасия, 19 л., Здитово Березовского р-на). *«Када дом разрушається, то плохо – распад семьи получается. Выход со двора – то то не хорошо, де-та уедешь, уйдёшь куда-то»* (Мария, 70 л., Кривое Село Пинского р-на). Даже просто увиденный во сне (интерпретированном как вещей) дом может сулить неприятность: *«По рассказам моей бабушки, дом снится не к добру»* (Виктория, 18 л., Брест). Вместе с тем в «реалистических» снах женщины могут видеть в деталях (включая шторы, покрывала и под.) свое новое жилище (квартиру).

Современные рассказы о различных обрядах свидетельствуют о том, что статус дома и семантика его «неоднородно-вместительного» антропоцентрично осмысленного пространства ситуативны и изменчивы в соответствии с конкретным ритуальным контекстом. Это выразительно проявляется в описании обрядов, связанных с рождением, браком и смертью человека, с ситуацией ухода из дома его жильца на долгий срок, например, в армию. До сегодняшнего дня дожили запреты и их мотивировки типа: *«Хату ны можна подмітаты, колы у хаты покойнік, і колы хтось з своїх куды-нэбудзь поіхав, шоб він хучій вырнувся назад дохаты»* (Наталья, около 70 лет, Вавуличи Дрогичинского р-на, зап. в 2009 г.). Девушка сообщает: *«Раньше говорили, что разбитая посуда к счастью. Или что нельзя подметать и мыть пол, если человек едет в дороге. И через порог передавать нельзя»* (Ксения, 18 л., Брест).

Связь человека с домом довольно сложна и вариативна. Так, согласно рассказу жительницы деревни Дрочево Малоритского района о насылании порчи на ребенка, его ночной плач происходит только в доме, под окно которого «знающей» была вылита вода после обмывания другого плакавшего ребенка. Когда же ребенка уносят в другой дом (дедушки и бабушки), он там спит нормально: *«Ну як, вот як, тобі робяць, допустім. Вот як Алёна [дочь рассказчицы] наша малая була, я тобі роскажу, в тваі хрышчонкі Зоя [дочь крестной студентки, опрашивающей свою мать] була маленькая, а в таі бабы Марусі [жительница деревни] свыкруха, вона понімала [владела «знанием»]. І тая баба Ніна Зоіна, ну прабабка ііі, Зоі, прабабка Зоі, Эдікова баба, о, твого хрышчонця баба по хрышчонкі, она понімала. І от, була в манэ малая Алёна і онэ лынулы воду, тую, шо дытэну помэлы, і от, допустім, і лынулы воду **под укно**... І от іхняя Зоя спала, а наша Алёна крычела крэком. І заіду в Оріхово до бабы Каті [мать рассказчицы] – малая спэць хоть бы шо. Я дажэ і спала, высыпалася, а прыіду сюдэ... А батько шэ й покойный як той раз напэвся, то шэ й выганев мына: “Ідэ...”. Знаеш, я ж матюком ны буду казаты <...> То батько гонэв мына: “Йідь кудэ хоч! Мэні нада спаты”. Я кажу: “А як тэ хотів, малая...” “Кудэ хоч ідэ, чого она в Оріховы спэць, а тутыка ны спэць!” Кажу: “Попытайся, чого она спэць, а чо ны спэць...” І потом я худэла в Оріховы, там бабка була, э... такая тожэка. Она кажа: “Ала, возьмэ трэ уголька і зробы воду в стакан двесьтіграмовый набырэ...” Она мэні проделала і показала на будушчое. І кажа: “Знай, в кажды, скіко куточків в хаті, мовчкі прынысэ водэ з колодця, ны до кого ны озывайся” І кажа: “Зробэ тое... малэй. А як шэ будуть діты в тыба,*

зробэ то, як хто шо зробіть”. І пасля того, як она мэні прodelала так, і сразу малая стала спаты в Дрочывы, Алёна. А так я йіздыла до бабы... і дід колыхав, і баба Катя [родители рассказчицы] колыхала. Зробяць онэ порчу такую, ны дай Бог» (Алла, 49 л., Дрочево Малоритского р-на). Таким образом, «испорченным» может представляться не только ребенок, а и сам дом, под окно которого была принесена вода. Соответственно нейтрализация порчи и возвращение нормального состояния ребенку, живущему в доме, предполагает ритуальную апелляцию к его углам и, возможно, коммуникацию с духами, в них локализованными.

В заключение отметим, что значимые для семейных рассказов концепты (род, семья, дом), имея непосредственное отношение к пространству, несут на себе дополнительную, существенную для этих рассказов прагматическую нагрузку, связанную с утверждением «коллективной» идеологии «малой группы» и ее единением. Приведенные и подобные им женские повествования могут послужить дальнейшему рассмотрению (с применением гендерного подхода) человека как пространственно-временного, социального («семейного»), символического и повествующего существа. Все эти аспекты нашей организации эксплицитно либо имплицитно представлены в рассказах, которые могут быть интерпретированы как самостоятельный феномен вернакулярной культурной традиции Брестчины, продуктивное явление речевой практики ее жительниц, которое находит воплощение в совокупности относительно устойчивых текстов, реализующихся в процессе внутрigrупповых и внегрупповых контактов, в том числе с интервьюером.

Список использованной литературы:

1. Lejman, J. Człowiek a przestrzeń – przebywanie w przestrzeni (o filozofii «spacjocentrycznej» uwag kilka) / J. Lejman // *Wschodni rocznik humanistyczny*. – 2013. Т. IX. – С. 323–337.
2. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 251–292.
3. Разумова, И. А. *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История* / И. А. Разумова. – Москва: Индрик, 2001. – 376 с.

Научное издание

БРЕСТЧИНА СКВОЗЬ ВЕКА К СОВРЕМЕННОСТИ

Коллективная монография
Ч. 1.

*Текст печатается в авторской редакции,
орфографии и пунктуации*

Ответственный за выпуск: Жигалова М. П.
Редактор: Митлошук М. А.
Компьютерная вёрстка: Вашкевич Ю. А.

Издательство БрГТУ.
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.,
№ 3/1569 от 16.10.2017 г.
Подписано в печать 19.05.2023 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага «Performer». Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 13,25. Уч. изд. л. 14,25.
Заказ № 534. Тираж 100 экз.
Отпечатано на ризографе Учреждения
образования «Брестский государственный
технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-586-7

